

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 20. № 4

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Деловые документы XVIII века в лингвистическом аспекте»

“Official Documents of the 18th Century in the Linguistic Perspective”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 20. No. 4

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

Том 20. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021

Volume 20. No. 4

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021. Vol. 20. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

“Official Documents of the 18th Century in the Linguistic Perspective”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Vovodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapol'skaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, E.A. Agarkova*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing July 13, 2021.

Date of publication Dec. 16, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.2. Published pages 18.5.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–31).

Order 175. «C» 30.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021. Т. 20. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Деловые документы XVIII века в лингвистическом аспекте»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов:
О.С. Волкова, Е.А. Агаркова

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 13.07 2021 г.
Дата выхода в свет 16.12 2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,2.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31).
Заказ 175. «С» 30.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Горбань О.А., Косова М.В., Шептухина Е.М.*
Структурная разметка деловых документов
в диахроническом лингвистическом корпусе:
проблемы и решения 5
- Трофимова О.В., Петрухина А.В.* Лечебники
XVII–XVIII вв. из сибирских архивов:
структурно-грамматический аспект 19
- Руднев Д.В., Пушкарёва Н.В.* Регламенты
петровского времени в аспекте императивности 36
- Попова Л.В.* Этнолингвокультурная специфика
русского официального концепта «суд»
эпохи европеизации 50
- Сусеева Д.А.* Морфологические явления
в калмыцком языке XVIII в. (на материале языка
документов Национального архива
Республики Калмыкия) 64

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Ребрина Л.Н.* Семантика вражды:
обозначения агрессивного субъекта
в современной интернет-коммуникации 74
- Щукина Д.А., Степанова Л.Ю.*
Отражение природных кодов
в индивидуально-авторском стиле П.П. Бажова
(на примере концепта «золото») 91

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В.* От 3 до 5:
прагматические функции
детских переключений кодов 102
- Кононова И.В., Мельничук Т.А.*
Аксиологическая составляющая американского
предвыборного дискурса в динамическом аспекте ... 113
- Мокшенко В.М., Никитина Т.Г.*
Восточнославянские параллели и уникалии
в трехязычном аксиологическом словаре пословиц ... 126

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Шевченко Е.М., Прохорова О.Н., Чекулай И.В.*
Когнитивные механизмы номинации растений
в английском языке 137
- Фесенко О.П., Пушкарёв В.А.*
Концепт «Бессмертный полк»
в языковом сознании подростков 148

ДИСКУССИИ

- Савицкий В.М.* Континуальный характер иерархии
языковых уровней 158
- Руберт И.Б., Киселева С.В., Миронова М.Ю.*
Перевод многозначных и синонимичных терминов
английского языка: возможности
когнитивного подхода 170

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M.*
Structural Markup of Official Documents
in Diachronic Linguistic Corpus:
Problems and Solutions 5
- Trofimova O.V., Petrukhina A.V.* Medical Books
of the 17th–18th Centuries from the Siberian Archives:
Structural-and-Grammatical Aspect 19
- Rudnev D.V., Pushkareva N.V.* Regulations
of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness 36
- Popova L.V.* Ethno-Linguo-Cultural Specificity
of Russian Official Concept “Court”
in Europeanization Era 50
- Suseeva D.A.* Morphological Phenomena
in the Kalmyk Language of the 18th Century
(Exemplified by the Documents of the National Archive
of the Republic of Kalmykia) 64

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Rebrina L.N.* Semantics of Enmity:
Aggressive Subject Naming
in Modern Internet Communication 74
- Shchukina D.A., Stepanova L.Yu.*
Representation of Natural Codes
in the Individual Author’s Style of P.P. Bazhov
(Exemplified by the Concept “Zoloto” (“Gold”)) 91

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Chirsheva G.N., Korovushkin P.V.* From 3 to 5:
Pragmatic Functions
of Child Code-Switching 102
- Kononova I.V., Melnichuk T.A.* Dynamics of Values
in American Election Discourse 113
- Mokienko V.M., Nikitina T.G.*
East Slavic Parallels and Singularities
in the Trilingual Axiological Dictionary
of Proverbs 126

MATERIALS AND REPORTS

- Shevchenko E.M., Prokhorova O.N., Chekulay I.V.*
Cognitive Mechanisms of Nominating Plants
in English 137
- Fesenko O.P., Pushkarev V.A.*
Concept “Immortal Regiment”
in the Linguistic Consciousness of Teenagers 148

DISCUSSIONS

- Savitsky V.M.* Continuity of Language Levels
Hierarchy 158
- Rubert I.B., Kiseleva S.V., Mironova M.Yu.*
Translation of Polysemous and Synonymous Terms
of the English Language: The Possibilities
of a Cognitive Approach 170

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>

UDC 211.161.1(091)

LBC 81.411.2.03

Submitted: 26.02.2021

Accepted: 11.05.2021

STRUCTURAL MARKUP OF OFFICIAL DOCUMENTS IN DIACHRONIC LINGUISTIC CORPUS: PROBLEMS AND SOLUTIONS¹

Oksana A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena M. Sheptukhina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The research relevance is determined by the need to annotate official documents of Don Cossack Host written in the middle of the 18th century and kept in “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” archive fund of the State Archive of the Volgograd Region (SAVR, fund 332, inventory 1), so as to compile a linguistic corpus. The authors characterize the problems of the deposited documentary text structural division. These difficulties occur due to the specifics of the form, the dynamics of genres and the syntactical peculiarities of business communication in the middle of the 18th century. It is revealed that the complexity of documentary text division depends on the degree of its narrativity. The choice of a structural-semantic segment that coincides with a sentence or several closely connected sentences as a layout unit is motivated. A complex method of document segmentation for the structural markup is justified. The approach is based on genre parameterization of documents and their syntactic segmentation. It has been established that the segment boundaries can be indicated by the complex of graphic symbols, speech formulas that perform the function of details of payments, lexical and grammatical means. As a result of the study, it has been shown that the succession of procedures implemented for text segmentation, and targeted at genre and speech organization of the document identification, makes it possible to present in the diachronic corpus the information, which is necessary and sufficient for the user to conclude about the properties of the document text and its units.

Key words: history of the Russian language, document, Don Cossack Host, linguistic corpus, structural markup, genre, text segmentation.

Citation. Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M. Structural Markup of Official Documents in Diachronic Linguistic Corpus: Problems and Solutions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 5-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>

**СТРУКТУРНАЯ РАЗМЕТКА ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОРПУСЕ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ¹****Оксана Анатольевна Горбань**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Михайловна Шептухина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью проведения структурной разметки документов Войска Донского середины XVIII в., отложившихся в фонде Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (ГАВО, ф. 332, оп. 1), с целью создания лингвистического корпуса. Авторами охарактеризованы проблемы осуществления структурного деления текста документов фонда, обусловленные спецификой формуляра, динамикой жанров и особенностями синтаксиса деловой речи середины XVIII столетия, выявлено, что сложность членения документного текста зависит от степени его нарративности. Мотивирован выбор в качестве единицы разметки структурно-смыслового сегмента, объединенного микротемой, совпадающего с предложением или представляющего собой цепь тесно связанных предложений. Обоснована комплексная методика членения документов для их структурной разметки, базирующаяся на жанровой параметризации документов и их синтаксической сегментации. Установлено, что показателями границ сегментов могут выступать в совокупности графические символы, речевые формулы, выполняющие функции реквизитов, лексико-грамматические средства. В результате исследования показано, что совокупность ряда процедур по сегментации текста, ориентированных на жанровую и речевую организацию документа, позволяет представить в диахроническом корпусе необходимую и достаточную для пользователя информацию о свойствах текста документа и его единиц.

Ключевые слова: история русского языка, документ, Войско Донское, лингвистический корпус, структурная разметка, жанр, членение текста.

Цитирование. Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>

Введение

Одной из актуальных задач языкознания в настоящее время стало создание лингвистических корпусов, что предполагает определение принципов представления источников в электронном формате, способов разметки текстов документов, выбор программных средств их машинной обработки и реализации в электронно-поисковой системе.

Рассмотрение этих и других вопросов применительно к диахроническим корпусам сопряжено с рядом дополнительных трудно-

стей, обусловленных спецификой исторических источников, их языка и связанных в первую очередь со структурной разметкой, для проведения которой нужно обосновать процедуру сегментации текста, то есть его членение на необходимые и достаточные сегменты, релевантные для компьютерной обработки текста, позволяющие пользователю определить лексические, грамматические и иные свойства изучаемых единиц. Цель настоящей статьи – представить методику сегментации текстов деловых документов середины XVIII в. для их структурной разметки.

Материал и методы

Реализуемый в Волгоградском государственном университете проект, некоторые результаты которого отражены в данной статье, направлен на создание лингвистического корпуса официальных документов XVIII–XIX вв. Войска Донского, отложившихся в фонде Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (ГАВО, ф. 332, оп. 1). Фонд включает 158 единиц хранения, содержащих документы 1734–1836 годов. Это подлинники, копии, дубликаты, черновики документов разных жанров. Специфика машинной обработки текстов определяется особенностями этих документов.

Структурная разметка предполагает деление текста на главы, абзацы, предложения. Сложности такой сегментации связаны с особенностями построения и синтаксической организации текстов документов середины XVIII века.

Построение текста документа во многом обусловлено его жанровой принадлежностью. Поэтому первоочередной задачей является идентификация жанра документа, что в современном документе возможно сделать с опорой на его формуляр, то есть набор реквизитов. Однако в исторических документах реквизиты, как правило, графически не выделены, у многих документов отсутствует самоназвание, а динамика жанров ослабляет их релевантные признаки. Как отмечает И.С. Герасимова, объемно-прагматическое членение текстов документов в этот период только формируется, в целом же они «представляют собой нерасчлененное единство с тесными когезивными связями» [Герасимова, 2020, с. 4–5] (см. также: [Герасимова, 2019]).

Композиционно исторические документы, вследствие свойственной им тенденции к стандартизации, однотипны в рамках одного жанра, что позволяет использовать методику параметризации текста, представляющую параметры жанра в виде модели.

Вопрос о жанрах является одним из дискуссионных в науке. Существуют разные подходы к их изучению – традиционный (связанный с исследованием жанров художественной литературы), функциональный, коммуникативно-дискурсивный, когнитивный [Ильинова

2006, с. 10–11]; предлагаются различные их классификации и методы установления жанровой принадлежности [Белоконева, 2011; Гальперин, 2007; Косова, 2015; Плигина, 2012; Ромашова, 2014; Стилистический энциклопедический словарь..., 2006, с. 56–88], в том числе на историческом материале [Качалкин, 1988; Трофимова, 2002; и др.].

Описание жанра через моделирование уже используется в лингвистике. В частности широко известна модель речевого жанра, представленная в работах Т.В. Шмелевой (см., например: [Шмелева, 1997]). Исследователь выделяет семь конститутивных признаков, учитывая экстралингвистические факторы, которые влияют на формирование речевого жанра. Все перечисленные признаки находят свое выражение в языковых единицах.

По отношению к документному тексту эта модель получила уточнение [Горбань и др., 2016]: предложена типовая модель жанра документного текста, основу которой составляют такие параметры, как «функция», «адресант», «адресат», «характер передаваемой информации (информация)», «структура», «модальность», «пространство», «время», которые взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое.

Модель отражает, во-первых, связи параметров, которые могут быть обязательными, сильными (например, связь параметров «адресант», «адресат» и «функция», «функция» и «информация», «информация» и «структура», «пространство» и «время», «информация» и «пространство») и факультативными, слабыми (например, связь параметров «адресант», «адресат» и «пространство», «структура» и «время», «функция» и «пространство»), а также прямыми и опосредованными; во-вторых, иерархию параметров (в документах мы выделяем 3 уровня иерархии, определяющие значимость параметров как жанрообразующих элементов) [Косова, 2017].

Параметрами первого уровня иерархии являются «адресант», «адресат» и «функция»; ко второму уровню относятся параметры «информация», «структура» и «модальность»; к третьему – «пространство» и «время». Жанрообразующими представляются параметры первого уровня: функция документа, особен-

ности субъектов коммуникации – их интенции, социальный статус – детерминируют характер передаваемой информации, организующую композиционно-содержательную структуру текста и доминирующую модальность.

Таким образом, параметризация текста, предполагающая оценку совокупности параметров, их специфики и речевой репрезентации, позволяет идентифицировать жанровую принадлежность документа, которая в общем виде определяет структуру текста, в первую очередь его композицию и формуляр, образуемый реквизитами или речевыми единицами, выполняющими функции реквизитов. Эти речевые единицы могут быть различной длины – от одного слова до предложения, и в наши задачи входит выделение таких единиц.

Структурное членение текста документа осуществляется также посредством синтаксической сегментации.

Определяя единицу сегментации, мы принимаем во внимание тот факт, что однозначно установить границы предложений в текстах середины XVIII в. не всегда представляется возможным. Это обусловлено, с одной стороны, непоследовательным употреблением знаков препинания, их полифункциональностью, отсутствием единого знака, маркирующего границу предложения, а с другой – синтаксическими особенностями письменной речи.

Среди синтаксических особенностей литературного языка XVIII в., в том числе делового языка, который формировался как один из функциональных стилей, исследователи отмечают значительную длину предложения и периода, активность разнообразных осложняющих конструкций; разнообразие и неорганизованность синтаксических форм, вызванную борьбой старых и новых норм, смешением книжных и разговорных элементов, влиянием иностранных языков; синтаксическую и семантическую контаминацию, недифференцированность приемов сочинения и подчинения, нагромождение союзов, свидетельствующее о логической нерасчлененности речи; идущую от разговорной речи «неорганическую фразу» (А.И. Горшков), незамкнутую, открытую, с отступлениями, и др. (см.: [Виноградов, 1982, с. 71–72, 77; Горшков, 1982, с. 44–58; Синтаксический словарь..., 2017, с. 12–20, 37–51; и др.]).

Эти особенности отмечены и в нашем материале, в том числе:

– характерное для старого делового языка «нанизывание» при помощи союзов *и, а, да, но* тесно связанных по смыслу предложений, включавших также подчинительную связь, например,

доношение:

В проездъ его высокородия господина воисковаго атамана Данила Ефремовича чрезъ нашу станицу **и** мы покорнѣишия ѿ жившихъ в нашей станицы бѣс опредѣления са нѣкоторыми имеющими их невозможности представляли **а** на пред сего ѿны случившимъ здесь ѿ Воиска Донскаго старшинамъ для перѣписеи были явлѣны токмо са показаньями их **и** его высокородие при доношени прикасал намъ покорнѣишимъ их прислать для рассмотрения в Черкаскои **а** са невозможности их в книги не включены **которые** по тому приказу его высокородия н(ы)нѣ от нас покорнѣишихъ к вашему высокоблагородию и Воиску Донскому посланы, **а** допросные их речи при семъ нижайшимъ даношѣни приобщенны (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 7–7 об.),

здесь наблюдается цепь предложений с союзами *и* и *а* (употребление первого союза *и* не представляется обоснованным), одно из предложений содержит придаточное определительное с союзным словом *которые*;

– контаминация сочинительных и подчинительных союзных средств, например, доношение:

а понеже оной Чеботаревъ с женою і з детьми ... въ прошломъ 744м году проданъ нам ... **но** точною по покупке по согласию нашему с Савелемъ Маргуновымъ те наши купленные крестьяны между нами разделены (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 3–3 об.), в этом фрагменте отмечается логически неоправданное одновременное употребление подчинительного союза *понеже* и сочинительного *но*;

– нагромождение союзов, объединение конструкций в смысловый комплекс как различными, так и однотипными формами связи, например,

паспорт:

объявители сего Михайловскои станицы косаки Маѡимъ Пахомовъ Петръ Деменковъ **кои** посланы от нас станишного атамана Мирона Дежемесова стариков и косаковъ в Казловъ для отвозу вывезенногѡ с Кубани ис полону города Казлова аднадворческаго сына Акима Никити-

на по силе присланнаго к намъ от господина воисковаго атамана Данила Ефремовича и от всего Воиска Донскаго пашпорта с такимъ объявлѣниемъ **чтоб** намъ станицаю отправить ево в реченной городъ Казловъ по **которому** онъ со объявленными козаками и отправленъ, для пропуску от помянутого господина воисковаго атамана Данила Ефремовича за рукою и са войсковою печатью ис канцеляри воисковыхъ делъ данъ оному пленному особливио пашпортъ **которои** у него и содержитца (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 4, л. 3–3 об.),

здесь использованы придаточные определительные (союзное слово *который* повторяется или заменяется синонимичным *кои*) и обстоятельство цели.

Эти и другие черты синтаксиса затрудняют членение текста на отдельные предложения, что объясняет отказ от предложения как основной единицы сегментации. В связи с этим за единицу членения в исследуемых документах предлагается принять структурно-смысловой сегмент, объединенный микротемой (см.: [Герасимова, 2020, с. 5]); это может быть предложение либо цепь тесно связанных предложений – сложное синтаксическое целое (ССЦ); кроме того, необходимо учитывать и особенности строения документного текста, определяемые формуляром; иногда весь текст синтаксически представляет собой одну единицу, то есть один сегмент (см. далее характеристику реестра).

Показателями границ таких сегментов могут выступать: графические символы (например, знаки препинания); речевые формулы, выполняющие функцию реквизитов; лексико-грамматические единицы.

Графические символы. В некоторых документах одного жанра прослеживается соответствие графических символов (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, косая черта, комбинация двоеточия и косой черты и др.) границе предложения. Например,

доношение:

и чтоб намъ всепокорнѣшимъ с получения объявлѣнной вашей воисковой грамоты на полномъ нашемъ станищномъ сборе достоверную справу возыметь и с помянутого козака Шишкина допросъ по присяжной должности взять а прислать къ вашему высокоблагородию и всему Воиску Донскому при станищномъ нашемъ

доношени в непродолжителномъ врѣмѣни :/ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 3)²;

войсковая грамота:

и требовано тою промемориєю чтоб за ведомое держание вышеписанныхъ бѣглыхъ рекрутовъ Сергѣева, і Филипова с показанныхъ казаковъ взыскавъ по указу штрафные денги отослать куда надлежит :/ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 8 об.).

Однако гораздо чаще представлены случаи, когда графический символ не является маркером предложения:

доношение:

Высокоблагородному і высокопочтѣнному господину Воиска Донскаго воисковому наикасному атаману Степану Даниловичю и всему Воиску Донскому :/ покорнѣишѣе доношение (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 7),

знак «:/» в заголовке отделяет название документа от имени адресата;

войсковая грамота:

и ежели по отводе наидитца :/ то посволяется тѣбѣ у помянутыхъ казаковъ то село ... взять (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 4),

знак «:/» разделяет части сложноподчиненного предложения;

паспорт:

чего ради имъ козакамъ Пахомову Деменкову данъ от насъ = сеи пашпортъ с приложением станищной печати (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 4, л. 4), постановка знака «=» не связана со структурой предложения, вероятно, он отмечает конец строки.

Речевые формулы, выполняющие функции реквизитов. Как маркеры сегментов текста нами рассматриваются реквизиты и/или речевые формулы, выполняющие функцию реквизитов. В некоторых документах, особенно новых для XVIII в. жанров, реквизиты графически отделены от текста: название документа (посередине отдельной строки), дата (отдельная строка слева под текстом), подпись / адресант (отдельная строка / строки справа под текстом). При этом речевые формулы могут представлять собой завершенные предложения либо не являться таковыми, однако во всех подобных случаях они рассматриваются как отдельные сегменты. Приведем примеры:

реестр:

Реэстръ нашей Михайловскши станицы козакамъ которые ко отставе отчислѣнны (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 1)–

название, дополненное информацией о содержании документа;

доношение:

О семь доносит вашему высокоблагородию и всему Воиску Донскому Михайловской станицы атаман Трифон Калинин и всеи станицы козаки (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 7 об.)–

указание на адресанта;

войсковая грамота:

Получена актебря 4 дня 1750 году (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 8)–

отметка о получении;

доношение и некоторые другие документы:

Июля 24 дня 1750 году (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 7 об.)–

дата.

Возможны ситуации, когда данные элементы синтаксически объединены между собой. Так, название документа, вынесенное в позицию заголовка, может быть связано с формулой адресата:

Благороднымъ и почтѣннымъ господам
Воиска Донскаго старшинамъ
Афонасью Филиповичю, Андрею
Степановичю

всепокорнѣише доношение
(ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 3)³.

В таких случаях мы рассматриваем подобные единицы как один сегмент.

В ряде документов стандартные речевые формулы включают несколько элементов, соотносимых с реквизитами, представляя собой связанные предложения и не выделяясь графически из текста. Такие типовые формулы мы также принимаем за самостоятельные сегменты. Например:

войсковая грамота:

Сѣт донских атаманов и казаков от воискового определенного до указу атамана Ивана Ивановича сына Фролова и от всего Воиска Донскаго по Хопру от Букановской до Михайловской станицы станищнымъ атаманомъ и казакамъ объявляемъ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 1, л. 2)–

указание на адресанта и адресата документа, оформлено как предложение;

писана в Черкасскомъ 1735 году генваря 17го дня (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 1, л. 2)–

указание на место и дату создания документа, оформлено как предложение;

паспорт:

данъ в Черкасскомъ декабря дня 1753 году (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 9, л. 45 об.)–

указание на место и дату создания документа, оформлено как предложение.

Лексико-грамматические единицы.

К таким единицам, выступающим в качестве маркеров границы сегментов, относятся глагольные формы в перформативной функции, некоторые союзные (связочные) средства.

Например, глаголы-перформативы:

войсковая грамота:

Сѣ донских атаманов и казаков от господина воискового атамана Степана Даниловича и от всего Воиска Донскаго по Хопру Михайловской станицы станищному атаману и казакамъ **объявляемъ** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 9, л. 43);

доношение:

на оное вашему высокоблагородию и всему Воиску Донскому всеpokорнѣише **доносимъ** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 3 об.).

В приведенных примерах глагольные формы сигнализируют о том, что далее начинается следующий блок информации.

Союзные средства:

паспорт:

сею ради и сеи пашпортъ взявъ у него иметь в станищномъ бѣрежений (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 9, л. 45 об.);

чего ради имъ козакамъ Пахомову Деменкову данъ от насъ = сеи пашпортъ с приложением станищной печати (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 4, л. 4);

войсковая грамота:

Того ради приказали мы Воискомъ Донскимъ послат(ь) к вамъ станищнымъ атаманамъ и казакамъ сию нашу воисковую грамоту (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 9, л. 34 об.);

и какъ сия наша войсковая грамота вами Михайловскою станицею получена будет и вамъ станищному атаману и казакамъ об ономъ ведать; и по вышеписанному учинит непременно исполнение (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 8 об.–9);

реестр:

и кто именно о томъ значит ниже (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 22).

Речевые формулы показывают переход от изложения предшествующих событий к распорядительной части, предписанию вытекающих из этого необходимых действий (*сего ради, чего ради*) или к усилению обязательности этих предписаний (*и какъ сия грамота...*) (об интенсификации предписаний см. [Дмитриева, 2016]), вводят последующий перечень.

Однако следует учитывать, что лексико-грамматическая единица может как маркировать границы сегмента, например сочетание *того ради* в приведенном выше примере из войсковой грамоты, так и выполнять функцию союза в сложном предложении, например в паспорте, когда используется синтаксическая конструкция, имеющая союз *того ради*, включенный в состав сложного союза *понеже... того ради*:

Понеже объявитель сего Михайловской станицы казакъ Иванъ Григоревъ находился здес для некотораго дела ꙗ ныне отпушенъ в дом ево по прежнему **того ради** от Черкаскаго в ведомстве Воиска Донскаго по станицам да Михайловской станицы оному казаку Григореву чинит[ь] свободной пропускъ без задержания а Михайловской станицы станишному атаману об отпуске ево ведать із с прибытия всяв у него сеи пошпортъ при [ре]порте прислат к Воиску Данскому немедленно (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 39).

Если указанных выше маркеров в тексте документа нет, то мы опираемся на структурно-содержательную организацию сегмента, свойственную определенному жанру, и выделяем композиционно-содержательные части (КСЧ) текста, учитывая названные выше синтаксические особенности документов того времени.

Для структурной разметки текста имеет значение степень его нарративности. Понимание нарратива в науке разнится и зависит от направления исследования и области, в которой оно выполнено, однако традиционно нарратив трактуется как повествование, как текст, представляющий определенную последовательность событий [Шейгал 2007, с. 86–87; Шмид, 2003], как «история / фабула (основание нарратива,

позволяющее отличать нарративные тексты от ненарративных) + сюжет (текст / дискурс + наррация)» [Троцук, 2004, с. 59]. В качестве признаков, отличающих нарративные тексты от ненарративных, исследователи называют также присутствие автора и действующих лиц, целостность, ориентирование относительно места и времени, как правило, прошедшего, временную организацию событий, проявляющуюся в грамматической структуре предложений, завершение повествования (финал) и отнесение его к моменту протекания действия и др. (см., например: [Теребков, 2012, с. 117]).

Степень нарративности текста связана с видом документа. Так, в информирующих документах нарративный компонент занимает значительное место, следствием чего является объемность, развернутость текста с соответствующими синтаксическими чертами. В учетных документах связный текст, как правило, представлен одним – двумя предложениями.

Таким образом, при анализе текста исторического документа в процессе его разметки с целью синтаксического членения мы исходим из того, что композиционно-содержательная структура текста обусловлена жанром документа, его функцией, а также особенностями синтаксической организации текста.

В качестве материала для анализа в данной статье используются опубликованные документы фонда. Применение описанной методики покажем на примере документов, тексты которых имеют разную степень нарративности, в частности: доношение (высокая степень), паспорт (средняя степень), реестр (отсутствие нарратива).

Результаты и обсуждение

Документы высокой степени нарративности (доношение). По своей основной функции доношения являются информирующими или просительными документами и адресованы вышестоящей инстанции – должностному лицу или органу управления. Они разнообразны по содержанию и касаются различных вопросов жизни станицы, но чаще включают сообщения по следственным делам о розыске беглых.

Доношение содержит следующие структурно-содержательные компоненты: адресат,

адресант, наименование документа, изложение обстоятельств дела («мотивирующая» часть), определение по существу дела (собственно требуемая информация по делу).

Мотивирующая часть включает обычно более или менее развернутое изложение событий, которые предшествовали составлению документа, – пересказ источника, на основании которого составляется ответ или отчет об исполнении, изложение обстоятельств, которые служат основанием для просьбы, и т. д. Эта часть, а также определение по существу дела представляют собой связные тексты, которые могут требовать синтаксического членения при разметке корпуса (подробно о жанре доношения см.: [Горбань, 2019; Сафонова, 2017]).

На примере одного из доношений покажем возможную сегментацию⁴ с учетом композиционно-содержательной и синтаксической организации текста для представления документа в корпусе (см. табл. 1).

Документы средней степени нарративности (паспорт). Паспорт выполнял информативно-распорядительную функцию. Это документ, который информировал адресата о цели поездки казака (или казаков) и содержал распоряжение (предписание) о том, чтобы на пути следования по станицам Войска Донского предьявителю документа не чинили препятствий.

Композиционно-содержательная структура текста документа организует информацию, закрепляя в определенном порядке содержательные части: основной текст и речевые формулы, соответствующие реквизитам «дата», «место составления документа», «отметка о печати» (см., например: [Косова, 2019]).

Анализ паспортов, хранящихся в фонде, позволил установить два варианта композиционно-содержательной структуры основного текста. Для иллюстрации сегментирования возьмем один из вариантов структуры, который реализуется чаще. В таком паспорте одна КСЧ представляет собой синтаксическую конструкцию, выражающую распоряжение по поводу события, суть которого раскрывается здесь же. Самостоятельными синтаксическими единицами являются речевые формулы, соответствующие реквизитам (дата, место и др.) (см. табл. 2).

Документы, не содержащие нарративных фрагментов (реестр). Основная

функция реестра – регистрационно-информативная: он не сообщает о событиях, а фиксирует наличие тех или иных объектов в виде перечней лиц, предметов и т. д. и, наряду с ведомостями, описями и др., относится к так называемым учетным документам (подробно об учетных документах см.: [Горбань, 2021]).

По своей композиционно-содержательной структуре реестры являются, как правило, двухчастными: они включают заголовок и собственно перечень, иногда имеется третья часть, содержащая итоговые количественные данные. Пример сегментации реестра представлен в таблице 3.

Несмотря на видимую композиционную и синтаксическую членимость, такие реестры признаем целесообразным представлять в корпусе как единое целое, поскольку текст реестра без заголовка, вводной фразы и, соответственно, соотносительности с именем нарицательным (*косачьим*) *дѣтям* является бессодержательным.

Сегментирование аналогичных документов более сложной структуры, в которых, например, имена в перечне сгруппированы по тем или иным категориям или сопровождаются каким-либо комментарием, может осуществляться иначе.

Заключение

Таким образом, жанровая, структурно-содержательная (сочетание тенденций к связности, с одной стороны, и выделению некоторых элементов-реквизитов из связного текста – с другой) и синтаксическая специфика исторических документов определяет одно из возможных решений проблемы структурной разметки при создании лингвистического корпуса.

Совокупность ряда исследовательских процедур, учет графических средств, лексико-грамматических единиц и других речевых маркеров структурно-содержательных частей текста в соотносительности с его жанровой принадлежностью позволит представить в диакроническом корпусе необходимую и достаточную для пользователя информацию о свойствах текста документа и использованных в нем языковых единиц.

Таблица 1. Структурная разметка доношения

Table 1. Structural markup of report

Сегментированный текст (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 3–4)	Композиционно-содержательная и синтаксическая характеристика сегмента
<p>Высокоблагородному і высокопочтенному господи- ну Воиска Донскаго воисковому наকাশному атаману Степану Даниловичю і всему Войску Донскому :/ всепокорнѣишее доношение</p>	<p>Речевая формула, выполняющая функцию реквизитов «адресат» и «наименование документа» (заголовок)</p>
<p>Сего 1750 году июня 30 дня получили мы всепокорнѣишия от вашего высокоблагородия и все- го Воиска Донскаго воисковую грамоту в присланной къ вашему высокоблагородию и всему Войску Дон- скому из государственной военной коллѣгии канторы ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в каторой показано</p>	<p>КСЧ, начало мотивирующей части (сложноподчи- ненное предложение с перформативом в придаточной части, вводящим содержание иницирующего доку- мента)</p>
<p>явился бѣглои рѣкрутъ с доношением собою Захар Яковлев Хиронов кторой в рекруты взять былъ тому дватцать седмой год и быв в рѣкрутах месяца з два бѣжал и в бѣгах жителство имел в разных косачьих го- родках в томъ числе в нашей станицы у косака Лѣонтія Шишкина полгода несаведома что бѣглои рѣкрутъ</p>	<p>КСЧ, пересказ содержания иницирующего докумен- та; предшествующее событие, обусловившее приня- тие решения (сложное предложение с последователь- ным подчинением и однородными сказуемыми в пер- вом придаточном)</p>
<p>и чтоб намъ всепокорнѣишимъ с получения объявлѣнной вашей воисковой грамоты на полномъ нашемъ станищномъ зборе достоверную справу возыметь и с помянутого косака Шишкина допрось по присяжной должности взять а прислать с къ ваше- му высокоблагородию и всему Войску Донскому при станищномъ нашемъ доношени в непродолжителном врѣмьяни :/</p>	<p>КСЧ; продолжение пересказа содержания иници- рующего документа (придаточное предложение цели с союзом <i>чтоб(ы)</i> и союзом <i>и</i>, который можно рас- сматривать как соединяющий однородные придаточ- ные, однако предыдущая синтагма таковым прида- точным предложением не является либо пропущен вводящий ее союз <i>что</i>; если трактовать <i>и</i> как начина- тельный союз самостоятельного предложения, про- должающего содержание документа, то союз <i>чтоб(ы)</i> оказывается синтаксически не связанным)</p>
<p>на оное вашему высокоблагородию и всему Войску Донскому всепокорнѣише доносимъ</p>	<p>КСЧ, ответ на запрос (простое предложение с пер- формативом)</p>
<p>прѣдписанную вашу воисковую грамоту на полномъ нашемъ станищномъ зборе читали и по имѣннымъ нашимъ спискамъ достоверною справку имѣли и по справке у нас в станицѣ имелся косакъ Лѣонтѣи Шишкин кторой въ 73 годъ умре</p>	<p>КСЧ, ответ на запрос (цепь предложений – простого с однородными сказуемыми и сложноподчиненного, связанных союзом <i>и</i>, который можно трактовать как сочинительный союз в сложном предложении с раз- ными видами связи, либо как начинательный союз самостоятельного предложения; в зависимости от этого синтагму «прѣдписанную... умре» можно пред- ставить как одну или разделить на две)</p>
<p>о семь даносит Михаиловской станицы стонищной атоман Азень Лащилинь</p>	<p>Речевая формула, выполняющая функцию реквизита «адресант» (простое двусоставное предложение)</p>

Таблица 2. Структурная разметка паспорта

Table 2. Structural markup of passport

Сегментированный текст (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 32)	Композиционно-содержательная и синтаксическая характеристика сегмента
<p>Обявителем сего реки Хопра Михайловской станицы казакам Якову Сокину Михаиле Лабанову Михею Плетневу которые привозили сюда порутьчика Башкина крестьянь и по приняти оных мнѣ отпущены в дома их по прежнему в ведомстве Воиска Данскаго по станицам до их станицы чинит им свободной пропускъ бѣ-содержания: а показанной Михайловской станицы станищному атаману и казакам ѿб отпуске их ведать и с прибытия их в станицу взяв у них сеи пашпортъ прислат к нам Воиску Данскому при вашем репорте немедленно:</p> <p>дан в Черкасском мая 26г(о) дня 1753г(о) году.</p> <p>у сего пашпорта наша Воиска Донс[каго] печать: /</p>	<p>КСЧ, распоряжение станищным атаману и казакам с описанием причины (сложная синтаксическая конструкция с сочинением (союз <i>a</i>) и подчинением (придаточное определительное с союзным словом <i>которы</i>); знак двоеточия не является обязательным)</p> <p>Речевая формула, выполняющая функцию реквизитов «место составления документа» и «дата»</p> <p>Речевая формула, выполняющая функцию реквизита «отметка о печати»</p>

Таблица 3. Структурная разметка реестра

Table 3. Structural markup of inventory

Сегментированный текст (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 4 об.)	Композиционно-содержательная и синтаксическая характеристика сегмента
<p>реэстръ невыросткам косачьим дѣтям</p> <p>о том значит ниже</p> <p>Апифанъ Гарѣлкинъ [...] Бѣсбародов Фрол Ворафанов Ефим Матарыгинъ Антонъ Насаров Григорей Тапилин Петръ Трѣтин Устинъ Капинъ <...></p>	<p>Реквизит «заголовок» (номинативное предложение)</p> <p>КСЧ, маркер начала перечня (можно выделить как самостоятельное предложение, однако местоимение <i>о том</i> и наречие <i>ниже</i> обеспечивают тесную связь с заголовком и последующим фрагментом текста и без них имеет смысловую недостаточность)</p> <p>КСЧ, собственно перечень имен собственных (имена, которые можно рассматривать как однородные члены предложения или однородные номинативные предложения, соединенные бессоюзной связью)</p>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII–XIX вв. канцелярий Войска Донского».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of research project no. 19-012-00246 “Parameterization of Texts As a Base for Creating the Linguistic Corpora of Archive Documents of the 18th–19th c. of Don Cossack Host Chancelleries”.

² Тексты документов и примеры из них приводятся в упрощенной графике (титла раскрыты, выносные буквы даны в строку) с отдельным написанием предлогов и союзов, использованием прописных букв в именах собственных. В остальном орфография оригинальных документов сохранена.

³ Текст приводится с сохранением расположения строк на странице.

⁴ В таблицах сегменты отделены друг от друга пропуском строки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоконева К. А., 2011. К проблеме жанрово-стилевой принадлежности документного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (14). С. 148–153.
- Виноградов В. В., 1982. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высш. шк. 529 с.
- Гальперин И. Р., 2007. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига. 144 с.
- Герасимова И. С., 2019. Средства организации связности в региональных удостоверительных документах середины XVIII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 3. С. 65–71.
- Герасимова И. С., 2020. К вопросу о членимости текстов документов середины XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры: сб. науч. тр. Тула: С-Принт. Вып. 13. С. 4–9.
- Горбань О. А., 2019. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
- Горбань О. А., 2021. Учетные документы Войска Донского в XVIII веке: содержание и структура текстов // Научный диалог. № 2. С. 28–47. DOI: [10.24224/2227-1295-2021-2-28-47](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-28-47).
- Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2016. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. Т. 18, № 4 (157). С. 182–199. DOI: [10.15826/izv2.2016.18.4.074](https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.074).
- Горшков А. И., 1982. Язык предпушкинской прозы. М.: Наука. 241 с.
- Дмитриева Е. Г., 2016. Указание на интенсивность признака как средство характеристики в деловых текстах XVIII в. // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. В 2 т. Т. 1: тр. и материалы Международ. конф. (г. Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 120–125.
- Ильинова Е. Ю., 2006. Когнитивный аспект жанрового пространства текста // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Вып. 6. С. 9–17.
- Качалкин А. Н., 1988. Жанры русского документа допетровской эпохи: в 2 ч. М.: МГУ. Ч. 1: Источники изучения и вопросы авторства документа. 119 с.; Ч. 2: Филологический метод анализа документа. 107 с.
- Косова М. В., 2015. Параметры речевого жанра как модель документного текста // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Т. 4, № 6. С. 16–19. DOI: [10.12737/16551](https://doi.org/10.12737/16551).
- Косова М. В., 2017. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре: сб. науч. ст. Минск: РИВШ. С. 123–134.
- Косова М. В., 2019. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
- Плигина Е. С., 2012. Корпус PR-текстов: эволюция системы жанров // Медиареальность ин-

формационного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 15-летию Ин-та телевидения, бизнеса и дизайна (г. Санкт-Петербург, 6–7 дек. 2012 г.) / под ред. Н. А. Гуторовой. СПб. : Астерион. С. 40–42.

Ромашова О. В., 2014. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) // Мир науки, культуры, образования. № 5 (48). С. 127–130.

Сафонова И. А., 2017. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры : сб. науч. тр. Тула : Тул. произв. полиграф. об-ние. Вып. 9. С. 48–52.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века. В 4 т. Т. 1. Кантемир, Тредиаковский, 2017 / под ред. Н. В. Патроевой. СПб. : Дмитрий Буланин. 576 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2006 / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука. 696 с.

Теребков А. С., 2012. К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. № 3 (109). С. 114–117.

Трофимова О. В., 2002. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень. 519 с.

Троцук И. В., 2004. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 6–7. С. 56–74.

Шейгал Е. И., 2007. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). С. 86–93.

Шмелева Т. В., 1997. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1 : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов : Колледж. С. 88–98.

Шмид В., 2003. Нарратология. М. : Яз. слав. культуры. 312 с.

ИСТОЧНИК

Документы Войска Донского – Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова ; под общ. ред. О. А. Горбань. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2020. 464 с.

REFERENCES

Belokoneva K.A., 2011. K probleme zhanrovo-stilevoy prinadlezhnosti dokumentnogo teksta [On the Problem of Genre and Style of a Documental Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 2 (14), pp. 148-153.

Vinogradov V.V., 1982. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 529 p.

Galperin I.R., 2007. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text As an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ. 144 p.

Gerasimova I.S., 2019. Sredstva organizatsii svyaznosti v regional'nykh udostoveritelnykh dokumentakh serediny XVIII veka [Linguistic Means of Achieving Coherence in the Regional Certification Documentation in the Middle of the 18th Century]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy and Psychology], no. 3, pp. 65-71.

Gerasimova I.S., 2020. K voprosu o chlenimosti tekstov dokumentov serediny XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhailovskiy stanichnyy ataman») [On the Question of the Segmentation of the Texts of Documents of the Middle of the 18th Century (Based on the Material of the Archive Fund “Mikhailovsky Stanichnyy Ataman”)]. *Dokument kak tekst kultury: sb. nauch. tr.* [Document As a Text of Culture. Collection of Scientific Works]. Tula, S-Print Publ., iss. 13, pp. 4-9.

Gorban O.A., 2019. Donosheniya i raporty donskikh kazakov v seredine XVIII v.: istochniko-vedcheskiy analiz [The Donosheniya and Reports of Don Cossacks in the Mid 18th c.: Source Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 4, pp. 45-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.

Gorban O.A., 2021. Uchetnye dokumenty Voyska Donskogo v XVIII veke: sodержanie i struktura tekstov [Registration Documents of the Don Army in the 18th Century: Content and Structure of Texts]. *Nauchnyi dialog*, no. 2, pp. 28-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-28-47.

- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Genre Characteristics of the 18th Century Military Charters (With Reference to the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Gorshkov A.I., 1982. *Yazyk predpushkinskoy prozy* [The Language of Pre-Pushkin Prose]. Moscow, Nauka Publ. 241 p.
- Dmitrieva E.G., 2016. Ukazanie na intensivnost priznaka kak sredstvo kharakteristiki v delovykh tekstakh XVIII v. [An Indication of the Intensity of a Feature As a Means of Characterization in Business Texts of the 18th Century]. Galiullin K.R., Gorobets E.A., Nikolaev G.A., eds. *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly. V 2 t. T. 1: tr. i materialy Mezhdunar. konf. (g. Kazan', 31 okt. – 3 noyab. 2016 g.)* [The Scientific Heritage of V.A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School. Proceedings of the International Conference (Kazan, October 31 – November 3, 2016). In 2 Vols. Vol. 1]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, pp. 120-125.
- Ilyinova E.Yu., 2006. Kognitivnyy aspekt zhanrovogo prostranstva teksta [Genre As Mental Space: Cognitive Aspect]. *Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Journal “Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches”], iss. 6, pp. 9-17.
- Kachalkin A.N., 1988. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi: v 2 ch.* [Genres of the Russian Document in the PrePeterthe-First Period. In 2 Parts]. Moscow, MGU. Chast 1: Istochniki izucheniya i voprosy avtorstva dokumenta [Part 1. Sources of Study and Questions of the Authorship of the Document]. 119 p.; Chast 2: Filologicheskiy metod analiza dokumenta [Part 2. Philological Method of Analysis of the Document]. 107 p.
- Kosova M.V., 2015. Parametry rechevogo zhanra kak model dokumentnogo teksta [Speech Genre Characteristics of the Documentation Text Model]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], vol. 4, no. 6, pp. 16-19. DOI: 10.12737/16551.
- Kosova M.V., 2017. Dinamika zhanrovyykh parametrov regionalnykh dokumentov XVIII veka [Dynamics of Genre Parameters of the Regional Documents of the 18th Century]. *Tekst v yazyke, rechi, kulture: sb. nauch. st.* [Text in Language, Speech, Culture. Collection of Scientific Articles]. Minsk, RIVSh, pp. 123-134.
- Kosova M.V., 2019. Zhanrovye parametry pasporta serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [The Genre Parameters of the Passport of the Mid-Eighteenth Century (On Materials of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
- Pligina E.S., 2012. Korpus PR-tekstov: evolyutsiya sistemy zhanrov [The Corpus of PR Texts: The Evolution of the Genre System]. Gutorova N.A., ed. *Mediarealnost informatsionnogo obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, magistrantov i aspirantov, posvyashch. 15-letiyu In-ta televideniya, biznesa i dizayna (g. S.-Peterburg, 6–7 dek. 2012 g.)* [Media Reality of the Information Society. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Master Students and Postgraduate Students Dedicated to the 15th Anniversary of the Institute of Television, Business and Design (Saint Petersburg, December 6–7, 2012)]. Saint Petersburg, Asterion Publ., pp. 40-42.
- Romashova O.V., 2014. Zhanrovo-stilevaya spetsifika meditsinskogo dokumenta (na materiale meditsinskoy karty statsionarnogo bolnogo [Genre-Stylistic Specifics of a Medical Document (On the Material of a Patient's Medical Report)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 5 (48), pp. 127-130.
- Safonova I.A., 2017. Strukturnyye i rechevyye osobennosti donosheniya XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Structural and Speech Features of the Relations of the 18th Century (On the Material of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Dokument kak*

- tekst kultury* [Document As a Text of Culture. Collection of Scientific Works]. Tula, Tulscoe proizvodstvennoe poligraficheskoe obyedinenie, iss. 9, pp. 48-52.
- Patroeva N.V., ed., 2017. *Sintaksicheskii slovar russkoy poezii XVIII veka. V 4 t. T. 1. Kantemir, Trediakovskiy* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century. In 4 Vols. Vol. 1. Kantemir, Trediakovskiy]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 576 p.
- Kozhina M.N., ed., 2006. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 696 p.
- Terebkov A.S., 2012. K voprosu o traktovke fenomena narrativa v sovremennom gumanitarnom znanii. Sushchnost i istoki [On the Question of the Narrative Phenomenon Treatment in Modern Humanities. Essence and Sources]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], no. 3 (109), pp. 114-117.
- Trofimova O.V., 2002. *Zhanroobrazuyushchie osobennosti russkikh dokumentov XVIII veka (na materiale tyumenskoy delovoy pis'mennosti 1762–1796 gg.): dis. ... d-ra filol. nauk* [Genre-Forming Features of Russian Documents of the 18th Century (Based on the Material of the Tyumen Business Writing of 1762–1796). Dr. philol. sci. diss.]. Tyumen. 519 p.
- Trotsuk I.V., 2004. Narrative kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskii konstrukt v sovremennykh sotsialnykh naukakh [Narrative As an Interdisciplinary Methodological Construct of Contemporary Social Science]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], no. 6–7, pp. 56-74.
- Sheygal E.I., 2007. Mnogolikiy narrative [The Many Faces of Narrative]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], iss. 2 (22), pp. 86-93.
- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [The Model of the Speech Genre]. Goldin V.E., ed. *Zhanry rechi. Vyp. 1: sb. nauch. st.* [Genres of Speech. Collection of Scientific Articles. Iss. 1]. Saratov, Kolledzh Publ., pp. 88-98.
- Schmid V., 2003. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. 312 p.

SOURCE

- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020. 464 p.

Information About the Authors

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Elena M. Sheptukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Елена Михайловна Шептухина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2>

UDC 811.161.1“16/17”

LBC 81.411.2-03

Submitted: 18.01.2021

Accepted: 11.05.2021

MEDICAL BOOKS OF THE 17th–18th CENTURIES FROM THE SIBERIAN ARCHIVES: STRUCTURAL-AND-GRAMMATICAL ASPECT

Olga V. Trofimova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Anastasia V. Petrukhina

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

Abstract. The article presents a comparative study of two medical books from the Siberian archives dating back to the 17th–18th centuries: *Tobolsk Lechebnik (TL)* kept in Tobolsk Book Depository, and *Altai Lechebnik (AL)* stored in Altai Museum of Local Lore – both stemming from the text of the medical book called “*Prokhladnyi Vertograd (The Cool Garden)*” from the collection of the Rumyantsev Museum (*PV*). Our findings show that Siberian medical books demonstrate different degrees of structural and grammatical transformation of the source *PV* text, conventionally considered by the authors of the research to be a list, which is chronologically closer to the original text. It was established that *TL* can be regarded as a list derived from the *PV*, and *AL* – a source reflecting a further stage in the process of text generation in the institutional medical discourse. We claim that the intentional and grammatical perspective of the medical text formation is associated with the modal variability of verbal lexemes: the prevailing in *PV* and *TL* personal verb forms reflect the presence of the subject of speech as an agent in special communication; in *AL* these are replaced by infinitives which transform the real modality of the message about an action “from experience” (in *PV* and *TL*) into a syntactic categorical imperative. It was also determined that the subject of the action expressed by personal verb forms is typically generalized (in this case, special actions of the doctor and the patient can be detected through the difference in the verbal lexemes). The subject is not grammatically defined with the infinitive verb forms.

Key words: history of the Russian language, historical source, ‘*lechebnik*’ – medical book, modality, subject of speech, verb forms, medical discourse.

Citation. Trofimova O.V., Petrukhina A.V. Medical Books of the 17th–18th Centuries from the Siberian Archives: Structural-and-Grammatical Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 19-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2>

УДК 811.161.1“16/17”

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 18.01.2021

Дата принятия статьи: 11.05.2021

ЛЕЧЕБНИКИ XVII–XVIII вв. ИЗ СИБИРСКИХ АРХИВОВ: СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ольга Викторовна Трофимова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Анастасия Владимировна Петрухина

Тюменский государственный медицинский университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье представлено сопоставительное исследование двух лечебников XVII–XVIII вв. из архивов Сибири: Тобольского книгохранилища (далее – ТЛ) и Алтайского краеведческого музея (далее – АЛ)–

в проекции на текст лечебника «Прохладный вертоград» из собрания Румянцевского музея (далее – ПВ). Обнаружено, что сибирские лечебники демонстрируют разную степень структурно-грамматической трансформации текста ПВ, условно принятого авторами статьи за список, стоящий в хронологическом отношении ближе в тексту-оригиналу. Установлено, что ТЛ можно считать списком ПВ, а АЛ – источником, отражающим дальнейший этап в процессе текстопорождения в институциональном медицинском дискурсе. Выявлено, что интенциональная и грамматическая перспектива формирования медицинского текста связана с модальной вариативностью глагольных лексем: преобладающие в ПВ и ТЛ личные глагольные формы, свидетельствующие о присутствии субъекта речи как деятеля в специальной коммуникации, заменены в АЛ инфинитивами, преобразующими реальную модальность сообщения о действии «по опыту» (в ПВ и ТЛ) в синтаксический категорический императив. Показано, что субъект действия при личных глагольных формах, как правило, обобщенный (при этом специализация действий врача и больного может быть обнаружена через различие глагольных лексем), а при глаголах в форме инфинитива деятель грамматически не предопределен.

Ключевые слова: история русского языка, исторический источник, лечебник, модальность, субъект речи, глагольные формы, медицинский дискурс.

Цитирование. Трофимова О. В., Петрухина А. В. Лечебники XVII–XVIII вв. из сибирских архивов: структурно-грамматический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 19–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2>

Введение

С давних времен при лечении различных болезней использовались методы и средства народной медицины, передаваемые русским народом из поколения в поколение в устных заговорах, а позднее – в зелейниках, вертоградах, травниках и лечебниках. В них отразился многовековой опыт применения лекарственных растений и трав. Но, по словам Д.С. Лихачева, лечебники и травники представляют собой «не только своеобразные руководства к отогнанию зла – душевного и телесного. Это великолепные памятники языка и эстетического понимания окружающего мира» [Лихачев, 1987, с. 11].

По словарю Брокгауза и Ефрона, в соответствующую статью в котором включена цитата из речи Ф.И. Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе», «**травники** или **лечебники**, древнерусск. переводн. изборники, заключают в себе не только собственно врачебн. пособия, но и всевозможн. наставления о различн. важнейш. случаях в жизни, для благополучного исхода кот. необходимо слово, молитва или заговор, или вещая примета» (МЭСБЕ).

В издании словаря 1901 г. отмечалось, что, во-первых, «литературная история наших т[равников] еще мало выяснена», во-вторых, «во многих списках иностранное съ туземным слилось въ одно нераздѣльное цѣлое», в-третьих, «древнерусский “Лѣчебникъ” первоначально принадлежалъ къ области “отре-

ченныхъ” книгъ: исходнымъ зерномъ т[равников] были, вѣроятно, так наз. “ложныя молитвы”», в-четвертых, «т[равники] стоятъ близко къ “Домостроямъ”»; разница между ними та, что въ послѣднихъ господствуетъ только житейская мудрость и опытность, между тѣмъ какъ лѣчебникъ постоянно прибѣгаетъ къ сверхъестественнымъ чарующимъ силамъ» (МЭСБЕ, с. 683–684). Здесь же приводится актуальный на начало XX в. список исследований, посвященных средневековым лечебникам и травникам. Перечень 28 русских лечебников, хранящихся в Пушкинском доме, представлен в [Груздев, 1974].

В современных толковых словарях слово *лечебник* имеет стилистические пометы архаизма: «устар. Книга, популярно излагающая способы лечения различных болезней» (БТС, с. 495); «истор. общее название древнерусских медицинских изданий (зелейники, травники и др.), обобщавших опыт народной медицины, а позже включавших и научные сведения» (ЭСМТ); «1. м., устар. Книга, содержащая сведения о лечении различных болезней. 2. м., устар. Лечащий, практикующий врач» (Ефремова). В тех же словарях многозначное слово *травник* дано с толкованиями: «Книга, содержащая описание лечебных растений и способов их применения» (БТС, с. 1337); «истор. древнерусский лечебник, содержащий описания лекарственных трав и снадобий растительного происхождения, применявшихся в народной медицине, с указанием на болезни, при которых и в каком количе-

стве их надлежит применять» (ЭСМТ); «Старинная книга, содержащая описание лечебных растений» (Ефремова).

Обратим внимание: если современные словари тяготеют к некоторому различению реалий, то словарь Брокгауза и Ефрона в отношении древнерусских текстов представляет термины *лечебник* и *травник* как эквивалентные; в достижении же прагматической цели при использовании этих врачебных пособий ведущая роль словарем Брокгауза и Ефрона, в отличие от современных, отводится «сверхъестественным силам», обращение к которым входит в протокол врачевания.

Именно заговоры в составе русских рукописных травников и лечебников в первую очередь привлекали внимание ученых с середины XIX века. А.Н. Афанасьев в своем исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» (1865) так характеризует памятники позднейшего времени, а именно XVII–XVIII вв.: «...редкий народный лечебник или травник найдется без заговоров; подобные рукописи, писанные большей частью безграмотно, составляют истинный клад для науки. К сожалению, они не восходят ранее XVIII столетия; допетровская Русь сурово относилась к народному суевию, и вместе с колдунами и ведьмами жгла и их волшебные тетрадки» [Афанасьев, 1994, с. 45].

В 1879 г. В.М. Флоринский опубликовал работу «Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия», в которой отмечал, что травники и лечебники содержат значительное количество народных предрассудков, суеверий. Автор считал, что лечебники имеют практическое значение: средства, описанные в них, отличались доступностью, простотой и считались действенными, приносящими пользу простому народу [Флоринский, 1879, с. 17]. Фрагменты из рукописных текстов опубликованы в книге из серии «Памятники литературы Древней Руси» с комментариями В.В. Колесова [Колесов, 1987], утверждавшего, что «сегодня травники и лечебники важны как свидетельство художественных интересов средневекового человека», и обратившего внимание на то, что можно сегодня определить как дискурсивный характер и мегатекстовую специфику травников и лечебников:

«...каждый последующий “списатель” дополнял от себя текст, и в результате перед нами возникает целостная картина того исходного образа, который лежит в основе постоянно разрастающегося сочинения» [Колесов, 1987, с. 609].

Некоторое представление о ситуации множественности последующих списков и вариативности интерпретации предшествующих, более близких по времени к оригиналам, может дать сопоставление в таблице 1 ниже трех вариантов начала одной и той же статьи лечебника; за исходный (1) принят текст статьи из «Колобовского» списка XVII в., созданного в г. Шуе и опубликованного В.В. Колесовым; (2) – перевод на современный язык из публикации В.В. Колесова; (3) – Лечебник XVII в. (XVIII в.?) из Тобольского книгохранилища; (4) – Лечебник или Прохладный вертоград 1672 года. Совпавшие фрагменты, оказавшиеся содержательно главными – формулировка проблемы (*укус kota или кошки*), действие (*приложить*) и лечебное средство (*пластырь луку*), выделены полужирным шрифтом. При публикации в таблице выносные буквы оригинала включаем в строку, выделяя курсивом, сохраняем знаки препинания, титла и буквы [ѣ] и [ї].

Считая текст (4) более близким по времени к исходному оригиналу, обращаем внимание на различия интерпретаторов (составителей лечебника или публикаторов) в четырех местах:

(а) сочетание с абстрактным существительным *зеленость тѣла* → трансформировано в предикативную конструкцию с кратким прилагательным *зелено есть тѣло* (3);

(б) оценочная инфинитивная конструкция с наречием *но то излечити просто* → представлена как безличная с модальностью условной необходимости с личной формой глагола и зависимым инфинитивом и сменой сочинительного союза *а пристойит излечить* (3) или → инфинитивная конструкция с модальностью волеизъявления и с *просто* в функции частицы *просто приложить* (1), замененной в современном варианте частицей *только* (2);

(в) постпозитивное согласованное прилагательное-определение (*луку*)*толченого* → представлено в (1) как начало новой предика-

Таблица 1. Варианты фрагмента статьи лечебника

Table 1. Variants of the medical book excerpt

Лечебникъ от многих мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вѣщехъ, ко здравію чловѣческому предстоящихъ [Колесов, 1987, с. 502, 504]	Лечебник из многих мудрецов о различныхъ лечебныхъ средствахъ, здравію людей способствующихъ [Колесов, 1987, с. 503, 505]	Лечебник XVII в. (XVIII в.?) из Тобольского книгохранилища (ГЛ, с. 12, 79)	Книга «Прохладный вертоградъ», избранная от многихъ мудрецовъ: о различныхъ врачевскихъ вѣщехъ. Ко здравію чловѣческому пристоящихъ (ПВ)
(1) О котѣ. От котова ли или от кошкіна укушенія бываетъ великая болѣзнь и зеленость тѣла – просто приложить пластырь луку , тотъ чернаго исцѣляетъ	(2) О коте. От укуса кота или кошкіи возникаетъ тяжелая болѣзнь и зеленѣетъ тело – только приложить дольку лука, и он исцелитъ больногo	(3) О котѣ; 1. От котова или кошкіна укушенія бываетъ великая болѣзнь и зеленость тѣла а пристойитъ излечитъ приложитъ пластырь луку толчоного исцѣлетъ;	(4) О котѣ. От котова или от кошкіна укушенія бываетъ великая болѣзнь, и зеленость тѣла , но то излечити просто, приложить пластырь луку толчоного и исцѣляетъ.

тивной части *тотъ чернаго (исцѣляетъ)*, переведенной в (2) как *и он (исцелит) больногo* (то есть субстантивированное прилагательное *черный* → *больной*); отсюда в переводе и замена *пластырь* → *долька*;

(г) сомнительно однозначное понимание в (3) *исцелѣет* → *исцѣляетъ*.

Таким образом, представляется, что для будущего корректного исследования текстов старинных лечебников необходимо их предварительное критическое издание в виде параллельного корпуса.

В существующих на сегодняшний день исследованиях XXI в. народные травники и лечебники рассматриваются прежде всего как носители информации о роли традиционной медицины в русской средневековой культуре в историческом и этнографическом, в том числе фольклорном, аспектах [Голицына, 2009; Ипполитова, 2004; Леонтьева, Липинская, 2006]. Достаточно полную на начало XXI в. библиографию по теме находим в [Глинкина, 2008]. Так, А.Б. Ипполитова, изучавшая рукописные травники XVII–XVIII вв., утверждает, что в «народных» травниках – рукописных сборниках непостоянного состава, содержащих отдельные статьи, посвященные растениям и их полезным для человека свойствам, нашло отражение описание народной картины мира. Исследователь соглашается с В.В. Колесовым, считавшим, что «по материалам травников и лечебников более, чем по другим источникам, можно судить о частной жизни средневекового человека» [Колесов, 1987, с. 610]. Травники создавались как прак-

тические руководства, поэтому дают прекрасную возможность высветить мир повседневных интересов и проблем человека XVII–XVIII вв. [Ипполитова, 2008, с. 9, 14, 19]. Рукописные лечебники и травники содержат, в частности, богатый материал для изучения такой эстетической составляющей традиционного русского мировосприятия, как номинация цвета [Пименова, 1986; Пименова, 1987; Пименова, 2010]. По словам О.Ю. Голицыной, лечебники и травники, написанные простым языком, являлись своеобразной медицинской энциклопедией [Голицына, 2009, с. 20].

Собственно лингвистический аспект исследования рукописных травников и лечебников представлен в работах, имеющих целью рассмотрение их лексического состава, например [Коткова, 1991]. Эти тексты активно привлекаются в первую очередь для изучения ботанической лексики, фитонимов. Обобщающую историографию по теме, в широком славянском контексте, находим в монографии польского лингвиста Г. Ходурской «Из истории изучения фитонимов из восточнославянских рукописных травников XVII–XVIII века» [Chodurska, 2003]. Отметим в этой связи важное замечание В.В. Колесова: «Для понимания смыслов в Травнике важны не просто слово или термин (как раз термина здесь нет, он заменяется символическим названием растения, отчего так трудно определить его реальный вид), здесь важен образ, представленный в ритуально обозначенном действии; действием определялась и форма выражения – в древнейшем ее виде, формулой-заговором» [Колесов, 1987, с. 608].

Этимология фитонимов, в том числе в сопоставительном аспекте, – объект исследований И. Кур-Кононович [Kur-Konowicz, 2014; Kur-Konowicz, 2016].

Говоря об источниках русских лечебников, все исследователи так или иначе называют и русские устно-народные, и переводные книжные – «совершенно другого характера переводные лечебники» [Колесов, 1987, с. 610]. Но, воспринятые на русской почве, они постепенно изменялись в плане языка и стали, по выражению Г. Успенского, «коллективным созданием народного ума» (цит. по: [Колесов, 1987, с. 611]). В связи с этим естественно обращение к диахронически-стилистическому аспекту изучения данных произведений. Одним из первых об иноязычном влиянии на русские лечебники писал Ф.И. Буслаев, отмечавший, что «...все иностранное, накопившееся в течение веков, проникнуто Русским, народным характером, потому что и в том и в другом было одно общее начало: чужеземное чернокнижие было усвоено своему собственному суеверию»; «...наши Лечебники, эта любопытная смесь иноземного чернокнижия с народной мифологиею, относились к книгам отрезанным» [Буслаев].

В словаре Брокгауза и Ефрона читаем: «...списки носят на себѣ явственные слѣды то иностранной, то чисто русской редакціи» (БиЭ, 1901, с. 683). Вероятно, язык русских лечебников, в которых соседствуют заимствованные и русские языковые элементы и так или иначе отражается «русская рецепция» западноевропейских текстов, можно назвать, пользуясь выражением В.М. Живова, «гибридным» языком [Живов, 1996, с. 384].

Цель и задачи исследования

При изучении лечебников невозможно не иметь в виду вопрос о существовании их в виде списков, различных редакций, находящихся между собой в отношениях избирательности и дополнительности, – или же отдельных произведений. Для его решения значимо следующее мнение Д.С. Лихачева: «...движение текста надежнее всего определяет произведение: границы произведения – границы его относительно самостоятельной изменяемости» [Лихачев, 1983, с. 130], опираясь на кото-

рое, мы ставим в настоящем исследовании цель – изучая движение текста и его изменчивость, сопоставить три лечебника для установления не только их текстологического статуса, но и формирующей его преимущественной текстовой модальности.

Учитывая прагматическую направленность лечебников на успешность в организации специфической коммуникативной ситуации в обиходном типе дискурса, мы формулируем задачи: 1) проследить процесс текстопорождения в лечебнике XVIII в., обусловленный интерпретационной деятельностью субъекта письма – «автора» лечебника – в отношении текстов предшествующих лечебников и 2) через анализ функционирования глагольных форм исследовать формирование институционального (медицинского) дискурса (письменной коммуникации врача, аптекаря и больного) в его представленности одним из текстов XVIII века.

Материал и методы исследования

1. В словаре Брокгауза и Ефрона первым в списке «наших переводных лечебников» (начиная с XVI в.) указан «так наз. Прохладный Вертоград» (БиЭ, 1901, с. 683). В.В. Колесов говорит о переводных книгах «под общим названием “Прохладных вертоградов”, то есть “лекарских цветников” по названию одного из оригиналов “Hortus Amoenus” (по латинскому – “Сад пленительный”). <...> Прохладные вертограды особенно распространились к середине XVII века» [Колесов, 1987, с. 610]. Источники хотя и изучались в лингвистическом отношении, однако соответствующие работы единичны. Так, О.Н. Анциферова представила словообразовательные модели, по которым в них построены названия болезней и болезненных состояний [Анциферова, 2020]. Привлеченный к сопоставлению текст – Лечебник или Прохладный вертоград (далее – ПВ) – из «Московского Публичного и Румянцевского Музеевъ № 1316» опубликован в электронном варианте.

Почерк документа, прямой, с палеографическими чертами, свойственными средневековым рукописям, с различными знаками препинания, как правило, коррелирующими с современным их функционированием, достаточно легко воспринимается.

2. «Тобольский лечебник XVII века» (далее – ТЛ) опубликован исследователями Л.А. Глинкиной и М.С. Выхрыстюк (см.: (ТЛ)). По мнению А.Б. Ипполитовой, он представляет собой список книги «Прохладный вертоград», опубликованной В.М. Флоринским в издании «Русские простонародные травники и лечебники XVI и XVII в.» (1879, с. 19–209) [Ипполитова, 2008, с. 46]. Публикаторы, рассматривая ТЛ в контексте традиционной русской культуры, оценивают его как «своеобразный фрагмент наивной картины мира, соединивший в себе практицизм и стихийную народную фантазию человека русского средневековья» [Глинкина, Выхрыстюк, 2006, с. 63]. В отличие от других лечебников XVII в. ТЛ характеризуется отсутствием молитв и заговоров.

В предисловии к изданию авторы, подготовившие публикацию лечебника, отмечают, что он имеет южнорусские истоки, врачебные и целебные рекомендации сочетаются в нем с хозяйственными советами и нравственными наставлениями. «Лечебник – интереснейший, лингвистически малоизученный тип старорусского текста, в котором причудливо переплетаются народно-разговорные, книжные и заимствованные элементы, отражается адаптация иноязычных слов (*холера – холера, маланколия – меланхолия* и др.) через устную славянскую речь» (ТЛ, с. 9–10).

Почерк в оригинале, судя по иллюстрациям в издании, прямой, разборчивый, с большими пробелами между знаменательными словами, преимущественно со слитным написанием с ними служебных слов; пунктуация внутри статей отсутствует, конец статьи обозначен знаком [;].

Источник вошел в научный оборот и стал предметом изучения в работах [Коскина, 2013; Мороз, 2014; Урсу-Архипова, 2005].

3. «Русский старообрядческий лечебник» (далее – АЛ), хранящийся в Алтайском краеведческом музее, представляет собой «комплекс фитотерапевтических средств, использовавшихся во второй половине XVIII в. в Сибири» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 10]. По мнению публикаторов, снабдивших статьи лечебника обширными многоаспектными комментариями, данная рукопись «характеризует уровень развития народных медицинских знаний не только русского, но и всего восточнославянского

населения России» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 10] (см. также: [Липинская, Леонтьева, 1998]). Этот лечебник имеет в конце текста дату «1772 года генваря 15 дня» и помету о писце «Писал Николай С.» (АЛ, с. 58). Судя по приведенным в издании иллюстрациям – копиям страниц оригинала, лечебник записан сложным в палеографическом отношении, витиеватым почерком, с художественным оформлением «в характерном для старообрядцев стиле» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 5], с небольшими пробелами между словами, без выносных букв и с отдельными знаками препинания.

Данный лечебник XVIII в. как более поздний по дате составления, отражающий тенденции в формировании исследуемого типа специальной письменной коммуникации, является основным объектом настоящего исследования.

В работе приведен лексико-грамматический анализ лечебников, использован сопоставительный метод изучения отдельных глав анализируемых лечебников, а также табличное представление материала исследования.

Сопоставив содержание трех источников, мы обнаружили в них наряду со значительным числом совпадающих по предмету описания глав, как правило, в той же их последовательности, отдельные включения из других источников, что характерно для алтайского лечебника, о котором публикаторы сообщают, что он представляет собой «компиляцию из разных источников», «рецепты аналогичные с народными “Травниками”» (АЛ, с. 5). Первая же общая для всех лечебников глава «О корице» (ПВ, л. 94–94 об.; ТЛ, с. 98; АЛ, с. 12), содержащая в ПВ преамбулу с описанием предмета речи по двум классификационным признакам и восемь пронумерованных статей, в ТЛ дана без восьмой статьи со вставкой в четвертую статью прилагательного (недугуют отоком → недугуют водяным отоком) и в седьмую статью глагола (Корица брѣдце укрѣпляет → Корица брѣдце укрѣпляет и обвеселяет), а в АЛ – только трансформированной восьмой статьей (с местоименными и синонимичными заменами, отдельными исключениями и включениями):

(5) А кто коріцу порану ясть часто весь кашель уздравливаєт в перестѣх, ј мозгъ главной, и очи лечить, и всю сипость от горла отгонит. → Кто ея

порану яст, из груди кашель и тягость выгоняет и уздравливает в голове мозг, и очи лечит. Всякую болезнь из гортани выгонит (АЛ, с. 12).

Пример (5), наряду с продемонстрированной ранее лексико-грамматической вариативностью текстов (см. табл. 1), дает основания поставить вопрос о степени «аналогичности» содержания последующих лечебников относительно предыдущих и о самостоятельности новосоставленных произведений.

Отдельные результаты сопоставительного исследования

Для иллюстрации особенностей материала исследования приведем в таблице 2 две, достаточно обширные, тематически совпадающие во всех трех источниках, главы – об анисе и о зинзивере; варианты названия в других источниках – зинзивей ('*Бот.* Трава проскурняк' (СРЯ XVIII, вып. 8, с. 180); 'растение проскурняк' (Даль, т. 1, с. 683); 'растение «*Malva rotundifolia, Malva silvestris*»' (Фасмер, с. 97)), зинзивер, зеньзобиль, зензевель, дзиндивер ('мальва', укр. *дзіндівер*: «Согласно

Миклошичу <...>, заимств. из тур. *zendžefil* «имбирь», а также (Фасмер, с. 97); в то время как в комментариях к «Алтайскому лечебнику» публикаторы дают толкование 'имбирь' (АЛ, с. 111)). Любопытно, что в самом лечебнике есть отдельная статья «О инбире» (АЛ, с. 20), не совпадающая в содержательном отношении ни со статьей «О зинзивере» (АЛ, с. 38), ни с тождественными статьями «О инбире» в первых двух источниках (ПВ, с. 98, 98 об.; ТЛ, с. 103). Кроме того, в издании алтайского лечебника нет отдельных комментариев, посвященных зинзиверу и имбирию.

Таблица 2 демонстрирует фактическое совпадение текстов глав по объему и содержанию в первых двух источниках (по 202 слова – об анисе; 161 и 171 слово – о зинзивере) и значительное отличие от них текстов XVIII в. в сторону как сокращения (128 слов), так и увеличения (288 слов). При этом часть текстов XVIII в. совпадает с текстами-предшественниками: 72 и 76 общих для всех трех источников слов, преимущественно в тех же формах.

Таблица 2. Статьи из лечебников «Об анисе» и «О зинзивере»

Table 2. Excerpts from medical books “Ob anise (On Anise)” and “O zinzivere (On Malva)”

О анисѣ (ПВ, с. 100–101)	О анисѣ (ТЛ, с. 105)	Об анисе сахарном зелии (АЛ, с. 12–13)
Анисъ естествомъ тепль и сух в третѣм ступнѣ.	Анис естествомъ есть тепль и сух въ «З»м ступне;	Кто ево порану яст, печень здравит. Анис варить с вином и ясти порану. Утробную болезнь уздравливает. Анису, натерши с бо[б]вою мукою и в белке яичном да с пресным медом, смешать, и собравши, положить на луно, у кого луно пухнет.
А. Аще анису сыплеи на угольной жар и тотъ дух ноздрями обоняваютъ тѣ у которыхъ лице пухнет, и глава болить и обморок обходит.	1. Аще анису сыплеи на жар угольной и тотъ дух ноздрями обоняемъ тѣ у коихъ лице пухнет и глава болит и обморок обходит;	Вторая мочь: у кого лице пухнет и обморок обходит, насыпь анизу на уголии и жарь. И дух его ноздрями обоняти.
В. Анис же толченъ и смѣшен съ елеом свороборинным, и то пуцаем в уши; и тако глухость из ушей выведет.	2. Анис же толченъ и смѣшен съ елѣем свороборинным и то пуцаем в уши и тако глухость из ушей выведет;	Анис толченой, и смешав с маслом сереборинным в уши пуцать – глухость выведет.
Г. Анис же прѣятъ часто жажду тушит и отворяет залеганіе жилъ печенных и пузырных и легостно урину движет.	3. Анис прѣятъ часто жажду тушит и отворяет заключеніе жилъ печенных и пузырных и легостно урину движет;	Анис чисто прѣя, жажду тушит и отворяет залегание сил печенных и силезенных и пузырных, и легостно урин движется, и болезнь чревную и вредительную выгонит.
Д. Анис прѣятъ прогонитъ вредительную мокрость телесную, и болѣсть чревную умет и вредительной вѣтръ выгонит.	4. Анис прѣятъ прогонитъ вредительную мокрость тѣлесную и болѣсть чревную умет и вредительную выгонит;	

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

О анисѣ (ПВ, с. 100–101)	О анисѣ (ТЛ, с. 105)	Об онисе сахарном зелии (АЛ, с. 12–13)
Е. Анисѣ движет постелныя помыслы яко мужем тако и женамъ, мужескому полу растеніе спермѣ от того пріятія раждается, аще пріемлют его в брашнѣ за обычныя зелія.	5. Анис движет помыслъ постелный яко же мужем тако же і женам мужескому полу ростѣнія спермы от того пріятія рождается аще пріемлют его в брашне за обычные зелія;	Анис движет постельныя помыслы мужем и женам.
S. Анис же пріятъ окормѣ изнутри выгонит, и естественную теплотъ и печен нагрѣет, и ноеніе стомаху наводит, и вѣтръ ис кишок выгонит, кой надымает кишки и стомах, и от того ѣлкѣ отяжелѣет.	6. Анис пріят окормѣ изнутри выгонит и естественную теплотю и печен нагрѣет и ноеніе стомаху наводит и вѣтръ ис кишок выгонит кои надымают кишки и стомах и от того ѣлкѣ отяжелѣет;	–
З. Аще кто всѣм тѣлом трясется кое тресновеніе бывает от неноеителнаго стомаха, и тѣмъ даемъ послѣдующим лѣчбу. Емли корицы да анису да мастики, всѣх поравну, и вари в винѣ, и то вино давай пити по разсужденію, и тако трасавичное уймется.	7. Аще кто всѣм тѣлом трясется кое трасовеніе бывает от неноеителнаго стомаха и тѣм даем послѣ лѣчбу емли анису да корицы да мастики всѣх поровну и вари в винѣ и то вино дай пити по разсужденію и тако трасовеніе уймется;	Если кто телом трясутся, тем даем последующу лечбу: возми анису да столки поровну всех и варить по розсужденію; и тако трасение уймется.
И. Анисѣ варенъ с травою еленя языка, в питіе, и то пріятъ отворят залеганіе жилъ печенных и селезенных.	8. Анис варен с травою еленія языка в питіе и то пріятъ отворит залеганіе жил печенных и селезенных;	–
О зензевере (ПВ, с. 142–143)	О зензевере (ТЛ, с. 151–152)	О зинзивере (АЛ, с. 38)
Зензеверова трава и сѣмя ея, естеством есть тепла, а силу имѣет мягчителну и отворителну.	1. Зензевирова трава и сѣмя ея естеством сунт теплостна а силу имѣет мягчителну и отворителну;	Диоскор глаголет о той траве; что та трава лист имеет круглой, как подлещикова трава. Цвет же той травы подобен серебрянному. Корень же той травы долог и многу содержит в себе мокрость, внутри же бел. О действии ея. Листвие зинзизеро, пряжно в масле древянном, прикладывать ко всякому отоку болящему, кой бывает на верху тела, и так тот оток поляжет.
А. Корень зензевиров, варен в винѣ или в водѣ, и толчен до клеести. Прикладываем ко угрем гноеватым, и тако из угрей гнои вытянет, и ожог заживитъ.	2. Корен зензевиров варен в укусе или в водѣ и толчен до клѣести прикладываем ко угрям гноеватым личным и ко ожугу огненному и тако из угрей гнои вытянет и ожог заживит;	Корень зинзизеров прикладывать ко угрем гноеватым личным и тако гноеность вытянет. Семы зензизеро сильнея есть к требованию и приложению к предиреченным немочам, нежели самая тоя трава. Мягчит твердыя огненныя апостемы, то отворит их и заживляет.
В. Сѣмятое травы толчено, и прикладываем к составом надутым или розшибеным оточным и ко иным отоком полягает, и угряная болѣзнь престанет.	3. Сѣмя тое травы горяче и толчено прикладываем к суставом надутым или разшибеным оточным и ко иным отоком к болящему горлу и тако оток полягает и горячая болѣзнь престаает;	То же семя прикладывать к суставам надутым или разшибеным – опухоль полягает. Взять корню зензизеро свежева и толчи гораздо и смешать с семенем льняным поровну и варить в воде, и станет как каша, и то горячее прикладывать к горлу болящему.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

О зензеве (ПВ, с. 142–143)	О зензеве (ТЛ, с. 151–152)	О зинзивере (АЛ, с. 38)
Г. То же сѣмя толчено и варено в винѣ, или во обычном питїи и прїято, камен ис почек выведет: и кашель тушит и легостно от кашленїе творит которой кашел- бывает от горячства.	4. То же сѣмя толчено и варено в винѣ или во ином пити прїято камен ис почек выведет и кашел тушит и легостно от кашленїе творит которой кашел бывает от горячства;	Подобным временем, по разсужденїю семя зензиверо тушит , каме камень , кой бывает от горячства , и легостно откашляти творит. Если пьет, достаем тем обычаем: взять сладкаго дуба исоповой травы да зензиверо семя отварить в вине и принимать по разсужденїю – кашель уймет.
Д. Зензеворо сѣмя толчено и в винѣ варено по разсужденїю с елеомъ дервяным ; и аще лице тѣмъ умываем, тогда нечистоту с лица згонит.	5. Зензеворо сѣмя толчено и в винѣ варено по разсужденїю с елѣмъ дрвяным аще ли тѣмъ умываем тогда нечѣстоту у лица згонит;	То же семя, толченое и в вине варено, по разсужденїю с дрвяным , и тем лице умывать, тогда нечистоту с лица згонит. Корень зензиверо, в воде варен и мелко толчен, доколе ясти и тако прикладывать к ожегу огненному, язвы заживит.
Е. То же сѣмя варено в питїи обычном, и прїято: тогда нутреннїя уды разшибеннїя или удареннїя и нутреной переломъ заживляет.	6. То же сѣмя варено в пити обычном и прїято тогда нутреннїе уды разшибеннїе или удареннїе и нутреной переломъ заживляет;	То же семя, варено в вине, тогда внутреннїя уды и разшибеннїя или удареннїя заживляет , понеже то пьет, перелом нутреной заживит. Если пчелы ужалят человека, то корень зензиверо, мелко толченки развести в уксусе и тем уксусом мазать ужаленные места и тако оток поляжет. То же семя, толчено и прїято в пити, тогда камень в почках истребит.
С. Корень той травы толчен , и варен в уксусѣ: и тѣмъ уксусом ротъ полощем и тако болѣзнь зубную тушит , и десны укрѣпляет.	7. Корень той травы толчен и варен в уксусѣ и тѣмъ уксусом ротъ полощем и тако болѣзнь зубную тушит и десны укрѣпляет;	Корень зензиверо, толчен и варен в уксусе, и тем уксусом поласкать рот, и тако зубную болѣзнь тушит. И десны укрепит.

Принимая во внимание возможные неточности при восприятии текстов не составителями лечебников, а их публикаторами, прокомментируем обнаруженные разночтения.

Глава «Об анисе»:

1. В заголовок главы АЛ введено уточняющее приложение.

2. Вместо преамбулы, общей для ПВ и ТЛ, в АЛ дано описание «первой мочи», при этом содержание первого предложения в основном повторяется в сочетании двух последующих (со сменой модального плана констатации, выраженного формой изъявительного наклонения глагола *яст*, категорическим – посредством инфинитива – волеизъявлением *ясти*), что может быть свидетельством обращения составителя АЛ сразу к двум неназванным источникам.

3. Содержание «второй мочи» аниса в АЛ включает в себя в переработанном виде содержание семи из восьми (кроме шестой) статей ПВ.

3.1. Любопытно обратить внимание на первую статью, содержание которой, вероятно, осталось не вполне понятным для писцов всех трех лечебников, в связи с выражением *обморок обходит*. Это сочетание, наряду с *обморок находит*, фиксирует Словарь русского языка XI–XVII вв. в иллюстрациях к существительному *обморок*; см. также толкование глаголов *обойти*, *обити*:

Обморокъ, м. <...> 2. *Внезапная сильная слабость, сопровождаемая потемнением в глазах и потерей сознания; обморок*. Аще обморокъ обхо-

дить человека, и примеркати начнет во очию, се от крови есть. Пушати кровь. Леч. II, гл. 108. XVIII в. <...> – Ср. **обмакъ, оморокъ, омакъ**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 96).

Оморокъ, м. *Обморок, потеря сознания*. <...> короля изымал оморокъ <...> находить на него оморокъ <...> Ср. **обморокъ, омакъ**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 395).

Обмакъ, м. То же что обморокъ (в знач. 2). У коихъ обмакъ обходить. Травник Любч., 145. XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 96).

Омакъ, м. 2. Обморок, потеря сознания. Обдержани суть недугомъ главнымъ, на коихъ омакъ находить. Травник Любч., 145. XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 369).

Обойти. <...> ◊ Глава обошла – *голова закружилась*. – Ср. **обити²**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 120).

Обити² (обйти, обйти). <...> 3. *Охватить, объять (об огне, пламени)*. <...> || Перен. *Охватить, объять (о чувстве)*. <...> – Ср. **обойти**. (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 59).

В ПВ и ТЛ первая статья являет собой сложную синтаксическую конструкцию из пяти предикативных частей, со значением условия, выражаемым союзом *аще*. В АЛ – это фрагмент текста из двух предложений. Представим статью со скрепами, сократив части до грамматических основ:

(ПВ) *Аще сыплем (1) и обоняют те (2) у которых лице пухнет (3), и глава болит (4) и обморок обходит (5).*

(ТЛ) *Аще сыплем (1) и обоняем те (2) у коих лице пухнет (3) и глѡва болит (4) и обморок обходит (5).*

(АЛ) *у кого лице пухнет (1) и обморок обходит (2), насыпь (3) и жарь (4). И обоняти (5).*

Исходя из понимания выражения *обморок обходит* как симптома болезненного состояния наряду с *лице пухнет* и *голова болит*, что подтверждается сочинительной связью с союзом *и* во всех лечебниках (и особенно изменением порядка предикативных частей в АЛ), мы можем полагать, что в ПВ эта статья была недописанной – в ней нет указания на ожидаемый положительный эффект. Правда, в ПВ в ней различаются субъекты действия в несомненно являющихся однородными придаточными условия частях 1 (*сыплем* → *мы*) и 2 (*обоняют те*); по отношению к подлежащему *те* предикативные части 3, 4 и 5 предстают как однородные придаточные определительные. Если же допус-

тить, что выражение *обморок обходит* имеет значение желаемого результата (полагаясь на значение ‘4. *Пройти стороной, минуя кого-, что-л., обогнуть*. <> || *Миновать, пропустить*’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 119)), не обращая внимания на место постановки запятой перед союзом *и*, тогда конструкция обретет в ПВ свою смысловую завершенность и логичность.

Относительно ТЛ встает вопрос об описке в глагольной форме *обоняем* – в противном случае содержание статьи представляется невразумительным.

В АЛ ситуация интерпретирована следующим образом: субъект действия, совпадающий с субъектом речи, устранен из предлагаемой ситуации и заменен на адресата текста, который самостоятельно может выполнить рекомендацию (при этом существительное *жар* с выносной согласной в конце слова вполне объяснимо, по условиям скорописи, «трансформируется» в повелительную форму глагола *жарь*): *сыплем на жар* → *насыпь и жарь*. Вопрос о том, кто должен обонять дух ноздрями, переходит из области грамматической сочетаемости, как в ПВ и ТЛ, в дискурсный аспект и устраняется из текста как необязательная сочетаемость при инфинитиве (*обоняют* → *обоняем* → *обоняти*). Ту же модальную трансформацию текста наблюдаем во второй статье (*пуцаем* → *пуцаем* → *пуцать*).

3.2. В четвертом рецепте АЛ объединены рекомендации 3, 4 и 8 статей главы из ПВ, с двумя существенными различиями: введением наречия *чисто* и прочтением слова *жил* как *сил*.

3.3. Следы явной неотредактированной писцом вторичности текста АЛ находим в последнем рецепте главы: сочетание *поровну всех* не подкреплено в нем перечислением необходимых ингредиентов: в АЛ назван только *анис*, в то время как в ПВ и ТЛ – *анис, корица* и *мастика*. Модальная трансформация проявляется в усилении степени категоричности: личная форма *вари* заменена инфинитивом *варить*.

Глава «О зинзивере»:

1. Прембула (различающаяся в ПВ и ТЛ краткими прилагательными *тепла* и *теплостна*) заменена в АЛ описанием растения на основании того, что «Диоскор глаголет».

2. Содержание всех семи статей главы, имеющих в ПВ и практически скопированных в ТЛ, находим и в АЛ (с включением в главу других рекомендаций, расширяющих спектр применения растения), с сохранением в основном лексико-грамматического их состава, за исключением тех же модальных трансформаций глагольных форм: *прикладываем* → *прикладывать*, *умываем* → *умывать*, *полощем* → *полоскать*. Ср. в новых рецептах АЛ: *взять, смешать, варить, прикладывать; взять, отварить, принимать; прикладывать; развести, мазать*. Единственное исключение – некорректная глагольная форма *доставаем* в АЛ после «аналога» третьей статьи в ПВ и четвертой в ТЛ.

3. Любопытны два совпадения в текстах ТЛ и АЛ включений, отсутствующих в ПВ: прилагательного *личным* (статья 2 в ТЛ) и сочетания *к болящему горлу* (статья 3 в ТЛ), в АЛ – *к горлу болящему*. Такая общность может косвенно свидетельствовать об обращении писцов этих двух лечебников еще к одному общему, помимо ПВ, источнику.

Глагольные формы как отражение принципа институциональной медицинской коммуникации

Наблюдения за функционированием в АЛ глаголов, которые в ПВ и/или в ТЛ употреблены в форме 1-го л. мн. ч. наст. времени, то есть называют совместное с потенциальным пользователем лечебника участие в действии субъекта речи, на материале десяти сопоставляемых глав, в том числе представленных в настоящей статье в табличных вариантах, обнаруживает последовательную трансформацию различных личных форм глагола (а также кратких страдательных причастий и девербативов) в инфинитивы (в том числе в зависимые в структуре безличных конструкций). В частности:

– глава «О шафране» (ПВ, л. 101 об.–102; ТЛ, с. 106; АЛ, с. 14): *прият* → *добро принимать*;

– глава «О пшене сорочинском» (ПВ, л. 106 об.–107; ТЛ, с. 112; АЛ, с. 15): *варят* → *варить; прибавим* → *прибавить*;

– глава «О васильках» (ПВ, л. 113–114; ТЛ, с. 121; АЛ, с. 16): *варена* → *варить; даем*

питу → *пить; толчет, смешав* → *толчет и смешает* → *толчи и смешать*;

– глава «О исопе» (ПВ, л. 117 об.–118 об.; ТЛ, с. 125–126; АЛ, с. 36): *положена* <...> и *пито* → *если положить* <...> и *пить; полощем* → *полоскать*;

– глава «О пионии» (ПВ, л. 122–123 об.; ТЛ, с. 130–131; АЛ, с. 19): *толчено и приятно* → *толчено. И приятно; и то приятие* → *и то мочно приятно*;

– глава «О мокрице» (ПВ, л. 145 об.; ТЛ, с. 154; АЛ, с. 26): *парим* → *парить* → *парить*.

Обратим внимание, что отдельные глагольные формы 1-го л. мн. ч. НСВ наст. времени, называющие потенциально-узуальные действия обобщенного активного субъекта (которым, вероятно, может быть и сам больной), в других статьях АЛ присутствуют в незначительном количестве, как правило, в главах, повторяющих содержание аналогичных глав из ПВ и ТЛ (6–8), например:

(6) Корень тое травы варень в винѣ и толчень, и то **прикладываемъ** ко отоку <...> Та трава варена в водѣ и с кореніемъ толчена, и ту воду аще дѣтемъ малымъ даемъ пити тогда <...> (ПВ, с. 134);

(7) Корен тое травы варен в винѣ и толчен и то **прикладываем** ко отоку <...> Та трава и с коренем толчена и варена в водѣ и ту воду аще дѣтем малымъ даемъ пити тогда <...> (ТЛ, с. 134);

(8) Корень фиалковой варить в вине и толчи – **прикладываем** ко всякому отоку <...> Та трава, с корнем варена в воде и толчена, даем малым детям. Тогда <...> (АЛ, с. 21).

Таким образом, грамматически выраженное формой глагола значение совместного действия, создающего эффект неофициальной коммуникации, мягкой рекомендации, положительный результат от использования которой гарантирован опытом субъекта речи, последовательно устраняется из текста АЛ.

Чаще всего в АЛ встречаются глагольные формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения, содержащие прямые наставления адресату. Субъект действия при глаголах в форме императива не определен; вероятно, деятелем при глагольных лексемах *насыть, жарь, столки, вари, возьми, всыпли, выжми, выкинь, высуши, дави, дай, дайвай, жги, закутай, запечатай, затыкай, истолки, ме-*

шай, нагрей, налей, наполняй (фиксируемые также в ПВ и ТЛ) и др. может быть не только врач, но и сам болеющий человек, при глагольных формах *яждь, поди*, как и при глагольных лексемах *ясти, пить* – только больной. Тем не менее использование лечебника для самолечения мы не можем исключить в связи с тем, что в АЛ фиксируем, хотя и единичные, случаи употребления личного местоимения *ты* (в отличие от ПВ и ТЛ), например, в главе о масличных бобках:

(9) ...и кто похочет подобре иметь, то *возми* три бобка да варенцу корню и *яждь* порану. И *поди* в мыльну. И ты *видишь*, как пойдет из тебя вонючий пот (АЛ, с. 13).

Указание на отличительные характеристики объекта лечения, больного, в конструкции с относительным местоимением *кто*, как в примере (9), свойственно всем трем сопоставляемым лечебникам, но если в ПВ и ТЛ объект и субъект врачевания, как правило, разграничиваются, то в АЛ синтаксис предложения часто таков, что однозначно определить субъекта рекомендуемого действия не представляется возможным, например, в главе «О васильках»:

(10) Аще кто велми жилится заднимъ проходомъ а нутрь не движется, тотъ да емлетъ траву василкову и варить в винѣ, да смешавъ с масломъ деревянымъ гораздо, и то болящей приемлетъ и скоро проход движеть (ПВ, с. 127);

(11) Аще кто велми жилитца задним проходом а нутрь не вяжется тогда емлет траву василкову и варит в вине смешат с маслом деревянымъ гораздо и то болящей приемлет и скоро проход движет (ТЛ, с. 121);

(12) Кто жилится велми задним проходом и нутрь не движется, варить в вине, смешав с маслом деревяннымъ гораздо, и прияти – скоро прохот движет (АЛ, с. 16).

Встречающиеся в АЛ конструкции с местоимением *который* также грамматически, в структуре предложения, не дают однозначного ответа о субъекте врачевания, например:

(13) Которой человек увечен животом, варить кропиву в воде и пить. У кого грыжа, варить семя кропивное с медом пресным и тот час пить – будет здрав (АЛ, с. 38).

Эта информация, вероятно, производная от специфики коммуникативной ситуации, специфики дискурса, для составителя лечебника была очевидна.

«Алтайский лечебник» в модальной проекции

По словам публикаторов, в АЛ «как бы соединено несколько исторических пластов, отражающих развитие медицинских знаний от народных наблюдений за природой растительного мира до профессионально изготовленных лечебных препаратов» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 6].

Его подзаголовок (в варианте, предлагаемом публикаторами) – «Норма ко редно или оптека, имеющая в себе приписание всех лекарств, котория обретаются в оптеках, писаны своим портяком, из которых может себе каждый человек употреблять в небытии доктора, имея оныя у себе в собрании, на то устроенной шкатулке или в постороне келии в шкафе, на то устроенном, о зелиях, весьма ужиточных» (АЛ, 2006, с. 12) – «расшифрован» ими как «Правила ко уряду (или учреждению) необходимые для устройства аптеки и самолечения (домашнего)» [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 5]. Таким образом, заголовок ориентирован на два типа адресата – аптекаря и того, кто хотел бы вылечить себя сам.

Исследование показало, что в «Алтайском лечебнике» второй половины XVIII в. присутствуют как отголоски древнерусских травников с их верой в силу молитвы (14) или магию заговора (15), например:

(14) Заговор от зубов. «Христос воскресе из мертвых», – сии слова напиши на бумаге и положи на зубы на ночь.

(15) [Заговор от собачьего лая.] Тьфу, те двухшерстно, будь глуха и нема и слепа, как во чреве матери была, и будь сейчас. Аминь. За аминь сам Бог почивает. Сии слова говори трижды. Да не будет лаять (АЛ, с. 52),

так и профессионально составленные рецепты, с классической для такого типа грамматикой латинского Imperativus: *Da tales doses...* (*Выдай такие дозы*), *Misce* (*Смешай*), *Signa* (*Обозначь*), например:

(16) Возьми меда краснова четверть фунта и водочной травки двадцать пять капель со ртутью и целибухи. Пить три и четыре раза в сутки (АЛ, с. 47), но чаще различные по содержанию рекомендации (в том числе с учетом доступности исходного материала в домашнем употреблении) получают модальность категорического волеизъявления, будучи выраженными инфинитивом, например:

(17) Полоскание от цынготы. Взять самого крепкаго уксусу и розовой воды по четыре унца, перечищенной селитры и квасцов – два драхма, меду краснова – шесть унцев, сулемы – пять граней, развести сулему с розовой водой и смешать вместе полоскать во рту.

(18) От бородавок. Взять сырое дерево и положить на угли горящи, а из другога конца будет пена. И этой пеной мазать бородавки (АЛ, с. 49, 51).

Таким образом, компилированный из разных источников (что отражается, помимо прочего, в сосуществовании в нем форм инфинитива на *-ти* и на *-ть*) «Алтайский лечебник» является рукописью, отличающейся по содержанию и грамматическим характеристикам от «Прохладного вертограда» и «Тобольского лечебника», которые могут рассматриваться в отношении друг друга как списки одного источника. «Алтайский лечебник» с его выраженной тенденцией к модальности категорического волеизъявления (что проявляется и в заголовке посредством лексики *норма*, которую публикаторы трансформировали в *правила*) тяготеет на этом модальном основании к статусу самостоятельного текста, но включает только свод рекомендаций, то есть произведение, имеющее, по словам публикаторов, следы редактирования разными почерками, но не связанное в своей языковой материи единством стиля и, соответственно, автора [Леонтьева, Липинская, 2006, с. 5].

Выводы

Привлеченные к сопоставительному исследованию лечебники из сибирских архивов представляют собой тексты – реализации данной жанровой разновидности письменной коммуникации, вступающие в отношения как параллельности, так и последовательности в проекции на известные лечебники из собра-

ний европейской части России. В связи с этим процессы, обнаруженные на материале анализируемых источников, можно рассматривать на другом материале для определения как типичных признаков подобных текстов, детерминируемых их общей дискурсивной природой, так и особенностей, зависящих от разных причин, в том числе от навыков институциональной коммуникации субъекта письменной речи. Для достижения этих и других исследовательских целей полезно было бы создать корпус русских лечебников, который, с учетом заимствованной их природы, о чем сообщают авторы, мог бы быть востребован при дальнейшем, в том числе сравнительном, изучении.

Судя по сопоставленным текстовым фрагментам, сходным по предмету описания, ТЛ является списком одного из текстов под названием ПВ. Старообрядческий АЛ – пример процесса становления письменного текста нового формата в институциональной медицинской коммуникации, дискурса, в котором модальность мягкой рекомендации, основанной на личном опыте субъекта речи, выражающего себя грамматически в глагольной форме со значением совместного действия, трансформируется в более жесткий, формализованный рецепт с личными формами повелительного наклонения или в категорический директив, выраженный глагольным инфинитивом, с устранением каких-либо признаков субъекта волеизъявления из грамматики текста.

Критическое изучение лечебников показало, что их составители, названные В.В. Колесовым «списателями», достаточно ответственно относились к процессу построения связного текста и, в случае осознаваемого ими спорного прочтения переписываемого оригинала, использовали грамматические формы, которые обеспечили бы правильность содержания и связность средств его выражения в новом тексте.

Проведенное нами исследование диахронного фрагмента на пути развития письменной медицинской коммуникации позволяет согласиться с В.З. Демьянковым в том, что «адаптация мнения к когнитивному окружению включает выбор стандарта точности и манеру выяснения истины» [Демьянков, 2020,

с. 14]. Старорусские лечебники как тексты с основами медицинских знаний, тексты «неполного знания» трансформируются в юридически значимые документы, в частности в современные рецепты и протоколы лечения болезней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анциферова О. Н., 2020. Названия болезней и болезненных состояний в издании В.М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники»: состав, словообразовательные модели // Научный диалог. № 2. С. 9–20. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20.
- Афанасьев А. Н., 1994. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. М. : Индрик. 803 с.
- Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь, произнесенная 12 января 1859 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003648514 (дата обращения: 09.12.2020).
- Глинкина Л. А., Выхрыстюк М. С., 2006. Тобольский список лечебника XVII – начала XVIII в. в контексте русской традиционной культуры // Научный альманах. Традиционная культура. № 2. С. 57–64.
- Голицына О. Ю., 2009. Медицина в культуре России XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград. 29 с.
- Груздев В. Ф., 1974. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 29. С. 343–348.
- Демьянков В. З., 2020. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 5–17.
- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 591 с.
- Ипполитова А. Б., 2004. Русские рукописные травники XVIII века как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 28 с.
- Ипполитова А. Б., 2008. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв. : исследование фольклора и этноботаники. М. : Индрик. 512 с.
- Колесов В. В., 1987. Из лечебников и травников // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 9. Конец XVI – начало XVII в. : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит. С. 492–527, 607–613.
- Коскина Н. А., 2013. Сибирские рукописные лечебники XVII–XVIII вв. в аспекте книжности и разговорности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск. 23 с.
- Коткова Н. С., 1991. Лечебник последней трети XVII века // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. : сб. ст. / отв. ред. В. Г. Демьянов, Н. И. Тарабасова. М. : Наука. С. 173–195.
- Леонтьева Г. А., Липинская В. А., 2006. Русский старообрядческий лечебник. М. : Археодоксия. 128 с.
- Липинская В. А., Леонтьева Г. А., 1998. Старообрядческий травник из Южной Сибири (к материалам внешней критики) // Мир старообрядчества. М. : РОССПЭН. Вып. 4. С. 315–320.
- Лихачев Д. С., 1983. Текстология : На материале русской литературы X–XVII веков. Л. : Наука. 645 с.
- Лихачев Д. С., 1987. Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси : сборник. Вып. 9. Конец XVI – начало XVII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Л. : Худож. лит. С. 5–22.
- Мороз К. В., 2014. Типизированные текстообразующие модели разговорного синтаксиса тобольского «Лечебника XVII века» // Международный журнал экспериментального образования. № 6, ч. 2. С. 148. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=5269> (дата обращения: 09.12.2020).
- Пименова М. В., 1986. Способы номинации цвета в рукописных травниках XVII–XVIII вв. // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 66–70.
- Пименова М. В., 1987. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников) : дис. ... канд. филол. наук. Л. 205 с.
- Пименова М. В., 2010. К истории названий и описаний растений (на материале «простонародных» травников) // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 : межвуз. сб. / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб. : Изд-во Филол. фак. СПбГУ. С. 118–127.
- Урсу-Архипова А. П., 2005. Тобольский «Травник XVIII века» как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 23 с.
- Флоринский В. М., 1879. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань : Тип. Императ. ун-та. 229 с.
- Chodurska H., 2003. Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII–XVIII wieku. Kraków : Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 409 s.

Kur-Koconowicz J., 2014. Названия кустарников в русском языке как предмет лингвистических исследований // Текст – Предложение – Слово / red. A. Czapiga, Z. Czapiga. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. С. 24–34.

Kur-Koconowicz J., 2016. Rosa Sibirica, Rosa Canina и другие дикорастущие розы: русские и польские названия // Филологический дискурс : вестн. Ин-та филологии и журналистики Тюмен. гос. ун-та. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. Вып. 13 : Региональные тексты, мифы, бренды. С. 52–61.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

АЛ – Лечебник XVIII века из Алтайского края / Г. А. Леонтьева, В. А. Липинская // Русский старообрядческий лечебник. М. : Археодоксія, 2006. С. 12–58.

БиЭ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIIIА. СПб. : Семеновская Типо-литография, 1901. 960 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1989. 699 с.

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 2000. 1209 с. URL: <http://www.endic.ru/efremova/Travnik-109213.html> (дата обращения: 03.12.2020).

МЭСБЕ – Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 4 т. Т. 2. Вып. 4. Почва – Иссоп. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1909. 2214 с.

ЛВ – Лечебник или Прохладный вертоград. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009995086 (дата обращения: 15.12.2020).

СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. О – Опарный. М. : Наука, 1987. 381 с.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2011.

ТЛ – Тобольский лечебник XVII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 286 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М. : Прогресс, 1986. 672 с.

ЭСМТ – Энциклопедический словарь медицинских терминов. В 3 т. Т. 2–3. М. : Сов. энцикл., 1983–1984. URL: http://www.rubricon.com/dmt_1.asp (дата обращения: 03.12.2020).

REFERENCES

Antsiferova O.N., 2020. Nazvaniya bolezney i bolezennyykh sostoyaniy v izdanii V.M. Florinskogo «Russkiye prostonarodnye travniki i lechebniki»: sostav, slovoobrazovatel'nye modeli [Names of Diseases and Painful Conditions in Publication of V.M. Florinsky "Russian Common Folk Herbalists and Healers": Composition, Word-Formation Models]. *Nauchnyi dialog*, no. 2, pp. 9–20. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20.

Afanas'yev A.N., 1994. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov. V 3 t. T. 1* [Poetic Views of the Slavs on Nature: The Experience of a Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with the Mythical Legends of Other Related Peoples. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Indrik Publ. 803 p.

Buslaev F.I. *O narodnoy poezii v drevnerusskoy literature. Rech', proiznesennaya 12 yanvarya 1859 g.* [On Folk Poetry in Ancient Russian Literature. Speech Given on January 12, 1859]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003648514 (accessed 9 December 2020).

Glinkina L.A., Vykhristyuk M.S., 2006. Tobol'skiy spisok lechebnika XVII – nachala XVIII v. v kontekste russkoy traditsionnoy kul'tury [Tobolsk List of the Medical Book of the 17th–Early 18th Century in the Context of Russian Traditional Culture]. *Nauchnyi al'manakh. Traditsionnaya kul'tura*, no. 2, pp. 57–64.

Golitsyna O.Yu., 2009. *Meditsina v kul'ture Rossii XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Medicine in the Culture of Russia in the 18th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd. 29 p.

Gruzdev V.F., 1974. Rukopisnye lechebniki v sobranii Pushkinskogo Doma [Handwritten Medical Books in the Collection of the Pushkin House]. Likhachev D.S., ed. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., vol. 29, pp. 343–348.

Dem'yankov V.Z., 2020. O yazykovykh tekhnikakh adaptatsii mneniya [On Linguistic Techniques of Adapting Opinions]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 5–17.

Zhivov V.M., 1996. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in the 18th Century Russia]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ. 591 p.

- Ippolitova A.B., 2004. *Russkiye rukopisnye travniki XVIII veka kak fenomen kul'tury: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Handwritten Herbals of the 18th Century As a Cultural Phenomenon. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 28 p.
- Ippolitova A.B., 2008. *Russkiye rukopisnye travniki XVII–XVIII vv.: issledovaniye fol'klora i etnobotaniki* [Russian Handwritten Herbalists of the 17th–18th Centuries. Study of Folklore and Ethnobotany]. Moscow, Indrik Publ. 512 p.
- Kolesov V.V., 1987. *Iz lechebnikov i travnikov* [From Medical Books and Herbals]. Dmitriyev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vyp. 9. Konets XVI – nachalo XVII v.: sbornik* [Literary Monuments of Ancient Russia. Iss. 9. Late 16th – Early 17th Century. Collection]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 492–527, 607–613.
- Koskina N.A., 2013. *Sibirskiyе rukopisnye lechebniki XVII–XVIII vv. v aspekte knizhnosti i razgovornosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Siberian Handwritten Medical Books of the 17th–18th Centuries in the Aspect of Bookishness and Colloquiality. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Arkhangel'sk. 23 p.
- Kotkova N.S., 1991. *Lechebnik posledney treti XVII veka* [Medical Book of the Last Third of the 17th Century]. Dem'yanov V.G., Tarabasova N.I., eds. *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI–XVII vv.: sb. st.* [Sources on the History of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ, pp. 173–195.
- Leont'yeva G.A., Lipinskaya V.A., 2006. *Russkiy starobryadcheskiy lechebnik* [Russian Old Believer Medical Book]. Moscow, Archeodoxia Publ. 128 p.
- Lipinskaya V.A., Leont'yeva G.A., 1998. *Starobryadcheskiy travnik iz Yuzhnoj Sibiri (k materialam vneshnej kritiki)* [Old Believer Herbalis from South Siberia (To the Materials of External Criticism)]. *Mir starobryadchestva* [The World of the Old Believers]. Moscow, ROSSPEN Publ., iss. 4, pp. 315–320.
- Likhachev D.S., 1983. *Tekstologiya: Na materiale russkoy literatury X–XVII vekov* [Textology: Based on the Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ. 645 p.
- Lihachev D.S., 1987. *Podstupy k reshitel'nym peremenam v stroenii literatury* [Approaches to Drastic Changes in the Structure of Literature]. Dmitriyev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vyp. 9. Konets XVI – nachalo XVII v.: sbornik* [Literary Monuments of Ancient Russia. Iss. 9. Late 16th – Early 17th Century. Collection]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 5–22.
- Moroz K.V., 2014. *Tipizirovannye tekstoobrazuyushchiye modeli razgovornogo sintaksisa tobol'skogo «Lechebnika XVII veka»* [Typed Text-Forming Models of the Colloquial Syntax of the Tobolsk “Medical Book of the 17th Century”]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'noy obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], no. 6, part 2, p. 148. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=5269> (accessed 9 December 2020).
- Pimenova M.V., 1986. *Sposoby nominatsii tsveta v rukopisnykh travnikakh XVII–XVIII vv.* [Methods for Nominating Color in Handwritten Herbals of the 17th–18th Centuries]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury*, iss. 4, pp. 66–70.
- Pimenova M.V., 1987. *Semantika tsvetooboznacheniy po pamyatnikam drevnerusskoy literatury (na materiale travnikov, lechebnikov, ikonopisnykh podlinnikov): dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of Color Designations According to the Monuments of Old Russian Literature (Based on the Material of Herbals, Medical Books, Icon-Painting Guides). Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad. 205 p.
- Pimenova M.V., 2010. *K istorii nazvaniy i opisaniy rasteniy (na materiale «prostonarodnykh» travnikov)* [To the History of the Names and Descriptions of Herbs (On the Basis of People's Herbs' Books)]. Cherepanova O.A., ed. *Istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya. Vyp. 8: mezhvuz. sb.* [Historical Lexicology and Lexicography. Interuniversity Collection. Iss. 8]. Saint Petersburg, Izd-vo Filologicheskogo fakul'teta SPbGU, pp. 118–127.
- Ursu-Arkhipova A.P., 2005. *Tobol'skiy «Travnik XVIII veka» kak lingvisticheskiy istochnik: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Tobolsk “Herbal of the 18th Century” As a Linguistic Source. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk. 23 p.
- Florinskiy V.M., 1879. *Russkiye prostonarodnye travniki i lechebniki. Sobraniye medicinskikh rukopisey XVI i XVII stoletiya* [Russian Folk Herbals and Medical Books. Collection of Medical Manuscripts of the 16th and 17th Centuries]. Kazan, Tipografiya Imperatorskago universiteta. 229 p.
- Chodurska H., 2003. *Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII–XVIII*. Kraków, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 409 s.
- Kur-Kononowicz J., 2014. *Nazvaniya kustarnikov v russkom yazyke kak predmet lingvisticheskikh issledovaniy* [Shrub Names in Russian As a Subject of Linguistic Research]. Czapiga A., Czapiga Z., eds. *Tekst – Predlozhenie – Slovo* [Text – Sentence –

- Word]. Rzeszów, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, pp. 24–34.
- Kur-Kononowicz J., 2016. Rosa Sibirica, Rosa Canina i drugie dikorastushchie rozy: russkie i pol'skie nazvaniya [Rosa Sibirica, Rosa Canina and Other Wild Roses: Russian and Polish Names]. *Filologicheskij diskurs: vestn. In-ta filologii i zhurnalistiki Tyumen. gos. un-ta* [Philological Discourse. Bulletin of the Institute of Philology and Journalism of Tyumen State University]. Tyumen, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, iss. 13, pp. 52–61.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Leont'yeva G.A., Lipinskaya V.A. Lechebnik XVIII veka iz Altayskogo kraja [Medical Book of the 18th Century from Altai Krai]. *Russkiy staroobryadcheskiy lechebnik* [Russian Old Believer Medical Book]. Moscow, Archeodoxia Publ., 2006, pp. 12–58.
- Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVIII* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. XVIII]. Saint Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya, 1901. 960 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989. 699 p.
- Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. V 2 t. T. 1* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Derivational. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1209 p. URL: <http://www.endic.ru/efremova/Travnik-109213.html> (accessed 3 December 2020).
- Malyi entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. V 4 t. T. 2. Vyp. 4. Pochva – Issop* [Small Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. In 4 Vols. Vol. 2. Iss. 4. Pochva – Issop]. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1909. 2214 p.
- Lechebnik, ili Prokhladnyi vertograd* [Book Called Cool Garden]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009995086 (accessed 15 December 2020).
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 12. O – Oparnyy* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 12. O – Oparnyy]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 381 p.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1–19* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1984–2011, iss. 1–19.
- Glinkina L.A. *Tobol'skiy lechebnik XVII veka* [Tobolsk Medical Book of the 17th Century]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2003. 286 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p.
- Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov. V 3 t. T. 2–3* [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms. In 3 Vols. Vol. 2–3]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983–1984. URL: http://www.rubricon.com/dmt_1.asp (accessed 3 December 2020).

Information About the Authors

Olga V. Trofimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Tyumen State University, Respubliki St, 9, 625003 Tyumen, Russia, otrofim@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0577-2443>

Anastasia V. Petrukhina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philological Disciplines, Tyumen State Medical University, Odesskaya St, 54, 625023 Tyumen, Russia, kosivets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2886-6688>

Информация об авторах

Ольга Викторовна Трофимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Тюменский государственный университет, ул. Республики, 9, 625003 г. Тюмень, Россия, otrofim@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0577-2443>

Анастасия Владимировна Петрухина, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин, Тюменский государственный медицинский университет, ул. Одесская, 54, 625023 г. Тюмень, Россия, kosivets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2886-6688>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

UDC 811.161.1'38
LBC 81.411.2-55

Submitted: 11.02.2021
Accepted: 11.05.2021

REGULATIONS OF PETER THE GREAT IN THE ASPECT OF IMPERATIVENESS¹

Dmitriy V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Natalia V. Pushkareva

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. In the era of Peter the Great, a new genre of regulations appeared in the Russian official language, with the help of which the authorities tried to introduce new, European principles of governing the country in Russia. The authors of the regulations were faced with the difficult task of finding speech means adequate to the new genre, corresponding both to the communicative tasks and to the addressee of the regulations. The performed analysis demonstrates a significant update of the means of the official language used in the Peter's regulations. In particular, the ways of expressing imperative have undergone a significant transformation. Along with the independent infinitive, which was inherited from pre-Petrine official speech, imperativeness begins to be expressed by various lexical means – both Russian and borrowed in origin (Polonisms, Germanisms, Latinisms): modifiers *dolzhen* 'must', *imet* 'have to', *nadlezhit* 'should', *prinuzhden* 'be forced', etc. in combination with the infinitive, a particle *da* 'let' in combination with a verb in the present or future tense, etc. The models differed not only in origin and stylistic coloring, but also in their compatibility. Changes in the system of imperative means were due to various reasons – semantic (the need to more accurately express the imperative meaning), stylistic (the desire to make a business text more bookish, to tear it away from the colloquial basis), socio-cultural (the influence of European text patterns and socio-cultural models).

Key words: business language, history of business Russian, 18th century, Petrine epoch, regulations, imperativeness, modal modifier, intensifier.

Citation. Rudnev D.V., Pushkareva N.V. Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 36-49. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

УДК 811.161.1'38
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 11.02.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

РЕГЛАМЕНТЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В АСПЕКТЕ ИМПЕРАТИВНОСТИ¹

Дмитрий Владимирович Руднев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Наталья Викторовна Пушкарева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В период правления Петра I в русском деловом языке возникает жанр регламента, при помощи которого в России внедрялись новые, европейские принципы управления страной. Это обусловило поиск адекватных новому жанру речевых средств, соответствовавших его коммуникативным задачам и ориентированных на определенного адресата документа. Материалом для анализа послужили Артикул воинский, Генеральный регламент и Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи. Результаты проведенного исследования демонстрируют существенное обновление средств делового языка, использованных в петров-

ских регламентах. Показано, что значительной трансформации подверглись способы выражения императивности. Установлено, что наряду с независимым инфинитивом, унаследованным из допетровской деловой речи, императивность начинает выражаться разнообразными конструкциями, содержащими русские и заимствованные лексические единицы (полонизмы, германизмы, латинизмы): модальными модификаторами *должен, иметь, надлежит, принужден* и др. в сочетании с инфинитивом, частицей *да* в сочетании с глаголом в настоящем или будущем времени и проч. Выявлены сочетаемостные различия средств выражения императивности в регламентах. Аргументировано, что изменения в системе императивных средств были обусловлены различными причинами: семантическими (необходимость точнее выразить императивное значение), стилистическими (стремление «окнижить» деловой текст), социокультурными (ориентация на европейские текстовые образцы и социокультурные модели).

Ключевые слова: деловая речь, история русского делового языка, XVIII век, Петровская эпоха, регламент, императивность, модальный модификатор, интенсификатор.

Цитирование. Руднев Д. В., Пушкарева Н. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 36–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

Введение

Современную административную культуру невозможно представить без регламентирующих документов, в которых «в целях упорядочения определенного участка деятельности зафиксированы те или иные часто повторяющиеся операции участников процесса, а также сроки исполнения тех или иных технологических операций» [Шарипова, 2014, с. 83]. Регламенты определяют функции и задачи, полномочия и ответственность, связи, средства поощрения и принуждения участников процесса.

Регламентирующие тексты современного типа появляются в России на рубеже XVII–XVIII вв. под влиянием европейских образцов, что было обусловлено стремлением Петра I создать регулярное государство европейского типа, воплотившимся прежде всего в изменении принципов управления страной под влиянием европейской политической теории, представлявшей государство в виде механизма. Построение государства на основе принципов механики побуждало власть к регламентации действий жителей страны при выполнении должностных обязанностей.

В допетровский период деловым жанром, имеющим некоторые признаки регламентов, была *наказная память*. Этот жанр известен с середины XVI в. и был одной из разновидностей *памяти*, по определению А.Н. Качалкина, документа, представляющего собой распоряжение, предписание старшего по положению лица или учреждения на конкретные действия своим подчиненным [Качалкин, 1989, с. 26]. Например:

Лета 7107 Генваря в 15 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, память Григорью Чернышову. Ехати ему по Переславской дороге до села до Тонинскаго и где встретит, с Сибирскими царевичи и с царицами, Савина Воейкова с товарищи; а где встретит, и Григорью говорить Савину Воейкову с товарищи, чтоб оне ехали с Сибирскими царевичи и с царицами в Троецкое село въ Ростokino, а в Ростokino б с царевичи ночевали и были б наготове... (Память Григорию Чернышову о удержании Кучюмова семейства в селе Ростokino до государева указа, 15 января 1599 г.) (АИ, с. 16).

Наказные памяти составлялись в приказе или местном учреждении и, наделяя лицо полномочиями для выполнения какого-либо конкретного поручения, содержали инструкцию по его выполнению. Имея некоторые признаки инструкции, наказная память была лишена важных признаков регламентирующих документов – повторяемости регламентируемых действий и, как следствие, деперсонифицированности.

В петровское время появляется ряд регламентов, определивших жизнь страны на много десятилетий вперед: «Артикул воинский» (1715), «Устав воинский сухопутный» (1716), «Морской устав» (1720), «Генеральный регламент» (1720), «Духовный регламент» (1721), «Регламент Главному магистрату» (1721), «Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи» (1722).

Регламенты не подменяли волю государя, а были особой текстовой формой ее постоянной трансляции. Так, в предисловии к Артикулу воинскому говорилось: «Повелева-

ем всем обще нашим генералам, штаб-, обер- и унтер-офицерам и солдатам, как подданным, так и чужестранным в службе нашей пребывающим, послушным и покорным быть по своей должности и все пункты сего Артикула право исполнять...» (АВ, с. 1); аналогичное этому указание видим в Генеральном регламенте: «Того ради его императорское величество за потребно рассудить изволил всем в вышеписанных государственных коллегиях обретающимся вышним и нижним служителям обще и каждому особо сим генеральным регламентом во известие и вместо генеральной инструкции (наказу) всемилоостивейшее свое повеление в нижеписанных главах объявить» (ГР, с. 2). В присутствии императора его воля оказывалась выше предписаний регламента: «...где его царское величество своею высокою особою присудствен, то всех начальников власть и сила отнята есть, кроме тех, которым от его величества нарочно что управлять повелено будет» (АВ, с. 18).

Регламенты были ориентированы на коллективного адресата, в том числе и на тех, кто не был обучен грамоте: так, военные регламенты регулярно читались перед строем или во время приема пищи (в последнем случае можно усмотреть приспособление монастырской традиции чтения жития святых во время общей трапезы). Возможность чтения регламентов перед строем следует принимать во внимание при анализе используемых в них речевых средств.

Петровские регламенты характеризуются значительной новизной используемых языковых ресурсов, в том числе средств выражения императивности (побуждения, волеизъявления). Этому можно дать два объяснения: с одной стороны, регламентирующие тексты как новый жанр требовали новых речевых средств, с другой стороны, установка на новизну имела во многом осознанный характер: новые речевые средства должны были подчеркнуть противопоставление нового регулярного государства, новой управленческой культуры предшествующей традиции. Кроме того, были и иные причины – семантического и стилистического порядка, – о которых будет сказано ниже.

Цель статьи – описать средства выражения императивности в регламентах петров-

ского времени. Актуальность такого исследования обусловлена тем, что петровские регламенты явились первыми по времени русскими регламентами и отразили изменения как в административной культуре страны, так и в языке управления. Изучение истории формирования средств выражения императивности помогает глубже понять современную систему этих средств в деловых текстах, в частности в регламентах.

Материал и методы

Материалом для наших наблюдений послужили три регламента – Артикул воинский, Генеральный регламент и Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи. Выбранные для лингвистического анализа регламенты регулировали разные стороны жизни страны (военную и гражданскую) и связаны с разными периодами законотворческой деятельности Петра I. Это позволило корректно описать репертуар средств выражения императивности в текстах регламентов петровского времени, проследив возможную зависимость использования этих средств от тематики и адресата регламента, а также от времени его создания.

В работе использованы описательный, сравнительно-исторический методы, контекстуальный, валентностный анализ, прием количественных подсчетов.

Остановимся на понятии императивности, используемом в статье. Деловое общение (а следовательно, и тексты, при помощи которых оно осуществляется) «характеризуется ярко выраженной стратегией воздействия адресанта на адресата с целью побуждения второго к совершению определенного (чаще всего посткоммуникативного) действия» [Комлева, 2003, с. 4–5], цель делового общения – «предписать типовому адресату нормы поведения и установить порядок осуществления деятельности в конкретной деловой сфере» [Ширинкина, 2018, с. 120].

В стилистике эту черту деловой речи описывают как стилевую окраску долженствования, побудительность, директивность, предписывающий характер (прескриптивность), императивность и т. д. В правоведении основными способами правового воздействия при-

знаются запрет, дозволение и позитивное обязывание, в качестве дополнительных – утверждение, рекомендация, поощрение и др. [Бошно, 2014, с. 55–60].

Обязывание выражается широким набором средств: лексемами с семой волеизъявления (*обязанность, полномочия*), глагольной формой настоящего предписания, модально-инфинитивными конструкциями (с модальными операторами *должен, обязан, следует*), речевыми клише (*в установленном порядке* и др.) и проч. Семантика дозволения (необязательного следования) выражается лексемами *вправе, допускается, разрешается* в сочетании с инфинитивом или отглагольным существительным; семантика запрета – сочетаниями отрицательной частицы *не* и лексемами *вправе, мочь, допускаться, разрешаться*.

«В документе может происходить как усиление категоричности предписания, так и ее уменьшение» [Ширинкина, 2018, с. 125]. Интенсивность реализуется как мера волеизъявления различными средствами, в частности прилагательными, наречиями, усиливающими или смягчающими степень категоричности (*только, обязательный, обязательно, исключительный, исключительно, всегда, не позже*), при помощи возможного выбора синонима (*должен и обязан*), предпочтения при выборе вида глагола (подробно о средствах реализации интенсивности см.: [Ширинкина, 2018; Орлова, 2014]).

Эмоциональность документного текста зависит от способов реализации волеизъявления, соотношения семантики обязывания, дозволения и запрета, от наличия в тексте интенсификаторов волеизъявления. Так, имплицитный способ выражения обязывания (настоящее долженствования) формирует эмоционально нейтральный тон, тогда как «высказывания с эксплицитным императивом, акцентирующие волеизъявление, в эмоциональном плане дальше от нулевой точки шкалы» [Орлова, 2014, с. 193].

Наряду с пониманием императивности как стилистической окраски делового текста существует ее семантическое толкование, представленное, например, в работах А.В. Бондарко, описывающего ее через понятие императивной ситуации – «типовой содержательной структуры, основными элементами которой

являются: 1) субъект волеизъявления (C_1), 2) субъект-исполнитель (C_2), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от C_1 и обращенного к C_2 : каузируется действие (в широком смысле), направленное на преобразование пока (в момент волеизъявления t_1) ирреальной ситуации в ситуацию, которая по замыслу говорящего должна стать в результате каузируемого действия (в момент или период t_2) реальной» [Бондарко, 1990, с. 80]. В дальнейшем в статье используются понятия субъекта волеизъявления и субъекта-исполнителя, предложенные А.В. Бондарко.

Результаты и обсуждение

Средства выражения императивности в петровских регламентах

В деловом языке XVI–XVII вв. основным средством выражения императивности был инфинитив, реже использовались формы сослагательного наклонения глагола. По словам М.А. Соколовой, в «Судебнике» 1550 г. «все статьи, излагающие то или иное установление, пользуются исключительно формой инфинитива» [Соколова, 1952, с. 58]. Схожую ситуацию можно наблюдать в тексте «Соборного уложения» 1649 г., а также и в иных документах светской власти (см. также: [Колобова, 1995, с. 15–16]). В регламентах петровского времени набор средств выражения императивности существенно расширяется.

Выражение обязывания

Обратимся к количественному распределению разных средств выражения обязывания. В Артикуле воинском встретились такие способы, как: «*иметь* + инфинитив» (155 случаев), «*надлежит* + инфинитив» (68), формы будущего времени со значением предписания (58), независимый инфинитив (33)², формы настоящего долженствования (24), «*должен* + инфинитив» (23), «*долженствует* + инфинитив» (12), «*надобно* + инфинитив» (9), «*бывают* + страдательное причастие» (9), «*да* + будущее время глагола» (7), «*принужден* + инфинитив» (7) и некоторые другие (*должно* (3), *потребно* (3), *обязан* (1) и проч.).

Как можно видеть из приведенных данных, главным способом выражения были модальные операторы *иметь*, *надлежит* в сочетании с инфинитивом и формы будущего времени со значением долженствования. Инфинитив оказывается далеко не самой частотной формой в Артикуле.

Средства выражения обязывания в Генеральном регламенте в целом те же, но их количественное распределение оказывается иным: «*надлежит* + инфинитив» (77 случаев), независимый инфинитив (49), «*иметь* + инфинитив» (47), формы настоящего долженствования (41), «*должен* + инфинитив» (21), формы будущего времени со значением долженствования (12), «*повинен* + инфинитив» (7), «*долженствовать* + инфинитив» (5), «*должность есть* + инфинитив» (5) и некоторые другие.

В Адмиралтейском регламенте средства выражения обязывания распределяются следующим образом: независимый инфинитив (729 случаев), «*должен* + инфинитив» (318), «*надлежит* + инфинитив» (253), формы будущего времени со значением долженствования (69), «*чтоб* + л-форма глагола» (55), «*иметь* + инфинитив» (37), «*повинен* + инфинитив» (33), «*должно* + инфинитив» (16). Единичными случаями представлены такие средства выражения обязывания, как формы настоящего долженствования (6), «*надобно* + инфинитив» (5), «*повинно* + инфинитив» (2), «*долженствует* + инфинитив» (2) и др. При сопоставлении с данными Артикула воинского обнаружено, что конструкция «*иметь* + инфинитив» реализуется редко, а в Адмиралтейском регламенте фиксируется увеличение доли независимого инфинитива. Можно предположить, что малая представленность конструкции «*иметь* + инфинитив» обусловлена нечеткостью выражения ею предписывающей модальности регламента.

В некоторых случаях средства выражения обязывания употреблены как синонимичные:

(1) Ежели кто кому прикажет кого смертно убить, оный тако ж, яко убийца, сам **имеет казнен быть** смертию, а имянно голову ему **отсечь** (АВ, с. 122);

(2) ...оный [утаивший государственные деньги] живота **лишится** и **имеет быть повешен**. Тую

же казнь **чинить** и тем, кои ведаю про то, а не известят (АВ, с. 142).

Однако замена была возможна не всегда, что обусловлено различиями в семантике этих средств, особенностями их левосторонней (субъектной) и правосторонней сочетаемости, выбором между личной и безличной моделью выражения обязывания, а также стилистическими причинами. Кроме того, немаловажными оказываются прагматические факторы – особенности адресата, способ донесения содержания регламента до адресата, способ обязывания и др.

Охарактеризуем средства эксплицитного выражения обязывания.

Ярким средством выражения обязывания является речевая формула *его императорское величество повелевает*:

(3) **Его императорское величество повелевает, чтоб** никто не дерзал, какого б чина и достоинства он ни был, в камеру судейского правления войти... (ГР, с. 18).

Основным средством выражения обязывания в допетровской деловой письменности было инфинитивное предложение. Оно продолжает употребляться и в регламентах. Доля таких предложений в исследуемых документах неодинакова: так, в Адмиралтейском регламенте они составляют большинство случаев выражения обязывания. Независимый инфинитив предпочтителен в заголовках к статьям регламентов:

(4) Леса на боты и шлюпки **подряжать** возить сухие в крытых судах (АР, с. 8),

а в статьях регламентов – при описании последовательности выполнения каких-либо действий:

(5) Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, онаго **колесовать**, а тело его на колесо **положить**, а за прочих мечем **наказать** (АВ, с. 123).

Кроме инфинитивного предложения, использовались другие односоставные предложения для выражения обязывания, содержащие конструкции «*надлежит* + инфинитив», «*должно* + инфинитив», «*надобно* + инфинитив»,

«нужно + инфинитив» и проч. Предложения с глаголом *надлежит* ‘должно, нужно, следует’ (СлРЯ XVIII, вып. 13, с. 174) получают широкое распространение в петровское время, хотя практически неизвестны в предшествующую эпоху (не исключено, что модель является результатом польского влияния [Besters-Dilger, 1997, p. 21]). В регламентах конструкция «*надлежит* + инфинитив» – одна из самых частотных для выражения обязывания:

(6) Прежде **надлежит** вверху листа год и число **написать**, потом присутствующие члены **записать** и потом протокол **держать** (ГР, с. 23).

На первый взгляд, безличная конструкция «*надлежит* + инфинитив» дублирует инфинитивную. Однако это справедливо лишь отчасти. Во-первых, введение в инфинитивное предложение модального оператора *надлежит* меняет стилистическую окраску конструкции: инфинитивное предложение связано с разговорной речью, из которой проникло в деловые документы; введение *надлежит* придает выражению обязывания книжную окраску. Окнижение, олитературивание деловой речи – одна из тенденций Петровской эпохи. Во-вторых, модальность инфинитивного предложения неоднозначна: инфинитивное предложение могло, помимо обязывания, выражать значение возможности. Введение модального оператора *надлежит* снимает неоднозначность. В-третьих, инфинитив обычно сопровождается дательным субъекта. Предложения с *надлежит* также могут включать в свой состав дательный субъекта:

(7) А ежели в таких корреспонденциях какое непотребное замедление учинится, в том особливо **президенту отвечать надлежит**... (ГР, с. 14). Однако часто предложение не содержит указания на субъект, отчего предписание приобретает более обобщенный характер. Кроме того, модальный оператор *надлежит* изредка употребляется и в двусоставном предложении (хотя и с неактивным грамматическим субъектом):

(8) ...которые [указы] **надлежат быть письменные и заручены**, а не словесные... (ГР, с. 6).

При реализации семантики обязывания в двусоставных предложениях субъект-испол-

нитель предписываемого действия находится в позиции подлежащего (в инфинитивном предложении он выражен субъектным дополнением). Множество способов выражения обязывания в двусоставном предложении, встречающихся в текстах регламентов, по-видимому, следует рассматривать как поиск наиболее точной модели, которая еще не грамматализировалась в русском языке. В современном деловом языке чаще всего используются краткие модальные прилагательные *должен* и *обязан*. В регламентах петровского времени европейская калька *обязан* еще не получила распространения и встречается лишь в единичных случаях:

(9) Ежели кто с девкою пребудет или очреватит ее под уговором, чтоб на ней жениться, то он сие **содержать** и на чреватой **жениться** весьма **обязан** (АВ, с. 131–132).

В значении ‘обязан’ в регламентах изредка встречаются лексические единицы *повинен* или *принужден*:

(10) Также **надлежит** ему [переводчику] свой перевод во свидетельство подписывать: сие **повинен** он **исполнять** под такими ж штрафами и наказаниями, как в должности секретарской написано (ГР, с. 25);

(11) А офицер, ежели знатной причины в том не объявит, тогда за рядового несколько времени **служить принужден будет** (АВ, с. 59).

Полонизм *повинен* (*powinien*) в XV в. проник в украинский и белорусский языки, где используется до сих пор [Besters-Dilger, 1997, p. 27–28]; в современном польском деловом языке *powinien* выражает долженствование с дополнительной модальной семой вынужденности [Магдалинская, 2015, с. 15] (см. также: [Магдалинская, 2011, с. 194; Ваулина, Магдалинская, 2012, с. 13–14]).

Модальный предикатив *должен* известен уже с древнерусской эпохи (семантическая история слова *должен* представлена в: [Дронова, 2006, с. 191–204]), «в старорусский период начинается его последовательное движение к центру микрополя необходимости» [Ваулина, 1991, с. 29]. В Петровскую эпоху он сохранял живую связь с существительным *долг* и преимущественно употреблялся в предложениях с личным подлежащим, причем ин-

финитивная часть была выражена глаголом действительного залога:

(12) Каждый офицер, который в крепости, лагере, на валу, у ворот или в поле караул имеет, **должен** в том **ответ дать...** (АВ, с. 35);

(13) ...но каждый [член коллегии] с надлежащим прилежанием и ревностью **службу** свою **отправлять** и **попечение иметь должен** (ГР, с. 11).

Признаки расширения сочетаемости *должен* можно отметить в Адмиралтейском регламенте:

(14) **Должны быть уничтожены** всякие росписки или с них списки и сертификаты, которые не таким образом зделаны, как в регламенте положено (АР, с. 15).

Чаще всего в двусоставном предложении при выражении обязывания используется модальный оператор *иметь*, который сравнительно с другими операторами обладает широкой сочетаемостью как с грамматическим субъектом, так и с приглагольной (инфинитивной) частью. В качестве подлежащего встречаются и личные одушевленные, и предметные неодушевленные существительные. В сочетании с личными существительными (а также местоимениями, обозначающими лицо) *иметь* может присоединять инфинитив в действительном залоге, инфинитив в страдательном залоге или инфинитивную часть, выраженную сочетанием *быть* и страдательным причастием:

(15) Президенты и вице-президенты **имеют** того **смотреть**, чтоб служители при коллегиях, канцеляриях и канторах до последнего должность свою знали... (ГР, с. 20);

(16) Служба божия **имеет отправляться** по вся утра и вечера и полдень... с пением и молением в лагерях... (АВ, с. 13);

(17) Того ради надлежит публичному месту **быть**, где в указное время все наказание на теле и лишение живота **чинено быть имеет...** (ГР, с. 35);

(18) Когда офицер при молитве пьян явится, а чрез оное пьянство другим соблазн учинит, тогда оный **имеет** впервые и вдругоредь арестом у профоса **наказан**, а втретие на несколько времени от службы **оставлен** и рядовым **учинен быть** (АВ, с. 14).

Наиболее частотно употребление модального глагола *иметь* в сочетании с конструкцией «*быть* + страдательное причастие». Возможно и безличное употребление *иметь*:

(19) В обозе всюды чисто **держано имеет быть...** (АВ, с. 66).

Хотя конструкция «*иметь* + инфинитив» известна в древнерусском языке как один из способов выражения будущего времени с оттенком долженствования [Дронова, 2006, с. 205–207], изредка желательности или возможности [Ваулина, 1988, с. 44], ее распространение в документах Петровской эпохи в качестве средства выражения обязывания следует отнести к польскому влиянию (*mieć* + инфинитив), поскольку эта конструкция в модальном значении появляется в русских текстах со второй половины XVI в., то есть тогда же, когда активизируется польское влияние на русский язык. В свою очередь, польская конструкция могла быть результатом либо калькирования немецкой конструкции *haben zu* (калька XII–XIII вв. французского *avoir à*), либо влияния средневековой латыни (*habeo* + инфинитив) [Besters-Dilger, 1997, p. 22–25].

Отметим, что модальное значение конструкции «*иметь* + инфинитив» в регламентах не всегда возможно отграничить от значения будущего времени, например:

(20) Всякой бунт, возмущение и упрямство без всякой милости **имеет быть** виселицею **наказано** (АВ, с. 102).

В польском языке *mieć* в сочетании с инфинитивом часто выражает оттенок запланированности действия, семантически соответствуя русскому *предстоит*, «для официально-деловых документов и научных текстов глагол *mieć* нетипичен» [Магдалинская, 2015, с. 16]. Нельзя исключать, что именно недостаточно ясная модальная семантика глагола *иметь* способствовала сокращению употребления конструкции «*иметь* + инфинитив» в более поздних петровских регламентах. Так, в Адмиралтейском регламенте она представлена всего 37 случаями, большинство из них приходится на сочетания с инфинитивом *быть*:

(21) А урот первые начальники **имеют быть** капитаны... (АР, с. 21);

(22) Все палаты в Арсенале **имеют построенные быть** близко воды и крепко зделаны (АР, с. 39).

Кроме полонизмов, в выражении обязывания изредка использовалась церковнославян-

ская конструкция «*да* + форма настоящего / будущего времени глагола»:

(23) Овощные воры, также же которые дрова, кур, гусей и рыбы крадут, по рассмотрению воровства **да накажутся** (АВ, с. 140);

(24) ...а взятые за то деньги купно с теми, кои найдутся в корманах [!], **да будут употреблены** по указу от Коллегии в госпитал (АР, с. 143).

Далее охарактеризуем средства имплицитного выражения обязывания, к которым относится употребление форм настоящего и будущего долженствования, а также конструкции «*бывать* + страдательное причастие». Хотя формы настоящего и будущего времени глагола еще не закрепились в качестве средства выражения обязывания, обращает на себя внимание их широкое употребление, поскольку в контексте регламента они приобретают оттенок долженствования:

(25) Ежели же кто против сего поступит и пренебрежет, тот **наказан будет** денежным штрафом... (ГР, с. 7);

(26) Естли сие офицер учинит, **лишится** чина своего и имеет за рядового служить... (АВ, с. 39).

Можно отметить следующие особенности употребления в регламентах форм будущего времени в качестве средства выражения обязывания: 1) они используются для выражения страдательного залога, доминирует конструкция «*будет / будут* + страдательное причастие»; 2) их использование ограничено главной частью сложноподчиненного предложения с придаточным условным (придаточная часть выражает гипотезу правовой нормы, главная часть – ее диспозицию).

Сходно употребление конструкции «*бывать* + страдательное причастие прошедшего времени», в которой подчеркивается повторяемость и результативное значение:

(27) Еще также **повешены бывают** оные, которые в дезертировании поймаются (АВ, с. 75);

(28) Члены коллегиев ни к каким другим делам **употреблены не бывают**, кроме что чину их принадлежит... (ГР, с. 12).

Формы настоящего времени для выражения обязывания часто использованы в Генеральном регламенте и редко в военных регламентах. Возможно, это обусловлено тем, что

значение настоящего долженствования в документах петровского времени реализовывалось еще недостаточно четко:

(29) Сколь скоро коллегииум в вышепомянутое время и часы соберется, хотя и не все, но большая часть членов, то **доносит** и **четет** секретарь все в надлежащем порядке... (ГР, с. 7).

Распространение настоящего предписания происходит в эпоху Екатерины II.

В рассматриваемых документах обнаруживается взаимодействие разных форм выражения обязывания:

(30) Одним президентам, когда они присудствуют, **надлежит** от его императорского величества и от Сената в коллегии присылаемые указы **распечатывать**, а другие все из провинций и из других коллегей приходящая ведомости и письма **распечатывает**, кто первой по президенте, и потом оныя от секретарей **чтены бывают** по содержанию пятой главы сего регламента... (ГР, с. 15).

Примеры одновременного использования разных способов выражения обязывания, видимо, следует трактовать как признак отсутствия грамматикализации этих средств и системных связей между ними: в деловой речи происходил поиск наиболее точных моделей выражения обязывания путем уточнения их функций и преодоления полиномии.

Выражение разрешения

Разрешение, как и обязывание, выражается при помощи двусоставных и односоставных (безличных) предложений. Безличные конструкции содержат модальные предикативы *можно*, *свободно*, близкое к безличному *свобода дается* (в сочетании с инфинитивом):

(31) ...разве когда президенты за болезнью или других помешательств ради в коллегииум не могут быть, то **можно** им к себе секретаря или нотариуса призвать и чрез оных мнение свое коллегиию объявить... (ГР, с. 16);

(32) ...но надобно оное исправить, а по окончании той работы **свободно** есть ему [солдату] о неправом командировании жалобу **принести**... (ГР, с. 43),

либо (квази)безличные глагольные формы *позволяется*, *позволено*, *допускается*, *допуще-*

но, не запрещается (в сочетании с инфинитивом или отглагольным существительным):

(33) ...а ежели невозможно сыскать столько потребных российской нации [матросов], то **позволяется нанимать** и иноземцов, но токмо чтоб не более четвертой доли (АР, с. 26);

(34) Впрочем, в правах **позволено** вора, который в ночи в дом ворвется, без страха наказания **умертвить**, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно... (АВ, с. 138);

(35) ...и такое ему [преступнику] пременение имени в правах **допускается и не запрещается** (АВ, с. 147).

В двусоставной конструкции разрешение выражается при помощи глагола *мочь*:

(36) ...тогда **может** офицер потеряннем ружья своего, из которого он стрелял, и вычетом жалованья его на несколько месяцев, а рядовой шпицрутенами **наказан быть** (АВ, с. 33);

(37) ...но ежели кто будет ранен или болен, тогда **может** он о том офицеру **возвестить и обождать**, пока ему надлежащее позволение отлучитися дано будет (АВ, с. 69).

Двусоставная конструкция со значением разрешения может содержать глагол *позволять* (*изволять, соизволять*) и грамматический субъект, указывающий на источник волеизъявления (чаще всего – *его императорское величество, реже – регламент*):

(38) И **позволяет его императорское величество** коллегиям самим удобные способы о том... в доношение учинить (ГР, с. 30).

Выражение разрешения редко встречается в регламентирующих документах петровского времени.

Выражение запрета

Запрет выражается независимым инфинитивом с отрицанием (это наиболее частотная форма):

(39) ...и когда апробуется, тогда **не производить** в дело безписменного указа (ГР, с. 6);

(40) Мастеровых людей **не переводить** от одного мастерства к другому (АР, с. 86),

а также формами настоящего времени глаголов *запрещается, не позволяется*, причас-

тием *не позволено* в сочетании с инфинитивом, отглагольным существительным или в сочетании с придаточной частью в составе сложного предложения, которая присоединяется с союзом *чтоб / дабы*:

(41) Того ради чрез сие все идолопоклонство, чародейство (чернокнижество) накрепчайшее **запрещается**... (АВ, с. 8);

(42) ...и того ради **не позволяетца**, чтоб которой фамилии одной все были во одной гражданской службе, но, по препорции, и воинской (ГР, с. 28);

(43) ...понеже никому **не позволено** в коллегии о других делах разговоры иметь... (ГР, с. 18).

Выражение запрета при помощи модального слова с отрицанием *не может* в сочетании с инфинитивом лишено однозначности, которая характерна для перечисленных выше форм и конструкций:

(44) Однако ж они [арматоры³] **не могут** взять ни единого матроза из Адмиралтейства, разве о том в коллегии будет дан указ от его величества (АР, с. 33);

(45) По сему артикулу никакой офицер, ни салдат **не может** оправдаться, хотя с ним от фельд-маршала и генерала непристойным образом поступлено будет и ему от них некоторым образом оскорбление славы учинится... (АВ, с. 23).

В примере (45) *не может* интерпретируется и как отсутствие возможности, и как запрет; это характерно и для других случаев употребления *не может*, хотя весьма редких.

В эксплицитной форме запрет выражается при помощи речевой формулы *его императорское величество не позволяет*, где представлен субъект волеизъявления:

(46) Также **не позволяет его императорское величество, чтоб** в прихожих каморах коллегии какие писари или подьячие сидели и дел тамо отправляли... (ГР, с. 30).

В военных регламентах частотным средством выражения запрета являлась аналитическая форма повелительного наклонения глагола *держать* ‘сметь, осмеливаться, решаться на что-л.’ (СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 108) с отрицанием и в сочетании с инфинитивом. Чаще всего запрет выражался при помощи частицы *да* и формы настоящего времени либо формой сослагательного наклонения глагола *не держать*

(в Артикуле воинском 41 и 7 случаев употребления соответственно):

(47) Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать, и никто **да не дерзает** оным как словом, так и делом досаду **чинить**, и **презирать**, и **ругаться** (АВ, с. 15);

(48) А когда его [солдата] очередь к караулу или работе его величества придет, онаго **бы** отнюдь за свою работою **удерживать** и **препятствовать** **не дерзали** (АВ, с. 45).

Интенсификаторы обязывания и запрета

Использование интенсификаторов модальных значений обязывания и запрета связано с их сходством в выражении «строго определенного предписания действовать или воздержаться от действия в некоторых условиях, описываемых гипотезой» [Эйсман, 1972, с. 82].

В текстах петровских регламентов и уставов в функции интенсификаторов употреблены прежде всего наречия и наречные сочетания с интенсифицирующим значением: *без всякаго мотчания, весьма* ‘совсем, вполне’ (СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 76), *всеконечно, всемерно, зело, как скоро (скорее) возможно, надлежащим образом, наикрепчайше, (на)крепко, немедленно, необходимо, неотложно, неотменно, непременно, никакой нужды ради, ни под каким видом, отнюд(ь)* ‘совсем, вовсе, никоим образом’ (СлРЯ XVIII, вып. 18, с. 37), *прилежно, сколь скоро возможно, сколько возможно, с надлежащим прилежанием и ревностию* и др.:

(49) Також имеет подчиненный от всякаго непристойнаго рассуждения об указах, которые ему от начальника даны, **весьма** воздержаться (АВ, с. 26);

(50) Все указы, которые или в лагерях, или в крепостях при трубах, барабанах или при пароле объявятся, имеет каждый **необходимо** исполнять (АВ, с. 30–31);

(51) ...чего президенту и членам Адмиралтейской коллегии надлежит смотреть **накрепко** (АР, с. 26);

(52) ...и такого навестывания **отнюд** не допускать и не подписывать, но також протестовать (АР, с. 42).

Из перечисленных интенсификаторов регулярную представленность в регламентах

демонстрируют наречия *весьма, отнюдь, немедленно, (на)крепко*. Лексическая пестрота была обусловлена новизной употребления этого класса слов, со временем их количество уменьшалось, а состав стабилизировался. Разные интенсификаторы характеризовали разные аспекты совершения предписываемого действия – быстроту (*немедленно, неотложно, без мотчания*), активность адресата при его выполнении (*прилежно, накрепко, с надлежащим прилежанием, с надлежащим старанием*), соответствие установленному порядку (*неотменно, непременно, надлежащим образом*), полноту достижения результата или запрета (*весьма, отнюдь*). При выражении запрета интенсификаторами регулярно выступали также отрицательные местоимения и местоименные наречия, усиливавшие полноту запрета, – *никто, нигде* и проч.:

(53) ...а без отпуску **никому** **никуда** отъезжать не позволяется... (АР, с. 11).

Способом усиления предписания в регламентах петровского времени является указание на разного рода кары за его неисполнение: *под опасением лишения чести и живота, под потеряннем живота, под лишением живота, под опасением жестокаго наказания, под наказанием смерти, без всякой милости, под смертною казнию, под наказанием смертным, под опасением штрафа, под лишением жалованья* и мн. др.

Регламентирующие документы Петровской эпохи характеризуются высокой плотностью употребления интенсификаторов при выражении обязывания и запрета. Отчасти это было обусловлено влиянием европейских образцов, отчасти – новизной регламентирующих жанров и, возможно, опасением адресанта документа, что из-за недостаточной дисциплины со стороны адресата регламентов они не будут выполняться. Все это создает специфическую жесткую тональность петровских регламентов. Следует, однако, иметь в виду, что власть пыталась повысить эффективность выполнения регламентирующих документов не только устрашением, но и разъяснениями. Так, в Артикуле воинском встреча-

ются многочисленные толкования к артикулам, выделенные графически, в других регламентах и уставах толкование включается в текст, например:

(54) **Понеже должность его** [нотариуса] **чина в том состоит, чтоб он при собрании коллегии протокол держал**, того ради надлежит ему оной следующим образом сочинять (ГР, 23).

При выражении разрешения интенсификаторы обычно не употребляются, однако в качестве исключения можно отметить и такие случаи:

(55) Также **не вельми охотно** позволяется, чтоб офицер другаго, которой караулу в том месте не имеет, на караул с собою брал... (АВ, с. 35).

В данном примере сочетание *не вельми охотно* ослабляет предоставляемую возможность выбора, с одной стороны, и актуализирует субъекта волеизъявления, который предоставляет разрешение, с другой стороны.

Выводы

Петровские регламенты представляли собой новый жанр в российской деловой коммуникации, речевое оформление которого потребовало привлечения новых языковых средств. Значительной трансформации и обновлению подверглись средства выражения императивности, использовавшиеся в деловых текстах. Наряду с традиционно употреблявшимся для выражения обязывания инфинитивом, тексты регламентов содержат большое количество новых средств (*надлежит, должен* и проч. в сочетании с инфинитивом, формы настоящего и будущего времени глагола), в том числе заимствованных – полонизмов, германизмов, латинизмов (*иметь, повинен* в сочетании с инфинитивом и др.). Новизна используемых средств проявлялась и в случаях их контаминации типа *да долженствует* (+ инфинитив), *да не имеет* (+ инфинитив).

Изменения в репертуаре императивных средств были обусловлены различными причинами: семантическими (необходимость точнее выразить императивное значение), стилистическими (стремление «окнижить» деловой текст), социокультурными (утверждение двусоставной модели, где субъект-исполни-

тель занимал позицию подлежащего для выражения императивности под влиянием европейских текстовых образцов).

Императивную тональность петровских регламентов можно охарактеризовать как жесткую. Для ее усиления использовался широкий круг различных интенсификаторов, которые подчеркивали полноту запрета, необходимость совершать предписанное действие быстро, согласно установленной модели поведения, с внутренним напряжением и т. д. Усилению обязывания и запрета в регламентах способствовали угрозы наказания за несовершение предписанного действия. Необходимость употребления интенсификаторов была обусловлена, видимо, новизной регламентирующих текстов и опасением государя, что такие тексты не будут в полной мере эффективны как средство управления. Вместе с тем в регламентах можно обнаружить стремление адресанта убедить адресата в необходимости совершения предписываемых действий посредством разъяснения – что типично для деловой коммуникации петровского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the projects no. 20-012-00338 “The system of imperative means in the Russian official language of the XVIII century”.

² При подсчете инфинитивные предложения, занимавшие однородную позицию в составе сложного предложения, учитывались как одна форма. Это связано с тем, что некоторые другие формы выражения обязывания, например «*иметь* + инфинитив», «*надлежит* + инфинитив», регулярно употребляются с однородными зависимыми инфинитивами.

³ Арматор – ‘лицо, снаряжающее вооруженное судно для захвата купеческих кораблей неприятеля’ (СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 92).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарко А. В., 1990. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грам-

- тики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука. Ленингр. отд. С. 80–89.
- Бошно С. В., 2014. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. № 3. С. 52–60.
- Ваулина С. С., 1988. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л. : Изд-во ЛГУ. 143 с.
- Ваулина С. С., 1991. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л. 38 с.
- Ваулина С. С., Магдалинская Е. Н., 2012. Модальное микрополе необходимости в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. № 8. С. 12–17.
- Дронова Л. П., 2006. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск : Изд-во Том. ун-та. 256 с.
- Качалкин А. Н., 1989. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 48 с.
- Колобкова Л. В., 1995. Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII – начала XVIII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь. 24 с.
- Комлева Е. В., 2003. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 18 с.
- Магдалинская Е. Н., 2011. Экспликативы модального значения необходимости в русском и польском языках (на материале научных текстов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 192–196.
- Магдалинская Е. Н., 2015. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград. 23 с.
- Орлова Н. В., 2014. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. № 4. С. 188–193.
- Соколова М. А., 1952. Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века // Ученые записки ЛГУ. № 161. С. 52–79.
- Шарипова Р. Р., 2014. Композиционно-речевая организация текста регламента как регулирующего документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (21). С. 82–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.2.11>.
- Ширинкина М. А., 2018. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. № 1 (67). С. 120–130.
- Эйсман А. А., 1972. Вопросы структуры и языка уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. С. 71–99.
- Besters-Dilger J., 1997. Модальность в польском и русском языках : Историческое развитие выражения необходимости и возможности как результат вне- и межславянского влияния // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Vol. 43. S. 17–31.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- AB* – Артикул воинский купно с процессами. Напечатан вторым тиснением. СПб. : [Тип. Акад. наук], 1756. 231 с.
- AI* – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. 1598–1613. СПб. : В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. IV, 438, 29 с.
- AP* – Регламент благочестивейшаго государя Петра Великаго, отца отечества, императора и самодержца всероссийскаго, о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся... СПб. : Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса, 1764. 202, 13 с.
- GP* – Его императорскаго величества Генеральный регламент или Устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярей, и кантор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1735. 41 с.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991 ; Вып. 7–22. СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2019.

REFERENCES

- Bondarko A. V., 1990. K analizu kategorialnykh situatsiy v sfere modal'nosti: imperativnye situatsii [On the Analysis of Categorical Situations in the Field of Modality: Imperative Situations]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost'* [Functional Grammar Theory.

- Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение Publ., pp. 80-89.
- Boshno S.V., 2014. Sposoby i metody pravovogo regulirovaniya [Means and Methods of Legal Regulation]. *Pravo i sovremennyye gosudarstva* [Law and Modern States], no. 3, pp. 52-60.
- Vaulina S.S., 1988. *Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke (XI–XVII vv.)* [Evolution of the Means of Expressing Modality in Russian (11th–17th Centuries)]. Leningrad, Izd-vo LGU. 143 p.
- Vaulina S.S., 1991. *Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke (XI–XVII vv.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Evolution of the Means of Expressing Modality in Russian (11th–17th Centuries). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Leningrad. 38 p.
- Vaulina S.S., Magdalinskaya E.N., 2012. Modalnoe mikropole neobkhodimosti v ofitsialno-delovykh dokumentakh russkogo i pol'skogo yazykov [The Modal Microfield of Necessity in Official and Business Documents in the Russian and Polish Languages]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik IKBFU], no. 8, pp. 12-17.
- Dronova L.P., 2006. *Stanovlenie i evolyutsiya modalno-otsenochnoy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [Formation and Evolution of Modal-Evaluative Vocabulary of the Russian Language: Ethnolinguistic Aspect]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 256 p.
- Kachalkin A.N., 1989. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi v istoriko-lingvisticheskom i istochnikovedcheskom osveshchenii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Genres of Russian Document of the Pre-Petrine Era in Historical-Linguistic and Source Study Aspects. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 48 p.
- Kolobkova L.V., 1995. *Sredstva vyrazheniya modal'nogo znacheniya voleizyavleniya v russkom yazyke XVII – nachala XVIII vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means of Expressing the Modal Meaning of the Expression of Will in the Russian Language of the 17th – Early 18th Centuries. Cand. philol. abs. sci. diss.]. Tver. 24 p.
- Komleva E.V., 2003. *Lingvisticheskie osobennosti vyrazheniya pobuditel'nosti v tekstakh ofitsialno-delovoy prozy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguo-Stylistic Features of Expressing Incentive in the Official Texts (Based on the Material of Modern German). Cand. philol. abs. sci. diss.]. Saint Petersburg. 18 p.
- Magdalinskaya E.N., 2011. Eksplikatory modal'nogo znacheniya neobkhodimosti v russkom i pol'skom yazykakh (na materiale nauchnykh tekstov) [Explications of Modal Meaning of Necessity in Russian and Polish Languages (On the Basis of Scientific Texts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 2 (14), pp. 192-196.
- Magdalinskaya E.N., 2015. *Situativnaya modalnost kak funktsionalno-semanticheskaya polevaya struktura (na materiale sovremennykh russkogo i pol'skogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Situational Modality As a Functional-Semantic Field Structure (Based on the Material of Modern Russian and Polish Languages). Cand. philol. abs. sci. diss.]. Kaliningrad. 23 p.
- Orlova N.V., 2014. Modalnost i tonalnost sovremennykh dokumentov s predpisyvayushchey funktsiey [Modality and Tonality of Contemporary Documents with Prescriptive Function]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 4, pp. 188-193.
- Sokolova M.A., 1952. Vyrashenie voleizyavleniya v russkikh bytovykh i delovykh pamyatnikakh XVI veka [Expression of Will in Russian Everyday and Document Texts of the 16th Century]. *Uchenye zapiski LGU*, no. 161, pp. 52-79.
- Sharipova R.R., 2014. Kompozitsionno-rechevaya organizatsiya teksta reglamenta kak reguliruyushchego dokumenta [The Compositional and Speech Organization of Regulation Text As a Regulatory Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2(21), pp. 82-89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.2.11>.
- Shirinkina M.A., 2018. Reglamentiruyushchie dokumenty ispolnitel'noy vlasti v aspekte tonalnosti (sopostavitel'no s direktivnymi) [Regulatory Documents of the Executive Power in the Aspect of Tonality (Compared to Directory Ones)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (67), pp. 120-130.
- Eysman A.A., 1972. Voprosy struktury i yazyka ugovorno-protsessual'nogo prava [Questions of the Structure and Language of Criminal Procedure Law]. *Voprosy borby s prestupnostyu* [Anti-Crime Issues], iss. 15, pp. 71-99.
- Besters-Dilger J., 1997. Modalnost v polskom i russkom yazykakh: Istoricheskoe razvitiye vyrazheniya neobkhodimosti i vozmozhnosti kak rezul'tat vne- i mezhslyavianskogo vliyaniya [Modality in Polish and Russian. Historical Development of the Expression of Necessity and Possibility As a Result of Extra- and Inter-Slavic Influence]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, vol. 43, S.17-31.

SOURCES AND DICTIONARIES

Artikul voinskiy kupno s protsessami. Napechatan vtorym tisneniem [Military Articles with Processes. The Second Edition]. Saint Petersburg, Tipografiya Akademii Nauk, 1756. 231 p.

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. T. 2. 1598–1613 [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2. 1598–1613]. Saint Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. IV, 438, 29 p.

Reglament blagochestiveyshago gosudarya Petra Velikago, ottsa otechestva, imperatora i samoderzhitsa vserossiyskago, o upravlenii Admiralteystva i verfi i o dolzhnostyakh Kollegii admiralteyskoy i prochikh vsekh chinov pri Admiralteystve obretayu-shchikhsya... [Regulations of the Most Pious Sovereign Peter the Great, Father of the Fatherland, Emperor and Autocrat of All-Russian, on the Management of the Admiralty and Shipyard and on the Posts of the Admiralty Collegium

and Other All Ranks in the Admiral...]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo shlyakhetnogo kadetskogo korpusa, 1764. 202, 13 p.

Ego imperatorskago velichestva Generalnyy reglament ili Ustav, po kotoromu gosudarstvennye kollegii, takozh i vse onykh prinalezhashchikh k nim kantselyarey, i kantor sluzhiteli, ne tokmo vo vneshnikh i vnutrennikh uchrezhdeniyakh, no i vo otpravlenii svoego china, poddanneyshe postupat imeyut [His Imperial Majesty General Regulations or Statutes, According to Which the State Colleges, As Well As All the Servants of Their Chanceries and Offices, not Only in External and Internal Institutions, but Also in the Fulfillment of Their Rank Duty have to Humbly Act]. Saint Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk, 1735. 41 p.

Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century], iss. 1–6. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1984–1991; iss. 7–22. Saint Petersburg, Nauka, Sankt-Peterburgskoe otdelenie Publ., 1992–2019.

Information About the Authors

Dmitriy V. Rudnev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Acting Dean, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Natalia V. Pushkareva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russia, pushkarevanata@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7918-5420>

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, и. о. декана филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Наталья Викторовна Пушкарева, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, pushkarevanata@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7918-5420>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.4>

UDC 811.161.1'27
LBC 81.411.2-003

Submitted: 11.05.2020
Accepted: 30.03.2021

ETHNO-LINGUO-CULTURAL SPECIFICITY OF RUSSIAN OFFICIAL CONCEPT "COURT" IN EUROPEANIZATION ERA

Liudmila V. Popova

Miass branch of Chelyabinsk State University, Miass, Russia

Abstract. The article considers the nominative field of the concept "court" in the history of the Russian official language on the material of legislative documents of the 18th century. The subject of the study is the relationship between the official segment of the concept "court" and the ordinary segment in the context of ethnic mentality. The hypothesis of ethno-cultural neutrality of the official segment has been tested. Special attention is paid to the evaluation nominations of the concept, their syncretemia is revealed. The activity of non-terminological, morally and religiously marked nominations in relation to terms is found. Functional-semantic insufficiency of legal categories, their stable connection with moral and ethical categories in legal language consciousness is shown. Domination of semantic and conceptual constituents "truthful", "righteous / decent", "fair" over "legal" is established. The functional weakness of the conceptual sphere "law" is noted. The traditional ethno-specific perception of legal language consciousness is stated as predominance of moral and ethical concepts "truth", "righteousness", "fairness", "good", "conscience", "soul" over the "law". A high degree of ethno-cultural marking of the official segment of the concept "court" with a dominant meliorative valuation was noted. The analysis of the ordinary segment of the concept "court" in Russian paremiology revealed the above mentioned ethno-cultural concepts with a prevailing pejorative estimate. The coincidence of the justice pattern in the official and ordinary legal consciousness is noted.

Key words: concept "court", ethno-cultural concept, nominative field of concept, legal term, Russian legal language consciousness.

Citation. Popova L.V. Ethno-Linguo-Cultural Specificity of Russian Official Concept "Court" in Europeanization Era. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 50-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.4>

УДК 811.161.1'27
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 11.05.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОГО ОФИЦИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «СУД» ЭПОХИ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Людмила Викторовна Попова

Миасский филиал Челябинского государственного университета, г. Миасс, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено номинативное поле концепта «суд» в истории русского официально-го языка на материале законодательных документов XVIII века. Описано соотношение официального сегмента концепта «суд» с обыденным сегментом в контексте этнической ментальности. Проверена гипотеза об этнокультурной нейтральности официального сегмента. Обнаружена синкретсемия и активность нетерминологических нравственно и религиозно маркированных номинаций концепта в отношениях с терминами. Показана функционально-семантическая недостаточность юридических категорий, их устойчивая связь с морально-этическими категориями в юридическом языковом сознании. Установлено доминирование семантических и концептуальных признаков 'правдивый', 'праведный / порядочный', 'справедливый' над признаком 'законный (правомерный)'. Охарактеризована функциональная ослабленность концептосферы «закон – право». Зафиксирована традиционная этноспецифичная установка юридического языкового сознания: приоритет морально-этических концептов «правда», «праведность», «справедливость», «добро», «со-

весть», «душа» над юридической концептосферой «закон – право». Констатирована высокая степень этнокультурной маркированности официального сегмента концепта «суд» с доминированием мелиоративной оценки. При анализе обыденного сегмента концепта «суд» в русской паремиологии выявлены те же морально-этические этноконцепты с доминированием пейоративной оценки. Отмечено совпадение эталона правосудия в официальном и обыденном правосознании.

Ключевые слова: концепт «суд», этнокультурный концепт, номинативное поле концепта, юридический термин, русское юридическое языковое сознание.

Цитирование. Попова Л. В. Этнолингвокультурная специфика русского официального концепта «суд» эпохи европеизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 50–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.4>

Введение

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления этнокультурных факторов, влияющих на развитие русского юридического языкового сознания и отражающихся не только в юридических номинациях, которые выражают профессиональный взгляд на общественно-правовые реалии, но и в номинациях ценностного характера, которые выражают этнокультурные константы / доминанты – ключевые концепты лингвокультуры (о терминах см.: [Степанов, 2001; Карасик, 2002]), определившие специфику русской правовой картины мира.

Многие представители гуманитарных наук придерживаются концепции русского правового нигилизма, в основе которой лежит признание изначальной противопоставленности права и морали в национальном мировоззрении. Например, в работе социолога и этнопсихолога К. Касьяновой «О русском национальном характере» одной из центральных является мысль о том, что социальные институты русского общества извне задаются государством, оформляются законами и обосновываются принятой в государстве идеологией, а внутри они «стоят» этническими моделями поведения, не имеющими к этой последней никакого отношения [Касьянова, 1994, с. 46]. Аналогичные утверждения обоснованы и лингвистами: достаточно сослаться на труды Н.Д. Арутюновой, В.В. Колесова, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, Ю.С. Степанова, в которых констатируется приоритет морально-этических концептов «правда», «справедливость», «совесть» над концептами, формирующими концептосферу «закон – право» [Арутюнова, 1999; Колесов, 2006; Левонтина, Шмелев, 2000; Степанов, 2001]. Наблюдается аб-

солютизация роли русского антилегалитета, воплощенного в национальном языковом сознании (языковой картине мира), разъединенность обыденного (этического) и официального (профессионального) правосознания, отраженная в русской паремиологии как негативное отношение к закону и чиновникам – «судейским», противопоставление правосудия и суда совести, формального права и правды-справедливости [Воркачев, 2009, с. 15–16].

Этнокультурная специфика языка русского права и юридического языкового сознания остается малоизученной. Официальный сегмент концепта «суд» в соотношении с национальной лингвокультурой обычно не привлекает внимания ученых в силу априорности концепции русского антилегалитета. На материале паремий описаны обыденные представления о суде [Кузнецова, 2001]. Русский концепт «суд» X–XV вв. рассмотрен в терминологическом аспекте [Лькова, 2005]. Исходной гипотезой нашего исследования является предположение о противопоставленности официального и обыденного сегментов концепта «суд», об отсутствии или о низкой степени этнокультурной обусловленности официального сегмента. Следует подвергнуть сомнению мысль о полной дистанцированности официального правосознания от этнической ментальности: русский юридический язык изначально входил в общенациональную языковую среду, субъекты правотворчества естественным образом оперировали категориями и концептами национального языкового сознания. Проблема изучения этнокультурной обусловленности языка права была поставлена славистами В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым, указавшими на запечатленную в языке архаичную спаянность славянских понятий права, справедливости и закона, которые имели

сакральный статус [Иванов, Топоров, 1978, с. 234–235].

Объект нашего исследования составляет номинативное поле концепта «суд» в истории русского делового языка как отражении юридического языкового сознания. Предмет изучения – соотношение официального сегмента концепта «суд» с обыденным в контексте этнической ментальности.

Материал и методы исследования

По нашему мнению, глубокое и объективное изучение русского правосознания невозможно без двустороннего анализа: наряду с обыденным его слоем необходимо анализировать официальный слой, выраженный в массиве юридических документов разных эпох. При выявлении закономерностей развития юридического языкового сознания внимания заслуживают в первую очередь нормативно-правовые акты, регламентировавшие принципиальные вопросы жизни государства и общества. Использование текстов юридических документов в качестве первоисточников дает основания для объективных выводов об эволюции юридической языковой картины мира и языковой этнокартины мира в целом. Диахроническое изучение способов номинации правовых понятий позволяет выполнить лингвистическую реконструкцию категорий правового мышления. Комплексная методика ориентирована на верификацию связи правового мышления с этнической ментальностью: интент-анализ документов, контекстологический и валентностный анализ, дефиниционно-компонентный анализ номинативных средств концепта «суд», их лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация.

Отбор языковых средств при создании нормативно-правовых документов имеет первостепенное значение, поскольку текст юридического документа выполняет регулятивную функцию, формируя модели поведения субъектов права. Концепт «суд», закрепляемый юридическим языком, с одной стороны, является базовым в профессиональной деятельности, с другой – обуславливает восприятие суда остальными субъектами права. Можно предположить, что для создания официального сегмента концепта «суд» законода-

телями производился отбор языковых средств, выражающих эталонные в юридической сфере свойства, качества: нейтральных либо собственно юридических номинаций, не имеющих этнокультурной маркированности либо проявляющих ее в низкой степени. Цели исследования – выявление принципов отбора законодателями речевых средств для формирования официального сегмента концепта «суд», верификация этнокультурной обусловленности данного концепта с помощью лингвокогнитивной и лингвокультурной интерпретации.

На материале текстов памятников русского права реконструируем формирование концепта «суд». Активное языковое формирование данного концепта происходило в XVII–XVIII вв., особенно в периоды правления Петра I и Екатерины II – эпоху европеизации. Юридическая сила используемых в исследовании нормативно-правовых актов распространялась с момента издания по XIX в., отчасти до Октябрьской революции 1917 г., поэтому можно говорить об устойчивости концепта «суд» в юридическом языковом сознании и политическом дискурсе на протяжении примерно 200 лет. В законодательстве Петра I регламентация работы судебных органов включала и требования к судьям. Этой проблеме посвящен ряд указов и комплексных правовых документов. К последним относятся «Уставъ Воинскій» 1716 г. в двух частях – «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» и «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ» (ПСЗРИ 1, т. V, № 3006)¹; «Генеральный Регламентъ или Уставъ» 1720 г. (ПСЗРИ 1, т. VI, № 3534), «Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата» 1721 г. (ПСЗРИ 1, т. VI, № 3708), в которых отражены нормы уголовного, процессуального и государственного права. Екатериной II были введены «Учреждения для управленія Губерній Всероссійскія Имперіи» 1775 г. (ПСЗРИ 1, т. XX, № 14392), определившие новые принципы деятельности административной и судебной власти; «Уставъ Благочинія или Полицейскій» 1782 г. (ПСЗРИ 1, т. XXI, № 15379), установивший нормы деятельности полиции и ее взаимодействия с судебными органами. Рассмотрим языковые средства, используемые в законодательных текстах для регламентации норм деятельности судебных органов и их сотрудников.

Результаты и обсуждение

1. Номинации концепта «суд» в эпоху Петра I. Именной указ «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве Государственных доходов, торговли и других отраслей Государственного хозяйства» от 2 марта 1711 г. (ПСЗРИ 1, т. IV, № 2330) содержит требование правомерной деятельности судебной системы, семантическим центром при этом выступают кваликативные лексемы, создающие эталонный образ суда – *нелицемерный* и *праведный*:

(1) Судь имѣть нелицемерный, и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, то жъ ябедникамъ да послѣдуетъ (п. 1).

Юридическая номинация *правосудие* в названии указа коррелирует с формулами *нелицемерный суд* и *(не)праведные судьи* в тексте, выполняющими пояснительную функцию, что свидетельствует об отождествлении в юридическом языковом сознании соответствующих им когнитивных структур: правосудие понималось как «праведность», «нелицемерность». В последующих законодательных актах поддержана традиция употребления *праведный(-о)* и *нелицемерный(-о)* в отношении судебной деятельности. В комплексном документе «Регламент или Устав Главного Магистрата» предписано:

(2) чтобъ въ Магистратахъ вездѣ судъ и розыскъ по дѣламъ былъ праведный по Уложению и по Его Великаго Государя указамъ (ПСЗРИ 1, т. VI, № 3708, гл. IX).

В данном случае эксплицитная корреляция *праведный суд / правосудие* отсутствует, что свидетельствует о самостоятельности понятия «праведный» в юридическом языковом сознании для характеристики правомерности. В именном указе «О должности Генералъ-Прокурора» от 27 апреля 1722 г. (ПСЗРИ 1, т. VI, № 3979) генерал-прокурору предписано следить за тем, чтобы Сенат *праведно и нелицемерно поступал* (п. 2); *праведно исправлять* (п. 7) (то есть судить) должны были надворные и земские суды под присмотром фискалов. При Екатерине II в законодательных актах возникла формула *точно*

и нелицемерно отправлять должность, характеризующая эталонную модель поведения чиновников, в том числе судебных. В Манифесте о введении в действие «Учреждений для управления Губерний Всероссийской Империи» данная формула коррелировала с прямым обозначением правомерной судебной деятельности – *правосудие*.

Вариантной к формуле *праведно / нелицемерно поступать / исправлять* при определении правомерности сенатской и прокурорской деятельности в законодательстве Петра I была формула *истинно и ревностно поступать / отправлять*, в которой первый кваликативный компонент семантически сближен с *праведно / нелицемерно*, а второй выполняет комплементарную функцию для усиления императивности предписания:

(3) дабы Сенатъ <...> истинно, ревностно и порядочно <...> по Регламентамъ и указамъ отправлять, развѣ какая законная причина къ отправленію, ему помѣшаетъ (указ № 3979, 1722 г., п. 1);

(4) дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали, а ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ <...> – о прокурорах (п. 3).

Кроме отмеченных формул номинации правомерности судебных процессов использовалась формула *порядочным образом / порядочно отправлять* (и с другими глаголами, обозначающими судебные действия):

(5) чтобъ процессы порядочно и надлежащимъ образомъ отправлялись («Краткое изображение Процессов или Судебныхъ тяжб», гл. I, п. 7);

(6) доказъ или основаніе дѣла порядочнымъ образомъ оканчивается (ч. III, гл. I «О приговорахъ», п. 1);

(7) дабы Сенатъ <...> истинно, ревностно и порядочно <...> по Регламентамъ и указамъ отправлять, развѣ какая законная причина къ отправленію, ему помѣшаетъ (указ № 3979, 1722 г., п. 1).

В законодательных текстах возникал семантико-когнитивный параллелизм между юридическим судом и Божьим судом, основанный на двуплановости формул *праведный суд, нелицемерный судья*. Так, именованием указом «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ, о бытіи вмѣсто оныхъ распросу и розыску, о свидѣтеляхъ, объ отводѣ оныхъ, о присягѣ, о наказаніи лжесвидѣтелей и о пошлинныхъ деньгахъ» от 21 февраля 1697 г.

(ПСЗРИ 1, т. III, № 1572) регламентировалась процедура церковной присяги истца, ответчика с целью проверки их показаний при отсутствии у суда других убедительных доказательств:

(8) претить истцомъ и отвѣтчикомъ у крестоприводства накрѣпко, чтобъ они, памятуя въ себѣ страхъ Божій и праведной Его Судъ, къ крестному цѣлованію приступали и цѣловали крестъ во всякой правдѣ безо всякаго душевредства (п. 8).

Религиозная формула *праведный Суд* ассоциативно связана с аналогичной юридической формулой. Судейская присяга в «Кратком изображении Процессов или Судебных тяжб» (п. 13), получившем применение в различных отраслях права, формально выразила принципы антикоррупционности, объективности и правомерности рассмотрения дела и вынесения приговора, при этом традиционно семантический акцент сделан на нелицемерности:

(9) ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей, ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по Его Царскаго Величества, Нашего Всемиловитѣйшаго Царя Государя воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хощемъ право и нелицемѣрно.

Присяга заключена в традиционную религиозную рамку, при упоминании Бога использован перифраз эталонного значения *нелицемерный Судия*, с помощью которого реализован семантико-когнитивный параллелизм с регламентацией деятельности судей в формуле *приговаривать и осуждать право и нелицемерно*: «<...> клянемся Всемогущимъ Богомъ <...> такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ Христовѣ. Въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный Судия». Таким образом, в юридическом языковом сознании юридический суд имел идентичную с Божьим судом характеристику *праведный*, что придавало первому религиозную коннотацию.

В «Кратком изображении Процессов или Судебных тяжб» установлены критерии выбора и принципы деятельности судей, нормы судопроизводства, формально сводимые к законопослушности и правомерности (гл. I «О судѣ и судіяхъ»). В первую очередь профессионализм судьи ставится в зависимость от добросовестности (честности):

(10) Судъ всегда изъ нѣкотораго числа честныхъ особъ сочинень бываетъ, которымъ отъ высокаго начальства власть и мощь во управленіи правосудія дана (п. 2).

Очевидно, в данном документе формула *честная особа* выполняет ту же функцию, что *праведный судья* (например, в упомянутом указе № 2330, 1711 г.), то есть качественные прилагательные *честный* и *праведный* функционально идентичны, поскольку объединяющим понятием формально выступает «правосудие» (правомерное судопроизводство). Затем отмечена необходимость юридической компетентности (знания *прав* – законов) и способности устанавливать реальность фактов, рассудительности (*разуметь правду*):

(11) Хотя обще вѣстѣмъ судьямъ знать надлежитъ права и разумѣть правду, ибо неразумѣющій правды, не можетъ разсудить ея (гл. I, п. 7).

Оговаривалась возможность судебных ошибок (*погрешений*) и обязанность наблюдателей (аудиторов) корректировать процесс разбирательства – обеспечивать достоверность, законность, правомерность (*правду*): «къ правдѣ основательно приводить» (гл. I, п. 7), «сущю правдою въ дѣлѣ поступать» (п. 8).

Наряду с перечисленными номинативными средствами, в законодательстве для регламентации требований к сотрудникам судебной системы вводились речевые формулы с семантическим центром *совесть*, формально соотносимые с понятиями законопослушности, правомерности. В «Кратком изображении Процессов или Судебных тяжб» при характеристике обязанностей судей (наряду с остальными участниками процесса) действовать в рамках законов во время судебных заседаний использован оборот «напамятовать свою совесть при отправленіи дѣла» (гл. I, п. 10). В прямой связи с формулой *напамятовать совесть* находится антонимичная формула *забыть совесть*, использованная для регламентации поведения свидетеля:

(12) понеже когда онъ присягалъ, тогда уже присяги своей, развѣ забывъ свою совѣсть, не нарушить, но толь паче правду донесеть <...> (ч. 2, гл. III «О свидѣтеляхъ», п. 6).

«Устав Воинский», нормы которого широко применялись в уголовном, процессуальном и государственном праве, определил требование *быть людям доброй совести* к должности фискала, выполнявшего надзорные функции, в том числе при решении юридических ситуаций, проведении судебных процессов (обвинитель в суде):

(13) Въ семь званий будущимъ надлежитъ быть людямъ добрая совѣсти предъ Богомъ, дабы никому не манить и никого напрасно не оскорблять, а особливо безпорочно служащихъ (гл. XLII).

2. Номинации концепта «суд» в эпоху Екатерины II. Актуализация понятия «совесть» отражена в обозначении учрежденного Екатериной II в 1775 г. губернского правоприменительного органа – совестного суда, а также при характеристике требований к судьям. Суды данного вида функционировали в России до 60-х гг. XIX в. (упразднены Сенатом), то есть около ста лет. Совестные суды рассматривали гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные (БЮС, 2001, с. 507). Целью судебных заседаний было примирение сторон (например, в споре о разделе имущества между родственниками) или определение судьбы, в том числе защита, субъектов правонарушений, не представляющих значительной общественной опасности, когда полноценный преступный умысел отсутствовал (невменяемость, несовершеннолетие, нравственный или физический недостаток, суеверие, неблагоприятное стечение обстоятельств и т. п.). В связи с этим при вынесении решений суду следовало не только учитывать правовые нормы, но и соблюдать принцип «естественной справедливости». Идею основания этого суда обычно связывают с влиянием на Екатерину II идей прогрессивных французских мыслителей: Ш. Монтескье, Д. Дидро, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо. Не менее значимыми в данный период, с нашей точки зрения, были константы русской ментальности, отраженные и в официальном правосознании предшествующего времени, в частности доминанта совести. В законодательном тексте наблюдается корреляция термина *совестный суд* с названием нравственного качества судьи *совестный* и названиями ряда взаимообусловленных профессионально значимых качеств:

(14) Въ Судьи Совѣстнаго Суда Намѣстничества (Губерніи) опредѣляется выборомъ каждаго Судебнаго мѣста той Губерніи, одинъ къ тому способный, совѣстный, разсудительный, справедливый и безпорочный человекъ («Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи», п. 63).

Комплементарные отношения качественных прилагательных в данном ряду демонстрируют облигаторность высокой нравственности судьи и способности объективно оценивать факты на соответствие морально-этическим нормам, в то время как формально подразумевается законопослушность судьи и правомерность деятельности суда. Возможно, кольцевая композиция «совѣстный <...> безпорочный» призвана подчеркнуть базисность духовных установок личности судьи для его рациональной профессиональной деятельности.

В систему сословных судов с 1775 г. до середины XIX в. входили расправы – суды для государственных крестьян, однодворцев, казаков, рассматривавшие мелкие уголовные и гражданские дела (БЮС, 2001, с. 461). В качестве критерия выбора претендентов на должность заседателей расправы, как и судей совестного суда, была названа нравственная безупречность – *беспорочность*, формально подразумевалась законопослушность, способность обеспечить правосудие:

(15) Верхней Расправы Засѣдателя, да 8 Засѣдателей Нижней Расправы <...> выбираются теми селениями, кои составляютъ подсудное ведомство той Верхней Расправы, и не запрещается имъ избрать изъ Дворянъ, или ученыхъ людей, или изъ чиновныхъ людей, или изъ разночинцовъ, или поселянъ безпорочныхъ людей, чрезъ всякіе три года, и представляются Правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то Губернаторъ дозволяетъ имъ засѣданіе («Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи», п. 75).

Как видно, развернутый ряд *совестный, рассудительный, справедливый* и *беспорочный* (п. 63) в данном случае редуцирован до *беспорочный*. Поскольку снижение требований к судье по уголовным и гражданским делам маловероятно, можно объяснить данное явление способностью последнего прилагательного выполнять общекаллективную

функцию, заменяя взаимосвязанные номинации: в юридическом языковом сознании беспорочным может быть совестный, справедливый, рассудительный человек.

Вариацией при юридической характеристике судьи словесного суда (для решения устных жалоб по гражданским делам и примирения сторон) были качества справедливости и добропорядочности:

(16) На основании учреждений главы XX статьи 281-й, по окончании службы Судей Словеснаго Суда и выборныхъ, буде справедливою и добропорядочными поступками то заслужать, даны имъ будутъ отъ городовыхъ дѣлъ похвальные листы» («Устав Благочиния или Полицейский», п. 175).

«Справедливость» в этом контексте, очевидно, включала и значение рассудительности, «добропорядочность» (*добропорядочные поступки*) обобщила значения совестности и беспорочности (в сравнении с п. 63, 75 «Учреждений для управления Губерний Всероссийской Империи»).

В нормативно-правовых актах Екатерины II в текстовой постпозиции, после концентрации морально-этических номинаций, реже встречаются блоки с использованием термина *закон*, определяющие необходимость юридической компетентности судебных чиновников:

(17) Вообще Губернскій Прокуроръ и Губернскіе Стряпчіе смотрять и бдѣніе имѣють о сохраненіи вездѣ всякаго порядка законами опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ («Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи», п. 404).

Следует отметить и наиболее обобщенную номинацию квалификативного характера *лучшие люди*, определявшую критерий выбора претендентов на должность судей надворного суда, который с 1719 г. по 60-е гг. XIX в. (с перерывами) в Санкт-Петербурге и Москве занимался решением уголовных и гражданских дел иногородних и разночинцев, не имевших недвижимости в столичных губерниях; состав суда назначался императором (БЮС, 2001, с. 310). Данный способ языковой оценки использован, например, в именном указе «О выборѣ лучшихъ людей, въ Надворный судъ изъ тѣхъ Дворянъ которые останутся за

опредѣленными въ другіе чины» от 17 января 1722 г. (ПСЗРИ I, т. VI, № 3878). В сравнении с представленными вариациями законодательной оценки эталонных качеств судьи можно считать формулу *лучшие люди* коррелирующей с формулами гипонимического типа *нелицемерный / праведный судья, честная особа* в синхронный период и *совестный, справедливый, беспорочный, рассудительный человек*, подразумеваемой *добропорядочный человек* (при соотнесении с *добропорядочные поступки судей*) в более позднем законодательстве; в формальном отношении можно видеть корреляцию с неиспользуемой номинацией типа *законопослушный человек*.

При анализе законодательных текстов мы отметили единичные случаи внутритекстового варьирования объективной и оценочной номинаций деятельности суда. В «Кратком изображении Процессов или Судебных тяжб» решение суда, соответствующее законам и реальным фактам, названо *справедливым* (ч. I, гл. III «О челобитчикѣ», п. 3) и *правомерным* (ч. I, гл. IV «О отвѣтчикѣ», п. 1), соответствующий приговор – *правомерным* (ч. I, гл. III «О челобитчикѣ», п. 1) и *пристойным* (ч. II, гл. II «О признаніи», п. 3»). Приговор, вынесенный вопреки законам и реальным фактам, назван *неправомерным* (гл. I «О судѣ и судіяхъ», п. 8). Выше было отмечено соотношение термина *правосудие* в названии указа и оценочных номинаций *нелицемерный суд* и *(не)праведные судьи* в тексте (указ № 2330, 1711 г.). Данное явление свидетельствует о начале формализации концепта «суд».

Дефиниционно-компонентный анализ выявленных оценочных номинаций с учетом исторического состояния языка показывает, что в их семантической структуре правовая семантика соотносилась с неофициальной (морально-этической и религиозной) либо отсутствовала в исходном значении и возникала узуально в терминологическом употреблении. Описанное свойство будем называть синкретсемией. Вероятно, под влиянием естественной языковой синкретсемии формировалась и профессионально обусловленная синкретсемия (при условно-терминологической функции некоторых номинаций). В законодательных текстах между рядом оценочных номинаций

возникли тесные связи благодаря интегральным семантическим признакам, в том числе отношения идентичности и синонимии.

Проследить проявление интегральных семантических признаков позволяет анализ лексикографической информации – сопоставление ретроспективных (СлРЯ XI–XVII) и синхронных (САР) толкований, более точно отражающих русское языковое сознание XVIII века.

К оценочным номинативным средствам с естественной синкретсемией отнесены: *праведный*, *справедливый*, *право* (‘справедливо’, ‘законно, правомерно’), *правда* (‘справедливость’, ‘законность, правомерность’). Нетрудно показать, что эти средства представляли собой органичный комплекс, имеющий древнее происхождение. С данной группой коррелировали термины *правосудие* и *правомерный*.

У лексической группы с центром *праведный* в древнерусском, старорусском языке сформировалась комплексная семантическая структура, в которой сосуществовали религиозный, моральный и юридический компоненты, последний указывал на справедливость, законные основания явлений, действий (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 102–104); эти же три типа значений были совмещены в XVIII в., у *праведный*, *праведно* выделяются семы ‘истинность, правдивость’, ‘святость, безгрешность’, ‘законность’ (САР, ч. IV, стб. 1044). Юридическое функционирование слов с корнем *правед-* зафиксировано в исторических словарях русского языка: приведен устойчивый в юридической сфере XVIII в. оборот *судить праведно* ‘соответственно правде’ (САР, ч. IV, стб. 104), отмечены регулярная сочетаемость *праведный суд*, специализированное значение «суд (тяжба)» у субстантивированной формы *праведное* (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 104). У антонимичных лексем *неправедный(-о)* выделялась юридическая семантика «незаконный» в тесной связи с «несправедливый», иллюстрируемая в словаре, в частности, оборотом *судьи неправедные* (СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 240). Отметим, что современное юридическое толкование номинации *праведный* недостаточно отражает ее роль в историческом кругу терминов: «правильный, справедливый, основательный» (ПРП, вып. 8, с. 657), но не «правомер-

ный» (суд) и «законопослушный» (судья). Историки права XX в., таким образом, не придают терминологический статус данной номинации, хотя косвенно он отражен в указании на справедливость.

Лексическая группа с центром *справедливый* имела социально-оценочную семантику, отражающую как неформальную, так и официальную шкалу: *справедливый* «честный», *справедливо* «правильно», *справедливость* «отношение в соответствии с принятыми обычаями, законами, правилами» (СлРЯ XI–XVII, вып. 27, с. 82); «поступающий по правде, любящий правду» (САР, ч. IV, стб. 1045). Эта связь трактуется в отечественной лингвистике как архаичная, исконная (выше была приведена точка зрения В.В. Иванова и В.Н. Топорова). Для языкового сознания XVIII в. приоритетна связь *справедливость* – *правда*, транслируемая и в законодательстве (*справедливый человек / судья, справедливость судей, справедливый приговор, разуметь правду, знать права* – законы). В этом номинативном комплексе *правда* и *право* (*приговаривать и осуждать право*) тоже характеризуются древней синкретичностью, хотя в рассмотренных нами документах *правда* имеет и узкое значение «достоверность»: все значения общеславянской лексемы *ргавь связаны со сферой упорядоченного, законосообразного в мире и обществе [Иванов, Топоров, 1978, с. 234–235]; у *правьда*, наряду со значениями «истина», «справедливость», «честность», «праведность», в древнерусском юридическом языке возникли значения «правило (юридическая норма)», «законоустановление», «свод правил, законов», «суд», «невиновность», «оправдание», «условия договора», «судебное испытание», «свидетель» и др. (ТСДЮТ, с. 82; САР, ч. IV, стб. 1043; СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 98); *правьш* имело более 15 значений, в том числе моральных и юридических: «правильный», «истинный», «честный», «справедливый», «праведный», «невиновный», «относящийся к судебному рассмотрению» и др. (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 121–124).

К оценочным номинативным средствам с профессионально обусловленной синкретсемией отнесены: *(не)лицемерный*, *честный*, *совестный*, *беспорочный*, *добропорядоч-*

ный, лучший, истинно, пристойный. Не обладая первичной юридической семантикой, они адаптированы в законодательных текстах формально для выражения взаимообусловленных эталонных качеств, формирующих законопослушность судей, и критериев правомерности судопроизводства. Сопоставление контекстных и лексикографических данных свидетельствует о семантической диффузности, интерференции номинаций. Именно поэтому они не могут быть названы собственно терминами. Такие номинации вступали в комплементарные (в основном интертекстуальные) отношения с номинациями первого блока (*праведный судья – честная особа, правомерный / пристойный приговор, приговаривать и осуждать право и нелицемерно, праведно поступать / исправлять – истинно поступать / отправлять*) или выполняли компенсаторную функцию, в частности при несформированности термина. Несмотря на недостаточную формализованность, с помощью данных номинаций законодатель мог выразить необходимые оттенки в эталонном образе правосудия, доступно апеллируя не только к профессиональному, но и к обыденному языковому сознанию. По-видимому, коммуникативные цели доступности восприятия моделируемого образа и речевого воздействия осознавались как приоритетные по сравнению с формальным сообщением юридической информации.

В ряду таких номинаций на основе интегральных семантических и концептуальных признаков ‘правдивый’, ‘праведный / порядочный’, ‘справедливый’ представлены отношения идентичности, синонимии, гиперо-гипонимии, а в целом есть основания говорить о существовании в юридическом языковом сознании семантической сети, где каждый компонент был ассоциативно связан с другими (как внутри данного блока, так и с номинативными средствами блока «естественной синкретсемии»), что отражено в словарных толкованиях. *Совестный* – «сообразующий дела свои с чистой совестью» и в узко юридическом употреблении «по совести разбирающий / разбираемый» (о совестном суде, судьбе) (САР, ч. I, стб. 978). В русском языковом сознании производное *добросовестный* «праводушный, чистую совесть наблюдающий» (в ис-

следуемом законодательном материале не отмечено) являлось синонимом к *честный* и могло коррелировать с *судья* (см. иллюстративную часть статьи) (САР, ч. I, стб. 979). *Честный* в языковом сознании имело комплексную семантическую структуру, включающую взаимообусловленные значения «добросовестный, праводушный, который благополучием других занимается; почтенный, достойный, заслуживающий уважения» (САР, ч. VI, стб. 726). *Нелицемерный* как антоним от *лицемерный* «скрывающий под видом добродетели пороки, притворяющийся добродетельным, набожным» (САР, ч. III, стб. 1197), «двуличный» (СлРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 253) подразумевало в отношении человека, в том числе судьи, «недвуличный» (точнее, «честный, искренний», при этом «добродетельный, беспорочный»), в отношении суда «беспристрастный, справедливый» (СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 163). *Беспорочный* «не имеющий порока» (САР, ч. V, стб. 132), «безупречный» (СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 162) от *порочный* ‘подверженный, причастный какому-либо пороку’ (САР, ч. V, стб. 132); порок – «преклонность души к злу, к делу, достойному порицания: отступление от правил добродетели», «противоположность добродетели, чистоте души» (САР, ч. V, стб. 131). *Добропорядочный* как производное от *порядочный* «степенный, исправный, наблюдающий порядок, следующий правилам нравственным» (САР, ч. V, стб. 292) в языковом сознании XVIII в. также подразумевало соблюдение нравственных норм – «добрый порядок во всем строго наблюдающий» (САР, ч. V, стб. 292) – о человеке. *Порядочный* «правильный» в исследуемом законодательном материале употреблялось для характеристики судебной деятельности, при этом в русском языковом сознании имело и значение «степенный, исправный, наблюдающий порядок, следующий правилам нравственным», ср. с *порядочно* «как надлежит, свойственно добродетели, честному, степенному человеку; соответственно нравственности» (САР, ч. V, стб. 292). *Истинно* «подлинно», «чистосердечно, нелицемерно» (САР, ч. III, стб. 320–321). *Пристойный* «приличный, соответствующий чему-либо» (СлРЯ, т. III, с. 494).

Итак, результаты контекстологического, валентностного анализа и интент-анализа по-

звонят сделать вывод о том, что выявленный комплекс номинативных средств концепта «суд» воспринимался как органичный и коммуникативно-полноценный в юридическом языковом сознании. Этим объясняется сочетание, варьирование объективных и оценочных номинаций, доминирование последних. Их адаптация в законодательной речи, очевидно, позволяла реализовать комплексный коммуникативный замысел: сообщение юридической информации, обеспечение ее доступности и речевое воздействие.

Нравственно и религиозно маркированные значения при продуцировании и восприятии законодательных текстов, по нашему мнению, не были полностью отделены от юридических в силу устойчивых когнитивных связей в русском языковом сознании. Отношения морально-этических категорий к юридическим категориям в русском юридическом языковом сознании можно назвать комплементарными (дополнительными) и отчасти компенсаторными (заместительными).

Группа морально-этических номинаций позволяла не только сформировать образ высоко нравственного судьи, справедливого суда, но и указать на облигаторную связь юридических и морально-этических категорий, то есть подчеркнуть зависимость законопослушности судьи от его нравственной безупречности, правомерности судебных процессов от их справедливости.

Можно говорить о специфическом взаимодействии морально-этических и юридических категорий, при котором в законодательной речи доминировала экспликация первых, а вторые не являлись функционально и семантически исчерпывающими в юридическом языковом сознании. В большинстве случаев указания на нравственные качества судьи и справедливость суда сопутствующего прямого обозначения законопослушности судей и правомерности суда в законодательстве нет. Даже при употреблении только терминологической номинации одного понятия ей сопутствовала оценочная номинация взаимосвязанного понятия: например, если правомерный суд назван *правосудием*, то в контексте присутствовала оценочная номинация *честная особа* в отношении судьи («Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб», гл. I «О судѣ и судяхъ», п. 2).

Показательной в этом отношении, на наш взгляд, является экспериментальная замена описанных оценочных номинаций использованными в текстах законодательных актов XVIII в. или потенциальными объективными (терминологическими) номинациями: *праведный / нелицемерный суд – правосудие / правомерное судопроизводство, праведный / нелицемерный судья / человек доброй совести / совестный человек / справедливый человек – законопослушный судья, пристойный / справедливый приговор – правомерный приговор, приговаривать и осуждать право и нелицемерно – приговаривать / осуждать правомерно / законно, «напамятовать свою совесть при отправлении дѣла» – соблюдать законы / поступать правомерно при отправлении дела, судить правомерно* и т. д. В представленных примерах графически выделены потенциальные – не реализованные в законодательстве номинативные модели (ср. с современным юридическим языком). Если в одних примерах экспериментальный термин отсутствует при наличии исторического аналога, как правило, более простого по структуре, но идентичного семантически (*приговаривать право – вместо правомерно / законно*), то в других на месте нереализованного термина мы видим именно оценочные модели (*праведный / нелицемерный судья / человек доброй совести / совестный человек / справедливый человек – вместо законопослушный судья; напамятовать совесть – вместо соблюдать законы / судить правомерно*).

Сопоставление речевой законодательной практики с лексикографической информацией позволяет констатировать своеобразное избегание законодателем терминов группы «закон» для прямой номинации законопослушности судей и правомерности суда, а также самих законодательных актов, обобщенно называемых *правами* (см. «Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб» и другие документы). Например, словари русского языка XVIII в. содержат лексемы *законопослушник* ‘повинующийся закону’ (СлРЯ XVIII, вып. VII), *закоблюститель* ‘следящий за исполнением законов’ (САР, ч. III, стб. 11), *законохранитель* ‘следующий закону, исполняющий закон, хранящий закон’ (САР, ч. VI,

стб. 585; СлРЯ XVIII, вып. VII) без атрибуции к правовой сфере. Подобные номинации могли найти применение и в русской законодательной речи, однако при несформированности предполагаемых терминов компенсаторную функцию выполняли оценочные номинации. Таким образом, наиболее активными в юридическом языковом сознании были семантические и концептуальные признаки ‘правдивый’, ‘праведный / порядочный’, ‘справедливый’, менее активным – ‘законный (правомерный)’.

Дать полноценное объяснение выявленной тенденции, с позиции современного языкового сознания, сложно, но есть основания считать ее этнопсихологически обусловленной. Как было отмечено, юридические термины не были функционально и семантически исчерпывающими в русском юридическом языковом сознании. Концептосфера «закон – право» была функционально ослабленной. На месте предполагаемых терминов мы видим номинации этноконцептов «правда», «праведность», «справедливость», «добро», «совесть», «душа», что вполне согласуется с известной приоритетностью морально-этических концептов над юридической концептосферой «закон – право» в национальном языковом сознании.

Возвращаясь к выдвинутой гипотезе, можно констатировать опровержение ее в части этнокультурной нейтральности официального сегмента концепта «суд». Наоборот, для моделирования официального концепта «суд» в истории русского юридического языка сложился комплекс номинативных средств, имеющих высокую степень этнокультурной маркированности. Лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация позволяет указать этнокультурные доминанты и их компоненты, актуализированные в данном концепте.

При интерпретации перечисленных этноконцептов в лингвокультурологических словарях эксплицируется их взаимосвязь, которую можно назвать когнитивной синкретсемией: *правда* – основная форма выражения справедливости, добра, праведности, она признается душой; *справедливость* – ощущение правды, побуждающее принимать праведное беспристрастное решение; *праведность* – совесть, честность, добродетельность;

добро выражает правду, создает справедливость; *совесть* – способность души оценивать (судить) соответствие действий, событий по нравственной шкале добра и зла, то есть чувство справедливости, правды и чести, стремление к добру; *душа* в национальной системе нравственных ценностей предполагает сердечность, милосердие, совесть, стыд [Кобякова, 2004; Колесов, Колесова, Харитонов, 2014; Степанов, 2001]. С макроконцептами соотнесены микроконцепты морально-этической сферы: *порядочность* – «совокупность высоких нравственных качеств, свойственных организованному человеку; включает понятие о чести, достоинстве, добре и справедливости в его душе, объединяя их в личностный “нравственный порядок”» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т. 2, с. 65], *честность* – «совокупность безупречных душевных качеств человека чести как высшая ценность, исключая хитрость, ложь и воровство», *честный человек* «...обладает благородством души, живет по законам совести и правды и неспособен на подлость (как бесчестный человек)... ничем морально не запятанный и поэтому достойный почтения» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, т. 2, с. 488–489].

При сопоставлении официального и быденного сегментов концепта можно обнаружить сходство. В русской паремиологии о суде присутствуют нравственно и религиозно маркированные мелиоративные номинации с поясненной выше этнокультурной семантикой: *правый суд* (*суд правый криваго дела не выправит*), *праведный судья* (*судия праведный – ограда каменная; праведный судия одесную Спасителя стоит; дарами и праведнаго судью к неправде приведешь*) (Даль, с. 188–189; Снегирев, с. 83). В более многочисленных пословицах, негативно оценивающих судебную практику, актуализированы те же морально-этические этноконцепты, что в законодательстве (*Бог любит праведника, а судья ябедника; неправдою суд стоит* и др. (Даль, с. 189–190)), но при этом показано несоответствие эталону (пейоративная оценка). Поскольку юридическое и быденное языковое сознание оперируют одними и теми же этнокультурными доминантами, эталонный образ правосудия совпадает.

Заключение

Итак, на вербально-семантическом и лингвокогнитивном уровнях законодательных текстов, отражающих юридическое языковое сознание, мы наблюдаем активную трансляцию этнокультурных доминант при языковом формировании концепта «суд». Обнаруживается устойчивая связь морально-этических и юридических категорий: правосудие не ограничивается от принципов нравственного «кодекса», а опирается на него. В изученных законодательных документах, безусловно, сделан акцент на эталоне судебной системы, поэтому большая часть номинативных средств носит мелиоративный характер.

При сопоставлении официального сегмента концепта «суд» с обыденным сегментом концепта, выраженным в паремиологии, установлена общность этнокультурных доминант, что свидетельствует о совпадении профессионального и обыденного эталонного образа правосудия.

Проведенное исследование дает основания переоценить концепцию противопоставленности права и морали в отношении русского представления о правосудии: констатировать наличие общего эталона и различных акцентов в официальном (мелиоративного) и обыденном (пейоративного) сегментах концепта «суд», отражающих морально-правовой синкретизм.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ При ссылках на данное издание символ «№» используется для указания порядкового номера правового документа в сборнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аругюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Воркачев С. Г., 2009. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре : монография. Волгоград : Парадигма. 190 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1978. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание : докл. сов. делегации. VIII Междунар. съезд славистов (Загреб – Любляна, сент. 1978 г.)

/редкол. : акад. В. И. Борковский [и др.]. М. : Наука. С. 221–240.

- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Касьянова К., 1994. О русском национальном характере. М. : Ин-т нац. модели экономики. 267 с.
- Кобякова Т. И., 2004. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь. Уфа : Тип. ООО «Штайм». 158 с.
- Колесов В. В., 2006. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петерб. востоковедение. 624 с.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А., 2014. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст. Т. 1. 591 с. ; Т. 2. 592 с.
- Кузнецова Н. Ю., 2001. Фрагмент фрейма «суд» в немецком и русском паремиологическом фонде // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : тез. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 7–9 дек. 2001 г.). Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та. С. 44–46.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2000. За справедливостью пустой // Логический анализ языка : Языки этики. М. : Яз. рус. культуры. С. 281–292.
- Лыкова Н. Н., 2005. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. 308 с.
- Степанов Ю. С., 2001. Константы : Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. Проект. 990 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БЮС – Большой юридический словарь / В. Н. Додонов [и др.]. М. : Инфра-М, 2001. 790 с.
- Даль – Даль В. Пословицы русского народа : сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий. В 2 т. Т. 1. СПб. ; М. : Издательство книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. 685 с.
- ППП – Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. и с предисл. заслуж. деятеля науки проф. С. В. Юшкова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952–1961.
- ПСЗРИ 1 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года : в 42 т. СанктПетербургъ : Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830.
- САР – Словарь Академіи Россійской : в 6 ч. Санкт-Петербургъ : При Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794.

- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975– . Вып. 1–29. М. : Наука, 1975–2011 ; Вып. 30. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. 1984– . Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991 ; Вып. 7–19. СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 02.05.2020).
- Снегирев* – Снегирев И. Русскія народныя пословицы и притчи. М. : Въ Университетской типографіи, 1848. 505 с.
- СЦРЯ* – Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ : в 4 т. Санкт-Петербургъ : Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847.
- ТСДЮТ* – Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ. 896 p.
- Vorkachev S.G., 2009. *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture: monografiya* [Seek the Truth: The Idea of Justice in Russian Linguistic Culture. Monograph]. Volgograd, Paradigma Publ. 190 p.
- Ivanov V.V., Toporov V.N., 1978. O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kikh klyuchevykh terminov) [On the Language of Ancient Slavic Law (To the Analysis of Several Key Terms)]. Borkovskiy V.I. et al., eds. *Slavyanskoe yazykoznanie: dokl. sov. delegatsii. VIII Mezhdunarodnyy syezd slavistov (Zagreb – Lyublyana, sent. 1978 g.)* [Slavic Linguistics: Reports of the Soviet Delegation. 8th International Congress of Slavists (Zagreb – Lyublyana, September, 1978)]. Moscow, Nauka Publ., pp. 221-240.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kas'yanova K., 1994. *O russkom natsional'nom kharaktere* [On Russian National Character]. Moscow, Institut natsional'noy modeli ekonomiki. 267 p.
- Kobyakova T.I., 2004. *Kontsepty dukhovnosti v russkoy yazykovoy kartine mira. Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Spirituality Concepts in the Russian Language Picture of the World. Linguocultural Dictionary]. Ufa, Tipografiya OOO «Shtaym». 158 p.
- Kolesov V.V., 2006. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 624 p.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A., 2014. *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of the Russian Mentality. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., vol. 1. 591 p.; vol. 2. 592 p.
- Kuznetsova N.Yu., 2001. Fragment freyma «sud» v nemetskom i russkom paremiologicheskom fonde [Fragment of the Frame “Court” in German and Russian Paremiology Foundation]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah: tez. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Chelyabinsk, 7–9 dek. 2001 g.)* [Word, Utterance, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. Theses of the International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, December 7–9, 2001)]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 44-46.
- Levontina I.B., Shmelev A.D., 2000. *Za spravedlivost' yu pustoy* [Behind Empty Justice]. *Logicheskiiy analiz yazyka: Yazyki etiki* [Logical Language Analysis: Ethics Languages]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., pp. 281-292.
- Lykova N.N., 2005. *Genezis yazyka prava (na materiale frantsuzskikh i russkikh dokumentov X–XV vekov)* [Genesis of the Language of Law (On the Material of French and Russian Documents of the 10th–15th Centuries)]. Tyumen, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 308 p.
- Stepanov Yu.S., 2001. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ. 990 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. et al. *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Big Legal Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 790 p.
- Dal' V. *Poslovitsy russkago naroda: sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy. V 2 t. T. 1* [Proverbs of the Russian People: Collection of Proverbs, Adages, Saws, Redes, Pure Phrases, Jokes, Riddles, Beliefs. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Moscow, Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa, 1879. 685 p.

- Yushkov S.V., ed. *Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp.* [Written Documents of Russian Law. In 8 Iss.]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury, 1952–1961.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie Pervoe. S 1649 po 12 Dekabrya 1825 goda: v 42 t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. From 1649 to December 12, 1825. In 42 Vols.]. Saint Petersburg, Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830.
- Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 ch.* [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Parts]. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii Nauk, 1789–1794.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries], iss. 1–29. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011; iss. 30. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century], iss. 1–6. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1984–1991; iss. 7–19. Saint Petersburg, Nauka, Sankt-Peterburgskoe otdelenie Publ., 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (accessed 2 May 2020).
- Snegirev I. *Russkiya narodnyya poslovitsy i pritchi* [Russian Folk Proverbs and Parables]. Moscow, V Universitetskoy tipografii, 1848. 505 p.
- Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennoy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, V Tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1847.
- Isaev M.A. *Tolkovyi slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiyey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [Explanatory Dictionary of Ancient Russian Legal Terms: From Contracts with the Byzantine Empire to the Charters of the Moscow State University]. Moscow, Spark Publ., 2001. 119 p.

Information About the Author

Lyudmila V. Popova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Miass branch of Chelyabinsk State University, Kerchenskaya St, 1, 456313 Miass, Russia, mila_fil@mail.ru, filial_chelsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2690-246X>

Информация об авторе

Людмила Викторовна Попова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Миасский филиал Челябинского государственного университета, ул. Керченская, 1, 456313 г. Миасс, Россия, mila_fil@mail.ru, filial_chelsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2690-246X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.5>

UDC 811.512'366
LBC 81.64-21

Submitted: 26.02.2021
Accepted: 11.05.2021

MORPHONOLOGICAL PHENOMENA IN THE KALMYK LANGUAGE OF THE 18th CENTURY (EXEMPLIFIED BY THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Danara A. Suseeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Abstract. The results of the analysis of morphonological phenomena in the words of the Kalmyk language of the 18th century are presented in the article. The research material is comprised of the official business documents of the Kalmyk khans of the 18th century and their contemporaries, written in the old Kalmyk language, called *Todo bichig* “clear letter”, which were deposited in the National Archive of the Republic of Kalmykia (Fund 36, Inventory 1). In Kalmyk linguistics, for the first time, information was obtained about the compatibility of morphemes of the Kalmyk language of the 18th century and about morphonological phenomena caused by the processes of word- and form building. It was found out that at the junction of morphemes such morphonological phenomena as truncation, overlap, augmentation, alternation, interfixation, vowels lengthening often occurred, and within morphemes – the alternation of short and long vowels. It is revealed that the paradigms of root and subordinate morphemes of the 18th-century Kalmyk language differ from similar paradigms of the modern language. The results obtained are important not only for understanding the historical grammar of the Kalmyk language, but also for the theoretical grammar of the modern Kalmyk language. The perspective of this study is that its results are the starting point for a new direction – the comparative study of morphemics and morphonological phenomena of related Mongolian languages belonging to the agglutinative type of languages. It becomes possible to compare and contrast not just their single identical root and affixal morphemes (the traditional approach), but also their morphemic paradigms, consisting of allomorphs and variants in both diachronic and synchronous aspects.

Key words: Kalmyk language, history of the Kalmyk language, 18th century, morphonology, compatibility of morphemes, morphemic seam.

Citation. Suseeva D.A. Morphonological Phenomena in the Kalmyk Language of the 18th Century (Exemplified by the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 64-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.5>

УДК 811.512'366
ББК 81.64-21

Дата поступления статьи: 26.02.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Данара Аксеновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты анализа морфонологических явлений в составе слов калмыцкого языка XVIII века. Материалом исследования послужили официально-деловые документы калмыцких ханов XVIII в. и их современников, созданные на старописьменном калмыцком языке (Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив», ф. 36, оп. 1). Впервые получены сведения о сочетаемости морфем калмыцкого языка XVIII в. и морфонологических явлениях, вызванных процессами

словообразования и формообразования. Установлено, что на стыке морфем происходили такие морфонологические явления, как усечение, наложение, наращение, чередование, интерфиксация, удлинение гласных, а внутри морфем – чередование кратких и долгих гласных. Обнаружено, что парадигмы корневых и служебных морфем калмыцкого языка XVIII в. отличаются от таких парадигм современного калмыцкого языка. Перспектива данного исследования видится в том, что его результаты могут стать базой для сопоставительного изучения морфонологических явлений родственных монгольских (агглютинативных) языков: не только единичных идентичных корневых и аффиксальных морфем, но и их морфемных парадигм, состоящих из алломорф и вариантов как в диахроническом, так и синхронном аспекте.

Ключевые слова: калмыцкий язык, история калмыцкого языка, XVIII век, морфонология, сочетаемость морфем, морфемный шов.

Цитирование. Сусеева Д. А. Морфонологические явления в калмыцком языке XVIII в. (на материале языка документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 64–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.5>

Введение

Вопросы морфемики монгольских языков до сих пор остаются малоизученными в языкознании. В грамматиках современных монгольских языков такой раздел отсутствует (см., например: [Грамматика калмыцкого языка..., 1983; Орчин цагийн монгол хэл, 2010]). Мы согласны с Д.Ш. Харанутовой, что пока недостаточное внимание уделяется словообразовательной морфемике в новейших работах по словообразованию бурятского языка [Харанутова, 2012]. Одну из первых попыток теоретического осмысления морфемики и морфонологии современного монгольского языка с позиций теоретической лингвистики предпринял С.А. Крылов. Он старается привлечь внимание исследователей современного монгольского языка к решению таких актуальных задач, как выявление природы морфонологии, принципов выделения морфем, сути звуковых чередований, их типологии и т. д. [Крылов, 2004]. Заслуживает также внимания работа Г.А. Дырхеевой и О.С. Ринчинова, которые впервые описали морфемный состав слов на материале языка художественных произведений одного из бурятских писателей [Дырхеева, Ринчинов, 2005].

Первые сведения о морфонологии современного калмыцкого языка появились в связи с изучением словообразовательных гнезд [Сусеева, 1985]. В настоящее время накоплен большой исторический и современный материал для того, чтобы в калмыцком языкознании морфемику выделить в особую дисциплину наряду с фонологией, лексикологией, сло-

вообразованием, морфологией и синтаксисом. Как нам представляется, морфемика калмыцкого языка должна состоять из четырех разделов: учение о морфеме (морфемика в узком смысле); учение о сочетаемости морфем (морфотактика, или, как говорил Ю.С. Маслов, «учение о синтаксисе морфем»); учение о явлениях морфемного шва (морфонология); учение об исторических процессах в морфемном составе слова [Сусеева, 2011, с. 30–60].

Для изучения проблемных вопросов, касающихся морфемного состава слова и структуры производных слов калмыцкого языка, процессов словообразования и формообразования в истории калмыцкого языка и его современном состоянии, актуально описание явлений, возникающих на стыке морфем, однако в работах лингвистов этому вопросу уделяется недостаточно внимания. Цель данной статьи – охарактеризовать типы изменений на морфемном шве с учетом нового языкового материала.

Материал и методы

Явления, сопровождающие соединение морфем, впервые рассматриваются на новом материале, хранящемся в Бюджетном учреждении Республики Калмыкия «Национальный архив». Объект исследования составляют производные слова, зафиксированные в официально-деловых письмах калмыцких ханов XVIII в. и их современников. Эти документы созданы на старописьменном калмыцком языке, называемом **тодо бичиг** «ясное письмо». Предмет изучения – морфемный состав слов,

сочетаемость морфем, структура производных слов и грамматических словоформ.

В работе мы опираемся на теорию морфем, которая отражена в трудах отечественных лингвистов (см.: [Бодуэн де Куртэнэ, 1963; Земская, 1973; Кубрякова, Панкрац, 1983; Лопатин, 1977; Лопатин, Улуханов, 1970а; 1970б; Панов, 1968, 1970; Редькин, 1970; Реформатский, 1970а; 1970б; 1970в; Тихонов, 1996; и др.]). Морфема понимается как минимальная значимая единица языка, реализуемая в словах и словоформах в виде морфов. «Совокупность морфов, выступающих в различных словоформах, составляет морфему, если эти морфы являются по отношению друг к другу алломорфами или вариантами» [Лопатин, Улуханов, 1970а, с. 32]. Морф – это минимальная значимая единица слова и словоформы [Лопатин, Улуханов, 1970а, с. 30–31].

Следовательно, термином «морфонология» мы называем один из разделов морфемики, который изучает изменения морфем, происходящие в составе слов при словообразовании и формообразовании, и рассматриваем морфонологические явления, сопровождающие как словообразование, так и формообразование.

Морфемы, участвуя в образовании слов и грамматических форм, в определенных позициях часто подвергаются изменениям. Место, где сочетаются морфемы в составе слов и словоформ, в современных работах принято называть либо «границей морфем», либо «морфемным швом», либо «стыком морфем». При установлении морфемных границ в составе слова мы учитываем рекомендации М.В. Панова, который впервые предложил различать три понятия: «морфемный состав слова», «структура производного слова» и «членность слова» [Панов, 1968].

Границу между морфемами в составе слов обозначаем традиционно графическим знаком «-» (дефис), например: *эм-ч* «лекарь» < *эм* «лекарство»; *гер-ин* «дома» < *гер* «дом»¹.

Результаты и обсуждение

При сочетании морфем наблюдаются изменения, во-первых, на границе морфем, например: *зун* «лето» > *зус-л/х* «летовать» (черед.² *н/с*); *негн* «один» > *нежс-эд* «по од-

ному» (усечение звука *н* и черед. *з/жс*); во-вторых, внутри сочетающихся морфем, например: *нарн* [*нарън*] «солнце» > *нарн-а* [*нарн-а*] «солнца», где появляются две морфы одной морфемы *нарън- / нарн-*.

В XVIII в. служебные морфемы имели твердоярдные и мягкорядные алломорфы, ср.: – окончание исход. пад.: *-ааса // -оосо // -ээсэ // -өөсө // -иисэ // -уусу // -үүсү*, например:

(1) *Чагдоржаб эндэ бида мэндү, тэндэ Айдархани кинас мэндү бийиза. Йэкэ цахаан хаанааса йоун занги байини* (Сусеева, 2003, с. 78: из письма Чагдоржба, сына хана Аюки, астраханскому воеводе М.И. Чирикову, апрель 1714 г.) – Чагдоржаб здесь со всеми здоров, надеюсь, что и астраханский князь здоров. От русского царя есть какие-либо вести? (*йэкэ цахаан хан* «русский царь» > *йэкэ цахаан хаан-ааса* «от русского царя»);

(2) *Чагдор Жаб өгбө. Эндэ бида мэндү, тэндэ та мэндү бийиза. Урдаки занги үнэн болбо, хурбан түмэн цэриг лаб ирээбэ. Цэригээн мордуулжи илгэй та. Хаанай баригдагсан элчи эжиллийн көбөөгөөсө цэриг дотороосо орхожи ирибэ* (Сусеева, 2003, с. 76: из письма Чагдоржаба М.И. Чирикову, апрель 1714 г.) – Чагдоржаб послал. Мы здесь все здоровы, надеюсь, что и Вы там здоровы. Препрежные новости оказались правдой. Действительно, прибыло войско в 3 тысячи человек. Поднимайте свое войско и присылайте. Плененный посланник хана [Аюки] бежал с берега Волги, изнутри войска... (*көбөө* «берег» > *көбөө-г-өөсө* «с берега»; *дотор* «внутри» > *дотор-оосо* «изнутри»);

– окончание дат. пад.: *-ду // -дү // -ту // -тү*, например:

(3) *Йэкэ эзэни үйилэчи тайни собэдниг айндархани губэрни губэрнаатор Василэй Микидүчи Татишчэбту, итэгэлтэй инаг ахадаан бичибэ* (Сусеева, 2009, с. 647–652: из письма наместника Калмыцкого ханства Дондук Даши В.Н. Татищеву, 23 февраля 1743 г.) – Ее императорского величества в делах управляющему тайному советнику астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву, верному приятелю и старшему брату (*Татишчэб* «Татищев» > *Татишчэб-ту* «Татищеву»);

(4) *Ибаан Басали Кийикин ду бичиг өгбө* (Сусеева, 2003, с. 148: из письма хана Аюки Кийикину Ивану Васильевичу, астраханскому коменданту, 30 августа 1722 г.) – Ивану Васильевичу Кийикину вручил письмо (*Кийикин* > *Кийикин ду*);

(5) *Йамар баса санаахаан Билүдкү дү күүнэжи илгэктүн* (Сусеева, 2003, с. 155: из письма Дасанга, старшего внука хана Аюки, астраханскому

губернатору Артемию Петровичу Волинскому, 17 декабря 1722 г.) – Если есть какие-либо соображения, передав Билюдке, пришлите (*Билүджү* > *Билүджү дү*).

(6) *Дон рубрашийин бичиг тамһа. Кирухайин Бэмбэд ту салам гэбэ. Дөү чини Джа(н) көбүүдтэй гээн мини дөү Бодонг той эзэни зарлиг ту мини андаһаар ту итэгэл үгэй ниднон чимаду одбо* (Сусеева, 2009, с. 604, 613: из письма наместника Калмыцкого ханства Дондук Даши кабардинскому владельцу Кирию-хану Мамбету, 17 января 1743 г.) – Официальное письмо наместника Калмыцкого ханства. Посылаю привет Кирию-хану **Бембету**. Твоя младшая сестра Жан (вдова калмыцкого хана Дондук Омбы) с детьми и с моим младшим братом Бодонгом, не поверив указу императрицы и моей клятве, в прошлом году откочевала к тебе... (*Бэмбэд* > *Бэмбэд ту*; *зарлиг* «указ» > *зарлиг ту* «указу»; *андаһаар* «клятва» > *андаһаар ту* «клятве»; *чи* «ты» > *чима-ду* «к тебе»);

– окончание совм. пад.: *-тай // -той // -тэй // -төй*; например:

(7) *зун Хармаду одугсан элчи мани харамийин элчитэй ирэбэ* (Сусеева, 2003, с. 74: из письма Чагдоржаба М.И. Чирикову, февраль 1714 г.) – летом ходивший в Крым посланник наш вернулся с крымским **посланником** (*элчи* «посланник» > *элчитэй* «с посланником»);

(8) *амуһууланг ту хаанай элчи ирэнэй, минһан цэриг арба тобтой, бишкеүр зурна барапан орушийин наадун тоотуйиги илгээтүн* (Сусеева, 2003, с. 75: из письма Чагдоржаба М.И. Чирикову, март 1714 г.) – приезжает (к нам) посланник китайского императора, пришлите (нам) следующее: тысячное войско с **10 пушками**, дудки (флейты), зурны, барабаны, русских музыкантов (*тоб* «пушка» > *тоб-той* «с пушкой»).

Алломорфы калмыцкого языка XVIII в. практически полностью совпадают с алломорфами современного монгольского языка, но не совпадают с алломорфами современного калмыцкого языка. Ср.: совр. монг. язык: исход. пад. *-аас // -оос // -ээс // -өөс* [Онорбаян, 2004, х. 212]; калм. язык XVIII в.: *-ааса // -оосо // -ээсэ // -өөсө*; совр. калм. язык: *-ас // -эс*. Появление таких алломорф было вызвано сингармонизмом. Язык документов XVIII в. показывает, что гласные служебных морфем чаще всего дублировали гласную первого слога корневой морфемы. Ср.:

– *а* в корне и аффиксе: *хурбан хаалһаар* «тремя дорогами»;

– *э* в корне и аффиксе: *тэнгэ-ээсэ йабуксан хазанай элчи* «с Дона прибывший казанский посланник»;

– *о* в корне и аффиксе: *хобон-оосо зангги байину* «есть ли вести с Кубани»;

– *ө* в корне и аффиксе: *эжилийин көбөө-г-өөсө* «с берега Волги».

Окончание дат. пад. в XVIII в. имело четыре алломорфы: *-ду // -дү // -ту // -тү*. Ср.: *үг баса элчийин аман-ду бэй* «еще есть устное сообщение у посланника», *Сэрийин көлдү ирэбэ би* «я прибыл к озеру Сэри»; *айдархани байар-ту өгбө* «астраханскому боярину вручил», *Михалии-тү бичиг өгбө* «дал письмо Михаилу». В современном калмыцком языке две алломорфы *-д // -т*.

По морфологической классификации языков мира калмыцкий язык относится к агглютинативным языкам, в них «структура слова прозрачна, т. к. границы морфем отчетливы; на стыках морфем, как правило, не возникает значительных звуковых изменений, а возникающие связаны с явлением т. наз. стяжения и носят единичный характер» [Лингвистический..., 1990, с. 17]. По результатам нашего исследования такая характеристика структуры слова не соответствует калмыцкому слову.

Результаты сравнительного изучения калмыцкого языка XVIII и XX вв. показывают, что в калмыцком языке сформировалась система изменений морфем, связанных со словообразованием и формообразованием, которая породила модификацию морфем и непрозрачность границ между ними.

В XVIII в. при образовании слов и грамматических форм на морфемных швах возникали разнообразные изменения звуковой оболочки морфем. Нами были обнаружены следующие: сингармонизм, усечение, наложение, наращение, интерфиксация, удлинение гласных, чередование. Их наличие подтверждается и новыми опубликованными документами [Русские переводы..., 2013]. Совокупность явлений на морфемном шве в словах калмыцкого языка XVIII в., как можно уверенно сегодня утверждать, отличается от подобной совокупности в современном калмыцком языке. Охарактеризуем явления, возникающие на морфемном шве (на границе морфем

и внутри морфем), в словах калмыцкого языка XVIII века.

Сингармонизм возникал при сочетании основ (корневых морфем) с аффиксами, когда гласные аффиксов «подстраивались» артикуляционно или акустически под гласные предшествующих основ (корневых морфем). Есть два вида сингармонизма: полный и неполный. Полный сингармонизм характеризуется тем, что в служебных морфемах при сочетании их с основой появляются такие гласные, которые по звучанию полностью совпадают с гласными основы (корня). Например, *Хобон-оосо Харам-ааса занги байину* «с Кубани и Крыма есть ли новости?»; *Чагдоржаб өг-бө* «Чагдоржаб вручил»; *Элчи цүрүм табуула өтөркөн илгэ* «быстро пошли посланника Цюрюма с пятью (сопровождающими)». Неполный сингармонизм отличается тем, что гласные служебных морфем соответствуют гласным основы (корня) лишь по рядности. Например, твердорядные: *цаһан хаан-ду бичиг* «письмо царю», *зун Харам-ду одуксан* «летом ходивший в Крым»; мягкорядные: *манай хароул баса үзэжи ирэ-бэ* «наш караул тоже, увидев, вернулся», *дари хорһолжи али йэкэ болхоорни өгү-ктүн* «если есть много, то дайте порошу и свинца».

В языке XVIII в. в результате сингармонизма появилось большое количество алломорф. Так, у форм исход. пад. было 5 частных алломорф: *-ааса // -ээсэ // -иисэ // -оосо // -өөсө*. Например: *көбөө-г-өөсө* «с берега», *дотор-оосо* «изнутри», *мэскүүг-ээсэ* «из Москвы», *элч-иисэ* «от посланца», *улус-ааса* «от людей». У форм оруд. пад. было 7 алломорф: *-ээр // -аар // -иир // -оор // -өөр // -уур // -үүр*. Например: *үг-ээр* «словом», *зарлиһ-аар* «по закону», *күч-иир* «силой», *өбөс-өөр* «сеном», *онгһоц-оор* «лодкой», *күнүүс-үүрэн* «со своей провизией».

Усечение происходило при соединении двух морфем, когда предшествующая морфема в сочетании с последующей морфемой утрачивала один или два конечных звука, как в русском языке [Земская, 1973, с. 137–140]. Усечение связано с понятием основы исходной (или начальной) формы слова. В наших исследованиях исходной формой любого слова мы называем ту, которая является «словарной»: у существительных – форма им. пад.

ед. ч., а у глаголов – инфинитив. Например, *нэмэшийин нойо-й-ги күргэнэй гэнэй* «говорит, что сопровождает немецкого князя» (им. пад. *нойон* «князь» > вин. пад. *нойо-й-ги* «князя»); *цэригээн морд-уул-жи илгэйтэ* «посылайте в поход свое войско» (*мордо-ху* «выступить в поход» > *морд-уул-ху* «отправить в поход» > *морд-уул-жи* «выступая в поход»).

Наложение наблюдалось, когда начальный звук последующей морфемы накладывался на конечный звук предыдущей морфемы, например: *Арбан цаһаан бөөс аба* «взял десять (кусков) белой бязи». В этом предложении форма *аба* «взял» образована от корневой основы *аба-* глагола *аба-ху* «брать; захватить» с помощью окончания прошедшего времени *-ба*. В данном случае произошло наложение окончания, состоящего из двух звуков – *ба*, на два конечных звука корневой морфемы *-ба-* (*аба-* + *-ба* > *абаба* > *аба*), что и привело к появлению формы *аба*.

Наращение возникало при соединении морфем, когда в начале последующей морфемы появлялся звук, идентичный конечному звуку предшествующей морфемы. Ср.: *Тэнг-гээсэ йабуксан хазанай элчи* «шедший с Дона казанский посланник» (*Тэнг* «Дон» > *Тэнг-гээсэ* «с Дона»); *йэкэ цаһаан хани зарлигһаар* «указом великого государя» (*зарлиг* «указ» > *зарлиг-һаар* «указом»). В приведенных контекстах содержатся грамматические формы, при образовании которых имели место случаи наращения падежных окончаний, а именно *г-г: тэнг-гээсэ* «с Дона» (исход. пад.), *г-һ: зарлиг-һаар* «указом» (оруд. пад.).

Интерфиксация обнаруживалась на морфемных швах, когда между сочетающимися морфемами вставлялись «буферные звуки», устраняющие нехарактерные для калмыцкого языка сочетания звуков, например: *хотоноосо ирэксэн элчиги үйисүкийин байар* «указом великого государя». В этих примерах представлены грамматические формы, образованные при участии интерфиксов: *күүгэр* «человеком» (форма оруд. пад. от сущ. *күүн* «человек» > *күү-г-эр* «человеком»); *закааһаар* «указом» (форма оруд. пад. от сущ. *закаа* «указ» > *закаа-һ-ар* «указом»). В качестве

«буферных» звуков на морфемных швах выступают чаще всего [г] и [h], которые устраняли нетипичные для калмыцкого языка сочетания звуков типа *ҮҮэ* (*кҮҮ-г-эр* «человеком»), *ааа* (*закаа-h-ар* «указом»). В редких случаях могли выступать и другие звуки, например звук [б]: *почитоо-б-ор хойор күү илгэйэ гэжи бэлэй та* «вы обещали, что с почтой пошлете двух человек» (форма оруд. пад. от сущ. *почитоо* «почта» > *почитоо-б-ор* «почтой»). Интерфиксация в калмыцком языке XVIII в. относится к числу самых продуктивных явлений на морфемном шве, хотя количество интерфиксов было ограниченным.

Удлинение гласных на морфемном шве происходило, когда предшествующая морфема оканчивалась на гласную, а последующая морфема начиналась с такой же гласной. Например, такое явление наблюдается при образовании разделительных деепричастий с помощью суффикса *-од* // *-эд* // *-ид*, ср.: *кэку* «делать» > *кэ- + -эд* > *кээд* «сделав», *гэку* «сказать» > *гэ- + -эд* > *гээд* «сказав», *болоху* «быть» > *боло- + -од* > *болоод* «будучи», *олоху* «найти» > *оло- + -од* > *олоод* «найдя», *бариху* «поймать» > *бари- + -ид* > *бариид* «поймав». В результате перераспределения конечный гласный таких основ отошел к суффиксу, что привело к возникновению вариантов суффикса разделительного деепричастия с двумя одинаковыми гласными, которые стали восприниматься как долгие, ср.: *бол-оод* «будучи», *олоод* «найдя», *бар-иид* «поймав», *ир-ээд* «придя», *орh-оод* «сбежав», *ор-оод* «войдя» и др. Появилась непрозрачность границ между морфемами, как в словах типа *гээд* «сказав». В современном же калмыцком языке для образования соответствующих форм разделительных деепричастий используется интерфиксация: *кэ-h-эд* «сделав», *ги-h-эд* «сказав», что позволяет сохранять прозрачность морфемного состава слов.

Памятники XVIII в. показывают, что две одинаковые гласные были возможны на морфемных швах не только при образовании разделительных деепричастий, но и при образовании других грамматических форм, а также слов. Условия их возникновения стандартны: предшествующая основа оканчивалась на гласный, а служебная морфема начиналась с такой же гласной.

«Алгоритм» появления двух одинаковых гласных на морфемных швах в калмыцком языке XVIII в. ставит под сомнение известную теорию о наличии долгих гласных фонем в калмыцком языке (см., например: [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 14–24]). Эта ошибочная теория бытует в калмыцком языкознании, к сожалению, до настоящего времени. Как показывает наш материал, так называемые «долгие» гласные представляют собой продукт соединения морфем, характеризуют морфемный шов и на различение смысла слов и морфем не влияют, а двойное написание гласных в корневых морфемах, как свидетельствует язык изучаемых нами документов XVIII в., – это лишь графическая передача ударных гласных. Так, многие однослоговые существительные в им. пад. ед. ч. писались с одной краткой гласной, а в косвенных падежах с двумя гласными, поскольку на них падало ударение, например: *хон* «овца», но *хөөн-дэ* «овце», *хөө-h-эр* «овцой»; *хан* «хан», но *хаан-дэ* «хану», *хаан-ар* «ханом», *хаан-ур* «к хану», *хаан-аса* «от хана» и т. д. В старописьменном калмыцком языке (**тодо бичиг**) во всех заимствованных словах из русского языка ударные гласные передавались двойным написанием, ср.: *закаа* < закон, *кантуур* < контора, *синоод* < синод, *кинаас* < князь, *бишнөүбка* < вишнёвка (вино), *боодки* < водка, *сухайири* < сухарь, *Ибаан* < Иван, *Бароунаш* < Воронеж и др. [Хараева, 2014, с. 43–94]. В калмыцком языке XVIII в. была обнаружена значительная группа слов, заимствованных из русского языка, обладавших функциональным тождеством, но различавшихся по написанию (впервые об этом: [Хараева, 2014]). Например, слово *губернатор* встречается в калмыцких документах XVIII в. в 19 вариантах, ср.: *губурнаад* // *губарнаатор* // *гувармаатар* // *губермеетер* // *кубирмаатор* // *губурнаатар* и др. В большинстве вариантов слова *губернатор* в калмыцком языке ударная гласная передается двойным написанием [Хараева, 2014, с. 109].

Чередование появлялось, как правило, в рамках морфологической парадигмы, например: *н* // *й* (им. пад. *балгасун* «город» > вин. пад. *балгасуй ги* «город»); *г* // *ж* (*ниг/эн* «один» > *ниж-ээд* «по одному»); *с* // *ш* (им. пад. *орос* «русский» > вин. пад. *орош-и* «русского»); *г* // *h*

(им. пад. *нутуг* «владение» > исх. пад. *нутуһ-ааса* «из владения»); *aa // a* (*хан* > *хаан-аса* «от хана»); *уу // у* (*зүг* «сторона» > *зүүг-эсэ* «со стороны»).

Заключение

Результаты исследования показали, что на стыке морфем в составе слов калмыцкого языка XVIII в. представлены морфонологические явления разных типов. Они сопровождали словообразовательные и формообразовательные процессы. Фонологические изменения в составе морфем тесно связаны с такими явлениями на морфемном шве, как сингармонизм, чередование, усечение, наращение, наложение, интерфиксация, чередование (кратких и долгих гласных), удлинение гласных, что в совокупности создавало своеобразный «инструмент» для образования алломорф (и вариантов) одной морфемы.

Объем парадигм морфем калмыцкого языка XVIII в. не совпадает с объемом парадигм морфем современного калмыцкого языка. Обнаружено, что калмыцкий язык XVIII в. по морфемной парадигматике более близок современному монгольскому языку, чем современному калмыцкому языку, если сравнивать их идентичные морфемы и их алломорфы, ср.: суффикс многократного причастия: калм. язык XVIII в.: *-даг / -дог / -дөг / -дэг*; совр. калм. язык: только *-дэг*; совр. монг. язык: *-даг / -дог / -дөг / -дэг* и т. п.

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на грамматический строй калмыцкого языка XVIII в., а именно с позиции историко-сравнительного языкознания, когда калмыцкий язык изучается в разных аспектах на материале текстов разных эпох – уникальном письменном наследии, хранящемся в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Материал и принципы его описания, представленные в статье, могут послужить базой для изучения и описания исторической грамматики калмыцкого языка диахронического типа. Кроме того, они открывают возможности для развития нового направления в изучении родственных монгольских и тюркских языков: для сравнения и сопоставления родственных языков можно ис-

пользовать не только одиночные идентичные корни и аффиксы (традиционный подход), но и их парадигмы, состоящие из алломорф и вариантов морфем, существовавших в языке в определенные эпохи его развития (новый подход).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод с калмыцкого языка автора статьи.

² В статье приняты следующие сокращения: *вин. пад.* – винительный падеж; *дат. пад.* – дательный падеж; *ед. ч.* – единственное число; *им. пад.* – именительный падеж; *исход. пад.* – исходный падеж; *калм. язык* – калмыцкий язык; *оруд. пад.* – орудийный падеж; *собир. пад.* – собирательный падеж; *совм. пад.* – совместный падеж; *совр. монг. язык* – современный монгольский язык; *сущ.* – имя существительное; *черед.* – чередование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР. 2 т.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология, 1983. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 336 с.
- Дырхеева Г. А., Ринчинов О. С., 2005. Морфологическая структура слова в бурятском языке: лингвостатистическое описание (на материале художественного текста). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН. 97 с.
- Земская Е. А., 1973. Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение. 304 с.
- Крылов С. А., 2004. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные вопросы общей лингвистики. В 6 ч. Ч. 1. Морфемика, морфология, элементы фонологической трансформаторики (в свете общей теории морфологических и морфонологических моделей). М. : Вост. лит. 479 с.
- Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., 1983. Морфонология в описании языков. М. : Наука. 119 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл. 683 с.
- Лопатин В. В., 1977. Русская словообразовательная морфемика. М. : Наука. 315 с.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С., 1970а. Введение в морфемику // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 30–36.

- Лопатин В. В., Улуханов И. С., 1970б. Словообразование // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 37–45.
- Онорбаян Ц., 2004. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүй. Улаанбаатар : Монгол улсын боловсролын их сургууль. 349 х.
- Орчин цагийн монгол хэл, 2010. Улаанбаатар : Монгол улсын боловсролын их сургууль. 446 х.
- Панов М. В., 1968. Изменение членимости слов // Русский язык и советское общество : Социолого-лингвистическое исследование. В 4 кн. Кн. 2. Словообразование современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 214–216.
- Панов М. В., 1970. О значении морфологического критерия для фонологии // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 368–373.
- Редькин В. А., 1970. Альтернации (чередования фонем) // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 463–485.
- Реформатский А. А., 1970а. Введение // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 14–34.
- Реформатский А. А., 1970б. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 398–421.
- Реформатский А. А., 1970в. Язык, структура и фонология // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 516–523.
- Русские переводы XVIII века писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования, 2013 / Д. А. Сусеева [и др.]. Элиста : Калмыц. гос. ун-т. 744 с.
- Сусеева Д. А., 1985. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 245 с.
- Сусеева Д. А., 2011. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста : КИГИ. 199 с.
- Тихонов А. Н., 1996. Русская морфемика // Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М. : Школа-Пресс. С. 655–701.
- Хараева А. Т., 2014. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века. Элиста : Калмыц. гос. ун-т. 223 с.
- Харанутова Д. Ш., 2012. Словообразование бурятского языка. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та. 269 с.

ИСТОЧНИКИ

- БУ РКНА – Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив». Ф. 36. Оп. 1 (1. Государственное управление. Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе). Д. 1, 3, 9, 10, 17, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 52, 78, 195, 383, 390.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования / отв. ред. Э. Р. Тенишев. Элиста : Джангар, 2003. 384 с.
- Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.): избранное. Элиста : Джангар, 2009. 991 с.

REFERENCES

- Boduen de Kurtene I.A., 1963. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu: v 2 t.* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR.
- Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Kalmyk Language. Phonetics and Morphology], 1983. Elista, Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo. 336 p.
- Dyrkheeva G.A., Rinchinov O.S., 2005. *Morfologicheskaya struktura slova v buryatskom yazyke: lingvostatisticheskoye opisaniye (na materiale khudozhestvennogo teksta)* [Morphological Structure of a Word in the Buryat Language: Linguistic and Statistical Description (Based on the Material of a Literary Text)]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 97 p.
- Zemskaya E.A., 1973. *Sovremenniy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 304 p.
- Krylov S.A., 2004. *Teoreticheskaya grammatika mongol'skogo yazyka i smezhnye voprosy obshchey lingvistiki. V 6 ch. Ch. 1. Morfemika, morfonologiya, elementy fonologicheskoy transformatoriki (v svete obshchey teorii morfoloicheskikh i morfonologicheskikh modeley)* [Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Issues of General Linguistics. In 6 Parts. Part 1. Morphemics, Morphonology, Elements of Phonological Transformatorics (In the Light of the General Theory of Morphological and Morphological Models)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 479 p.
- Kubryakova E.S., Pankrats Yu.G., 1983. *Morfonologiya v opisaniy yazykov* [Morphonology in the

- Description of Languages]. Moscow, Nauka Publ. 119 p.
- Yartseva V.N., ed., 1990. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 683 p.
- Lopatin V.V., 1977. *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika* [Russian Word Formation Morphemics]. Moscow, Nauka Publ. 315 p.
- Lopatin V.V., Ulukhanov I.S., 1970a. Vvedenie v morfemiku [Introduction to Morphemics]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 30-36.
- Lopatin V.V., Ulukhanov I.S., 1970b. Slovoobrazovaniye [Word Formation]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 37-45.
- Onorbayan Ts., 2004. *Orchin tsagiyn mongol khelniy üg züy* [Modern Mongolian Vocabulary]. Ulaanbaatar, Mongol ulsyn bolovsrolyn ikh surguul'. 349 p.
- Orchin tsagiyn mongol khel* [Modern Mongolian Language], 2010. Ulaanbaatar, Mongol ulsyn bolovsrolyn ikh surguul'. 446 p.
- Panov M.V., 1968. Izmeneniye chlenimosti slov [Changing the Articulation of Words]. *Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologolingvisticheskoye issledovaniye. V 4 kn. Kn. 2. Slovoobrazovaniye sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian Language and Soviet Society: Socio-Linguistic Research. In 4 Books. Book 2. Word Formation of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 214-216.
- Panov M.V., 1970. O znachenii morfologicheskogo kriteriya dlya fonologii [On the Significance of the Morphological Criterion for Phonology]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 368-373.
- Red'kin V.A., 1970. Al'ternatsii (cheredovaniya fonem) [Alternations (Alternation of Phonemes)]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 463-485.
- Reformatskiy A.A., 1970a. Vvedenie [Introduction]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 14-34.
- Reformatskiy A.A., 1970b. O sootnoshenii fonetiki i grammatiki (morfologii) [On the Relationship Between Phonetics and Grammar (Morphology)]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 398-421.
- Reformatskiy A.A., 1970v. Yazyk, struktura i fonologiya [Language, structure and phonology]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 516-523.
- Suseeva D.A., Kotyaeva E.S., Olyadykova L.B., Yarmarkina G.M., 2013. *Russkiye perevody XVIII veka pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov: teksty i issledovaniya* [Russian Translations of the 18th Century Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries. Texts and Studies]. Elista, Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. 744 p.
- Suseeva D.A., 1985. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' kalmytskogo yazyka* [Word Formation Dictionary of the Kalmyk Language]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1985. 245 p.
- Suseeva D.A., 2011. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII veka: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov)* [Grammatical Structure of the Kalmyk Language of the 18th Century: Morphology and Morphology (Based on the Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries)]. Elista, KIGI. 199 p.
- Tikhonov A.N., 1996. *Russkaya morfemika* [Russian Morphemics]. Tikhonov A.N. *Morfemno-ortograficheskiy slovar'* [Morphemic and Orthographic Dictionary]. Moscow, Shkola-Press Publ., pp. 655-701.
- Kharaeva A.T., 2014. *Russkiye zaimstvovannyye slova v kalmytskom yazyke XVIII veka* [Russian Loanwords in the Kalmyk Language of the 18th Century]. Elista, Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. 223 p.
- Kharanutova D.Sh., 2012. *Slovoobrazovaniye buryatskogo yazyka* [Word Formation of the Buryat Language]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. 269 p.

SOURCES

Byudzhethnoe uchrezhdeniye Respubliki Kalmykiya «Natsional'nyi arkhiv» [Budgetary Institution of the Republic of Kalmykia "National

Archive”], f. 36, op. 1 (1. Gosudarstvennoye upravleniye. Sostoyashchiy pri kalmytskikh delakh pri astrakhanskom gubernatore [1. Public Administration. Serving Under the Astrakhan Governor for Kalmyk Affairs]), d. 1, 3, 9, 10, 17, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 52, 78, 195, 383, 390.).
Suseeva D.A. *Pis'ma khana Ayuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya* [Letters of Khan Ayuka and His

Contemporaries (1714–1724): The Experience of Linguistic and Sociological Research]. Elista, Dzhangar Publ., 2003. 384 p.

Suseeva D.A. *Pis'ma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.): izbrannoe* [Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries (1713–1771). Selected]. Elista, Dzhangar Publ., 2009. 991 p.

Information About the Author

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russia, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Информация об авторе

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Россия, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.6>

UDC 81'37:004.7

LBC 81.002

Submitted: 24.02.2021

Accepted: 11.05.2021

SEMANTICS OF ENMITY: AGGRESSIVE SUBJECT NAMING IN MODERN INTERNET COMMUNICATION ¹

Larisa N. Rebrina

Volgograd State University, Volgograd, Russia;

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article presents research results, and highlights the peculiarities of hostile-minded subject naming in Internet communication in the 21st century. The composition of the paradigmatic subset under consideration is determined, its internal structure, word-formation features, semantics, syntagmatics and functioning of constituents are characterized. The research is carried out through purposeful sampling, semantic, definitional, contextual analysis, some aspects of motivational, word-formation and syntactic analysis, quantitative method. It is shown, that the majority of the new names are borrowed from the English language and derived from Anglicisms. Mental and linguistic representation of a hostile subject reflects such parameters as: the verbal / nonverbal nature of the subject's actions; animate / inanimate object of hostility; the membership of the subject and object of hostility of a certain group; obligatory / optional allies of the subject; the degree of the subjects emotional involvement; the purpose of the actions / needs of the subject. The studied designations differ in the frequency of use in the described network communicative practices and are used to characterize the corresponding phenomenon or class of subjects, a particular member of the Internet community; for the speakers self-presentation; as an evaluative appeal. There is a tendency to romanticize certain classes of the named aggressive subjects. The emergence of new designations of a hostile subject and their functioning are determined by the turn towards intensification, intellectualization, integration and internationalization.

Key words: semantics, enmity, subject designation, Internet communication, functioning, borrowing, neologism.

Citation. Rebrina L.N. Semantics of Enmity: Aggressive Subject Naming in Modern Internet Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 74-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.6>

УДК 81'37:004.7

ББК 81.002

Дата поступления статьи: 24.02.2021

Дата принятия статьи: 11.05.2021

СЕМАНТИКА ВРАЖДЫ: ОБОЗНАЧЕНИЯ АГРЕССИВНОГО СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ¹

Лариса Николаевна Ребрина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье изложены результаты исследования актуальных обозначений враждебного субъекта в интернет-коммуникации XXI века. Описан состав данного подмножества единиц, его внутренняя структура, словообразовательные признаки, семантика, синтагматика и особенности функционирования конститuentов. Используются целенаправленная выборка, семантический, дефиниционный, контекстуальный анализ, элементы мотивологического, словообразовательного и синтаксического анализа, метод количественных подсчетов. Показано, что большая часть новых обозначений – заимствования из английского языка и производные от англицизмов. Для ментальной и языковой репрезентации агрессивного субъекта релевантны признаки: одушевленность / неодушевленность объекта враждебности; принадлежность субъекта и объекта враждебности к той или иной группе; обязательность / необязательность союзников субъекта; вербальный / иной характер действий субъекта; степень эмоциональности субъекта; цель действий / потребности субъекта. Установлено, что изучаемые обозначения различаются частотностью в коммуникативных практиках сетевого общения и употребляются для квалифицирования соответствующего явления или класса субъектов, конкретного члена интернет-сообщества, самопрезентации, в качестве оценочного обращения. Отмечена тенденция к романтизации отдельных классов называемых агрессивных субъектов. Определено, что образование и функционирование новых обозначений враждебного субъекта детерминировано векторами интенсификации, интеллектуализации, интеграции, интернационализации.

Ключевые слова: семантика, вражда, обозначение субъекта, интернет-коммуникация, функционирование, заимствование, неологизм.

Цитирование. Ребрина Л. Н. Семантика вражды: обозначения агрессивного субъекта в современной интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 74–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.6>

Введение

Проблематике неологии в русском языке посвящен целый ряд научных работ уже в XXI в., отражающих исследования новых слов в разных аспектах и с разных позиций: выявлены актуальные тенденции именного словообразования [Жданова, 2010; Коряковцева, 2012; Радбиль и др., 2018], функции неолексем в отдельных коммуникативных практиках [Торопкина, 2019], сложности лексикографирования неолексем [Щетинина, 2021], новые сверхсловные номинации субъекта, заимствования для наименования лица в конце XX – начале XXI в. [Григоренко, 2009; 2012], описаны современные словообразовательные гнезда с ключевым онимом [Нефляшева, 2008], дана семантико-мотивологическая характеристика неолексем в политической интернет-коммуникации [Ребрина, 2020], блендинга как способа неузального словообразования [Григорьева, 2019], оценочных неологизмов в заголовках СМИ [Куликова, 2020], словообразовательной, графической, орфографической языковой игры [Ильясова, 2015], новых типов слов-кентавров [Крысин, 2010], креализованных дериватов [Попова, Рацибурская, Гугунава, 2017], общих и лингвокультурно специфичных словообразовательных и функциональных особенностей неологизмов «коронавирусной»

тематики в русском, немецком, английском языках [Павлова, 2020].

Сегодняшняя интернет-коммуникация характеризуется высоким уровнем враждебности, агрессии разного рода, что находит проявление во множестве неологизмов для обозначения субъектов соответствующих действий. На фоне активных неологических процессов в этой лексической парадигме необходимым становится описание семантики и специфики употребления новых лексем, закономерностей лексико-семантической репрезентации враждебного субъекта в интернет-коммуникации, дифференциации данного понятия, тенденций развития указанной лексической подсистемы русского языка, отражающих новые социокультурные реалии и потребности социума.

Объект нашего изучения – новые лексические единицы (далее – ЛЕ) семантического поля «Вражда», обозначающие агрессивного субъекта и функционирующие в интернет-коммуникации в период 2000–2021 годов. Цель исследования заключается в определении состава и структуры данного парадигматического подмножества, актуальных тенденций словообразования в указанной лексико-семантической области, описании семантики, синтагматики и специфики функционирования анализируемых ЛЕ в сетевом общении.

Материал и методы

Для достижения поставленной цели используются целенаправленная выборка, семантический, дефиниционный, контекстуальный анализ, элементы мотивологического, словообразовательного и синтаксического анализа, метод количественных подсчетов, статистический инструментарий корпусов и сервис Google N-gramm-Viewer (далее – GNGV).

Источники эмпирического материала – блоги Живого Журнала / Live Journal (далее – ЖЖ) и других платформ, онлайн-журналы (далее – ОЖ) и онлайн-газеты (далее – ОГ), видеохостинги (YouTube, declips.net), видеоплатформа TikTok, информационные сайты (далее – ИС), информационно-развлекательные сообщества (далее – ИРС), социальные сети (далее – СС), форумы, игровые порталы, корпусы текстов НКРЯ, LEEDS, Sketch Engine.

Отобранные ЛЕ (20 единиц) формируют 2 подгруппы: 1) обозначения субъекта, реализующего враждебность вербально (57,13 %); 2) обозначения субъекта, реализующего враждебность вербальными и/или иными действиями (42,86 %). Рассмотрим наиболее репрезентативные ЛЕ.

Результаты и обсуждение

Обозначения субъекта, характеризующего признаком «враждебные вербальные действия»

ХЕЙТЕР, англ. *hater* «a person who says or writes unpleasant things about someone or criticizes their achievements, especially on the internet» (CD); «субъект, испытывающий и открыто вербально выражающий ненависть, неприязнь в отношении к кому-либо / чему-либо». Ядерный семантический признак – вербальное проявление ненависти. Например:

(1) ...Хейтер это **неадекват**, который пытается **нагадить** всем... особенно в комментариях. Его **раздражает** все... он начинает просто **ненавидеть** всех... (22.11.2018, <https://vk.com/@vadim.chircov-heitery>)²;

(2) Хейтер – это **недоброжелатель**, **склочник**, **недруг**, **тот, кто испытывает злобу** в отношении другого (<https://sovets.net/16983-hejtery-kto-eto.html>);

(3) ...Да я ничей не **хейтер**, **хейт** – **отрицательная эмоция**. смех – другое дело ... (29.12.2015, <https://diary.ru/~WTF-Inside/p206902334.htm?from=30>).

По данным НКРЯ и GNGV, описываемая ЛЕ активно употребляется с 2013 г. по настоящее время (см. рис. 1). Широкое употребление ЛЕ *хейтер* позволяет сравнить частотность анализируемой единицы за выбранный период по данным двух источников (для описываемых ниже ЛЕ такое сопоставление невозможно ввиду их слабой представленности / непредставленности в НКРЯ; при отсутствии данных о динамике употребления производной единицы анализируется частотность мотивирующей ЛЕ, косвенно характеризующая потребность носителей языка в выражении соответствующей семантики).

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные – *злостный*, *яростный*, *лютый*, *злбный*, *напористый*, *агрессивный*, *опасный*, *неадекватный*, *придирчивый*, *завистливый*, *умалишенный*, *глупый*, *трусливый*; б) глаголы – *игнорить*, *нейтрализовать*, *заблокировать*, *презирать*, *банить* (*хейтер* – объект); в) глаголы – *троллить*, *сливать*, *ненавидеть*, *оскорблять*, *нагадить*, *провоцировать*, *атаковать*, *травить*, *перемывать* (*косточки*) (*хейтер* – субъект).

Наиболее часто ЛЕ *хейтер* употребляется в блогах ЖЖ (34,97 %), на TikTok (23,79 %), в СС (около 13,99 %); реже – на ИС (8,39 %), в ОЖ (6,99 %), в других дневниках и авторских блогах (6,29 %), на форумах (2,09 %), на видеохостингах (3,49 %). Эта единица используется преимущественно для отвлеченной характеристики соответствующего класса субъектов (69,31 %); см. также примеры (1), (2), менее активно – для характеристики явления (9,57 %; см. пример (3)), самопрезентации (11,32 %):

(4) Ну да **я хейтер** Дани Милохина, и что с того? (@xjandepay, 16.11.2020, TikTok),

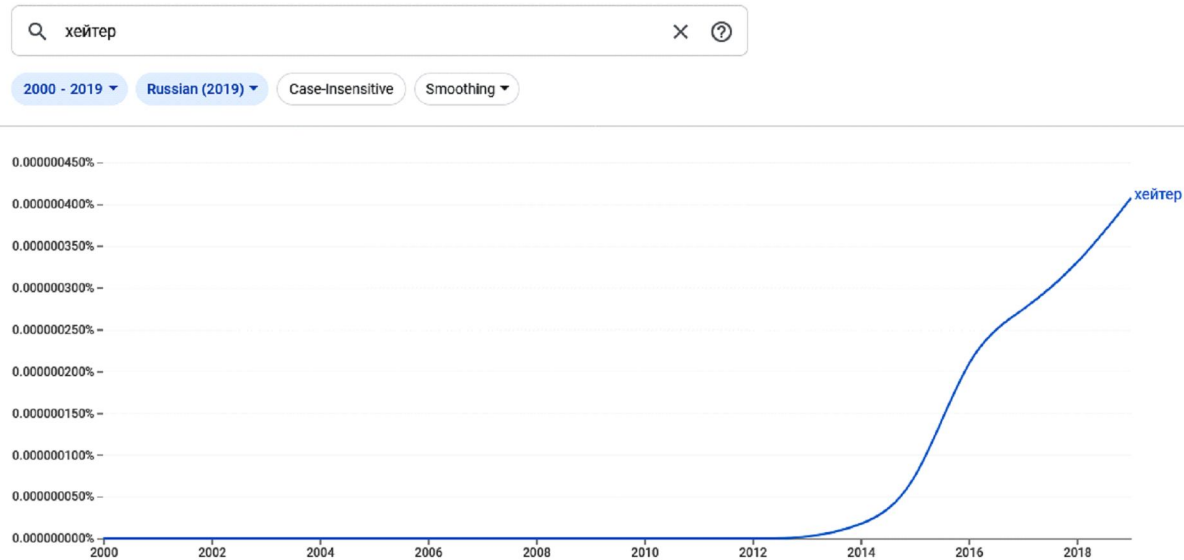
характеристики конкретного субъекта интернет-коммуникации (6,92 %):

(5) **Глупый хейтер**... заявляет, что по данной... ссылке... придут **новые хейтеры** (<https://topbot.diary.ru/p210482727.htm>);

в качестве оценочного обращения к участнику интернет-сообщества (2,88 %):

GNGV

Google Books Ngram Viewer

НКРЯ

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в газетном корпусе с 2000 по 2019

[перейти на страницу поиска](#)

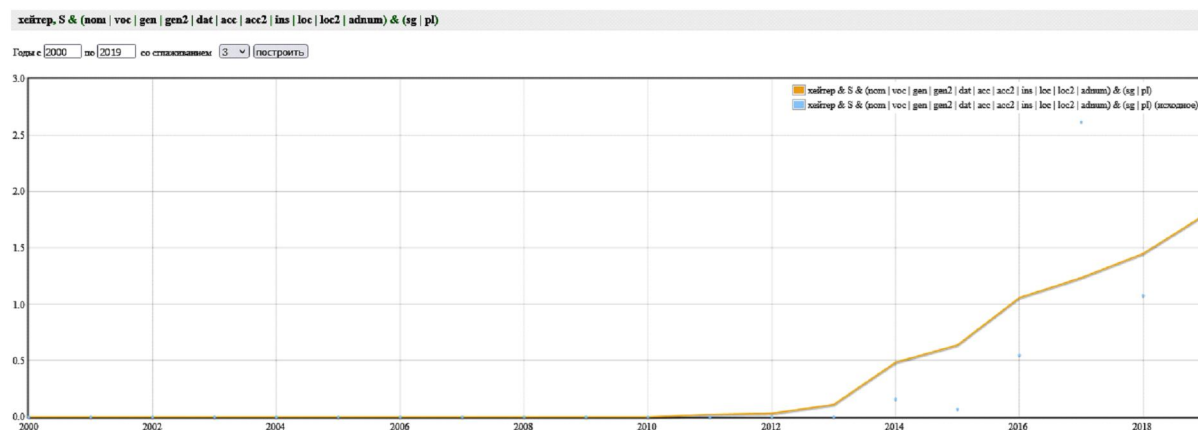

Рис. 1. Динамика употребления ЛЕ *хейтер*

Fig. 1. Lexical unit *хейтер*: the dynamics of use

(6) **Дорогой хейтер крыжовника!** Мы все уже прочли... (Дежурный Правдоруб, 14.01.2013, <https://pravdoruboklon.diary.ru/p184497790.htm?from=600>).

В отношении описываемой единицы прослеживаются наметившиеся тенденции романтизации обозначаемого субъекта, формирования оценочной амбивалентности: хейтер может описываться как лицо, испытывающее неподдельный эмоциональный интерес к другому человеку, мотивирующий его; как источник его популярности:

(7) ...Этот хейтер является твоим **главным мотиватором**. ...Ты не забываешь, что надо работать над сво-

ими... идеями... он просто **хочет тебя мотивировать** (06.11.2018, <https://air.io/novosti-air/3-tipa-kheyterov>);

(8) Если... **отметились хейтеры**, можно вас поздравить: **вы обретае популярность** (<https://mynetmoney.ru/kto-takie-xejtery/>);

(9) Хейтер – это **почти любовник или поклонник**... с выраженным **эмоциональным интересом** (22.07.2017, <https://pushba.livejournal.com/1588234.html>).

ФЛЕЙМЕР, англ. *flamer* «someone who sends an angry or insulting email»; от *flame* «a powerful feeling; an angry or offensive email» (CD); «субъект, характеризующийся агрессивным речевым поведением, устраивающий

скандалы и ссоры на форумах, неадекватно реагирующий на реплики собеседника, уходящий от темы и переходящий на личности». Ядерный семантический признак – вербальная агрессия (см.: (СТБ)). Например:

(10) Зачем вы сюда зашли и **обливаете всех грязью**? Вы флеймер? (Красота, здоровье, отдых, 2005, <https://ruscorpota.ru/>);

(11) Флеймер... устраивает **ссоры** или **горячие споры с переходом на личности... целенаправленно стремится оскорбить** (20.05.2007, <https://abcdefgh.livejournal.com/873511.html>).

По данным GNGV, частотность употребления мотивирующей ЛЕ *флейм* растет с 2000–2001 гг. и идет на убыль с 2010 г. (рис. 2). Данные о динамике частотности производной лексемы в привлекаемых источниках отсутствуют, однако употребление ЛЕ *флеймер* в собранном материале зафиксировано на протяжении всего описываемого периода.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *агрессивный, злобный, раздражающий, прожженный, записной, злостный, крикливый, надоедливый, грамотный, странный, анонимный, доморощенный*; б) глаголы *знать, найти, банить* (*флеймер* – объект); в) глаголы *орать, флеймить, спорить, стесаться, вклиниваться, устраивать* (*ссоры*), *обливать* (*грязью*), *оскорблять, доставать*

(*замечаниями*), *нарушать* (*правила*) (*флеймер* – субъект). ЛЕ *флеймер* чаще всего представлена в блогах ЖЖ (52,92 %), на форумах (30,85 %), реже – в ОЖ (5,88 %), на сервисе дневников и сообществ LiveInternet (3,01 %), в других дневниках / зеркалах дневников (3,92 %), на ИС (3,42 %). ЛЕ *флеймер* преимущественно используется для характеристики соответствующего класса субъектов (42,31 % – см. примеры (11), (12)), определенного субъекта – участника интернет-коммуникации (26,92 %), самопрезентации (17,32 %), менее активно – как оценочное обращение (7,69 %), характеристика явления (5,76 %). Например:

(12) **Львин** – записной **флеймер** (30.05.2004, <https://abstract2001.livejournal.com/93038.html>);

(13) Лет 5 назад **я был флеймером** (20.09.2006, <https://sergeyr.livejournal.com/2006/09/>);

(14) От позора спасает стиль – чем меньше апломба, тем более **ты, дорогой флеймер**, защищен. (08.04.2011, <https://berezin.livejournal.com/1417235.html>).

Установлена также тенденция к романтизации называемого субъекта (ср. с ЛЕ *хейтер*) и развитию амбивалентности актуализируемой оценки. Флеймер характеризуется как мастер дискуссий, умеющий находить ошибки в аргументации оппонента, правдолюб, не боящийся неодобрения интернет-сообщества:

Google Books Ngram Viewer

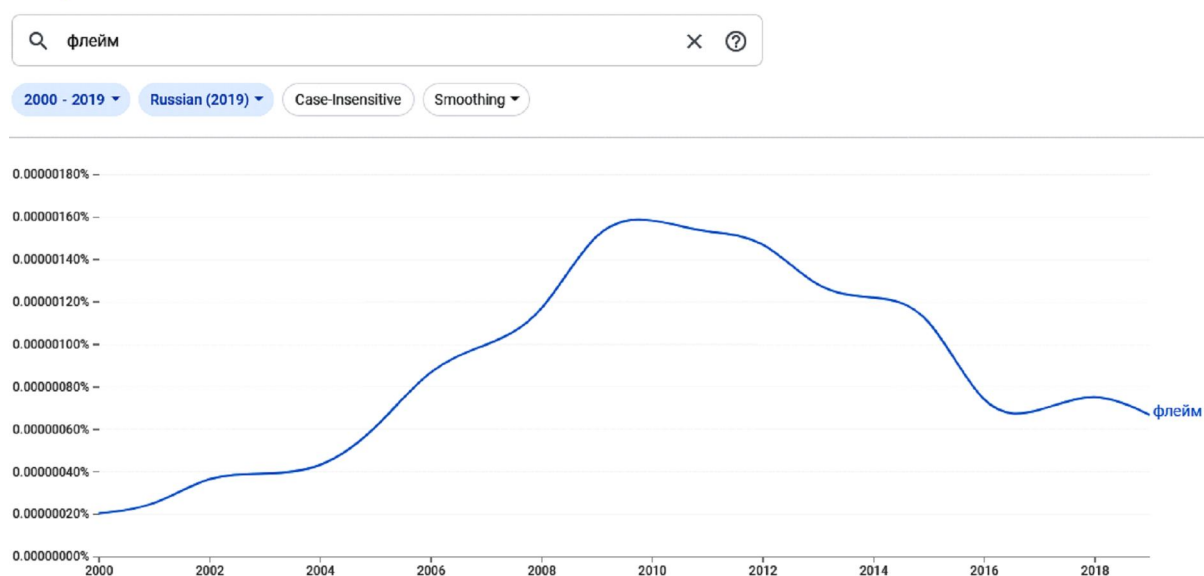

Рис. 2. Динамика употребления ЛЕ *флейм*

Fig. 2. Lexical unit *флейм*: the dynamics of use

(15) Флеймер... означает **мастера онлайнных дискуссий** (02.04.2004, <https://kozhekin.livejournal.com/16245.html>);

(16) ... Флеймер... нарушал правила... делал это **прямо и гордо**, сталкиваясь с тотальным осуждением (12.05.2006, <https://pvphome.livejournal.com/461103.html>);

(17) Как бы ни оскорблял вас флеймер... анонимность позволяет ему **говорить... правду, которую вы не услышите от знакомых** (26.10.2004, <https://forum.mista.ru/topic.php?id=13847>).

ШЕЙМЕР, англ. *shamer* «a person who publicly mocks or criticizes someone for a particular aspect of their appearance or behaviour in order to make them feel humiliated or ashamed» (OE); «субъект, публично унижающий, критикующий, позорящий, травящий другого, считая его не соответствующим общепринятым стандартам и демонстрируя публично свое неприязненное отношение к нему; при этом особенно важна публичность и поддержка некоего сообщества» (см.: *слат-, боди-, фет-, скиннишеймеры*). Ядерный семантический признак – публичные критика и унижение кого-либо. Например:

(18) У шеймера не возникнет... желания **унижать** человека, чья травля не будет **поддержана коллективом... травля приносит им... кайф** (<http://virgoclub.ru/chto-takoe-shaming.html>);

(19) Шеймеры... будут... пытаться **нарушить гармонию внутри человека** (<https://repost.uz/shame-on-you>).

По данным GNGV, мотивирующая ЛЕ (*шейм*) активно употребляется на протяжении всего рассматриваемого периода, ее частотность начинает расти с 2010 г. (рис. 3). Отметим, что при отсутствии данных о динамике частотности ЛЕ *шеймер* в GNGV и НКРЯ в нашем материале зафиксировано ее активное употребление с 2017 г. по настоящее время.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *известный, главный, чокнутый, неадекватный*; б) глаголы *блокировать, поддерживать* (*шеймер* – объект); в) глаголы *уверять, рассуждать, кайфовать, оскорблять, унижать, раздавить, травить* (*шеймер* – субъект). Наиболее часто ЛЕ *шеймер* функционирует в публикациях блогов ЖЖ (27,28 %), ОЖ (20,98 %), на TikTok (10,62 %); реже – на форумах (8,37 %), сервисе дневников и сообществ LiveInternet (8,17 %), в СС (6,25 %), на ИС (6,12 %), в других дневниках и авторских блогах, в ОГ, на платформе Яндекс.Дзен (примерно по 4 %). ЛЕ *шеймер* преимущественно используется для характеристики класса соответствующих субъектов (61,29 %; см. примеры (18), (19)) или явления (16,13 %); менее активно – для характеристики конкретного субъекта (9,98 %), в качестве оценочного обращения к участнику интернет-сообщества (9,37 %), для самопрезентации (3,23 %). Например:

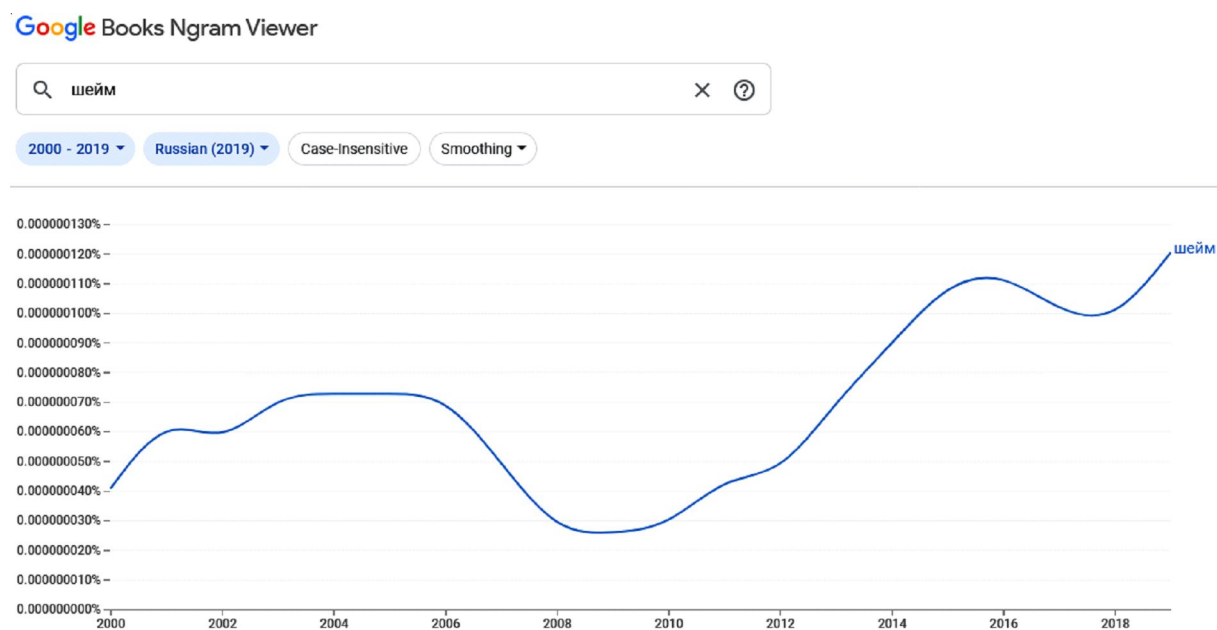

Рис. 3. Динамика употребления ЛЕ *шейм*
Fig. 3. Lexical unit *шейм*: the dynamics of use

(20) Он – известный фэт-*шеймер*... позволяет себе... высказывания в адрес плюс-сайз (<https://ru.telegram.one/kononenkome/25463>);

(21) Фу, *шеймер*! (24.10.2017, <https://twitter.com/elchaninov/status/922894421007458304>);

(22) ...Я не скинни-*шеймер* (<https://themiskyra.diary.ru/p202909024.htm>).

ХОЛИВАРЩИК, от англ. *holy war* «священная война»; in American English *holy war* – «any zealous or fanatical campaign» (CED); «субъект, увлекающийся бурными, фанатичными спорами (в одиночку или в группе), словесно-эмоциональными «войнами» на бесполезные темы в Интернете, чаще всего на форумах (а также в телепередачах), не уважающий и не воспринимающий мнение и аргументы оппонента, стремящийся получить эмоциональную разрядку, доказать свою правоту и мастерство спорщика» (см. также: Лукоморье, <https://lurkmore.to/>). Ядерный семантический признак – эмоциональный, бессмысленный спор в неуважительной манере. Например:

(23) Холливарщик – это **любитель словесно-эмоциональной войны** в Интернете. ...Холливарщики бывают **одиночками**, но чаще... сбиваются **в группу**. Так... интересней **клевать не разделяющих их... позиции** (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3057193-proishozhdenie-i-znachenie-slova-holivarschik-kak-razobrat-po-sostavu.html>).

Производящая ЛЕ *холливар* (рис. 4) начинает активно употребляться с 2005 г., после 2014 г. ее частотность уменьшается; при отсутствии данных о динамике употребления в собранном материале зафиксировано функционирование самой производной ЛЕ *холливарщик* в период 2008–2020 годов.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *злостный, заядлый, упертый, непримиримый, ярый, лютый, известный, знатный, матерый, почетный, опытный, великий, активный, провоцирующий, мизантропичный, вредный, больной, недалекий*; б) глаголы *провоцировать, троллить, затравить, делать (вброс), отстаивать, поспорить, переспорить, палиться, разжигать, воевать, доказать, объявить, вязаться (холливарщик – субъект)*; в) глаголы *злить, провоцировать, забанить, троллить (холливарщик – объект)*. Наиболее часто данная ЛЕ используется на форумах (32,39 %), в дневниках (30,98 %; кроме ЖЖ и LiveInternet), в блогах ЖЖ (14,07 %), реже – в ИРС (8,45 %), на ИС (7,03 %), в СС и на игровых порталах (примерно по 3 %), на сервисе LiveInternet (1,41 %); преимущественно для характеристики конкретного субъекта (44,17 %), например:

(24) Это правда, **Германн больной холливарщик** (23.03.2017, <http://dharma.org.ru/board/topic6706-1515.html>);

Google Books Ngram Viewer

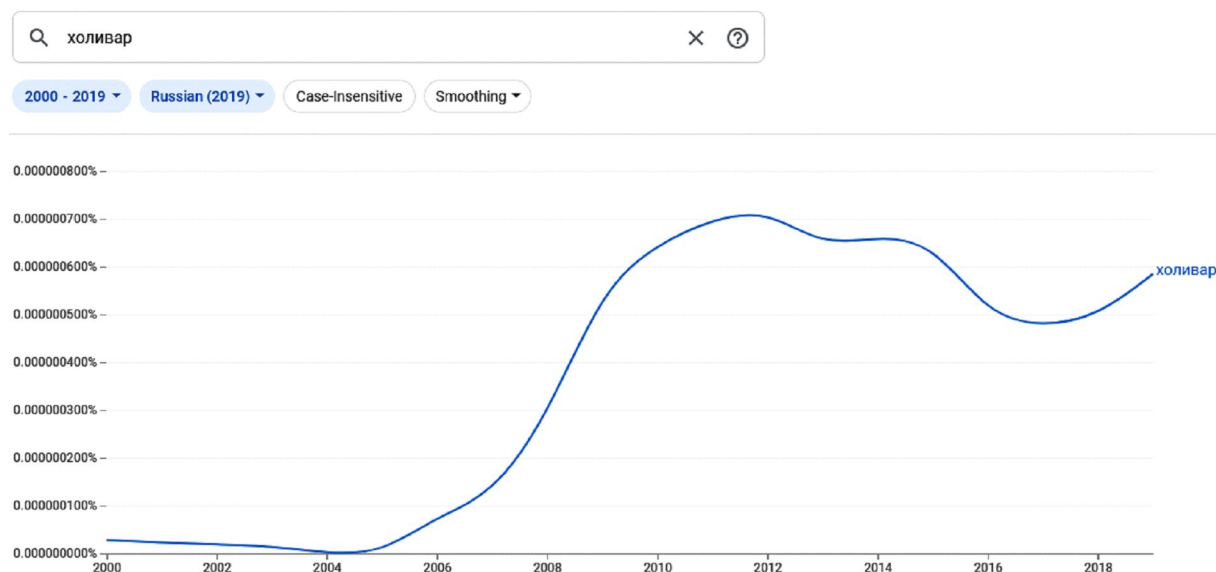

Рис. 4. Динамика употребления ЛЕ *холливар*

Fig. 4. Lexical unit *холливар*: the dynamics of use

характеристики класса субъектов (24,67 %) – см. пример (23); оценочного обращения (15,58 %):

(25) Атлас откройте, **мсье холиварщик** (01.06.2008, <https://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?xid=55407>),

самопрезентации (12,99 %):

(26) **Я матерый холиварщик**. ...Тонкий мастер... (04.01.2012, <https://oranzheviyioslik.diary.ru/p171261645.htm?oam>).

КАЩЕНИТЫ, от *кащенизм* – агрессивный провокационный стиль общения на форумах / в эхоконференциях (форма общения в сети Фидонет, похожая на группу новостей), характеризующийся этнонационалистическими, психиатрическими, агрессивно-мещанскими высказываниями, насмешками над собеседником, коллективной травлей оппонентов, глумлением над духовными ценностями, использованием ярлыков, имитацией поведения психически больных / персонала психиатрических клиник; существительное *кащенизм* производно от обозначения эхоконференции *su.kaschenko.local*, получившей имя по названию психиатрической больницы № 1 (до 1994 г. им. П.П. Кащенко), – сетевые провокаторы, тролли, приверженцы *кащенизма* (см. архив *su.kaschenko.local*, <https://groups.google.com/g/fido7.su.kaschenko.local?pli=1>). Суффикс *-ит* образует номинации субъекта со значением «имеющий отношение к называемому мотивирующим существительным». Ядерный семантический признак – агрессивная провокация, глумление над собеседником. Например:

(27) Наверно, многие... слышали слово «кащениты», употребляемое, как **гр(я/о)зное ругательство**. ...Кащенизм... стиль **раздражающего поведения** в сети, **присущий... кащенистам**. Характеризуется... **провокацией некорректного поведения**... Кащенит старается **довести других до белого каления** (29.10.2004, <https://nestor-asa.livejournal.com/59742.html>);

(28) Кащениты были **троллями** Фидонета, которые старались... **повысить градус агрессии** через антисемитские или просемитские высказывания... (01.10.2020, <https://magpie73.livejournal.com/2792061.html>).

В собранном материале зафиксировано употребление ЛЕ *кащенит* в период 2004–2020 гг. (наиболее активное в 2004–2011 гг.).

Данные о динамике частотности описываемого обозначения субъекта в привлекаемых источниках отсутствуют.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *глумливый, агрессивный, махровый, прирожденный, типичный, олдовейший, реальный, начинающий, проклятый*; б) глаголы *травить, преследовать, разжигать, провоцировать, оскорблять, гадить, доводить (до белого каления), распространять, доминировать, пробраться, окашенить (эху), самоутвердиться (кащенит – субъект)*; в) глаголы *игнорировать, гнать (кащенит – объект)*. ЛЕ *кащенит* чаще используется в постах блогов ЖЖ (77,27 %), реже – на форумах (9,09 %), в ИРС, на ИС и в других дневниках (примерно по 4 %). Эта ЛЕ употребляется, как правило, для характеристики определенного субъекта (38,47 %):

(29) Да **вы кащенит**, батенька! (04.12.2013, <https://a-nikonov.livejournal.com/1676276.html>),

класса соответствующих субъектов (34,62 %) – см. примеры (27), (28); менее представлена она в качестве оценочного обращения (15,38 %):

(30) ...Что **ты** здесь делаешь, **проклятый кащенит**? (04.07.2007, <https://novichok.livejournal.com/1386085.html>),

для характеристики явления (7,69 %) – см. пример (27); для самопрезентации (3,84 %):

(31) **Я кащенит** и сетевой провокатор! (13.07.2003, <https://users.livejournal.com/iceberg-/105956.html>).

ТВНЩИК / *tbn-щик*, от *ТВН* – сокращенное наименование созданной в Фидонете в 1994 г. эхоконференции «*tyt.bce.hasrem*», провозглашавшей свободу всех запрещенных в других эхоконференциях действий; указанная свобода определила состав участников ТВН (агрессивные, одиозные) – участник одноименной эхоконференции ТВН, а также, позже, неадекватный, агрессивный член интернет-сообщества, не уважающий правила (см.: Лукоморье, <https://lurkmore.to/%D0%A2%D0%92%D0%9D>; Традиция, <https://traditio.wiki/>). Ядерный семантический признак – вербальная агрессия, сопровождающаяся нарушением правил и демонстрацией неуважения. Например:

(32) Юлий Чирков... ТВНщик и вообще сетевой тролль. Известен следующими провокациями... (Традиция, 27.04.2011, <https://traditio.wiki/>);

(33) Товарищ... ТВНщик неопытный, но гадкий (24.06.2009, <https://gb.anekdot.ru/book/?id=8&page=38&date=2009-06>).

Производящая аббревиатура *ТВН* употребляется на протяжении 2000-х гг., наиболее активно до 2004 г., далее ее частотность уменьшается (рис. 5). Данные о динамике частотности производной ЛЕ отсутствуют. Зафиксировано употребление ЛЕ *ТВНщик* в период 2002–2011 годов.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *отмороженный, типичный, гадкий, крутой*; б) глаголы *доводить* (кого-либо до чего-либо), *провоцировать, троллить* (*ТВНщик* – субъект). Данная ЛЕ используется преимущественно (помимо архивов эконоконференций) на форумах (42,85 %), в блогах ЖЖ (30,79 %), в ИРС (26,36 %); как правило, для характеристики конкретного субъекта (64,28 % – см. примеры (32), (33)), реже – для характеристики класса субъектов (17,15 %), явления (8,55 %), самопрезентации (10,02 %):

(34) В отличие от «ТВНщиков»... избравших основной темой творчества «телесный низ», у кашенитов преобладал «черный юмор», шутки над са-

мым святым (15.05.2007, <https://vizardis.livejournal.com/166665.html>);

(35) Конференция... использовалась для формирования идеологии **заполнения** конференций и веб-форумов **руганью, нецензурными выражениями** и оскорблениями. В качестве знака **причастности к ТВН** использовалось слово *tyt* (тут). Среди **знаменитых ТВНщиков** - Forever, Dead J. Dona, Oles, Gnut, Братский, Селезнев... и многие другие (30.06.2009, <https://traditio.wiki/tyt.bce.hacpem>);

(36) Так ты *tbh*-щик. ...Во-первых **не просто твнщик а как бэ один из столпов и основателей** (Обсуждение участника: RLHM/архив 01.07.2009, 29.03.2009, <https://lurkmore.to/>).

Обозначения субъекта, характеризующего признаком «враждебные вербальные и/или иные действия»

АБЬЮЗЕР, англ. *abuser* «someone who treats another person in a cruel, violent, or unfair way» (CD); «субъект, который систематически унижает, оскорбляет, принуждает, подвергает насилию, стремясь подчинить себе полностью и получая от этого удовольствие». Вербальная агрессия – важный признак абьюзера (в интернет-сообществе – релевантный признак), но не исчерпывающий (насилие может носить психологический, физический, финансовый характер)

Google Books Ngram Viewer

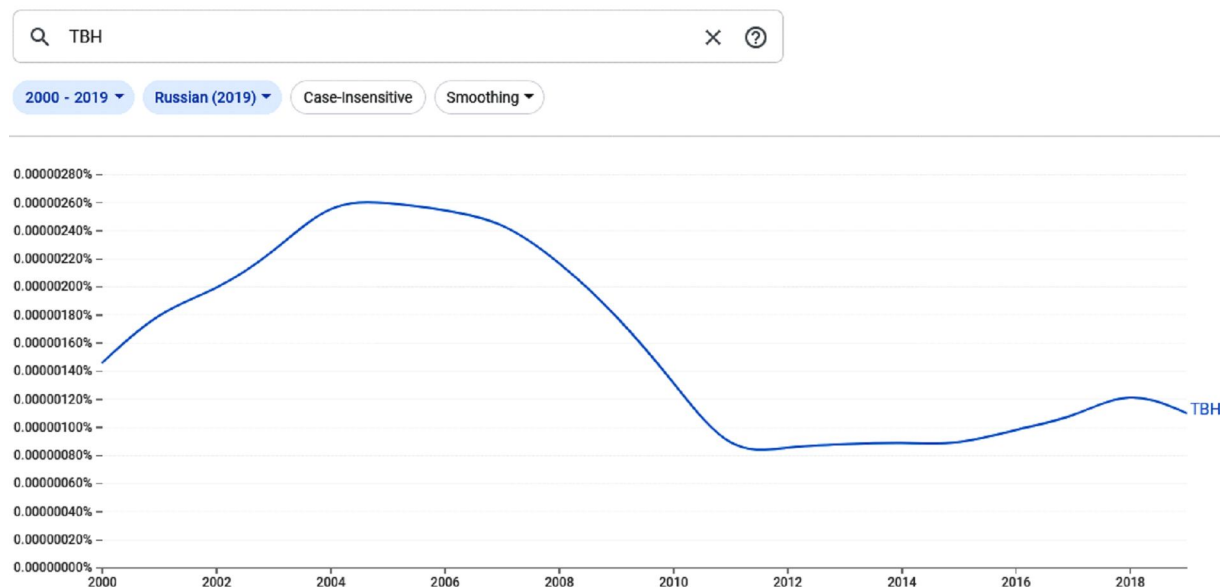

Рис. 5. Динамика употребления ЛЕ *ТВН*

Fig. 5. Lexical unit *ТВН*: the dynamics of use

(см.: (СТБ)). Ядерный семантический признак – систематическое унижение и принуждение кого-либо. Суффикс *-er* является частотным в заимствованиях из английского языка.

По данным GNGV, ЛЕ начинает употребляться примерно с 2011 г. и получает широкое распространение после 2015 г. (рис. 6). Так:

(37) Абыюзер – это... **тиран** (<https://myorlova.ru/abyuz-что-это/>);

(38) Абыюзер постоянно **пытается унижить свою жертву, показывая... мнимое “превосходство”** (27.01.2019, https://zen.yandex.com/media/hydra_journal/).

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *изоциренный, жестокий, эгоистичный, агрессивный, токсичный, хитрый, изворотливый, неадекватный, истинный, опытный, скрытый, непредсказуемый*; б) глаголы *знать, распознать, разглядеть, обвинять (абыюзер – объект)*; в) глаголы *заставлять, издеваться, оскорблять, принуждать, игнорировать, лишать, преследовать, контролировать, загонять, разрушать (абыюзер – субъект)*. ЛЕ *абыюзер* используется преимущественно в блогах ЖЖ (43,27 %), в других дневниках или зеркалах дневников (18,13 %), на видеоплатформе ТикТок (31,58 %), реже – на платформе Яндекс. Дзен, ИС, в ИРС (примерно по 2 %). Эта ЛЕ, как правило, употребляется для

характеристики класса субъектов (28,65 %) – см. примеры (37), (38), явления (37,48 %), реже – конкретного субъекта (22,71 %):

(39) Помните: **Абыюзер** всегда притягивает только жертву! <...> Это кажется парадоксальным, но жертвы **предпочитают абыюзивные отношения** одиночеству (<https://vadimkantarov.ru/abjuzer-что-jeto-oznachaet/>);

(40) Ну, и кто тут **абыюзер? Ну ТС естественно** (15.12.2017, <https://socioanonim.diary.ru/p214407140.htm>),

в качестве оценочного обращения (11,16 %):

(41) Слышь **ты абыюзер...** знай свое место (<https://twitter.com/mianhaejae/status/1266008108062650369>).

БУЛЛЕР, от англ. *bully* «someone who hurts or frightens someone else, often over a period of time, and often forcing them to do something that they do not want to do»; *bullying* – «the behaviour of a person who hurts or frightens someone smaller or less powerful, often forcing that person to do something they do not want to do» (CD); «агрессор, инициатор травли (как правило, в подростковой группе, например в школе), психологического террора, выражающегося в систематических враждебных, сознательно планируемых действиях против жертвы; стремящийся к власти и самоутвер-

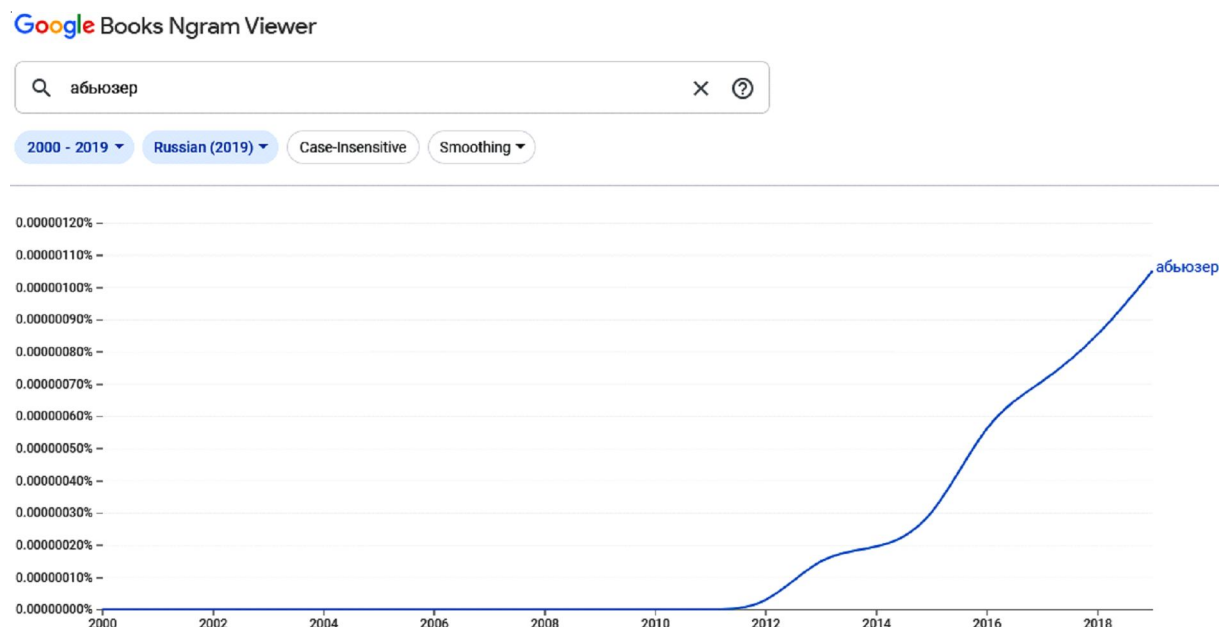

Рис. 6. Динамика употребления ЛЕ *абыюзер*
Fig. 6. Lexical unit *абыюзер*: the dynamics of use

ждению за счет жертвы» (СТБ). Ядерный семантический признак – инициация травли для самоутверждения. Например:

(42) Буллер считает, что **за кем сила, тот и прав**, ему не претит **самоутверждение посредством унижения** другого... (14.12.2018; <https://emberint.ru/articles/bullying/>);

(43) ...Буллер – человек, который **преследует и запугивает** жертву (03.11.2019; <https://infourok.ru/bullying-i-kiberbullying-metodi-profilaktiki-i-sposobi-preodoleniya-3920907.html>).

Обозначаемый субъект может действовать в реальном или интернет-пространстве (*кибербуллер*). Производящая ЛЕ получает распространение с 2000 г., активно употребляется примерно до 2015 г., после чего ее частотность уменьшается (рис. 7). Данные о динамике частотности производной ЛЕ отсутствуют. Нами зафиксировано употребление ЛЕ *буллер* в период 2007–2020 годов.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *влиятельный, властолюбивый, агрессивный, хладнокровный*; б) глаголы *заблокировать, идентифицировать, остановить* (*буллер* – объект); в) глаголы *терроризировать, командовать, унижать, оскорблять, обвинять, угнетать, хитрить, манипулировать, обидеть, преследовать, запугивать, издевать-*

ся (*буллер* – субъект). ЛЕ *буллер* преимущественно используется в ОЖ (32,14 %), в ИРС (17,86 %), на ИС (14,09 %), в авторских блогах (13,18 %), в блогах ЖЖ (9,71 %), в ОГ (7,14 %), на форумах и платформе Яндекс. Дзен (примерно по 3 %). Как правило, эта ЛЕ употребляется для характеристики соответствующего класса субъектов (91,05 %) – см. примеры (42), (43), реже – явления (8,78 %); в единичных случаях – конкретного члена интернет-сообщества (0,17 %):

(44) Интенсивность **буллинга** в классе напрямую связана с количеством детей, обеспечивающих **буллеру** позитивную обратную связь... (06.03.2017, <https://matveychev-oleg.livejournal.com/4979150.html>);

(45) ...Лирический герой – подросток-**буллер**, **намеренно обижающий**... (<https://www.the-village.ru/weekend/music/348667-billi-aylish?from=readmore>).

Отметим, что в отличие от других ЛЕ существительное *буллер* не используется в качестве оценочного обращения, для самопрезентации.

СТАЛКЕР / КИБЕРСТАЛКЕР / КИБЕРСТОКЕР, англ. *stalker* «a person who illegally follows and watches someone, especially a woman, over a period of time» (CD); «субъект, преследующий жертву с использованием электронных средств путем навязчивых, повторяющихся,

Google Books Ngram Viewer

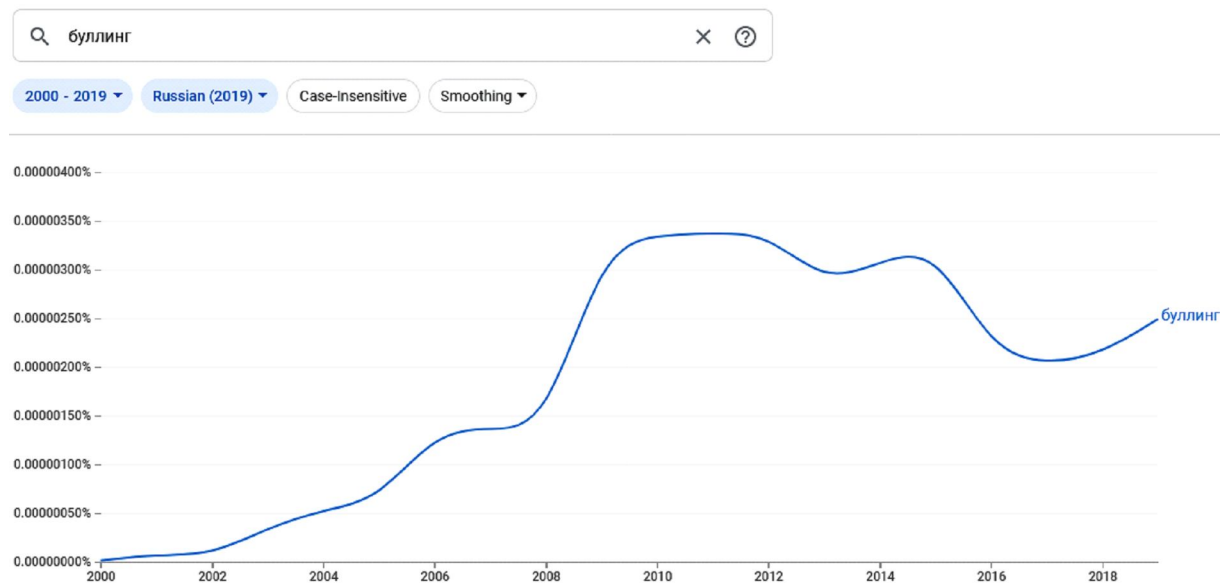

Рис. 7. Динамика употребления ЛЕ *буллинг*
Fig. 7. Lexical unit *буллинг*: the dynamics of use

тревожащих, пугающих, раздражающих сообщений из ненависти или желания манипулировать жертвой (*киберсталкер / киберстокер*), либо субъект, осуществляющий преследование в реальности посредством разных враждебных действий (*сталкер*)» (СТБ). Ядерный семантический признак – вербальное (дистанционное) запугивание, преследование. Например:

(46) Сейчас модно **преследовать** людей... сталкеры – люди, для которых **травля ближнего стала образом жизни** (29.05.2016, <https://gerostratus.livejournal.com/1047599.html>);

(47) Киберстокер... пытается **напугать** жертву через определенные форумы, чаты и электронную почту (<https://ru.wunschmomente.com/73655-stalking-the-diabolical-shadow.html>).

Ввиду омонимии (ср. значения: *сталкер* – «человек, обладающий знанием территорий или сооружений, по каким-либо причинам являющихся малоизвестными или запретными» (<https://kartaslov.ru>); «человек, занимающийся исследованием опасных объектов и территорий, связанным с риском для здоровья или жизни» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/686815>), и *стокер* – «подъемник для механической загрузки топлива в топку, для подачи сырья, деталей и т. п.» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1043834>)) использование статического инструментария GNGV или лингвистических корпусов не представляется целесообразным. Зафиксировано употребление описываемой ЛЕ в период 2008–2021 гг. (более активное – начиная с 2016 г.). Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *опасный, ненормальный, неизвестный*; б) глаголы – *удалить, вычислить* (*сталкер, киберсталкер* – объект); в) глаголы *угрожать, принудить, мстить, заикнуться, опубликовать, напугать* (*сталкер, киберсталкер* – субъект). Обозначения *сталкер* и *киберсталкер / киберстокер* употребляются преимущественно в ОЖ (31,58 %), блогах ЖЖ (21,15 %), на ИС (20,66 %), в СС (11,83 %), на канале сайта видеоконтента declips.net (9,52 %), на анонимных форумах (5,26 %). Чаще всего *сталкер* и *киберсталкер / киберстокер* используются для характеристики класса субъектов (51,63 %) – см. примеры (46), (47), конкретного субъекта (35,41 %):

(48) У меня есть **кибер-сталкер**. Это довольно нездоровый человек (<https://a2ch.ru/2019/11/02/darov-dvach-zadam-neobychnyj-vopros-u-menia-est-kiiber-stalker-eto-dovolno-206586159.html>),

явления (12,96 %):

(49) Ты даже не подозреваешь, сколько **сталкеров** тебя окружают. **Сталкинг** – это не только навязчивые ухаживания от новых знакомых и опасные психи-романтики. ...«Бывший», который следит за каждой stories в твоём Instagram... это тоже один из видов **преследования** (<https://vsetyah.ru/on-okazalsya-stalkerom-pochemu-stalking-putayut-s-romanticheskimi-uxazhivaniyami/>).

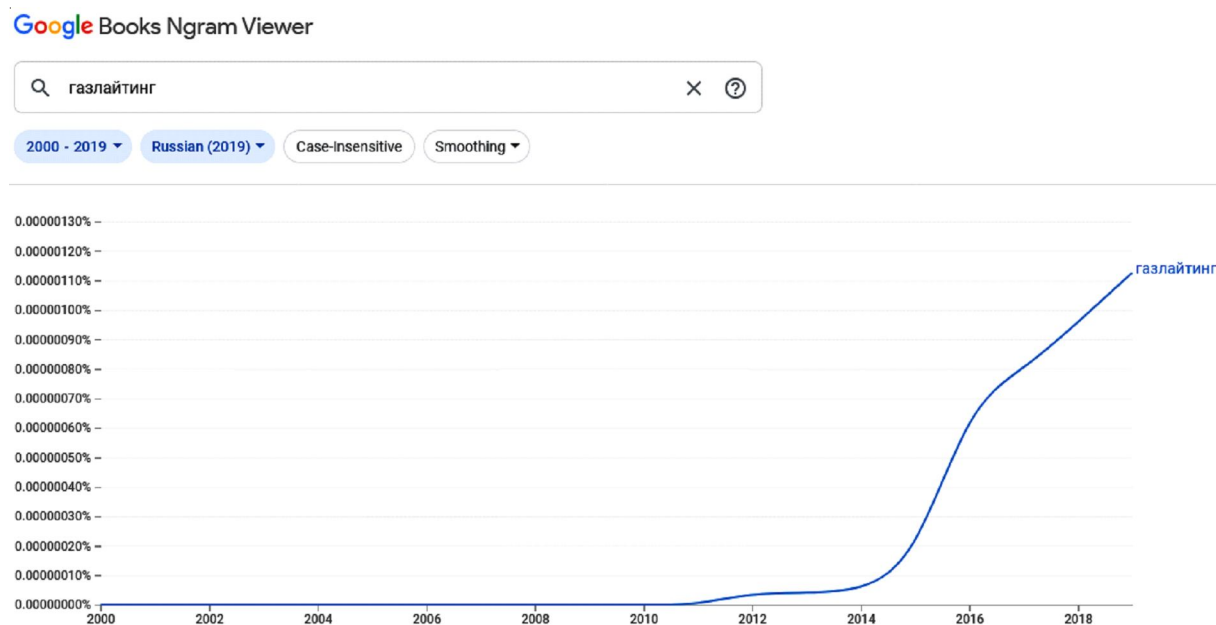
ГАЗЛАЙТЕР, от англ. *Gaslight* («Газовый свет»), название американского триллера Дж. Кьюкора, в котором муж изощренно сводит героиню с ума, заставляя ее усомниться в собственной адекватности); «субъект, стремящийся к управлению другим человеком и контролю над ним, расчетливо реализующий психологическое насилие с целью убедить жертву в собственной ненормальности, самоутвердиться и удовлетворить свои потребности за ее счет». Например:

(50) Газлайтеры **питаются и живут за счет унижения, манипуляций и насилия** (19.11.2020, https://www.cosmo.ru/sex-love/he_and_you/eslitebe-kazhetsya-chto-ty-shodish-s-uma-etogazlayting-kak-emu-protivostoyat/);

(51) Газлайтер... хочет... **управлять** своей жертвой, **вызывая** в ней... **чувство... неполноценности** (08.06.2020, <https://vc.ru/u/550736-g2mechanics/140475-gazlayting-na-rabote-kak-raspoznat-gazlaytera-i-zashchitit-svoi-lichnye-granicy>).

Мотивирующая ЛЕ (*газлайтинг*) начинает активно употребляться с 2011 г., ее частотность растет по настоящее время (см. рис. 8). В нашем материале зафиксировано употребление производной ЛЕ *газлайтер* в период 2014–2021 годов.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *ужасный, отвратительный, токсичный, хитрый, расчетливый, жестокий, опасный, страшный, нечестный*; б) глаголы *опознать, вычислить, идеализировать, распознать, искоренять* (*газлайтер* – объект); в) глаголы *убеждать, принижать, манипулировать, преследовать, обесценивать, заставить, оскорблять, контролировать, искажать, управлять, воздействовать, само-*

Рис. 8. Динамика употребления ЛЕ *газлайтинг*Fig. 8. Lexical unit *газлайтинг*: the dynamics of use

утвердиться, лишить, подчинить, игнорировать (газлайтер – субъект). Наиболее часто описываемая ЛЕ используется в блогах ЖЖ (24,81 %), на видеоплатформе TikTok (23,52 %), в постах сервиса дневников и сообществ LiveInternet (15,9 %), в ОЖ (10,91 %), реже – в СС, на форумах, в других дневниках и авторских блогах, на ИС и в ОГ (по 3–6 %). Данная ЛЕ преимущественно употребляется для характеристики класса субъектов (78,95 %) – см. примеры (50), (51), реже – явления (14,03 %):

(52) Как убедить кого-то, что их реальность на самом деле неверна? <...> Почему жертвы верят **газлайтерам**? Если **газлайтинг** происходит на постоянной основе, он может вызвать у жертвы неуверенность в себе... состояние внутреннего беспорядка (13.03.2019, <https://zen.yandex.ru/media/hotpled/50-ottenkov-gazlaitinga-kak-blizkie-manipuliruiut-vami-5c8761601ad21c00b330abce>);

конкретного участника интернет-сообщества (7,02 %):

(53) Гость, скажи, что **Ф.** – **не газлайтер** (https://duxin.diary.ru/p219583865_1-lampa-obwennie-tred-6.htm?from=450).

ХАРАССМЕНТЕР / ХАРАССМЕНТ-ЩИК, от англ. *harassment* «behaviour which is intended to trouble or annoy someone, for example repeated attacks on them or attempts to

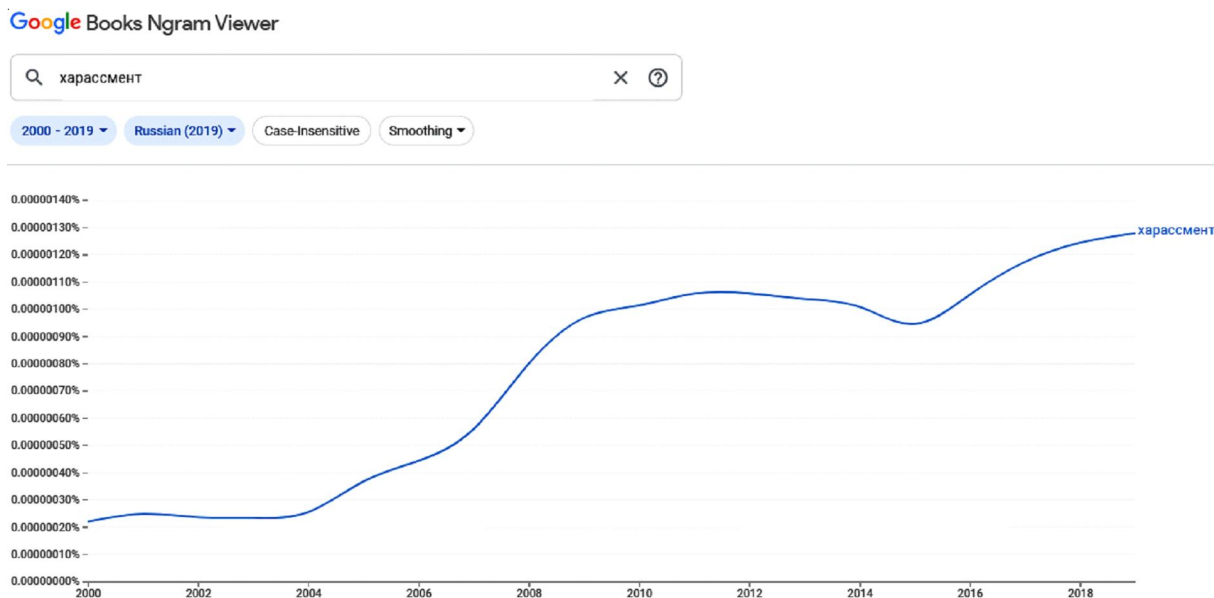
cause them problems» (CED); «ненавистник, агрессивно настроенный субъект, терроризирующий некое лицо посредством оскорблений, притеснений, преследования (в особенности в сети Интернет) или занимающийся сексуальным домогательством». Обе ЛЕ (с суффиксом *-ер* и с суффиксом *-щик*) обозначают субъекта по роду действия. Например:

(54) Чувствую себя **опытным, несправимым, отвратительным** домогателем и харассментером (02.11.2017; <https://trolleybust.com/?uid=346228>).

Производящая ЛЕ *харассмент* характеризуется растущей частотностью употребления начиная с 2004 г. (см. рис. 9). Зафиксировано активное употребление производной ЛЕ *харассментер / харассментщик* начиная с 2016 года.

Регулярные ЛЕ-партнеры: а) прилагательные *опытный, несправимый, отвратительный, распоясавшийся*; б) глаголы *увольнять, сажать, отлучать (харассментер / харассментщик – объект)*; в) глаголы *писать, приставать, позариться, интересоваться (харассментер / харассментщик – субъект)*. Наиболее часто ЛЕ используется на форумах (31,07 %), в ОГ (20,03 %), блогах ЖЖ (15,91 %), СС (13,2 %), на видеоплатформе TikTok (9,94 %). Употребляется преимущественно для характеристики определенного субъекта (57,89 %):

Рис. 9. Динамика употребления ЛЕ *харассмент*Fig. 9. Lexical unit *харассмент*: the dynamics of use

(55) Это **харассментщик** какой-то! (05.06.2019, https://id41.ru/upload/iblock/c5b/okruzhnaya_gazeta_25_min.pdf),

класса соответствующих субъектов (26,32 %):

(56) ...Он был отлучен от анархистского движения **как** абьюзер, **харассментщик**, сексист... (01.02.2021, <https://proza.ru/2021/02/01/1769?fbclid=IwAR0nW99tHtlxhYfzU8gcAPVsv9bAQ8uEmfmD6jDFpZ23QCxZ3YJYgCBkAsA>),

реже – явления (10,52 %):

(57) И теперь многие **поруганные «харассментом»** женщины берут финансовый и имиджевый реванш у своих давних **обидчиков**... Но оставшиеся трое... очень даже подходили под категорию особо злостных **харассментщиков** (03.03.2018, <http://nv.am/me-too-po-armyanski/>),

самопрезентации (5,27 %) – см. пример (54).

Выводы

В интернет-коммуникации XXI в. активно используются новые обозначения враждебных, агрессивных субъектов. Большая часть исследованных ЛЕ образована с использованием ресурсов английского языка (заимствования – 38,46 %, производные от англицизмов – 30,77 %); собственно русскоязычные обозначения составляют около 30,78 % единиц группы. Наиболее активны суффиксы *-ер*

(44,45 %) и *-щик* (33,33 %), образующие наименования субъекта по типичному действию / признаку. Изученные ЛЕ различаются дифференциальными признаками, акцентирующими значимые для ментальной и языковой репрезентации денотата характеристики субъекта / соответствующей ситуации:

- направленность агрессии на одушевленный / неодушевленный объект (например, *хейтер* предполагает оба типа объектов, *абьюзер*, *сталкер*, *газлайтер*, *буллер* – только одушевленный);

- принадлежность субъекта и объекта к определенной группе (например, инициатор травли в подростковой среде – *буллер*, в профессиональной среде – *моббер*);

- обязательность наличия союзников (*буллер*, *моббер*, *шеймер* обозначают массовую травлю с образованием некоего сообщества);

- характер действий субъекта (*флеймер*, *шеймер*, *хोलиварщик*, *кацениты* указывают на вербально реализуемую субъектом враждебность, агрессивность);

- степень эмоциональности субъекта (*флеймер* указывает на очень высокую степень эмоциональности);

- специфические цели (*абьюзер* – унижение, давление; *буллер*, *моббер* – самоутверждение; *газлайтер* – управление и контроль; *хोलиварщик* – доказательство свой пра-

воты; *срачер*, *кащеницы*, *ТВНщик* – провоцирование, эмоциональная разрядка).

Описанные ЛЕ обнаруживают различия в функциях (большая / меньшая частотность употреблений для характеристики конкретного субъекта, самопрезентации, в качестве оценочного обращения); сочетаемости; частотности в разных коммуникативных практиках (наибольшая частотность в блогах ЖЖ и/или на форумах). Некоторые обозначаемые исследуемыми ЛЕ классы агрессивных субъектов подвергаются романтизации.

Образование и функционирование в интернет-коммуникации современных обозначений враждебного субъекта отражают тенденции интеграции (смягчение границ публичного и частного, а также стилистических различий), интернационализации (активное использование иноязычных основ и аффиксов), интеллектуализации (апелляция к ассоциациям, фоновым знаниям, в том числе знанию английского языка, языковая игра) и интенсификации (трансгрессивность современного информирования, то есть ориентированность на максимизацию целенаправленной «силы текста» и выражаемой «коммуникативной воли» адресанта).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

² Здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григоренко О. В., 2009. Неофраземы с агентивной семантикой в русском языке новейшего периода // Вестник Челябинского государственного университета. № 27 (165). С. 21–28.
- Григоренко О. В., 2012. Иноязычные заимствования со значением лица в русском языке конца XX – начала XXI вв. // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 3. С. 47–54.
- Григорьева П. В., 2019. Блендинг как тип неузального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры и образования. № 3 (76). С. 488–490.
- Жданова Е. А., 2010. Особенности именного префиксального словообразования в русском языке конца XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (12). С. 56–61.
- Ильясова С. В., 2015. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. № 1 (6). С. 91–100.
- Коряковцева Е. И., 2012. Об экспрессивном потенциале словообразовательных средств. URL: <https://ispan.waw.pl/ireteslaw/bitstream/handle/20.500.12528/341/Korjakovceva.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.02.2020).
- Крысин Л. П., 2010. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). С. 575–579.
- Куликова В. А., 2020. Особенности формирования адгерентной негативной оценочности медийных новообразований // Научный диалог. № 5. С. 97–112. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-97-112.
- Нефляшева И. А., 2008. Ключевой оним в современном дискурсе и его словообразовательный потенциал // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». № 10. С. 55–61.
- Павлова А. С., 2020. Наименования коронавирусной инфекции COVID-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика // Новые слова и словари новых слов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН. С. 126–138.
- Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В., 2017. Неология и неография современного русского языка. М. : Флинта : Наука. 168 с.
- Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Бакич Н. А., Жданова Е. А., Торопкина В. А., Щеникова Е. В., 2018. Социокультурные, лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 127–155.
- Ребрина Л. Н., 2020. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова // Научный диалог. № 8. С. 141–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155.
- Торопкина В. А., 2019. Функции новообразований в заголовках электронных средств массовой информации // Научный диалог. № 5. С. 154–168. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-154-168.

Щетинина А. В., 2021. Ватник, брексит и крымнаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды // Научный диалог. № 3. С. 139–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.

СЛОВАРИ

СТБ – Словарь терминов про буллинг. URL: <https://rpp.by/article/slovar-terminov-po-bullingu/> (дата обращения: 07.02.2021).

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (date of access: 07.02.2021).

CED – Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (date of access: 07.02.2021).

OE – Oxford English. URL: <https://www.lexico.com/definition/> (date of access: 07.02.2021).

REFERENCES

Grigorenko O.V., 2009. Neofrazemy s agentivnoy semantikoy v russkom yazyke noveyshego perioda [Neophrasemes with Agentive Semantics in the Russian Language of the Modern Period]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 27 (165), pp. 21-28.

Grigorenko O.V., 2012. Inoyazychnye zaimstvovaniya so znacheniem litsa v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI vv. [Loan Words with a Meaning of Person in the Russian Language of the End of XX – the Beginning XXI]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 3, pp. 47-54.

Grigorieva P.V., 2019. Blending kak tip neuzualnogo slovoobrazovaniya: k utochneniyu ponyatiya [Blending As a Type of Unusual Derivation: To Clarify the Concept]. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya*, no. 3 (76), pp. 488-490.

Zhdanova E.A., 2010. Osobennosti imennogo prefiksals'nogo slovoobrazovaniya v russkom yazyke kontsa XX veka [On Specifics of Nominal Prefixal Word Formation in Russian in the End of 20th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 2 (12), pp. 56-61.

Ilyasova S.V., 2015. Yazykovaya igra: slovoobrazovatel'naya, graficheskaya, orfograficheskaya (na materiale tekstov sovremennyh rossijskikh SMI) [Language Game: Word-Formation, Graphic, Orthographic (On the Material of the Modern Russian Mass Media

Texts)]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 1 (6), pp. 91-100.

Koryakovceva E.I., 2012. *Ob ekspressivnom potentsiale slovoobrazovatel'nykh sredstv* [On Expressive Potential of Word Formation Elements]. URL: <https://ispan.waw.pl/ireteslaw/bitstream/handle/20.500.12528/341/Koryakovceva.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 10 February 2020).

Krysin L.P., 2010. O nekotorykh novykh tipakh slov v russkom yazyke: slova-«kentavry» [On Some New Types of Words in Russian: “Centaur Words”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 4 (2), pp. 575-579.

Kulikova V.A., 2020. Osobennosti formirovaniya adgerentnoy negativnoy otsenochnoy mediynykh novoobrazovaniy [Formation of Adherent Negative Assessment of Media Neologisms]. *Nauchnyi dialog*, no. 5, pp. 97-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-97-112.

Neflyasheva I.A., 2008. Klyuchevoy onim v sovremennom diskurse i ego slovoobrazovatel'nyy potentsial [Key Name in Modern Discourse and Its Word-Formation Potential]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya»* [Bulletin of the Adyghe State University. Series “Pedagogy and Psychology”], no. 10, pp. 55-61.

Pavlova A.S., 2020. Naimenovaniya koronavirusnoy infektsii COVID-19 v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh: kul'turno-natsional'naya spetsifika [Names of Coronavirus Infection COVID-19 in Russian, English and German: Cultural and National Specifics]. Kozlovskaya N.V., ed. *Novye slova i slovari novykh slov: sb. nauch. st.* [New Words and Dictionaries of New Words. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, ILIRAN, pp. 126-138.

Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunava D.V., 2017. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and Neography of the Modern Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 168 p.

Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Bakich N.A., Zhdanova E.A., Toropkina V.A., Shchennikova E.V., 2018. Sotsiokulturnye, lingvokognitivnye i lingvopragmaticheskie aspekty slovoobrazovatel'nykh protsessov [Social and Cultural, Cognitive and Pragmatic Aspects of Current Word Formation Processes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], no. 2, pp. 127-155.

Rebrina L.N., 2020. Semantiko-motivatsionnye karakteristiki neoleksem vrazhdy: diskursivnoe

raskrytie vnutrenney formy slova [Semantic and Motivational Characteristics of Neolexemes of Enmity: Discursive Disclosure of Inner Form of the Word]. *Nauchnyi dialog*, no. 8, pp. 141-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155.

Toropkina V.A. 2019. Funktsii novoobrazovaniy v zagolovkakh elektronnykh sredstv massovoy informatsii [Function of Neologisms in Electronic Mass Media Headlines]. *Nauchnyi dialog*, no. 5, pp. 154-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-154-168.

Shchetinina A.V., 2021. Vatnik, breksit i krymnash: k voprosu o leksikografirovaniy novykh slov s semantikoy edineniya i vrazhdy [Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and

Enmity]. *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 139-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.

DICTIONARIES

Slovar' terminov pro bulling [Bullying Glossary]. URL: <https://rcpp.by/article/slovar-terminov-pobullingu/> (accessed 7 February 2021).

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed 7 February 2021).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (accessed 7 February 2021).

Oxford English. URL: <https://www.lexico.com/definition/> (accessed 7 February 2021).

Information About the Author

Larisa N. Rebrina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German and Romanic Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia; Leading Researcher, Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia, lnrebrina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0512-980X>

Информация об авторе

Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия; ведущий научный сотрудник кафедры языков массовой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, lnrebrina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0512-980X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.7>

UDC 811.161.1'27
LBC 81.411.2-003

Submitted: 03.11.2020
Accepted: 30.03.2021

**REPRESENTATION OF NATURAL CODES
IN THE INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE OF P.P. BAZHOV
(EXEMPLIFIED BY THE CONCEPT "ZOLOTO" ("GOLD"))¹**

Daria A. Shchukina

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Lyubov Yu. Stepanova

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article states the investigation results and highlights the peculiarities of natural codes representation in the tales (skazy) by P.P. Bazhov through the analysis of concept "zoloto" ("gold") and the associated concepts in contrast with the data from lexicographic sources of modern Russian literary language. The tales (skazy) by the Ural writer were used as the research material. As a result of the analysis, the features of the etymological, basic, associative levels of the concept "zoloto" ("gold") were revealed in the individual author's discourse of P. Bazhov. It has been found out that etymological level of the studied concept is represented by the meaning "precious metal of yellow colour" both in the Russian literary language and in the individual author's discourse of the Ural writer. Some denotative meanings recorded in the Russian literary language are revealed not to actualize in Bazhov's discourse. The differences in the associative level of the concept reflected in the writer's tales and in the minds of the speakers of the Russian literary language are determined. The appearance of additional regionally marked meanings is caused by natural, cultural, professional activities of the inhabitants of the Urals tightly connected with the extraction and processing of precious stones and metals, as well as the regional mythology. The practical significance of the research lies in the development of a system of theoretical knowledge about the concept structure, and the identification of regionally marked meanings of the conceptual sphere of P. Bazhov's individual author's discourse.

Key words: natural code, cultural code, concept, conceptual sphere, concept levels, P.P. Bazhov, tale (skaz), lexis.

Citation. Shchukina D.A., Stepanova L. Yu. Representation of Natural Codes in the Individual Author's Style of P.P. Bazhov (Exemplified by the Concept "Zoloto" ("Gold")). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 91-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.7>

УДК 811.161.1'27
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 03.11.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

**ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ КОДОВ
В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СТИЛЕ П.П. БАЖОВА
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЗОЛОТО»)¹**

Дарья Алексеевна Щукина

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Любовь Юрьевна Степанова

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье описаны особенности репрезентации природных кодов в сказах П.П. Бажова на основе изучения концепта «золото» посредством анализа имени концепта – существительного *золото* – и

его ассоциатов в сопоставлении с данными лексикографических источников современного русского литературного языка. В качестве материала исследования использованы сказы уральского писателя. В результате проведенного анализа выявлено содержание этимологического, базового, ассоциативно-расширительного уровней концепта «золото» в индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова. Установлено, что этимологический уровень изучаемого концепта в русском литературном языке и в индивидуально-авторском дискурсе уральского писателя репрезентирован значением «драгоценный металл желтого цвета». Показано, что на базовом уровне концепта в дискурсе П.П. Бажова не актуализированы отдельные денотативные значения, зафиксированные в русском литературном языке. Определены различия ассоциативного уровня концепта, отраженного в сказах писателя и в сознании носителей русского литературного языка. Охарактеризованы регионально маркированные значения концепта, обусловленные влиянием особенностей природной, культурной, профессиональной деятельности жителей Урала. Практическая значимость исследования заключается в развитии системы теоретических представлений о структуре концепта, выделении регионально маркированных значений концептосферы индивидуально-авторского дискурса П.П. Бажова.

Ключевые слова: природный код, культурный код, концепт, концептосфера, уровни концепта, П.П. Бажов, сказ, лексика.

Цитирование. Щукина Д. А., Степанова Л. Ю. Отражение природных кодов в индивидуально-авторском стиле П.П. Бажова (на примере концепта «золото») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 91–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.7>

Введение

В последние десятилетия в качестве одной из центральных проблем лингвистических наук выступает выявление взаимосвязей личности, языка и культуры. Несмотря на внушительную библиографию по этой проблематике, включающую фундаментальные труды Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Е.С. Кубряковой, Ю.М. Лотмана, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии и др., аспекты становления индивидуально-авторского дискурса отдельных писателей изучены фрагментарно. В частности, на периферии научного внимания остаются произведения П.П. Бажова, особенности репрезентации в них авторского мировосприятия, хотя П.П. Бажов – не только один из выдающихся русских писателей, не только яркий выразитель региональной идентичности, но, по словам М. Литовской, и ее создатель [Литовская, 2014, с. 247]. Изучение творчества П.П. Бажова позволит понять механизмы влияния культурных, региональных факторов на формирование индивидуально-авторского дискурса. Иными словами, наблюдается противоречие, обусловленное ростом научного интереса к вопросам формирования индивидуально-авторского стиля отдельных писателей, влияния на этот процесс фактора региона, где проживал или проживает тот или иной писатель, и отсутствием работ, посвященных изучению

заявленной проблематики в художественном дискурсе П.П. Бажова. Необходимость разрешения указанного противоречия определяет актуальность данной работы.

Актуальность исследования обусловлена также тем, что сегодня остаются не до конца изученными особенности репрезентации природных культурных кодов, природных объектов, минералов в художественном дискурсе.

Культурные коды подвергались детальному изучению во многих исследованиях (см., например: [Гудков, Ковшова, 2007; Красных, 2001; Телия, 2005; 2006; и др.]). Так, В.Н. Телия культурные коды понимает как «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия, 2005, с. 38]. Автор подчеркивает вторичность культурных кодов по отношению к номинациям объектов социокультурной реальности; код – понятие, которое имеет дополнительную смысловую нагрузку, сформировавшуюся в результате культурной интерпретации социумом отдельного объекта или процесса окружающей среды.

Б.И. Кононенко под культурным кодом понимает «совокупность знаков (символов),

смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» (Кононенко). Здесь актуализируется знаковый характер кода, культурная значимость объектов как материальной, так и духовной культуры.

Приведенные толкования культурного кода не противоречат друг другу, но акцентируют внимание на различных аспектах исследуемого понятия. Итак, культурный код представляет собой языковой знак, номинацию объекта материальной и/или духовной культуры, наделенную дополнительными культурными смыслами. Он вторичен по отношению к прямой номинации объекта или процесса, всегда функционирует в рамках той или иной культурной модели, следовательно, всегда культурно маркирован.

Несмотря на отсутствие единого подхода к классификации культурных кодов, большинство исследователей выделяют природный культурный код [Гудков, Ковшова, 2007; Кольовска, 2012; 2014; Сарач, 2016; Телия, 2006, с. 13; и др.]. Он понимается как «совокупность имен или их сочетаний, обозначающих природные объекты как целое или их части (элементы ландшафта), как освоенные человеком в их отдельном бытии или диспозиции – взаиморасположении» [Шустова, Носкова, 2019, с. 112]. Соответственно, природный код охватывает все многообразие реалий природных объектов.

Культурные коды находят свое отражение в концептах и репрезентированы лексическими единицами языка.

Целью исследования выступает выявление особенностей употребления концепта «золото» как отражения природного кода в художественном дискурсе П.П. Бажова.

Материал и методы

В качестве метода исследования использован корпусный анализ, в качестве методики – семантическая интерпретация ассоциативных реакций. Кроме того, применялся прием количественных подсчетов.

Современный корпус содержит массивы данных, которые предоставляют исследователю многочисленные возможности, облегчающие работу с исследуемым материалом, что

позволяет применять корпусный анализ для выявления не только грамматических, но и семантических аспектов языка.

Методика семантической семной интерпретации ассоциативных реакций была разработана в трудах О.Е. Виноградовой, А.В. Рудаковой, И.А. Стернина [Виноградова, Стернин, 2016; Рудакова, Стернин, 2016; Стернин, 2011; 2018], которые включают в процедуру исследования следующие операции: 1) описание денотативного компонента значения; 2) описание содержательной, признаковой части; 3) описание функциональной части: назначения, формы, размера, материала изготовления, конструктивных особенностей, локализации, времени существования и т. д.; 4) описание символической актуализации (при наличии); 5) описание мифологической актуализации (при наличии); 6) реляционное описание, отражающее внешние связи значения [Стернин, 2011, с. 9; 2018, с. 10].

В соответствии с описанной процедурой выявляется структура концепта, формируемая следующими уровнями:

– этимологический уровень: содержит описание исторического пути развития семантики концепта;

– базовый уровень: представляет собой совокупность сложившихся и зафиксированных в современной энциклопедической, справочной литературе денотативных значений концепта;

– ассоциативно-расширительный уровень: включает в себя совокупность всех коннотативных значений, возникающих в структуре концепта на основании ассоциативных связей [Вдовина, 2007, с. 42; Степанов, 1997, с. 42–45; Филиппова, 2007].

Материалом для исследования послужили тексты сказов П.П. Бажова, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), поскольку преимуществами обращения к ресурсу выступают возможности ограничения поисковых запросов, во-первых, художественными текстами, во-вторых, гендером автора (мужской), в-третьих, типом текста (сказ). В результате применения указанных ограничений исследователь получает возможности работы непосредственно с контекстами, репрезентирующими концепт в сказах П.П. Бажова.

Кроме того, в качестве материала исследования использованы данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС). Лексикографические источники такого типа предлагают обширный материал для описания вербальных ассоциаций, что позволяет «выявить в значении слова такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа» [Маклакова, Стернин, 2013, с. 27]. В отличие от других словарей, ассоциативные вокабуляры отражают сознание усредненно-го носителя языка.

Результаты и обсуждение

Обратимся к выявлению признаков концепта «золото» на этимологическом уровне посредством анализа имени концепта. Лексема *золото* фиксируется в текстах с X в., восходит к индоевропейскому **ghel-* (желтый, зеленый, золотой) (Черных, с. 328). *Золото*, таким образом, представляет собой название металла по цвету – первое денотативное значение концепта.

В соответствии с методикой семантической интерпретации представляется актуальным обратиться к выявлению базового уровня концепта, его денотатов, закрепленных в лексикографических источниках.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, отражающем состояние русского языка того времени, когда создавались сказы П.П. Бажова, представлены следующие значения лексической единицы *золото*:

1. Один из благородных металлов желтого цвета, который употребляется для изготовления драгоценных изделий, мерило ценности.
2. Собирательное: изделия из золота.
3. В переносном значении: кто-либо, обладающий большими достоинствами.
4. Собирательное: монеты из золота.
5. Шелковые нити, покрытые тонким слоем золота.
6. В переносном значении: ласкательное обращение (Толковый словарь Ушакова, стб. 1114).

В индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова существительное *золото*

употребляется преимущественно в своем первом значении для номинации благородного металла желтого цвета, который используется в процессе изготовления драгоценных изделий:

(1) Вроде и просто, а как подумаешь, – большая это редкость, чтоб в здешнем жильном **золоте** отдельно комышек найти (НКРЯ. Золотые дайки. 1945).

Слово *золото* также представлено в собирательном значении при номинировании золотых монет:

(2) Боялись, надо думать, что тогда **золото** больше будет утекать к тайным купцам (НКРЯ. Рудяной перевал. 1947).

Кроме того, в сказах П.П. Бажова *золото* употреблено в переносном значении:

(3) По-господски одеты, и все в **золоте** да заслугах (НКРЯ. Малахитовая шкатулка. 1938).

В приведенном фрагменте лексема использована либо в значении «шелковые нити, покрытые золотом» (ткань, из которой была изготовлена одежда персонажей), либо для номинации украшений из драгоценного металла.

Для установления сформированности базового уровня концепта «золото» в индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова были использованы количественные данные. Прежде всего представляется целесообразным выявить количество употребления словоформ анализируемого существительного в бажовских сказах (см. табл. 1).

Как показывают данные таблицы, наиболее употребительными в индивидуально-авторском дискурсе являются формы винительного и именительного падежей. Форма именительного падежа выступает средством номинации понятия, ввода его в речь, например, для номинации монет из золота:

(4) Боялись, надо думать, что тогда **золото** больше будет утекать к тайным купцам (НКРЯ. Рудяной перевал. 1947).

Винительный падеж существительных обозначает объект действия с материалом. Например, словоформа фиксирует объект действий – добываемое золото:

Таблица 1. Количественная представленность словоформ существительного *золото* в сказах П.П. Бажова

Table 1. Quantitative representation of word forms of the noun *золото* (gold) in the tales (skazy) of P.P. Bzhov

Падеж	Словоформа	Количество
Им. п.	<i>золото</i>	26
Род. п.	<i>золота</i>	23
Дат. п.	<i>золоту</i>	10
Вин. п.	<i>золото</i>	39
Тв. п.	<i>золотом</i>	14
Предл. п.	<i>золоте</i>	3

(5) Я и убрался на прииски, где **золото** да камешки добывали (НКРЯ. Аметистовое дело. 1947).

Третьей по количеству употреблений является форма родительного падежа, которая выражает семантику принадлежности. Например, существительное использовано для выражения особенностей внешнего вида мифологического существа:

(6) Эта девица – Полозова дочь, прозывается Золотой Волос. Волосы у нее из чистого **золота** (НКРЯ. Золотой волос. 1939).

Менее частотна форма творительного падежа, отражающая действия над объектом. Например, словоформа выступает средством выражения значения совершения действий над материалом, объектом – реализации профессиональной деятельности по обработке золота и драгоценных камней:

(7) По счастью, наутро какому-то деревенскому, – он тоже летами маленько камешками да **золотом** занимался, – случилось в ту сторону на лошади дорогу торить (НКРЯ. Бажов. Ключ земли. 1940).

Нечастотной является форма дательного падежа. Она используется, например, для отражения действий по отношению к предмету, материалу – жильному золоту:

(8) А рудничные рабочие уважали, первым человеком по жильному **золоту** считали и в случае какой заминки – нежданный пласт, скажем, подойдет, либо жила завихляет – всегда советовались со стариком (НКРЯ. Рудяной перевал. 1947).

Наименее представленной в сказах П.П. Бажова является форма предложного

падежа. Словоформа служит целям описания внешнего вида персонажей (см. комментарий к примеру (3)).

Как видим, в сказах уральского писателя более употребительными являются формы именительного, родительного, винительного падежей, которые обеспечивают: 1) номинацию металла; 2) представляют золото как объект действия; 3) передают значение осуществления действия по отношению к предмету. В то же время значения творительного и предложного падежей – действия над материалом, объективное, определительное и обстоятельное значения – представлены в меньшей степени. Иначе говоря, для П.П. Бажова золото – объект действий, объект по отношению к которому (но не над которым) осуществляются определенные действия, то есть оно приобретает большую степень субъектности, значимости. Полученные данные можно объяснить особенностями региональных промыслов: местные жители издавна занимались добычей золота и других металлов. От успеха такого рода занятий зависело благосостояние семьи, поэтому значимость металла для жителей Урала всегда была высокой.

Изучение особенностей отражения культурных кодов на основании обращения к концепту «золото» в сказах П.П. Бажова требует обращения к изучению ассоциативного уровня исследуемой лексики. Согласно «Русскому ассоциативному словарю», наиболее многочисленными являются следующие ассоциаты на слово-стимул *золото*: *серебро, блестит, дорогое, кольцо, деньги, богатство, металл, блеск, желтое, червонное* (РАС).

Приведенные данные свидетельствуют о наличии прямой связи между базовым и

ассоциативным уровнями концепта. Соотношение между денотатами существительного *золото* и его ассоциатами может быть представлено следующим образом:

1. Благородный металл желтого цвета, который употребляется для изготовления драгоценных изделий: *серебро* – ассоциат возникает на основании принадлежности золота и серебра к группе драгоценных металлов; *желтое* – ассоциат возникает на основании цвета металла (этимологическое значение), отношения метонимии; *блестит, блеск* – ассоциации возникают на основании свойств золота, обладающего блеском, отношения метонимии; *дорогое* – золото, изделия из металла, как правило, изделия из золота отличаются высокой стоимостью, отношения метонимии; *металл* – ассоциат возникает на основании отношений гипонимии. К указанному денотату можно отнести и ассоциат *червонное*, выступающий прямой номинацией металла.

2. Изделия из золота: *кольцо*.

3. Монеты из золота: *деньги, богатство* – ассоциации возникают на основании сходства функций.

Как видим, большая часть ассоциатов связана с этимологическим значением лексемы – «драгоценный металл», со значением «изделие из металла», а также золота как символа богатства, материального благополучия.

На следующем этапе исследования выявлены особенности ассоциативных значений существительного *золото* в индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова и лексикографических источниках, то есть проведен сопоставительный анализ ассоциатов в общелитературном языке (на материале лексикографических источников) и в сказах П.П. Бажова. В процессе анализа особенностей репрезентации ассоциативного уровня в сказах П.П. Бажова однокоренные ассоциаты *блеск* и *блестеть* были объединены. Полученные результаты представлены ниже.

серебро:

(9) Все, можно сказать, тропки отоптал, всякий ложок обыскал, каждую горушечку обстукал, – не пахнет ли где золотишком, не звенит ли *серебро*, не брячат ли хоть медяшки (НКРЯ. Про главного вора. Сказ дегтярского горняка. 1941).

В приведенном примере *серебро* включено в номинативный ряд лексем, обозначающих «деньги».

блестит, блеск:

(10) Ножны так и **сверкают** золотом да дорогами камнями (НКРЯ. Старых гор подаренье. 1946).

В контексте используется глагол *сверкать* «ярко блестеть, сиять переливчатым светом» (Толковый словарь Ушакова, стб. 153), выступающий синонимом глагола *блестеть*.

дорогое:

(11) На мое понятие, он много **дороже** золота и платины, потому – для большого дела идет, и редко кто знает, где его искать, а он может, вот в этом голубеньком камешке (НКРЯ. Рудяной перевал. 1947).

В контексте золото представлено как дорогой металл.

кольцо:

(12) И может Полоз все место, где золото родится, в свое **кольцо** взять (НКРЯ. Золотой волос. 1939).

В данном случае речь идет об особенностях залежей золота. Как отмечает П.П. Бажов, «происхождение образа Полоза – змея-хранителя золота – как-то совсем не интересовало: этот образ казался с детства привычным. ...Любопытно, что в кладискательской рецептуре рекомендовалось “подглядывать” “след Полоза”, его “кольца” в вечерние часы, после чего они уходят в землю» [Бажов, 1986, с. 317–318]. Соответственно, в сознании жителей региона ассоциат связан преимущественно с залежами золота, значение формируется под влиянием региональной мифологии, «знакомых с детства» привычных мифологических образов, особенностей производственной деятельности региона, жители которого с древнейших времен занимаются поиском залежей драгоценных металлов и камней, разрабатывают рекомендации по поиску кладов, при этом накопленный веками практический опыт органично сливается с мифологическими верованиями.

деньги:

(13) Не пойду в гору, хоть **золотом** осыпь!
(НКРЯ. Тяжелая витушка. 1939).

Устойчивое выражение восходит к значению золота как монет из этого металла. Сегодня фразеологизм считается устаревшим (Фразеологический словарь), в бажовских сказках отвечает целям стилизации, позволяет подчеркнуть отдаленность происходящих событий во времени.

богатство:

(14) Никуда не пойду, а на рудник **и золотом не заманишь** (НКРЯ. Сочневы камешки. 1937).

Указанное значение тесно связано со значением «золото как монеты», золото представлено как символ богатства, материального благополучия.

металл:

(15) Ежели со сноровкой, так можно и с **золотом** от Полоза уйти (НКРЯ. Золотой волос. 1939).

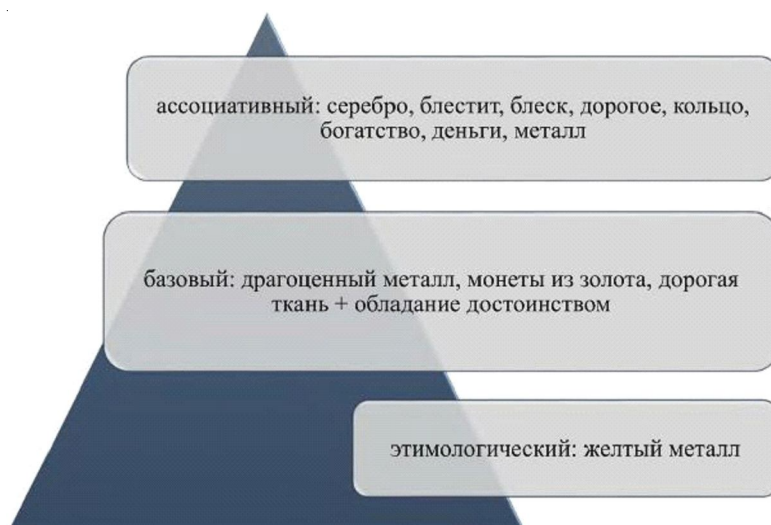
В данном случае речь идет о золоте как металле, который можно унести с собой после встречи с Полозом – мифическим существом, огромным змеем, который начальствует над змеями, владеет золотыми запасами, кладами и распоряжается ими при помощи своих слуг – змей и ящериц.

Как видим, в произведениях П.П. Бажова слово *золото* (и его производное *золотишко*) отмечено практически во всех значениях, вызывающих соответствующие им ассоциаты, зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре», исключение составляют ассоциаты-номинации цвета металла: *желтое* и *червонное*.

На основании проведенного анализа реконструирована структура концепта «золото» в индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова (см. рисунок). Наиболее разнообразно представлен ассоциативный уровень, отражающий развитие концепта, при этом содержание базового и ассоциативного уровней концепта «золото», реализованного в дискурсе П.П. Бажова, несколько сужено по сравнению с закрепленным в лексикографических источниках.

Кроме того, в процессе анализа были выявлены особенности структуры концепта в бажовских сказках (см. табл. 2).

Как показывают результаты анализа, под влиянием природных, социальных, производственных особенностей региона структура базового и ассоциативного уровней исследуемого концепта в творчестве П.П. Бажова несколько отличается по сравнению с представленной в лексикографических источниках. На базовом уровне отмечается снижение количества значений, лексема не используется в качестве ласкательного обра-

Структура концепта «золото» в индивидуально-авторском дискурсе П.П. Бажова
Structure of the concept “золото” (“gold”) in the individual-author’s discourse of P.P. Bazhov

Таблица 2. Содержание концепта «золото» в сказах П.П. Бажова

Table 2. Content of the concept “золото” (“gold”) in the tales (skazy) of P.P. Bazhov

Уровень концепта	Содержание, представленное в лексикографических источниках	Содержание, представленное в сказах П.П. Бажова
Этимологический	желтый металл	
Базовый	1) металл; 2) изделия из золота; 3) кто-либо, обладающий достоинствами; 4) монеты из золота; 5) золотые нити, ткань; 6) ласкательное обращение	1) металл; 2) монеты из золота; 3) ткань
Ассоциативный	<i>серебро, блесит (блеск), дорогое, кольцо «изделие из золота», деньги, богатство, металл, желтое, червонное</i>	<i>серебро, блесит (блеск), дорогое, кольцо «форма залегания золота», деньги, богатство, металл</i>

щения. Специфика производственной деятельности региона обусловила объединение значений металла и изделий, изготовленных из металла.

На ассоциативном уровне отмечается отсутствие значений, связанных с представленными в словаре номинациями цвета металла, что может объясняться не отсутствием в языке региона указанных номинаций, но вариативностью, многообразием, наличием дополнительных значений, не зафиксированных в словарях.

Заключение

Культурный код, представляя собой языковой знак, вербальную номинацию объекта культуры, формируется в рамках определенной культурной модели, в результате чего приобретает дополнительные культурно маркированные смыслы. Культурные коды репрезентированы концептами, лексическими единицами, синтаксическими конструкциями. Экспликация природного культурного кода осуществляется посредством номинаций всей совокупности природных объектов, в том числе камней и металлов.

В результате исследования репрезентации природного культурного кода в индивидуально-авторском стиле П.П. Бажова на основании изучения функционирования концепта «золото» выявлено, что особенности репрезентации данного концепта в произведениях писателя обусловлены, с одной стороны, родом

занятий жителей Урала, с другой – сюжетной линией сказов.

Если значения этимологического уровня концепта выступают тождественными в произведениях П.П. Бажова и лексикографических источниках, то значения базового и ассоциативного уровней отражают особенности производственной, профессиональной деятельности жителей региона, содержат отсылки к процессам поиска, добычи и обработки золота, сформированы под влиянием региональных факторов, природно-географических условий, уклада повседневной жизни жителей.

На ассоциативном уровне концепта отмечается некоторое сужение его структуры, отсутствие значений, связанных с номинацией цвета золота, которое, по-видимому, свидетельствует о том, что для жителей Урала цвета золота не сводятся к желтому и червонному: у этого металла выделяется большее количество цветовых оттенков.

Выявленными особенностями содержания концепта не ограничивается, требуется дальнейшая работа, направленная на исследование регионально маркированных денотатов и ассоциатов лексемы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90053 «Тезаурус сказов П. Бажова».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90053 “Thesaurus of P. Bazhov’s Tales”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажов П. П., 1986. У старого рудника (Вместо предисловия) // Сочинения в трех томах. М. : Правда. Т. 2. С. 273–323.
- Вдовина Е. В., 2007. Поздравление в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ // Русский язык за рубежом. № 2. С. 41–48.
- Виноградова О. Е., Стернин И. А., 2016. Психолингвистические методики в описании семантики слова. Воронеж : Истоки. 157 с.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л., 2007. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис. 288 с.
- Кольовска Е. Г., 2012. Море как единица природно-ландшафтного кода русской культуры // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. № 2. С. 69–74.
- Кольовска Е. Г., 2014. Экспликация природно-ландшафтного кода культуры в русских поговорках // Гуманитарные и социальные науки. № 6. С. 153–160.
- Красных В. В., 2001. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 19. С. 5–20.
- Литовская М., 2014. Взрослый детский писатель П.П. Бажов: конфликт редактур // Детские чтения. № 2. С. 243–254.
- Маклакова Е. А., Стернин И. А., 2013. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж : Истоки. 277 с.
- Рудакова А. В., Стернин И. А., 2016. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. № 27. С. 194–208.
- Сарач Х., 2016. «Гора» и «dağ» в русской и турецкой фразеологии: природно-ландшафтный код культуры // Вопросы психолингвистики. № 29. С. 322–333.
- Степанов Ю. С., 1997. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Яз. рус. культуры. 824 с.
- Стернин И. А., 2011. Психолингвистическое значение слова // Русистика. № 1. С. 5–13.
- Стернин И. А., 2018. Исследование значения как феномена языкового сознания. Алматы : Полилингва. 200 с.
- Телия В. Н., 2005. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС ПРЕСС. Вып. 30. С. 4–42.

- Телия В. Н., 2006. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕССКНИГА. С. 4–42.
- Филиппова М. А., 2007. Концепт «демократия» в американской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. С. 18–22.
- Шустова С. В., Носкова И. В., 2019. Природно-ландшафтный код в английской культуре // Art Logos (Искусство слова). № 1 (6). С. 111–120.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Кононенко – Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече : АСТ, 2003. 509 с. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm#202> (дата обращения: 11.10.2020).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 11.07.2020).
- РАС – Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 11.07.2020).
- Толковый словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл., 1935. 1472 стб.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999. 624 с.
- Фразеологический словарь – Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. URL: https://phraseology.academic.ru/7951/Осыпать_золотом (дата обращения: 11.07.2020).

REFERENCES

- Bazhov P.P., 1986. U starogo rudnika (Vместo predisloviya) [At the Old Mine (Instead of a Preface)]. *Sochineniya v tryokh tomakh* [Works in Three Volumes]. Moscow, Pravda Publ., vol. 2, pp. 273-323.
- Vdovina E.V., 2007. Pozdravleniye v rechevom etikete: kontseptualnyi i kommunikativnyi analiz [Congratulations in Speech Etiquette: Conceptual and Communicative Analysis]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, no. 2, pp. 41-48.
- Vinogradova O.E., Sternin I.A., 2016. *Psikholingvisticheskiye metodiki v opisaniy semantiki slova* [Psycholinguistic Techniques in Describing the Semantics of a Word]. Voronezh, Istoki Publ. 157 p.

- Gudkov D.B., Kovshova M.L., 2007. *Telesnyi kod russkoy kultury: materialy k slovaryu* [The Corporal Code of Russian Culture. Materials for the Dictionary]. Moscow, Gnozis Publ. 288 p.
- Kol'ovska E.G., 2012. More kak edinita prirodno-landshaftnogo koda russkoy kultury [Sea As a Component of the Natural-Landscape Code of Russian Culture]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 69-74.
- Kol'ovska E.G., 2014. Eksplikatsiya prirodno-landshaftnogo koda kultury v russkikh paremiyakh [Explication of the Nature and Landscape Code of Culture in Russian Proverbs]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], no. 6, pp. 153-160.
- Krasnykh V.V., 2001. Kody i etalony kul'tury (priglaseniye k razgovoru) [Codes and Standards of Culture (Invitation to Conversation)]. Krasnykh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Mind, Communication. Collection of Articles]. Moscow, MAKS Press Publ., iss. 19, pp. 5-20.
- Litovskaya M., 2014. Vzroslyi detskiy pisatel' P.P. Bazhov: konflikt redaktur [Adult Children's Writer P.P. Bazhov: Conflict of Editors]. *Detskiye chteniya* [Children's Readings], no. 2, pp. 243-254.
- Maklakova E.A., Sternin I.A., 2013. *Teoreticheskiye problemy semnoy semasiologii* [Theoretical Problems of Seminal Semasiology]. Voronezh, Istoki Publ. 277 p.
- Rudakova A.V., Sternin I.A., 2016. Psikholingvisticheskiy eksperiment i opisaniye semantiki slova [Psycholinguistic Experiment and Description of Word Semantics]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 27, pp. 194-208.
- Sarach H., 2016. «Gora» i «dağ» v russkoy i turetskoy frazeologii: prirodno-landshaftnyi kod kul'tury ["Gora" and "Dap" in Russian and Turkish Phraseology: Natural-Landscapes Cultural Code]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 29, pp. 322-333.
- Stepanov Ju.S., 1997. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ. 824 p.
- Sternin I.A., 2011. Psikholingvisticheskoye znachenije slova [Psycholinguistic Word Meaning]. *Rusistika* [Russian Language Studies], no. 1, pp. 5-13.
- Sternin I.A., 2018. *Issledovaniye znacheniya kak fenomena yazykovogo soznaniya* [Study of Meaning As a Phenomenon of Linguistic Consciousness]. Almaty, Polilingva Publ. 200 p.
- Teliya V.N., 2005. O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazheniy [On the Phenomenon of Reproducibility of Linguistic Expressions]. Krasnykh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Mind, Communication. Collection of Articles]. Moscow, MAKS PRESS Publ., iss. 30, pp. 4-42.
- Teliya V.N., 2006. Predisloviye [Preface]. Teliya V.N., ed. *Bol'shoy frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kul'turologicheskij kommentarij* [Big Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., pp. 4-42.
- Filippova M.A., 2007. Kontsept «demokratiya» v amerikanskoj lingvokul'ture [The Concept of "Democracy" in American Linguoculture]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 18-22.
- Shustova C.V., Noskova I.V., 2019. Prirodno-landshaftnyi kod v angliyskoy kul'ture [Natural-Landscape Code in English Culture]. *Art Logos (Iskusstvo slova)* [Art Logos (The Art of Word)], no. 1 (6), pp. 111-120.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kononenko B.I. *Bol'shoy tolkovyi slovar' po kul'turologii* [Big Explanatory Dictionary on Cultural Studies]. Moscow, Veche Publ., AST Publ., 2003. 509 p. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm#202> (accessed 11 October 2020).
- Natsionalnyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 11 July 2020).
- Russkiy assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. URL: <http://thesaurus.ru/dict> (accessed 11 July 2020).
- Ushakov D.N., ed. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. I* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935. 1472 cols.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t. T. I*. [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Ruskiy yazyk Publ., 1999. 624 p.

Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel

Publ., AST Publ., 2008. URL: https://phraseology.academic.ru/7951/Osyat'_zolotom (accessed 11 July 2020).

Information About the Authors

Daria A. Shchukina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg Mining University, Vasilyevskiy ostrov, 21st Line, 2, 199106 Saint Petersburg, Russia, schukina_da@pers.spmi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Lyubov Yu. Stepanova, Trainee Researcher, Department of Scientific Programs, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg Mining University, Vasilyevsky ostrov, 21st Line, 2, 199106 Saint Petersburg, Russia, liubastepanova84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2251-2264>

Информация об авторах

Дарья Алексеевна Щукина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет, Васильевский остров, 21-я линия, 2, 199106 г. Санкт-Петербург, Россия, schukina_da@pers.spmi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Любовь Юрьевна Степанова, стажер-исследователь отдела научных программ, аспирант кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет, Васильевский остров, 21-я линия, 2, 199106 г. Санкт-Петербург, Россия, liubastepanova84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2251-2264>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.8>

UDC 81'246.2
LBC 81.022

Submitted: 24.09.2020
Accepted: 30.03.2021

FROM 3 TO 5: PRAGMATIC FUNCTIONS OF CHILD CODE-SWITCHING¹

Galina N. Chirsheva

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Petr V. Korovushkin

LLC "Tsitadel", Vologda, Russia

Abstract. The paper focuses on the pragmatic peculiarities of Russian-English code-switching in the speech of the children who simultaneously acquire Russian and English according to "one person – one language" strategy within a Russian family in Russia. The research data are pragmatically marked utterances of the two boys made when each of them was at the age of three to five. Their bilingualism developed as a monoethnic one since they acquire one of the languages (Russian) from a native Russian speaker and the other (English) from a non-native speaker who belongs to Russian ethnos and culture. The authors argue that pragmatic functions of code-switching reflect the children's attitude to each language and bilingual communication. Child bilingual pragmemes are studied longitudinally, which helps the researchers to reveal the dynamics of code-switching intentions within three years of children's bilingual communication. The results of the study demonstrate the prevalence of addressee-oriented and inducing pragmatic functions of code-switches during the whole period under study. The explanation for this fact lies in the specific strategy of bilingual development and the understanding of the importance of each language in children's bilingual communication. By the age of five, the children gradually develop their bilingual self-reflection, which results in more frequent metalinguistic pragmemes in their mixed utterances.

Key words: child bilingualism, code-switching, bilingual pragmatics, bilingual pragmeme, Russian, English.

Citation. Chirsheva G.N., Korovushkin P.V. From 3 to 5: Pragmatic Functions of Child Code-Switching. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 102-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.8>

УДК 81'246.2
ББК 81.022

Дата поступления статьи: 24.09.2020

Дата принятия статьи: 30.03.2021

ОТ 3 ДО 5: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДЕТСКИХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ КОДОВ¹

Галина Николаевна Чиршева

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

Петр Валерьевич Коровушкин

ООО «Цитадель», г. Вологда, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию прагматических особенностей переключений кодов в речи детей, одновременно осваивающих русский и английский языки по принципу «один человек – один язык» в русскоязычной семье в России. Материалом послужили высказывания двух мальчиков в возрасте от трех до пяти лет, чей билингвизм развивался как моноэтнический, поскольку один язык (русский) они усваивали от его носителя, а второй (английский) – от неносителя этого языка, представителя русскоязычного этноса. В работе показано, что прагматические функции кодовых переключений отражают особенности развития билингвизма детей, связанные с отношением к языкам и билингвальной коммуникации. Прагматические функции в детской билингвальной речи (билингвальные прагмемы) изучены в лонгитюдном аспекте, что позволило проследить динамику изменения интенций при переходе с одного языка на другой в коммуникации детей на протяжении трех лет. Результаты исследования продемонстрировали, что наиболее значимыми прагматическими функциями переключений кодов в речи детей являются адресатная и воздействующая, которые отражают специфику освоения языков и роль каждого языка в билингвальной коммуникации. К пятилетнему возрасту детей в их речи усиливается значимость металингвистической функции переключений кодов.

Ключевые слова: детский билингвизм, переключение кодов, билингвальная прагматика, билингвальная прагмема, русский язык, английский язык.

Цитирование. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. От 3 до 5: прагматические функции детских переключений кодов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 102–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.8>

Введение

Переключения кодов представляют собой использование единиц одного языка в высказываниях на другом языке. Отношение ученых к этому феномену в последние десятилетия становится не столь однозначным, как прежде, когда их рассматривали в качестве негативно-го явления в речи билингвов, особенно детей. В современных исследованиях с кодовыми переключениями соотносят показатели развития лингвистической компетенции ребенка, его умение контролировать выбор языка в зависимости от параметров коммуникативной ситуации [Arnaus Gil, Jiménez Gaspar, Müller, 2018; Yow, Tan, Flynn, 2018; Kuzyk, Friend, Severdija, 2020]. Переключения кодов в речи детей-билингвов связывают с реализацией их прагматических функций в коммуникации с разноязычными собеседниками [Чиршева, Коровушкин, Мушникова, 2018].

Некоторые исследователи устанавливают взаимосвязь между продуктивным и рецептивным билингвизмом, с одной стороны, и спецификой выбора языка в диалогическом общении, с другой. Так, К.М. Рибот и Э. Хофф в статье о переключениях кодов у 115 детей-билингвов в США показали, что дети, у которых уровень владения английским

языком был выше, чем испанским, гораздо чаще в своих ответах на испанские реплики взрослых использовали английский язык [Ribot, Hoff, 2014].

Изучение детских переключений кодов позволяет также выявить взаимоотношение между типологическими характеристиками языков, которые осваивает ребенок, и их доминантностью, устанавливающей монолингвальный или билингвальный модус общения, выбираемый ребенком для реализации его коммуникативных интенций [Poeste, Müller, Arnaus, 2019].

В настоящее время ранний билингвизм признается такой же нормой, как и монолингвизм, поэтому исследования кодовых переключений проводятся и в тех случаях, когда у детей есть нарушения речевого развития. Авторы одного из них на материале англо-испанских билингвальных детей с отклонениями в речевом развитии выяснили, что наиболее заметное влияние на частоту переключений оказывала доминантность языка: разговаривая на недоминантном языке, они чаще переключались на свой доминантный язык [Gutiérrez-Clellen, Simón-Cerejido, Leone, 2009].

Параметры коммуникации, которые влияют на активизацию переключений кодов в общении ребенка, во многом определяются тем,

по какому принципу билингвального воспитания ребенок осваивает два языка. Если выбран принцип «один человек – один язык», когда каждый из взрослых разговаривает с ребенком только на одном языке, ребенок прежде всего реагирует на смену собеседников, независимо от того, где и когда осуществляется коммуникация – дома или за его пределами.

Наибольшее влияние на одновременную активизацию двух языков или частую смену активизации этих языков оказывают такие ситуации, в которых ребенок общается сразу с несколькими разноязычными собеседниками. Детям приходится выбирать оптимальные стратегии общения: дублировать свои высказывания на двух языках (в виде автоперевода или автопересказа), использовать только один язык, чтобы не повторять сказанное, или чередовать языки в разных структурных вариациях (выбор кода, межфразовые или внутрифразовые переключения).

С трех лет дети понимают, что говорят на двух языках, и знают, как они называются (в более раннем возрасте – «папин» и «мамин» языки). Разнообразие в использовании языков побуждает детей задавать метакоммуникативные и металингвистические вопросы и вырабатывать свои стратегии билингвального поведения. Например, профессор из Австралии Дж. Сондерс – носитель английского языка, воспитывавший троих своих детей, говоря с ними по-немецки, отмечал, что его старший сын вел себя так: когда ему нужно было рассказывать что-то одновременно папе и маме, он поворачивался к папе и говорил по-немецки, а если забывал какие-то немецкие слова, поворачивался к маме и продолжал рассказ по-английски [Saunders, 1988, p. 57–58, 182–186].

Переключения кодов в присутствии разноязычных собеседников вызываются разным отношением детей к языкам, присутствием посторонних слушателей, общением за пределами дома (даже если взрослые не меняют язык общения с ребенком) и предметом разговора.

Родители – исследователи речи своих детей обычно могут сказать, с какой целью ребенок чередует языки. Однако когда переключения кодов обуславливаются комплексом причин и интенций ребенка, объяснения мо-

гут быть вариативными. Сами дети в возрасте до 5 лет чаще всего объяснить прагматику своих переключений не могут, а если могут, то их объяснения нужно дополнительно интерпретировать с учетом всех параметров коммуникативной ситуации.

Большинство переключений кодов в речи билингвов до трех лет обуславливается лакунами в их билингвальном словаре [Gergely, 1997; Lanvers, 2001] и особенностями инпута [Nicoladis, Secco, 2000; Comeau, Genesee, Lapaquette, 2003], обычно несбалансированного. С трех лет, когда большинство детей уже дифференцировали свои языки, они способны делать прагматически оправданный выбор единиц двух языков [Cantone, 2007; Montanari, Ochoa, Subrahmanyam, 2019].

Прагматические функции переключений кодов в речи детей, одновременно усваивавших русский и английский языки в России, уже описаны нами. Их перечень включает: адресатную, эмоциональную, эзотерическую, предметно-тематическую, фатическую, металингвистическую, декоративную, юмористическую, цитатную функции, а также функции самоидентификации, воздействия и экономии речевых усилий [Чиршева, 2000, с. 73–75, 97–101; 2012, с. 214–222].

В концепциях исследователей прагматического акта его называют прагмемой (pragmeme). Сопоставляя специфику речевого акта и прагматического акта, Дж. Мей указывает, что первый связан с языком и правилами его использования, а второй – с коммуникативной ситуацией. Речевой акт можно анализировать вне ситуации общения, а прагматический – только с учетом конкретной коммуникативной ситуации [Meu, 2001, p. 222–228]. Эту идею он и ряд других исследователей в области прагматики развивают как для одноязычной, так и для межкультурной коммуникации [Meu, 2010; Capone, 2005; 2018; 2020; Kecskes, 2010]. Плодотворной эта концепция оказалась и для описания билингвальных ситуаций [Ige, 2010; Piirainen-Marsh, 2010].

Опираясь на описание прагмемы в работах Дж. Мей и других лингвистов, можно ввести такое определение билингвальной прагмемы: это прагматический акт, в котором происходит реализация определенной прагматической функции в процессе взаимо-

действия двух языков в виде переключений или выбора кодов.

Несмотря на имеющиеся достижения в разработке проблем детского билингвизма, прагматика ранних детских кодовых переключений в лонгитюдном аспекте пока изучена недостаточно детально. В отечественном языкознании проблемы развития прагматических особенностей детской билингвальной речи при одновременном освоении двух языков почти не затрагивались, поэтому исследование, результаты которого представлены в статье, обладает новизной и значимостью для возрастной билингвологии.

Цель работы – описать динамику детских билингвальных прагмем и установить их взаимосвязь с развитием раннего билингвизма.

В качестве гипотезы выдвигается следующее предположение: при одновременном освоении двух языков в семье применение принципа «один человек – один язык» способствует ранней активизации адресатной и воздействующей функций кодовых переключений, что отражает понимание ребенком важности каждого языка для реализации его интенций в двуязычной коммуникации.

Материал и методы исследования

Материалом для данного исследования послужили смешанные высказывания двух детей (братьев Миши и Саши, первый старше второго на два года), зафиксированные в периоды, когда каждому из них было от трех до пяти лет. Они с рождения осваивают русский и английский языки по принципу «один человек – один язык»: мама и ее родственники разговаривают с детьми по-русски, то есть на родном языке, а папа и его родители общаются с ними по-английски, на неродном языке.

По способу усвоения двух языков это естественный билингвизм, так как дети осваивали оба языка в ходе естественной коммуникации, без специального обучения, по крайней мере в течение первых лет их жизни. По этнолингвистическому критерию такой билингвизм является моноэтническим и монокультуральным, поскольку формируется в семье, где представлен только один этнос и одна культура (в отличие от биэтнических семей, где у детей формируется биэтничес-

кий и бикультуральный билингвизм) [Чиршева, 2000, с. 20–21].

Речь наблюдаемых детей фиксировалась с помощью видеозаписей (в течение 1–2 часов дважды в месяц) и в дневниках родителей. Из этих записей извлекались билингвальные высказывания, которые анализировались с учетом коммуникативного контекста.

Не все билингвальные прагмемы в речи маленьких детей можно интерпретировать однозначно по ряду причин. Во-первых, сами дети не всегда понимают и не способны объяснить, для чего они переключаются с языка на язык. Во-вторых, взрослым, которые хотят понять детские интенции, не всегда удается их правильно распознать. В-третьих, многие переключения кодов полиинтенциональны, что создает трудности в установлении адекватной иерархии их прагматических функций.

Видеозаписи позволяют частично снять ряд проблем: пересмотрев их, родители могут дать нужные пояснения. Однако даже в таких ситуациях удастся определить не все прагматические функции детских переключений кодов. Поэтому описание прагматики детских переключений кодов сопровождается так называемой симптоматической статистикой, то есть указывается, какие из билингвальных прагмем являются более или менее частотными и репрезентативными, реализуются как наиболее характерные и отражают специфику билингвального коммуникативного поведения ребенка.

Каждая детская билингвальная прагма описана на трех этапах развития ребенка: 3 года, 4 года, 5 лет. Порядок рассмотрения прагмем задается активностью их проявления в речи детей – от наиболее к менее заметным в коммуникации детей определенно-го возраста.

Результаты и обсуждение

Адресатная функция детских переключений кодов часто взаимодействует с **воздействующей**: понимая, что переход на английский язык окажет нужное воздействие на конкретных адресатов – отца и его родителей, дети включали в свои директивные речевые акты английские слова.

Трехлетние дети чаще всего переключались для реализации этих функций после напоминания со стороны взрослых.

Миша (3)² протянул бабушке руку со словами: *Дай руку!* Бабушка попросила: *Say: "Give me your hand"*. Миша не отреагировал, бабушка повторила просьбу еще раз, после чего Миша сказал: *Дай hand!*

Саша (3) за столом поинтересовался: *А где соль?*, а после того, как отец его исправил (*Where is the salt?*), спросил: *Где salt?*

Комбинация адресатной и воздействующей функций по-прежнему была самой заметной в коммуникации детей четырехлетнего возраста не только в общении с взрослыми, но иногда и в разговорах друг с другом.

Миша (4) скомандовал брату: *Сашка, let's go!*, и Саша его сразу послушался. Призыв к действию Миша произнес по-английски, а обращение осталось русским (хотя он знал, что по-английски Сашу зовут *Alex*).

Слушая песню, Саша (4) сообщил: *Когда я был маленький, я любил эту музыку. Yes, daddy?* Адресатная и воздействующая функции при переключении на английский помогли быстро получить ответ собеседника.

Дети часто переключались для реализации адресатной функции и в пятилетнем возрасте.

Когда Миша (5) вместе с отцом собрал горку для игры, дедушка спросил его: *You have assembled this construction?* Миша ответил: *Да, и daddy*. Начав отвечать по-русски, мальчик далее назвал отца по-английски, потому что тот был рядом с ним, а именно так мальчик к нему обращался. Возможно, на появление этого переключения повлияло и то, что адресатом Миши был дедушка, который с ним тоже говорил по-английски.

Саша (5) играл, а его отец позвал его ужинать: *It's time to have meals*. Саша возразил: *Я еще не доиграл. One time!* Смена кода здесь использована для реализации воздействующей и адресатной функций, чтобы придать просьбе большую убедительность.

Металингвистическая функция переключений в речи билингвальных детей реализуется довольно часто, поскольку у них есть потребность выяснять, что означают единицы на английском языке, задавать вопросы о том, почему нужно говорить так, а не

иначе. Дети интересовались тем, кто на каких языках разговаривает, кто и как говорит на английском языке, что позволяет добавить к их прагматической компетенции умение переключать коды, связанное с **метакоммуникативной** функцией. Когда дети начинают «учить» других говорить по-английски, добавляется **лингводидактическая** функция переключений кодов.

Миша (3) обратился к бабушке: **Granny!**, а отец, не расслышав и подумав, что Миша опять назвал ее по имени, поправил сына. Миша возмущенно отреагировал: *Я сказал: «Granny!»* Металингвистическая функция проявилась в комментарии высказывания на другом языке.

Когда младший брат Саша позвал бабушку: *Баба!*, Миша (3) его исправил: *Сашка, надо говорить: «Granny!»* Здесь реализована не только металингвистическая, но и лингводидактическая функция, так как Миша учил младшего брата обращаться к бабушке по-английски. Комментарий он выразил по-русски и внедрил в него переключение на английский язык.

Саша (3) поблагодарил бабушку за обед по-английски: *Сейку!*, потом, услышав смех, произнес: *Сень ку!*, что было уже больше похоже на *thank you*. Самоисправление демонстрирует осознание плана выражения английской единицы, что отражает реализацию металингвистической функции переключения на английский язык.

Четырехлетние дети чаще, чем раньше, обращали внимание на то, как и что они говорят на двух языках, иногда «мотивированно» возражали против использования английского языка в общении с кем-то из своих собеседников.

Миша (4) по-русски рассказывал бабушке о роботе, а его отец предложил: *Say: "This is a robot"*. Миша возразил: *Я говорю не тебе, а бабе*. Отец попросил: *Speak English to granny*. Миша хорошо усвоил, что с отцом нужно разговаривать по-английски. Что касается бабушки и дедушки, то их он видел реже и чаще говорил с ними по-русски. Выбор русского языка в общении с бабушкой отражает актуализацию и адресатной, и металингвистической функций. Последняя была реализована как метакоммуникативная – для регулирования языков в коммуникации с конкретными собеседниками.

Миша (4) услышал, как младший брат назвал его *Mike*, и похвалил: *Правильно, Mike*, что демонстрирует реализацию металингвистической и лингводидактической функций переключения кодов, так как Миша оценил и поддержал попытку младшего брата называть его по-английски.

Саша (4) не понял, что ему сказала бабушка по-английски, и попросил: *Say it in Russian*. Такой сигнал коммуникативной неудачи свидетельствовал о непонимании Сашей английского высказывания. Осознавая это, он применил металингвистическую формулу, переходя с русского на английский язык.

В речи обоих детей в пятилетнем возрасте к металингвистической функции переключений кодов все чаще добавляется **лингводидактическая**.

Миша (5) подсказал младшему брату, как надо попросить папу дать ему еще картошки: *Скажи папе: «Give me some more, daddy»*. Саша послушался, повторил вслед за Мишей нужную английскую фразу и получил добавку. Миша фактически перевел для Саши его просьбу на английский язык и таким образом помог ему выбрать нужные слова, когда тот обращался к отцу. Метакоммуникативная функция переключения здесь реализована вместе с лингводидактической.

Саша (5) и Миша прощались с бабушкой, у которой они были в гостях. Саша поблагодарил бабушку: *Thank you, Granny!* Потом он предложил брату: *Миша, скажи бабушке: «Thank you»*. Миша его не послушался и сказал только *Bye-bye*. Саша, беря пример с Миши, хотел реализовать лингводидактическую функцию, но потерпел неудачу.

Предметно-тематическая функция переключений кодов отражает желание яснее передать сообщение, связанное с темой и предметом разговора.

Миша (3), рассматривая иллюстрации в книге, спросил бабушку: *Галя, granny, тѐ такое – it's a train?* Бабушка ответила: *Yes, it's a train*. Миша задал вопрос по-русски, а потом уточнил по-английски. Реализация предметно-тематической функции отражает предмет разговора: бабушка рассказывала на английском языке о поезде. Дополнительной стала металингвистическая функция: ребенок по-русски задал вопрос о значении англоязычной единицы.

Слушая запись, где бабушка разговаривала по-английски, Саша (3) несколько раз воскликнул: *Эмо grandpa!* Саша назвал бабушку по-английски, вспомнив свое обращение к нему. Предметно-тематическая функция переключения на английский язык здесь связана с темой общения: слушали старые записи и вспоминали бабушку.

В речи обоих детей четырехлетнего возраста предметно-тематическая функция переключений кодов становится разнообразнее по способам реализации и комбинации с другими функциями.

Миша (4) сообщил бабушке: *Granny, nana is coming*, а потом, повернувшись к бабушке: *Peter is coming*, то есть он назвал отца, используя английский вариант его имени, потому что так бабушка обращался к сыну по-английски. Русское вкрапление в том высказывании, которое Миша адресовал бабушке, объясняется особенностями общения бабушки с его отцом – по-русски. В этой ситуации Миша связал предмет речи с языками, которые с ним ассоциируются.

После прогулки бабушка сказала внуку: *Your gloves are wet. I will put them...* Поскольку она сделала паузу, Саша (4) закончил ее фразу: *...to dry. Daddy так говорит*. Вкрапление слова *Daddy* как привычного обращения к отцу свидетельствует о реализации предметно-тематической функции переключения на английский язык.

У пятилетних детей, особенно у Миши, предметно-тематическая функция стала проявляться заметнее, чем ранее. Это были переключения на английский язык, в которых обнаруживались ассоциации с англоязычными собеседниками или ситуациями.

Миша (5) сообщил: *А я без куртки пришел, like daddy*. Английское словосочетание использовано для обозначения англоязычного собеседника. При этом актуализирована и адресатная функция, так как Миша говорил с англоязычными собеседниками – бабушкой и бабушкой.

Когда Саша (5) объяснял значения слов, связанных с предметом разговора, предметно-тематическая функция комбинировалась с металингвистической, как в ситуации, когда отец рассказывал бабушке о книгах, которые читал сыновьям: *Вчера читал книгу о львах*.

Я им сказал, что *lions are big cats, they are predators*. Саша вмешался в этот разговор, выразив свои мысли по обсуждаемой теме: *Predators – значит плохие. Они едят: кошки – кошек, львы – львов, их мясо – meat*. Ключевые слова разговора о хищниках и их еде Саша назвал переключившись на английский язык.

Фатическая функция смешанных высказываний актуализировалась, когда формулы этикета одного языка внедрялись в речь на другом языке. Чаще всего это происходило с английскими единицами в русских высказываниях.

Миша (3) желал папе спокойной ночи так: *Good night, papa*. Фатическая функция здесь реализована вместе с адресатной.

Саша (3) использовал русские этикетные формулы, но изредка в своих русскоязычных высказываниях прибегал и к английским *bye-bye* и *thank you*.

Миша (4) одевался, чтобы выйти на улицу, и сказал бабушке: *Я хочу, чтобы ты в окно сказала «Bye-bye»*. Так он показал, что бабушка будет говорить по-английски, и прокомментировал языковые особенности этой ситуации, то есть фатическая функция билингвальной прагмемы реализована вместе с адресатной и металингвистической.

Саша (4) попросил бабушку: *Я хочу тарелку, please*. Здесь реализованы фатическая и воздействующая функции переключения на английский язык.

Приветствуя собеседников, четырехлетний Саша переходил на тот язык, который он считал адекватным. Например, когда пришел председатель ТСЖ и бабушка попросила Сашу поздороваться: *Say “Hello”, Alex*, Саша сразу оценил ситуацию и понял, что поздороваться надо по-русски, поэтому сказал: *«Привет!»* Фатическая функция здесь комбинируется с адресатной – ориентацией на язык собеседника.

В пятилетнем возрасте оба мальчика привычно произносили приветствия, прощания и другие формулы этикета на английском языке. Обращения к англоязычным собеседникам (*daddy, granny, grandpa*) были иногда единственным маркером билингвальной речи, так как всю остальную часть высказываний дети часто произносили по-русски. Вместе с

фатической проявлялась адресатная функция: дети использовали английские обращения и английские формулы этикета только в общении с теми, кто говорил с ними по-английски.

Саша (5), прощаясь с матерью, сказал: *Мама, пока!* А с отцом он здесь же попрощался по-английски: *Good-bye, daddy!* Тем самым он показал, что для каждого из родителей он выбирает тот язык, который они от него ожидают (фатическая функция комбинируется с адресатной).

Функция самоидентификации проявлялась, когда дети хотели похвастаться тем, что умеют говорить по-английски. У Миши в возрасте трех и четырех лет ситуаций реализации этой функции не зафиксировано. У Саши она часто наблюдалась, когда ему было четыре года.

Саша (4) сообщил короткую английскую фразу, но подчеркнул переключением на русский, что умеет говорить по-английски: *It’s cold. Я говорю по-английски, как papa*. Функция самоидентификации сочетается с металингвистическим комментарием при смене кода на русский.

В пятилетнем возрасте, когда дети осознавали свое умение говорить по-английски, они иногда с удовольствием это подчеркивали.

Миша (5) рассматривал картинки в книжке о детях, которые идут в школу, и сообщил: *Я хочу в школу*. Бабушка ответила: *You must read and count*. Миша сказал: *Я могу count: one, two, three и дальше*. Так, демонстрируя свои умения по-английски, Миша в билингвальной прагмеме реализовал функцию самоидентификации.

Саша (5) спросил мать: *Мама, почему ты по-английски не говоришь?* Бабушка вмешалась в этот разговор и спросила Сашу: *And why don’t you speak English?* Саша ответил сначала по-английски, но потом все же перешел на русский: *I speak*. *А мама не понимает по-английски*. Саша подчеркнул свое умение говорить по-английски, противопоставив себя маме. Вместе с функцией самоидентификации он реализовал метакоммуникативную функцию.

Эмоциональная функция часто комбинировалась с **эмфатической** при выделении ремы высказывания с помощью переключения.

Когда Миша (3) начал пить сок, бабушка спросила: *Is it good?* Миша ответил: *Good. Вкусное такое. It is good.* Миша переключился дважды – с английского на русский и снова на английский, причем дублировал семантику высказывания оба раза, но именно переключение на русский язык отражало реализацию эмоциональной функции.

Миша (3) показал на покрывало: *Я буду рисовать здесь.* Бабушка возразила: *No, it's not paper. You shouldn't paint here.* Миша не согласился, сменив код, но сохранив ключевое слово на английском языке: *Это paper, да, paper!* Таким образом, рема его высказывания эмоционально подчеркивалась именно переключением кода и его повторением, что позволяет говорить о реализации эмфатической функции.

Саша (3) построил домик из кубиков, но он сломался, что вызвало его крик сначала порусски, а потом по-английски: *Hem! – No!* Очевидна эмоциональная функция такого дублирования – оно усилило его возмущение.

Миша (4) уронил машинку и воскликнул: *Scheisse!* Бабушка сказала: *Mike, you shouldn't say this word,* на что Миша возразил: *Так nana говорит.* Использование переключения на немецкое эмоциональное слово и при этом комментарий о нем позволяют говорить, что Миша актуализировал в этой смене кодов эмоциональную и металингвистическую функции.

Саша (4) играл с бабушкой в шашки и решил подсказать ей, что она должна бить: *Eat. Scheisse, чё ты сделала?* Эмоциональная функция проявилась в том, что он использовал переключение на немецкое эмоциональное восклицание, которое слышал от отца. Значения его он не знал, но усвоил, как использовать: для выражения досады, сожаления, других негативных эмоций. В этом высказывании он переключился дважды: с английского на немецкий и потом на русский язык.

Миша (5) и его младший брат пришли к бабушке в комнату смотреть мультфильм на ее компьютере. Саше был интересен и компьютер, и бумага с карандашами. Бабушка спросила его: *Do you want to watch or to draw?* Миша ответил за обоих: *Он хочет to draw, а я – to watch.* Миша актуализировал две альтерна-

тивы как ремы, намеченные в вопросе бабушки. Таким образом, он реализовал эмфатическую функцию переключений кодов.

Саша (5) обратился сразу и к отцу, и к старшему брату: *Daddy, what are you doing? Mickey, what are you doing? Or you are not Mickey? Daddy, you сломал мой пульт?* При переключении на русский язык Саше явно легче было выразить эмоции и их причину: он расстроился из-за того, что не мог управлять машинкой с помощью пульта.

Игровая и юмористическая функции переключений кодов в речи детей раннего возраста почти не проявлялись. Это свидетельствует о том, что владение неродным языком у них было ограниченным. Отдельные случаи можно было отнести к ненамеренно возникшей межъязыковой игре слов.

Миша (3) пришел в комнату к бабушке, и она спросила его: *Where's granddad? Downstairs?* Миша ответил: *Downstairs.* Бабушка продолжила: *What is he doing? Cooking?* Миша согласился: *Да, он ко-ко жарит.* Возможно, глагол *cooking* Миша связал с лепетным названием курицы, которое он иногда еще использовал, поэтому получилась межъязыковая игра слов (*cooking – ко-ко*), ненамеренная со стороны Миши.

Декоративная функция стала реализовываться в коммуникации детей, когда они хотели показать, что использование слов из двух языков каким-то образом украшает их речь. Случаи эти были единичными, и не всегда их можно однозначно трактовать как «декоративное» намерение.

Миша (5) что-то напевал, но понять можно было только отдельные слова. Оказалось, что это была «песня», которую он сочинил сам: *Wear this, oh wear this, да-да, мама, wear this.* Бабушка спросила: *What is this song about?* Миша объяснил: *Я говорю это, когда мама красивая.* Русское вкрапление в английскую «песню» он использовал не только для декоративной, но также и для адресатной функции, так как сочинил ее для матери.

Саша (5) назвал бабушку **бабушка Granny**, когда в каком-то мультфильме так называли бабушку. Это обращение привлекло его внимание, и поэтому он намеренно «приукрасил» свое высказывание «цитированием».

Выводы

Таким образом, когда ребенок осознает присутствие в его речи двух языков, он начинает вырабатывать стратегии речевого поведения, которые направлены на то, чтобы эти два языка помогали добиваться определенных коммуникативных целей.

С уверенностью можно утверждать, что стратегия ориентироваться на язык собеседника является одной из самых заметных у детей, которых воспитывают по принципу «один человек – один язык». Эта стратегия реализуется в том, что дети активно используют адресатную функцию, которая комбинируется почти со всеми остальными прагматическими функциями, но чаще всего – с воздействующей. Воздействующая функция в свою очередь сигнализирует о том, что ребенок начинает ориентироваться на лингвистические ожидания родителей, а потому «правильно» выбранный язык, своевременная смена языка общения или переключения кодов часто помогают маленькому билингову быстрее достичь своих целей.

Дети владеют двумя языками в разной степени и, ощущая сложности в использовании недоминантного («слабого») языка, прибегают к так называемой «стратегии облегчения», когда переключаются на тот язык, на котором им легче выразить свои мысли и чувства. В таких случаях даже адресатная функция не реализуется в полной мере.

У детей с трехлетнего возраста более заметной в прагматике билингвальной речи становится металингвистическая функция. Они активно размышляют о двух языках, задают вопросы о значении единиц в этих языках, сами пытаются многое пояснить. Эта функция реализуется и как метакоммуникативная, когда дети с помощью одного языка комментируют особенности общения на другом. Ощущая потребность научить кого-то говорить на разных языках, дети строят высказывания, актуализируя лингводидактическую функцию.

В коммуникации детей фатическая функция почти всегда связана с адресатной: они переключались на английские формулы этикета, общаясь с англоязычными собеседниками.

Реже в речи детей реализовались: функция самоидентификации, которая отражала

желание похвастаться билингвальными способностями; эмоциональная функция, которая способствует более яркому выражению эмоций; игровая, которая требует высокого уровня владения двумя языками; декоративная и связанные с ней юмористическая и цитатная функции, отражающие эстетическую оценку лингвистических единиц.

Анализ билингвальных прагмем помогает понять специфику дискурсивных практик маленьких билингвов: сохранение или смена кода по мере взросления детей становятся ситуативно и прагматически обоснованным выбором в двуязычной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00260 «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-012-00260 “Bilingual speech of children simultaneously acquiring Russian and English in a monoethnic family”.

² В скобках после имени ребенка указан его возраст – количество полных лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Чиршева Г. Н., 2000. Введение в онтобилингвологию. Череповец : Изд-во Череповец. гос. ун-та. 194 с.
- Чиршева Г. Н., 2012. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст. 488 с.
- Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В., Мушников Н. С., 2018. Прагматика русско-английских переключений кодов в речи двух билингвальных детей // Верхневолжский филологический вестник. № 3. С. 193–199.
- Arnaus Gil L., Jiménez Gaspar A., Müller N., 2018. The Acquisition of Spanish SER and ESTAR in Bilingual and Trilingual Children: Delay and Enhancement // Language Acquisition and Contact in the Iberian Peninsula / ed. by A. Cuza, P. Guijarro-Fuentes. Berlin : de Gruyter. P. 91–124.
- Cantone K., 2007. Code-Switching in Bilingual Children. Dordrecht : Springer. 272 p.
- Capone A., 2005. Pragmemes (A Study with Reference to English and Italian // Journal of Pragmatics. Vol. 37, iss. 9. P. 1355–1371.

- Capone A., 2018. Pragmemes Again // *Lingua*. Vol. 209. P. 89–104.
- Capone A., 2020. Presuppositions As Pragmemes: The Case of Exemplification Acts // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 17, iss. 1. P. 53–75.
- Comeau L., Genesee F., Lapaquette L., 2003. The Modeling Hypothesis and Child Bilingual Codemixing // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 7, iss. 2. P. 113–126.
- Gergely Z., 1997. Code-Mixing in the Speech of a 2; 8 Year-Old Hungarian-English Bilingual Child // *Applied Linguistic Studies in Central Europe*. Vol. 1. P. 149–154.
- Gutiérrez-Clellen V., Simón-Cerejido G., Leone A. E., 2009. Codeswitching in Bilingual Children with Specific Language Impairment // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 13, iss. 1. P. 91–109.
- Ige B., 2010. Identity and Language Choice: ‘We Equals I’ // *Journal of Pragmatics*. Vol. 42, iss. 11. P. 3047–3054.
- Kecskes I., 2010. Situation-Bound Utterances As Pragmatic Acts // *Journal of Pragmatics*. Vol. 42, iss. 11. P. 2889–2897.
- Kuzyk O., Friend M., Severdija V., Zesiger P., Poulin-Dubois D., 2020. Are There Cognitive Benefits of Code-Switching in Bilingual Children? A Longitudinal Study // *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 23, iss. 3. P. 542–553.
- Lanvers U., 2001. Language Alternation in Infant Bilinguals: A Developmental Approach to Codeswitching // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 5, iss. 4. P. 437–464.
- Mey J. L., 2001. *Pragmatics. An introduction*. 2nd ed. Oxford: Blackwell. 392 p.
- Mey J. L., 2010. Reference and the Pragmeme // *Journal of Pragmatics*. Vol. 42, iss. 11. P. 2882–2888.
- Montanari S., Ochoa W., Subrahmanyam K., 2019. A Longitudinal Investigation of Language Mixing in Spanish-English Dual Language Learners: The Role of Language Proficiency, Variability, and Sociolinguistic Factors // *Journal of Child Language*. Vol. 46, iss. 5. P. 913–937.
- Nicoladis E., Secco G., 2000. The Role of a Child’s Productive Vocabulary in the Language Choice of a Bilingual Family // *First Language*. Vol. 20. P. 3–28.
- Piirainen-Marsh A., 2010. Bilingual Practices and the Social Organisation of Video Gaming Activities // *Journal of Pragmatics*. Vol. 42, iss. 11. P. 3012–3030.
- Poeste M., Müller N., Arnaus Gil L., 2019. Code-Mixing and Language Dominance: Bilingual, Trilingual and Multilingual Children Compared // *International Journal of Multilingualism*. Vol. 16, iss. 4. P. 459–491.
- Ribot K. M., Hoff E., 2014. ‘¿Cómo estás?’ ‘I’m good.’ Conversational Code-Switching is Related to Profiles of Expressive and Receptive Proficiency in Spanish-English Bilingual Toddlers // *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 38, iss. 4. P. 333–341.
- Saunders G., 1988. *Bilingual Children: From Birth to Teens*. Clevedon: Multilingual Matters. 274 p.
- Yow W., Tan J., Flynn S., 2018. Code-Switching As a Marker of Linguistic Competence in Bilingual Children // *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 21, iss. 5. P. 1075–1090.

REFERENCES

- Chirsheva G.N., 2000. *Vvedenie v ontobilingvologiyu* [Introduction into Childhood Bilingualism]. Cherepovets, Izd-vo Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 194 p.
- Chirsheva G.N., 2012. *Detskiy bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Childhood Bilingualism: Simultaneous Acquisition of Two Languages]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 488 p.
- Chirsheva G.N., Korovushkin P.V., Mushnikova N.S., 2018. Pragmatika russko-angliyskikh pereklyucheniy kodov v rechi dvukh bilingvalnykh detey [Pragmatics of Russian-English Code Switches in the Speech of Two Bilingual Children]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], no. 3, pp. 193–199.
- Arnaus Gil L., Jiménez Gaspar A., Müller N., 2018. The Acquisition of Spanish SER and ESTAR in Bilingual and Trilingual Children: Delay and Enhancement. Cuza A., Guijarro-Fuentes P., eds. *Language Acquisition and Contact in the Iberian Peninsula*. Berlin, de Gruyter, pp. 91–124.
- Cantone K., 2007. *Code-Switching in Bilingual Children*. Dordrecht, Springer. 272 p.
- Capone A., 2005. Pragmemes (A Study with Reference to English and Italian). *Journal of Pragmatics*, vol. 37, iss. 9, pp. 1355–1371.
- Capone A., 2018. Pragmemes Again. *Lingua*, vol. 209, pp. 89–104.
- Capone A., 2020. Presuppositions As Pragmemes: The Case of Exemplification Acts. *Intercultural Pragmatics*, vol. 17, iss. 1, pp. 53–75.
- Comeau L., Genesee F., Lapaquette L., 2003. The Modeling Hypothesis and Child Bilingual Codemixing. *International Journal of Bilingualism*, vol. 7, iss. 2, pp. 113–126.
- Gergely Z., 1997. Code-Mixing in the Speech of a 2; 8 Year-Old Hungarian-English Bilingual Child. *Applied Linguistic Studies in Central Europe*, vol. 1, pp. 149–154.

- Gutiérrez-Clellen V., Simón-Cerejido G., Leone A.E., 2009. Codeswitching in Bilingual Children with Specific Language Impairment. *International Journal of Bilingualism*, vol. 13, iss. 1, pp. 91-109.
- Ige B., 2010. Identity and Language Choice: 'We Equals I'. *Journal of Pragmatics*, vol. 42, iss. 11, pp. 3047-3054.
- Kecskes I., 2010. Situation-Bound Utterances As Pragmatic Acts. *Journal of Pragmatics*, vol. 42, iss. 11, pp. 2889-2897.
- Kuzyk O., Friend M., Severdija V., Zesiger P., Poulin-Dubois D., 2020. Are There Cognitive Benefits of Code-Switching in Bilingual Children? A Longitudinal Study. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 23, iss. 3, pp. 542-553.
- Lanvers U., 2001. Language Alternation in Infant Bilinguals: A Developmental Approach to Codeswitching. *International Journal of Bilingualism*, vol. 5, iss. 4, pp. 437-464.
- Mey J.L., 2001. *Pragmatics. An Introduction*. Oxford, Blackwell. 392 p.
- Mey J.L., 2010. Reference and the Pragmeme. *Journal of Pragmatics*, vol. 42, iss. 11, pp. 2882-2888.
- Montanari S., Ochoa W., Subrahmanyam K., 2019. A Longitudinal Investigation of Language Mixing in Spanish-English Dual Language Learners: The Role of Language Proficiency, Variability, and Sociolinguistic Factors. *Journal of Child Language*, vol. 46, iss. 5, pp. 913-937.
- Nicoladis E., Secco G., 2000. The Role of a Child's Productive Vocabulary in the Language Choice of a Bilingual Family. *First Language*, vol. 20, pp. 3-28.
- Piirainen-Marsh A., 2010. Bilingual Practices and the Social Organisation of Video Gaming Activities. *Journal of Pragmatics*, vol. 42, iss. 11, pp. 3012-3030.
- Poeste M., Müller N., Arnaus Gil L., 2019. Code-Mixing and Language Dominance: Bilingual, Trilingual and Multilingual Children Compared. *International Journal of Multilingualism*, vol. 16, iss. 4, pp. 459-491.
- Ribot K.M., Hoff E., 2014. '¿Cómo estás?' 'I'm Good.' Conversational Code-Switching is Related to Profiles of Expressive and Receptive Proficiency in Spanish-English Bilingual Toddlers. *International Journal of Behavioral Development*, vol. 38, iss. 4, pp. 333-341.
- Saunders G., 1988. *Bilingual Children: From Birth to Teens*. Clevedon, Multilingual Matters. 274 p.
- Yow W., Tan J., Flynn S., 2018. Code-Switching As a Marker of Linguistic Competence in Bilingual Children. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 21, iss. 5, pp. 1075-1090.

Information About the Authors

Galina N. Chirsheva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University, Prosp. Lunacharskogo, 5, 162600 Cherepovets, Russia, chirsheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>

Petr V. Korovushkin, Candidate of Sciences (Philology), Manager, LLC "Tsitadel", Leningradskoe Shosse, 1, Bld. 4, 160000 Vologda, Russia, korovushkin.petr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>

Информация об авторах

Галина Николаевна Чиршева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет, просп. Луначарского, 5, 162600 г. Череповец, Россия, chirsheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>

Петр Валерьевич Коровушкин, кандидат филологических наук, менеджер, ООО «Цитадель», Ленинградское шоссе, 1, стр. 4, 160000 г. Вологда, Россия, korovushkin.petr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.9>

UDC 811.111'42
LBC 81.43.21-51

Submitted: 24.09.2020
Accepted: 30.03.2021

DYNAMICS OF VALUES IN AMERICAN ELECTION DISCOURSE

Inna V. Kononova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Tatiana A. Melnichuk

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article presents the results of a corpus-based analysis of axiological characteristics of political discourse. Applying the method of identifying keywords in a corpus the authors described the dynamics of the American election discourse dominant values in the period from 1952 to 2016. The research material comprised the texts of American presidential election commercials from seventeen campaigns. The texts were compiled into three corpora according to three historical periods: period I – 1952–1972; period II – 1976–2000; period III – 2004–2016. It was found that the invariant values represented in the texts of election commercials of all the historical periods are: “prosperity”, “patriotism”, “progress”, “social justice” and “security”. The listed values receive a variable linguistic expression in the texts of each period. It is shown that the evolution of the value component in the presidential campaign discourse manifests itself in the change of actors within the opposition “us – them”, in variation of their linguistic representations, in modification of value dominants of discourse and in transformation of language means conveying evaluative meaning. The main set of value orientations of the discourse remains relatively constant, the changes are revealed in the model of conceptualization of the values and their influencing potential in the election communication.

Key words: discourse, election discourse, axiological characteristics of discourse, key words, corpus linguistics, value.

Citation. Kononova I.V., Melnichuk T.A. Dynamics of Values in American Election Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 113-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.9>

УДК 811.111'42
ББК 81.43.21-51

Дата поступления статьи: 24.09.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Инна Владимировна Кононова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Александровна Мельничук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты применения корпусного подхода к анализу аксиологических характеристик политического дискурса. Привлечение метода идентификации ключевых слов корпуса позволило описать динамику ценностных доминант американского предвыборного дискурса в период с 1952 по 2016 год. Исследование проводилось на материале текстов видеороликов 17 президентских предвыборных кампаний. Тексты были разделены на три корпуса в соответствии с тремя историческими периодами: 1-й период – 1952–1972 гг.; 2-й период – 1976–2000 гг.; 3-й период – 2004–2016 годы. Установлено,

что к инвариантным ценностям, объективируемым в предвыборных видеороликах на протяжении трех выделенных исторических периодов, относятся: «prosperity», «patriotism», «progress», «social justice», «security». Перечисленные ценности получают вариативное языковое выражение в текстах каждого из периодов. Показано, что эволюция ценностной составляющей предвыборного президентского дискурса проявляется в изменении состава акторов полюсов оппозиции «свои – чужие» и способов их языковой репрезентации, в модификации ценностных доминант текстов, а также в трансформации языковых средств выражения оценочных смыслов. Основной набор ценностных ориентиров дискурса остается относительно постоянным, изменяется модель концептуализации ценностей в сознании носителей культуры и их воздействующий потенциал в предвыборной коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, предвыборный дискурс, аксиологические характеристики дискурса, ключевые слова, корпусная лингвистика, ценность.

Цитирование. Кононова И. В., Мельничук Т. А. Аксиологическая составляющая американского предвыборного дискурса в динамическом аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 113–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.9>

Введение

Исследование дискурса в аксиологическом аспекте представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики. В дискурсе как языковом проявлении социальных практик ценности генерируются и трансформируются во временной перспективе. Будучи интегральной частью дискурса, ценности фиксируют определенную модель мира, способствующую реализации целей определенных социальных институтов. Изучение ценностей в лингвистическом аспекте предполагает установление способов их фиксации в языковом сознании и коммуникативной практике.

Вопрос о выработке системного подхода к анализу ценностей с использованием конкретного инвентаря лингвистических инструментов не теряет актуальности, несмотря на солидную историю разработки данной проблемы. Ценности изучались на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, позволяющего провести количественное и качественное индексирование субъективных значений при помощи особых биполярных шкал [Воейкова, 2009]. Проблема описания ценностного содержания больших текстовых массивов решалась при помощи метода контент-анализа, предполагающего фиксацию определенных элементов содержания текстов с последующей количественной обработкой полученных данных [Broom, Reese, 1995]. В последнее время ценности исследуются с использованием корпусных методов, которые обеспечивают возможность выдвижения

принципиально новых гипотез и выявления новых измерений в использовании языковых единиц на большом языковом / текстовом материале. На основе корпусной методологии рассматривались аксиологические характеристики новостного дискурса [Partington, 2010], рекламы [Кочетова, Кононова, 2019], PR-текстов [Кочетова, Попов, 2019].

В рамках типологического подхода к аксиологическим основаниям дискурса выявляются типы ценностей, на которые ориентирован дискурс, и модели поведения, которые он задает [Бобырева, 2007; Карасик, 2015; Кочетова, 2013б; Молодыхенко, 2015; Шейгал, 2000; и др.]. С позиций исторического подхода к аксиологическим характеристикам дискурса относятся динамические процессы в дискурсивной ценностной картине мира, а также исторические изменения в способах ее языкового выражения. Совмещение типологического и диахронического подходов позволяет обнаружить ценности, функционирующие только на конкретном историческом этапе развития дискурса, и ценности, свойственные дискурсу константно. Так, проводя историческое исследование аксиологических оснований религиозного дискурса, Е.В. Бобырева выделяет конкретно-исторические и абстрактно-универсальные ценности [Бобырева, 2007]. Л.А. Кочетова, рассматривая аксиологические характеристики англоязычного рекламного дискурса, приходит к заключению, что «специфика ценностной картины мира, зафиксированной в том или ином типе дискурса, определяется конкретным историческим периодом, соотносится с ведущими функциями дискурса и обладает инвари-

антной и вариативной частью» [Кочетова, 2013а, с. 324].

Изучение ценностей с позиций лингвокультурологии состоит в выделении концептов, которые рассматриваются «как кванты переживаемого знания о том, что понимается как ценность» [Карасик, 2019, с. 23]. В дискурсивных концептуальных исследованиях ценность конструируется в тексте как «квант знания». По мере развертывания дискурса содержание определенной ценности / ценностей прирастает новыми смыслами. В тексте ценности находят выражение также в оценочных суждениях. С этой точки зрения понятие «ценность» тесно связано с понятием «оценка», то есть выражением своей позиции в отношении значимого для участников коммуникации явления действительности по признаку «хорошо / плохо».

Целью настоящего исследования является корпусное описание динамики ценностных характеристик американского предвыборного дискурса.

Аксиологический аспект политической коммуникации получил освещение в отечественной и зарубежной лингвистике [Гайкова, 2003; Дотдаева, 2013; Курушкин, 2017; Марьянчик, 2013; Шейгал, 2000; Sowinska, 2013]. Аксиологичность предвыборного дискурса представляет собой результат двустороннего процесса, где кандидат пытается повлиять на потенциального избирателя, с одной стороны, опираясь на ценности адресата, а с другой – транслируя определенные ценностные установки в своем сообщении [Мартынова, 2010]. Таким образом, ценности релевантны при конструировании политического дискурса, одновременно репрезентируя и формируя реальность.

Видам ценностей и способам их репрезентации в тексте посвящено немало исследований. Тён ван Дейк отмечал, что для политических текстов особое значение имеют социальные ценности: свобода, демократия, равноправие, поскольку именно эти ценности формируют отношение индивида и общества к социально-политическим проблемам [Dijk, 1998]. Такие ценности могут по-разному интерпретироваться в зависимости от идеологической самоидентификации индивида или группы. Большой вклад в исследование связи

между идеологией и ценностями внес Норман Фэрклаф. В его работе «Язык и власть» с позиций критического анализа идеологизированного дискурса подробно рассматриваются эмпирические (experiential), связанные с отношениями внутри социума (relational) и экспрессивные (expressive) ценности [Fairclough, 2001]. Весьма детальная классификация политических, социальных и экономических ценностей и антиценностей предлагается в работе Ф.И. Дотдаевой, посвященной анализу аксиологем в выступлениях президентов США [Дотдаева, 2013].

По мнению большинства исследователей аксиологических характеристик политического дискурса, его базовыми ценностными координатами являются полюса оппозиции «свои – чужие» (см., например: [Марьянчик, 2013; Молодыхенко 2015; Шейгал, 2000]). Данные полюса становятся центрами аттракции, вокруг которых аккумулируются свойственные политическому дискурсу ценностные оппозиции.

Исследователи американской политической культуры полагают, что ей присуще идеологическое противостояние сторонников республиканской и демократической партий, которое рассматривается в русле истории, политологии, социологии и теории дискурса (см., например: [Goren, 2005; Solomon, 2015; Spruill, 2017]). При этом важно учитывать, что подобная поляризация, довольно ярко выраженная в дискурсах либеральных и консервативных политических элит, слабо проявляется в индивидуальном сознании американцев [Hunter, Wolfe, 2006]. Многие авторы считают правомерным выделять общие ценности американской культуры, истоки которых можно найти в протестантской этике, идеалах Просвещения, покорении фронта [D'Andrade, 2008; Peacock, 1995].

Материал и методы

В основе настоящего исследования лежит корпусный метод идентификации ключевых слов, который позволяет выявить доминирующие смысловые и ценностные характеристики дискурса. Сопоставительный анализ значимости слов в текстах основан на концепции «ключевого слова», которое определяет

ся как словоформа, имеющая более высокую частотность в анализируемом корпусе по сравнению с референтными корпусами [Taylor, Marchi, 2018]. Различаются типы ключевых слов в зависимости от того, выполняют ли они в первую очередь семантическую или стилистическую функцию, то есть отражают ли они содержание текста или характеристики стиля [Scott, Tribble, 2006]. С точки зрения репрезентации ценностных смыслов интерес представляют ключевые слова первого типа, поскольку именно они демонстрируют содержательные особенности дискурса и дают возможность установить семантические тенденции в его динамике.

В корпусной лингвистике ключевые слова определяются с помощью квантитативных статистических методов, позволяющих избежать субъективности в оценке степени значимости того или иного слова. Тем не менее очевидно, что простого выявления ключевых слов недостаточно для анализа текста, поскольку их роль и функционирование непосредственно зависят от контекста. Последующий качественный контекстный анализ выделенных ключевых слов необходим для более полной интерпретации полученных данных и описания дискурсивных характеристик текста.

Корпусный анализ текстов с целью идентификации значимых ключевых слов осуществлялся нами с использованием корпусменеджера AntConc [Anthony, 2019]. Статистическая значимость слова вычислялась с помощью формулы, устанавливающей специальный коэффициент *Keyness* (*K*) для каждой словоформы в тексте с учетом частотности данной словоформы и общего количества словоупотреблений в исследуемом и референтном корпусах. Для определения пороговой величины статистической значимости ключевого слова используются *p*-значение ($p = \text{probability value}$) и показатель логарифмического сходства ($LL = \log\text{-likelihood}$) со значениями $p \leq 0.01$, $LL \geq 6.63$. Таким образом, в исследуемом корпусе выделяются ключевые лексемы, демонстрирующие значимую разницу в частотности употребления по сравнению с референтным корпусом.

Систематизация репрезентируемых в текстах корпусов ценностей проводилась на основе семантической категоризации ключе-

вых слов с учетом их регулярной сочетаемости и системных отношений в словарном составе английского языка. Например, глагол *fail* интерпретируется как репрезентант концепта «regress» в силу его регулярной сочетаемости со словами, обладающими семантическим признаком ‘развитие, движение’, например: *fail to move ahead, fail to develop* и пр.

Материалом для анализа послужили тексты видеороликов 17 американских президентских предвыборных кампаний с 1952 по 2016 год. Общее количество текстов составило 423 единицы. Тексты были разделены на три корпуса, соответствующие трем историческим периодам: 1-й период – 1952–1972 гг. (объем – 22 777 слов); 2-й период – 1976–2000 гг. (объем – 19 380 слов); 3-й период – 2004–2016 гг. (объем – 18 809 слов). В данном исследовании референтный корпус для текстов первого периода включает тексты второго и третьего периодов, для текстов второго периода – тексты первого и третьего периодов, для текстов третьего периода – тексты первого и второго периодов.

Выбранная периодизация обусловлена общностью внешне- и внутрисполитических приоритетов США в рамках каждого временного отрезка. Так, в 1952–1972 гг. наиболее значимыми были темы, связанные с разделением мира на социалистический и капиталистический лагеря, холодной войной, борьбой за гражданские права афроамериканцев. Период с 1976 по 2000 г. характеризуется большим вниманием к проблемам внутренней политики: безработице, росту преступности, наркоторговле и пр. Событием, оказавшим огромное влияние на США периода 2004–2016 гг., является теракт 11 сентября 2001 г., последствиями которого стали такие политические приоритеты, как борьба с террористической угрозой, усиление национальной безопасности, борьба за соблюдение гражданских свобод и т. д.

Результаты и обсуждение

В соответствии с целью настоящего исследования в каждом из трех корпусов текстов были выявлены ключевые лексемы, демонстрирующие необычно высокую частотность по сравнению с референтным корпусом. Анализ

показал, что в каждом корпусе некоторую долю таких лексем составляют служебные слова, имена политических деятелей и слова, используемые в лозунге того или иного кандидата и показывающие высокую меру ключевой значимости за счет повторения лозунга в каждом ролике. Такие лексемы выходят за рамки ис-

следования, поскольку не отражают аксиологической составляющей предвыборного дискурса. В итоговую таблицу (см. таблицу) вошли лексемы с частотностью не менее 4 (подробнее о частотности лексем в корпусном анализе см.: [Bowker, Pearson, 2002]), показавшие меру значимости ключевого слова 7 и выше.

Ключевые слова трех подкорпусов текстов жанра президентского предвыборного видеоролика

Key words extracted from the three subcorpora comprising texts of the presidential election commercials genre

1-й период		2-й период		3-й период	
Ключевые слова	Keyness	Ключевые слова	Keyness	Ключевые слова	Keyness
man	51.46	welfare	46.96	Iraq	82.36
all	30.59	tax	35.76	jobs	42.18
communism	27.57	harbor	34.39	she	41.16
now	25.23	cut	33.76	supporters	25.88
must	21.74	taxes	27.64	economy	24.35
fail	21.66	drug	27.26	maverick	23.52
states	20.94	control	26.60	we	22.53
convention	19.69	state	23.11	breaks	21.92
peace	18.22	hundred	23.10	troops	21.28
general	17.74	thousand	23.10	coal	21.17
confused	15.75	penalty	22.93	middle	21.04
farmer	15.75	inflation	22.35	terrorists	19.73
older	15.75	agents	20.63	energy	18.22
society	15.75	surplus	19.10	oil	17.86
individual	15.71	tuition	19.10	stronger	17.35
united	15.54	tough	17.56	fundamentals	16.47
think	14.34	increase	17.45	super	16.47
communists	13.79	seniors	16.99	class	16.33
farm	13.79	deficit	16.09	her	14.71
problems	13.73	credit	16.05	companies	14.54
rights	12.97	furloughs	16.05	commercial	14.11
civil	12.16	protecting	16.05	donors	14.11
miles	12.16	weekend	16.05	liberals	14.11
way	12.03	work	16.03	hero	13.28
address	11.82	rates	15.59	lost	12.99
article	11.82	dream	15.49	China	12.92
communist	11.82	tried	14.79	guy	12.21
draft	11.82	plan	14.61	betrayed	11.76
example	11.82	clean	14.31	celebrity	11.76
influence	11.82	most	14.08	heroes	11.76
well	11.79	discipline	13.75	miners	11.76
thinking	11.73	medicare	13.75	offshore	11.76
senator	11.61	murderers	13.75	outsourcing	11.76
ever	11.54	reaganomics	13.75	plant	11.76
young	10.67	record	13.09	terrorist	11.76
come	10.35	weapons	12.86	turning	11.43
much	10.35	water	12.83	served	11.36
I	10.31	opposed	12.42	low	11.31
afraid	9.85	best	11.92	worse	10.54
amendment	9.85	balanced	11.73	billions	10.29
committee	9.85	doubled	11.73	someone	10.29

Окончание таблицы

End of Table

1-й период		2-й период		3-й период	
Ключевые слова	Keyness	Ключевые слова	Keyness	Ключевые слова	Keyness
develop	9.85	desperate	11.46	terror	10.29
doctrine	9.85	duty	11.46	overseas	9.89
endurance	9.85	era	11.46	star	9.89
floor	9.85	limits	11.46	my	9.86
gentlemen	9.85	oval	11.46	plan	9.60
interested	9.85	passes	11.46	abortions	9.41
ladies	9.85	toxic	11.46	corrupt	9.41
prejudice	9.85	military	11.36	depression	9.41
Russian	9.85	raised	10.78	dishonest	9.41
going	9.83	space	10.78	dishonorable	9.41
white	9.41	standards	10.78	fewer	9.41
he	9.40	raise	10.72	funding	9.41
citizens	9.38	spending	10.57	movement	9.41
constitution	8.69	dollars	9.98	pioneers	9.41
happy	8.69	money	9.96	sacrifices	9.41
natural	8.69	proliferation	9.44	struggling	9.41
poverty	8.69	deficits	9.43	torture	9.41
order	8.45	reform	9.37	veterans	9.41
war	8.22	personal	9.23	wealth	9.41
violence	8.16	college	9.18	captured	9.11
conquer	7.88	schools	9.18	challenges	9.11
constitutional	7.88	affordable	9.17	common	9.11
peaceful	7.88	arms	9.17	intelligence	9.11
poorer	7.88	furlough	9.17	killing	9.11
victory	7.88	incentives	9.17	steel	9.11
willing	7.88	missile	9.17	wealthy	9.11
speech	7.54	budgets	8.45	September	8.623
greatest	7.05	largest	8.45	deserve	8.41
Korea	7.05	million	7.70	crisis	7.16
				lying	7.09

Текстовая семантика в исследуемых корпусах аккумулируется вокруг двух полюсов ценностного содержания: ценностям полюса «своих» противопоставляется отсутствие моральных ценностей и идеалов, свойственное полюсу «чужих». Анализ ключевых слов корпуса показал, что динамические процессы ценностной составляющей текстов проявляются в изменении состава акторов полюсов «свои – чужие», способах их языковой репрезентации, трансформации набора основных ценностей, а также модификации способов выражения оценочных смыслов.

Главными акторами, формирующими оппозицию «свои – чужие» в американском предвыборном политическом дискурсе, выступают кандидат и оппонент. Константная часть состава «своих» на протяжении трех исследуемых периодов репрезентирована сле-

дующими акторами: кандидат, его сторонники, выдвинувшая его партия и американский народ; полюс «чужие» инвариантно представлен оппонентом и его сторонниками. Однако в текстах каждого из периодов анализ ключевых слов позволил определить вариативную часть представителей «своих» и «чужих», а также особенности способов их языковой репрезентации.

Так, в текстах первого периода ключевыми словами являются местоимения *I* ($K = 10.31$) и *he* ($K = 9.40$), отражающие противостояние «кандидат – оппонент». Использование местоимений *I* и *he* подчеркивает роль кандидата и оппонента как индивидуальных акторов. Ср.: *To do that I've got to go out and see you in person, and that's what I've been doing* (XX); *I ask you to help me make the American dream come true...* (XVIII); *I'm voting for Ike because*

I feel that he is a God-fearing man (VIII). В текстах третьего периода ключевым словом становится инклюзивное местоимение *we* ($K = 22.53$), которое используется в предвыборном президентском дискурсе с целью демонстрации солидаризации кандидата с его электоратом на основе общих идеалов и ценностей. Ср.: *We depend more than ever on our values – family, faith, the freedom we celebrate* (IV).

Акторами в поле «своих» и «чужих» в исследуемых текстах могут быть как одушевленные, так и неодушевленные агенты, выраженные, как правило, существительными с собирательным значением (*companies, corporations*), а также абстрактные понятия (*communism, terrorism, poverty*).

Ключевыми словами, репрезентирующими полюс «чужих» в текстах первого периода являются: *communism* (27.57), *communists* (13.79), *Russian* (9.85); в качестве вариативно характеризующей этот период номинации акторов «своих» можно выделить словосочетание [*American*] *citizens* (9.38). Одной из основных идеологических оппозиций, свойственных первому периоду, можно назвать противостояние демократических ценностей и коммунистической идеологии; антисоветские настроения были очень сильны в американском обществе в обстановке холодной войны. Ср.: *Equal rights for all our citizens. Why must we vigorously defend them? First, because it is right and just, and second, because we cannot compete successfully with communism, if we fail to utilize completely the minds and energies of all of our citizens* (XVI).

В корпусе текстов второго периода основными темами предвыборных президентских видеороликов становятся борьба с экономическим упадком и безработицей, а также борьба с преступностью. Ключевым словом в текстах этого периода является лексема *murderers* (13.75). В предвыборных роликах в поддержку Джорджа Буша активно обсуждается введение смертной казни за особо тяжкие преступления, осуждается либеральное отношение к осужденным за убийство преступникам. Ср.: *Bush supports the death penalty for first degree murderers* (II); *...he [Dukakis] allowed first degree murderers to have weekend passes* (II).

В третьем периоде основной конфликт между «своими» и «чужими» связан с пробле-

мой борьбы с терроризмом. Высокую меру Keyness имеют лексемы *terrorists* (19.73), *terror* (10.29), *Iraq* (82.36), номинирующие полюс «чужих» (врагов); полюс «своих» репрезентирован в данном корпусе помимо инвариантного набора единиц (*I, we, American people, Americans* и пр.) словами *veterans* (9.41), *hero* (13.28), *heroes* (11.76), *troops* (21.28). Ср.: *As our troops defend America in the War on Terror they must have what it takes to win* (VI); *Our soldiers fighting in Iraq are heroes* (XII); *And then we will be able to tell the terrorists: "You will lose, and we will win"* (XIII).

Значимым в текстах третьего периода является также противостояние между рядовыми американцами и крупными компаниями относительно создания рабочих мест в США и отказа от переноса производства с целью его удешевления в страны третьего мира. В следующем контексте Барак Обама объединяет себя с рядовыми американцами, помещая на противоположный полюс корпорации, игнорирующие национальные интересы, а также своих оппонентов, которые не разделяют его интересы: *I'll end the tax breaks for companies that ship our jobs overseas, and give them to companies that create jobs here in America* (XIX). Лексемы *jobs* (42.18) и *companies* (14.54) имеют высокую меру Keyness в корпусе третьего периода.

В текстовом представлении «чужие» не имеют моральных принципов и идеалов, в то время как для семантического наполнения полюса «своих» используется лексика, репрезентирующая традиционные морально-этические ценности американской культуры (*patriotism, freedom, democracy, justice, civil rights* и пр.), а также оценочная лексика положительной семантики.

Анализ ключевых слов трех подкорпусов текстов позволил выделить доминантные для каждого из периодов ценности. К ключевым словам корпуса первого периода относятся лексемы, прямо или косвенно репрезентирующие следующие ценности / антиценности американской культуры: «peace» (*peace, peaceful*), «war» (*communism, communists, war, Russian, Korea*), «patriotism» (*all, united, states, citizens*), «poverty» (*poverty, poorer*), «justice» (*rights, civil*), «injustice» (*prejudice*), «security» (*order*), «insecurity» (*violence*), «regress» (*fail*). В кор-

пусе текстов второго периода ключевые слова актуализируют такие ценностные концепты, как «progress» (*surplus, increase, balanced, affordable, [American] dream*), «stagnation / regress» (*inflation, deficit, deficits, spending*), «right to work» (*work, welfare*), «insecurity» (*drug, furloughs, furlough, murderers, [death] penalty*), «war» (*military, weapons, arms, missile*), «peace» (*proliferation*), «ecology» (*clean, water*). В текстах третьего периода ключевую значимость получают лексемы-репрезентанты следующих ценностей и антиценностей: «prosperity» (*wealth, wealthy*); «patriotism» (*veterans, hero, heroes, troops, sacrifices, common*); «progress» (*stronger, plan*); «insecurity» (*terror, terrorists, terrorist, Iraq, Middle [East], torture, killing, crisis*); «poverty» (*struggling*); «honor / dishonor» (*betrayed, dishonest, dishonorable*); «stagnation / regress» (*worse, low, lost*) и пр.

Сравнительный анализ позволил заключить, что основной набор ценностных ориентиров, свойственный исследуемому типу дискурса, остается константным на протяжении всего существования жанра американского предвыборного дискурса. К ценностям, которые являются актуальными для каждого из выделенных периодов, относятся: «prosperity», «patriotism», «progress», «social justice», «security». Ценность «peace» актуальна для двух периодов, ценности «ecology» и «honor» – для одного. Несмотря на то что основной набор ценностных ориентиров остается относительно константным, в силу культурно-исторических и социальных причин изменяется осмысление концептов носителями культуры и их воздействующий потенциал в предвыборной коммуникации.

Рассмотрим для примера динамику двух ценностей, представленных в исследуемом дискурсе, – «peace» и «security».

В текстах первого периода ценность «peace» связывается в первую очередь с холодной войной и «коммунистической угрозой» (*world peace is threatened by Communism* (XI); *the growing menace of Communism* (XVII)), а также с угрозой ядерной войны (*If he means that people don't want to fight a nuclear war, he's right* (X)). В текстах второго периода ценность «peace» конструируется в аспекте противостояния гонке вооружений и угрозе

ядерной войны, однако не связывается с коммунистической идеологией (*he makes a very disturbing comment that nonproliferation or the control of the spread of nuclear weapons is none of our business* (VII); *the arms race will rage out of control* (XV)).

Ценностная оппозиция «security / insecurity» остается актуальной на протяжении трех рассматриваемых периодов. В текстах первого и второго подкорпусов она осмысливается в первую очередь как личностная неприкосновенность граждан. В текстах первого периода безопасность ассоциируется с борьбой с уличной преступностью и межрасовой агрессией, восстановлением и поддержанием правопорядка (*The leadership of this nation has a clear and immediate challenge... to restore proper respect for law and order in this land* (IX)). В текстах второго периода получают значимость аспекты безопасности, связанные с наркоторговлей и нежелательной гуманизацией пенитенциарной системы (*Michael Dukakis vetoed mandatory sentences for drug dealers, he vetoed the death penalty* (I); *His revolving door prison policy gave weekend furloughs to first degree murderers* (I)). В текстах третьего периода интерпретация данной ценности претерпевает большие изменения: в фокусе – вопросы национальной безопасности, угроза терроризма и война в Ираке. Ср.: *Donald Trump's America is secure. Terrorists and dangerous criminals kept out* (XXI). Очевидно, что смещение акцентов с внутренней угрозы на внешнюю связано с изменением политических приоритетов: если в 1970-е гг. Ричард Никсон объявил войну наркотикам (*war on drugs*), то в 2000-е гг. Джордж Буш начал войну с терроризмом (*war on terror*).

Важным аспектом аксиологического исследования дискурса является определение способов выражения оценочной позиции автора по отношению к ценностному содержанию текста. Для проекции в текстовые структуры позиции автора и стоящей за ним группы «своих» используются языковые средства оценки. Результаты корпусного анализа свидетельствуют о роли, которую оценочная лексика играет в моделировании ценностей в текстах. Обращает на себя внимание рост количества ключевых слов с отрицательной морально-

этической оценкой в текстах третьего периода. Прилагательные *corrupt* (9.41), *dishonest* (9.41), *dishonorable* (9.41), предикаты *betrayed* (11.76), *lying* (7.09) выражают осуждение и конструируют «антиценностное» поле, в котором функционируют акторы полюса «чужих». Ср.: *Who is Barack Obama? He says our troops in Afghanistan are just air-raiding villages and killing civilians... How dishonorable* (XIV); *He [George W. Bush] betrayed us in the past. How could we be loyal to him now* (V).

Значительную роль в формировании ценностной модели предвыборного дискурса играют также специальные знаки, служащие активации механизмов интертекстуальности. К ним относятся слова, номинирующие национально-прецедентные феномены. Например, в текстах второго периода высокую меру *Keyness* демонстрирует лексема *dream* (15.49), репрезентирующая прецедентное для американской культуры понятие «American dream». В корпусе текстов третьего периода ключевым словом является лексема *September* (8.623), отсылающая к теракту 11 сентября 2001 года. Ср: *My wife Wendy was murdered by terrorists on September 11th. How do you think we felt when we heard the Senate report that said there was no link between Iraq and 9/11?* (III).

Выводы

В результате анализа репрезентаций дискурса корпусными методами описана динамика аксиологических характеристик американского предвыборного президентского видеоролика. Привлечение метода идентификации ключевых слов позволило выявить основные ценности, используемые в американском предвыборном дискурсе с целью побуждения адресата к принятию желаемого для адресанта посткоммуникативного решения.

Анализ ключевых слов корпуса показал, что эволюция ценностной составляющей текстов предвыборных президентских видеороликов обнаруживается в изменении состава акторов полюсов оппозиции «свои – чужие», способах их языковой репрезентации, трансформации набора основных ценностей / антиценностей, которые им приписываются, а так-

же в модификации способов выражения оценочных смыслов текста.

Привлечение метода ключевых слов корпуса позволило сделать верифицированные выводы об инвариантных и вариативных характеристиках аксиологической составляющей американского президентского предвыборного дискурса. Показано, что инвариантными ценностями, репрезентируемыми в текстах предвыборных видеороликов на протяжении трех выделенных исторических периодов, являются: «prosperity», «patriotism», «progress», «social justice», «security». Перечисленные ценности получают вариативную языковую репрезентацию в текстах каждого из периодов, уточняются при помощи квантификаторов, предикатов и атрибутов оценочной семантики, оказывающих воздействие на адресата. Несмотря на то что основной набор ценностных ориентиров дискурса остается относительно постоянным, изменяется модель их концептуализации в сознании носителей культуры и воздействующий потенциал в предвыборной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобырева Е. В., 2007. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 43 с.
- Воейкова А. А., 2009. Ценностные концепты русских и американских рекламных текстов и их анализ методом семантического дифференциала // Вестник Челябинского государственного университета. № 35 (173), вып. 37. С. 27–30.
- Гайкова О. В., 2003. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 210 с.
- Дотдаева Ф. И., 2013. Языковые средства ценностного воздействия в американском президентском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 23 с.
- Карасик В. И., 2015. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма. 432 с.
- Карасик В. И., 2019. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 30 мая 2019 г.). Калининград : Зап. фил. Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. С. 22–25.

- Кочетова Л. А., 2013а. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 438 с.
- Кочетова Л. А., 2013б. Динамика аксиологических характеристик рекламного дискурса // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 2 (69). С. 61–64.
- Кочетова Л. А., Кононова И. В., 2019. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 65–74.
- Кочетова Л. А., Попов В. В., 2019. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. № 6. С. 32–49.
- Курушкин С. В., 2017. Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ: на материалах Интернет-СМИ России : дис. ... канд. полит. наук. СПб. 166 с.
- Мартьянова Ю. А., 2010. Лингвопрагматический аспект формирования системы ценностей в политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». Т. 10, вып. 1. С. 114–116.
- Марьянчик В. А., 2013. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста : монография. М. : URSS. 266 с.
- Молодыхенко Е. Н., 2015. Аксиологические основания политического дискурса // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. № 1 (215). С. 9–17.
- Шейгал Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 431 с.
- Anthony L., 2019. AntConc (Version 3.5.8) : [Computer Software]. Tokyo : Waseda University. URL: <http://www.laurenceanthony.net/> (date of access: 04.12.2019).
- Bowker L., Pearson J., 2002. Working with Specialized Language: A Practical Guide to Using Corpora. L. ; N. Y. : Routledge. 242 p.
- Broom L., Reece S., 1995. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
- D'Andrade R., 2008. A Study of Personal and Cultural Values: American, Japanese, and Vietnamese. N. Y. : Palgrave Macmillan. 173 p.
- Dijk T. A. van, 1998. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L. : Sage. 365 p.
- Fairclough N., 2001. Language and Power. L. : Routledge. 226 p.
- Goren P., 2005. Party Identification and Core Political Values // American Journal of Political Science. Vol. 49, № 4. P. 881–896.
- Hunter J. D., Wolfe A., 2006. Is There a Culture War?: A Dialogue on Values and American Public Life. Washington, DC : Brookings Institution Press. 118 p.
- Partington A., 2010. Modern Diachronic Corpus-Assisted Discourse Studies on UK Newspapers: An Overview of the Project // Corpora. Vol. 5, iss. 2. P. 83–108.
- Peacock J. L., 1995. American Cultural Values: Disorders and Challenges // Diagnosing America: Anthropology and Public Engagement / ed. by S. Forman. Ann Arbor : University of Michigan Press. P. 23–50.
- Scott M., Tribble C., 2006. Textual Patterns: Key Words and Corpus Analysis in Language Education. Amsterdam : John Benjamins Publishing. 214 p.
- Solomon T., 2015. The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses. Ann Arbor : University of Michigan Press. 264 p.
- Sowinska A., 2013. A Critical Discourse Approach to the Analysis of Values in Political Discourse: The Example of Freedom in President Bush's State of the Union Addresses (2001–2008) // Discourse & Society. Vol. 24, № 6. P. 792–809.
- Spruill M. J., 2017. Divided We Stand: The Battle Over Women's Rights and Family Values That Polarized American Politics. N. Y. : Bloomsbury. 448 p.
- Taylor C., Marchi A., 2018. Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review. L. : Routledge. 314 p.

ИСТОЧНИКИ

- I – Bush 1988. Revolving Door. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1988/revolving-door> (date of access: 15.09.2020).
- II – Bush 1988. Willie Horton. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1988/willie-horton> (date of access: 15.09.2020).
- III – Bush 2004. Ashley's Story. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/ashleys-story> (date of access: 15.09.2020).
- IV – Bush 2004. Changing World. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/changing-world> (date of access: 15.09.2020).
- V – Bush 2004. Sellout. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/sellout> (date of access: 15.09.2020).
- VI – Bush 2004. Weapons. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/weapons-florida> (date of access: 15.09.2020).
- VII – Carter 1980. Flipflop. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1980/flipflop> (date of access: 15.09.2020).

- VIII – Eisenhower 1956. Women Voters. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1956/women-voters> (date of access: 15.09.2020).
- IX – Goldwater 1964. Morality. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1964/morality> (date of access: 15.09.2020).
- X – Johnson 1964. Confessions of a Republican. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1964/confessions-of-a-republican> (date of access: 15.09.2020).
- XI – Kennedy 1960. Mrs JFK. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960/mrs-jfk> (date of access: 15.09.2020).
- XII – Kerry 2004. Heroes. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/heroes> (date of access: 15.09.2020).
- XIII – Kerry 2004. Strength. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/strength> (date of access: 15.09.2020).
- XIV – McCain 2008. Dangerous. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2008/dangerous> (date of access: 15.09.2020).
- XV – Mondale 1984. Orbiting. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1984/orbiting> (date of access: 15.09.2020).
- XVI – Nixon 1960. Civil Rights. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960/civil-rights> (date of access: 15.09.2020).
- XVII – Nixon 1960. Freedom. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960/nixons-experience#/video/1960-r-freedom-500.mp4> (date of access: 15.09.2020).
- XVIII – Nixon 1968. Child's Face. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1968/childs-face> (date of access: 15.09.2020).
- XIX – Obama 2008. Defining Moment. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vJvkRFKGGw> (date of access: 10.08.2020).
- XX – Stevenson 1956. The Man from Libertyville: TV Campaigning. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1956/the-man-from-libertyville-tv-campaigning> (date of access: 15.09.2020).
- XXI – Trump 2016. Two Americas: Immigration. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2016/two-americas-immigration> (date of access: 15.09.2020).
- Voeykova A.A., 2009. Tsennostnye kontsepty russkikh i amerikanskikh reklamnykh tekstov i ikh analiz metodom semanticheskogo differentsiala [Axiological Concepts in Russian and American Advertisements and Semantic Differential Analysis Thereof]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 35 (173), iss. 37, pp. 27-30.
- Gaykova O.V., 2003. *Predvybornyi diskurs kak zhanr politicheskoy kommunikatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Election Discourse As a Genre of Political Communication. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 210 p.
- Dotdaeva F.I., 2013. *Yazykovye sredstva tsennostnogo vozdeystviya v amerikanskom prezidentskom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Means of Value-Based Manipulation in American Presidential Discourse. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Pyatigorsk. 23 p.
- Karasik V.I., 2015. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language Spiral: Values, Signs, Motives]. Volgograd, Paradigma Publ. 432 p.
- Karasik V.I., 2019. Tsennosti kak kul'turno znachimye orientiry povedeniya [Values As Culturally Significant Behavioural Guidelines]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire: sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kaliningrad, 30 maya 2019 g.)* [Humane Technologies in the Modern World. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Kaliningrad, May 30, 2019)]. Kaliningrad, Zapadnyi filial Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, pp. 22-25.
- Kochetova L.A., 2013a. *Angliyskiy reklamnyy diskurs v dinamicheskom aspekte: dis. ... d-ra filol. nauk* [English Advertising Discourse: Dynamic Aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd. 438 p.
- Kochetova L.A., 2013b. Dinamika aksiologicheskikh kharakteristik reklamnogo diskursa [Dynamics of Axiological Characteristics of an Advertisement Discourse]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences], no. 2 (69), pp. 61-64.
- Kochetova L.A., Kononova I.V., 2019. Kognitivno-korpusnyi podkhod k analizu konstruirovaniya tsennostnykh smyslov v reklamnom diskurse [Cognitive Corpus Approach to Analysing Values in Advertising Discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 65-74.
- Kochetova L.A., Popov V.V., 2019. Issledovanie aksiologicheskikh dominant v zhanre press-reliza

REFERENCES

- Bobyreva E.V., 2007. *Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (Case-Study of Orthodox Doctrines). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 43 p.

- na osnove metodov avtomaticheskogo izvlecheniya klyuchevykh slov korpusa tekstov [Research of Axiological Dominants in Press Release Genre Based on Automatic Extraction of Keywords from Corpus]. *Nauchnyi dialog*, no. 6, pp. 32-49.
- Kurushkin S.V., 2017. *Tsenostno-politicheskiy diskurs setevykh soobshchestv: na materialakh Internet-SMI Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [Value-Based Political Discourse of Online Communities. Case Study of Russian Online Media. Cand. polit. sci. diss.]. Saint Petersburg. 166 p.
- Martynova Yu.A., 2010. *Lingvopragmaticheskiy aspekt formirovaniya sistemy tsennostey v politicheskom diskurse* [Linguopragmatical Aspect of Value System Forming in Political Discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Sotsiologiya. Politologiya"* [Izvestiya of Saratov University. Series "Sociology. Politology"], vol. 10, iss. 1, pp. 114-116.
- Mar'yanchik V.A., 2013. *Aksiologichnost' i otsenochnost' media-politicheskogo teksta: monografiya* [Axiological and Evaluative Aspects of Political Media Texts. Monograph]. Moscow, URSS Publ. 266 p.
- Molodychenko E.N., 2015. *Aksiologicheskie osnovaniya politicheskogo diskursa* [Axiological Dimension of Political Discourse]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], no. 1 (215), pp. 9-17.
- Sheygal E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk* [Semiotics of Political Discourse. Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd. 431 p.
- Anthony L., 2019. *AntConc (Version 3.5.8). Computer Software*. Tokyo, Waseda University. URL: <http://www.laurenceanthony.net> (accessed 4 December 2019).
- Bowker L., Pearson J., 2002. *Working with Specialized Language: A Practical Guide to Using Corpora*. London, New York, Routledge. 242 p.
- Broom L., Reece S., 1995. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 19, no. 1, pp. 5-19.
- D'Andrade R., 2008. *A Study of Personal and Cultural Values: American, Japanese, and Vietnamese*. New York, Palgrave Macmillan. 173 p.
- Dijk T.A. van, 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, Sage. 365 p.
- Fairclough N., 2001. *Language and Power*. London, Routledge. 226 p.
- Goren P., 2005. Party Identification and Core Political Values. *American Journal of Political Science*, vol. 49, no. 4, pp. 881-896.
- Hunter J.D., Wolfe A., 2006. *Is There a Culture War?: A Dialogue on Values and American Public Life*. Washington, DC, Brookings Institution Press. 118 p.
- Partington A., 2010. Modern Diachronic Corpus-Assisted Discourse Studies on UK Newspapers: An Overview of the Project. *Corpora*, vol. 5, iss. 2, pp. 83-108.
- Peacock J.L., 1995. American Cultural Values: Disorders and Challenges. Forman S., ed. *Diagnosing America: Anthropology and Public Engagement*. Ann Arbor, University of Michigan Press, pp. 23-50.
- Scott M., Tribble C., 2006. *Textual Patterns: Key Words and Corpus Analysis in Language Education*. Amsterdam, John Benjamins Publishing. 214 p.
- Solomon T., 2015. *The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses*. Ann Arbor, University of Michigan Press. 264 p.
- Sowinska A., 2013. A Critical Discourse Approach to the Analysis of Values in Political Discourse: The Example of Freedom in President Bush's State of the Union Addresses (2001-2008). *Discourse & Society*, vol. 24, no. 6, pp. 792-809.
- Spruill M.J., 2017. *Divided We Stand: The Battle Over Women's Rights and Family Values that Polarized American Politics*. New York, Bloomsbury. 448 p.
- Taylor C., Marchi A., 2018. *Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review*. London, Routledge. 314 p.

SOURCES

- Bush 1988. Revolving Door*. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1988/revolving-door> (accessed 15 September 2020).
- Bush 1988. Willie Horton*. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1988/willie-horton> (accessed 15 September 2020).
- Bush 2004. Ashley's Story*. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/ashleys-story> (accessed 15 September 2020).
- Bush 2004. Changing World*. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/changing-world> (accessed 15 September 2020).
- Bush 2004. Sellout*. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/sellout> (accessed 15 September 2020).
- Bush 2004. Weapons*. URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/weapons-florida> (accessed 15 September 2020).

- Carter 1980. Flipflop.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1980/flipflop> (accessed 15 September 2020).
- Eisenhower 1956. Women Voters.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1956/women-voters> (accessed 15 September 2020).
- Goldwater 1964. Morality.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1964/morality> (accessed 15 September 2020).
- Johnson 1964. Confessions of a Republican.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1964/confessions-of-a-republican> (accessed 15 September 2020).
- Kennedy 1960. Mrs JFK.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960/mrs-jfk> (accessed 15 September 2020).
- Kerry 2004. Heroes.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/heroes> (accessed 15 September 2020).
- Kerry 2004. Strength.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2004/strength> (accessed 15 September 2020).
- McCain 2008. Dangerous.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2008/dangerous> (accessed 15 September 2020).
- Mondale 1984. Orbiting.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1984/orbiting> (accessed 15 September 2020).
- Nixon 1960. Civil Rights.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960/civil-rights> (accessed 15 September 2020).
- Nixon 1960. Freedom.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960/nixons-experience#/video/1960-r-freedom-500.mp4> (accessed 15 September 2020).
- Nixon 1968. Child's Face.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1968/childs-face> (accessed 15 September 2020).
- Obama 2008. Defining Moment.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vJvkRFKGGw> (accessed 15 September 2020).
- Stevenson 1956. The Man from Libertyville: TV Campaigning.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/1956/the-man-from-libertyville-tv-campaigning> (accessed 10 August 2020).
- Trump 2016. Two Americas: Immigration.* URL: <http://www.livingroomcandidate.org/commercials/2016/two-americas-immigration> (accessed 15 September 2020).

Information About the Authors

Inna V. Kononova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, Griboedov Channel Emb., 30-32, 191023 Saint Petersburg, Russia, inkon_71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

Tatiana A. Melnichuk, Associate Professor, Department of English Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Belinskogo St, 58, 677000 Yakutsk, Russia, melnichuk.ta@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8126-0925>

Информация об авторах

Инна Владимировна Кононова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, inkon_71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

Татьяна Александровна Мельничук, доцент кафедры английской филологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, ул. Белинского, 58, 677000 г. Якутск, Россия, melnichuk.ta@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8126-0925>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>

UDC 811.161'374
LBC 81.411-4

Submitted: 14.01.2021
Accepted: 11.05.2021

EAST SLAVIC PARALLELS AND SINGULARITIES IN THE TRILINGUAL AXIOLOGICAL DICTIONARY OF PROVERBS¹

Valery M. Mokienko

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Tatiana G. Nikitina

Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. The article presents an innovative concept of a comparative dictionary that allows to reflect the objective analysis of the similar and different aspects in axiologically oriented paremiological systems of the East Slavic languages. Comprehensive collected dictionaries that include tens of thousands of Russian, Ukrainian and Belarusian proverbs, found in handwritten and printed collections of the last four centuries, have been used for this research. The expediency of including not only paroemias denotatively correlated with basic universal values, but also other proverbs associated with the category of evaluation in the object of the dictionary linguo-axiological description is justified. Based on the material of one of these axiological dyads – *fast / slow* – the features of structuring the thematic headings of the axiological comparative dictionary of East Slavic proverbs are shown. The system of parameterization of the material based on the results of its structural-semantic, historical-etymological and comparative linguo-axiological analysis is viewed through the example of macro-entries. Based on the material of the considered paroemias, it was found out that the national distinguishing characteristic of East Slavic paroemias consists not in their axiological content but in the form of its expression. The prospects of using the proposed model of the dictionary description of paroemias and phraseological units in the practice of axiological lexicography are emphasized.

Key words: East Slavic languages, lexicography, linguoaxiology, proverb, paremiological parallels, ethnocultural specificity of paremia, comparative axiological dictionary.

Citation. Mokienko V.M., Nikitina T.G. East Slavic Parallels and Singularities in the Trilingual Axiological Dictionary of Proverbs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 126-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>

УДК 811.161'374
ББК 81.411-4

Дата поступления статьи: 14.01.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И УНИКАЛИИ В ТРЕХЪЯЗЫЧНОМ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ¹

Валерий Михайлович Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Геннадьевна Никитина

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Аннотация. В статье представлена инновационная концепция сопоставительного словаря, позволяющего отразить объективную диагностику общего и различного в аксиологически ориентированных паремологических системах восточнославянских языков. Исследование выполнено на материале фундаментальных сводных словарей, включающих десятки тысяч русских, украинских и белорусских пословиц, зафиксиро-

рованных в рукописных сборниках и печатных изданиях последних четырех столетий. Обоснована целесообразность включения в объект словарного лингвоаксиологического описания не только паремий, денотативно соотнесенных с базовыми общечеловеческими ценностями, но и других пословиц, связанных с категорией оценки. На примере одной из таких признаковых аксиологических диад – БЫСТРО – МЕДЛЕННО – показаны особенности структурирования тематических рубрик аксиологического сопоставительного словаря восточнославянских пословиц. Охарактеризована система параметризации материала, базирующаяся на результатах его структурно-семантического, историко-этимологического и сопоставительного лингвоаксиологического анализа. В результате анализа рассмотренных в сопоставительном плане паремий сделаны выводы о национальной специфике восточнославянских паремий, которая заключается не в их аксиологическом содержании, а в форме выражения этого содержания. Подчеркивается перспективность использования предлагаемой модели сопоставительного словарного описания паремий и фразеологизмов в практике аксиологической лексикографии.

Ключевые слова: восточнославянские языки, лексикография, лингвоаксиология, пословица, паремиологические параллели, этнокультурная специфика паремий, сопоставительный аксиологический словарь.

Цитирование. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Восточнославянские параллели и уникалии в трехязычном аксиологическом словаре пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 126–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>

Введение

Сравнительно-историческое и сопоставительное исследование русских, украинских и белорусских языковых единиц не только не утрачивает актуальности в сложной современной геополитической обстановке, но и все активнее развивается в новых направлениях, в том числе лингвоаксиологическом, в рамках которого выявляется ценностная ориентация и оценочная семантика восточнославянских пословиц [Ломакина, Мокиенко, 2018; 2019; Марфина, 2018]. Говоря о пословицах, мы будем иметь в виду логически законченные народные изречения афористического характера, используемые в переносном или прямом и переносном смыслах, а также «имеющие только буквальный план» устойчивые выражения, которые квалифицируются как поговорки [Жуков, 1991, с. 11], но традиционно описываются в паремиологических словарях вместе с пословицами. Для обозначения пословиц как одного из видов паремий [Пермяков, 1988, с. 80] в статье будет использоваться и термин «паремия».

Как показал анализ двуязычных и многоязычных паремиологических словарей (Иванов, Мокиенко; Котова; Чусь), результаты лингвоаксиологических исследований восточнославянских пословиц пока не находят должного отражения в лексикографической практике: как правило, межъязыковые паремиологические параллели репрезентируются без какой-либо интерпретации их оценочной

семантики, а большинство безэквивалентных паремий, среди которых немало ценностно ориентированных единиц, не включается составителями в объект описания. В такой ситуации остается нераскрытым соотношение общего и этноспецифического в аккумулируемых пословицами аксиологических установках и социокультурных стереотипах восточных славян, в их ассоциативно-образном восприятии действительности и языковом воплощении оценочных реакций.

Объективное этнолингвистическое и лингвоаксиологическое словарное описание восточнославянского паремиологического пространства позволит еще раз убедительно продемонстрировать роль языкового единства восточных славян в становлении их национальных языков (в частности, паремиологических фондов), что особенно важно в условиях противостояния курсу на языковую дезинтеграцию, провозглашенному политиками некоторых восточнославянских стран и поддерживаемому псевдонаучными лингвистическими и культурологическими теориями.

Лексикографически представить в лингвоаксиологическом ракурсе паремиологическую систему восточнославянских языков с максимальной полнотой и объективностью – такую цель ставят перед собой авторы сопоставительного словаря «Пословицы восточных славян», который разрабатывается в рамках проекта «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологичес-

кая репрезентация», реализуемого членами фразеологического семинара профессора В.М. Мокиенко в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). Цель данной статьи – описать инновационную концепцию проектируемого словаря.

Материал и методы исследования

Источником материала для исследования послужила картотека фразеологического семинара СПбГУ, паремиологический раздел которой включает более 100 тысяч русских пословиц, извлеченных из паремиологических сборников и словарей XVII–XXI вв., толковых и диалектных словарей (всего более 380 источников), а также паремий, записанных членами семинара в ходе диалектологических экспедиций и полевых исследований городской речи. Частично материал картотеки использован в «Большом словаре русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой (МНН), объем которого составляет 70 тыс. единиц. Белорусские и украинские паремии отбирались из сопоставимых с этим словарем по охвату материала собраний М.Я. Грынблата «Прыказкі і прымаўкі» (Гр.) и М.М. Пазяка «Прислів'я та приказки» (Паз.).

В ходе работы над проектом использовались общетеоретические методы: анализ и синтез, формализация, обобщение; методы интерпретации и верификации данных: типологизация, моделирование, концептуализация, обеспечивающие точность и научную достоверность результатов исследования.

Этапу лексикографирования материала предшествовало масштабное сопоставительное исследование паремий трех языков в семантическом и культурно-историческом плане. Методы историко-этимологического анализа паремий и компонентного анализа их смысловой структуры на основе данных словарей, методика аппликации словарных статей и сопоставительного лингвоаксиологического анализа позволили максимально полно выявить трехязычные и двуязычные паремиологические параллели, а также этноспецифические пословицы. Для разграничения паремиологических вариантов и синонимов в ходе сопоставительного анализа

применялся метод структурно-семантического моделирования.

Параллельно с сопоставительным исследованием пословиц трех восточнославянских языков был проанализирован лингвоаксиологический потенциал паремиологических словарей разных типов. Особенно ценны в этом плане тематические паремиографические сборники. По мнению Л.К. Байрамовой, «закодированные в сознании и культуре социумов» и отражаемые пословицами ценности и антиценности могут быть представлены в 10 диадах [Байрамова, 2014, с. 10]. Они тематически организуют корпус первого в отечественной лексикографии аксиологического фразеологического словаря (автор широко понимает фразеологию, включая в объект описания в основном пословицы) (Байрамова) и объединяют паремии, репрезентирующие ценности и антиценности: витальные (*Жизнь – Смерть, Здоровье – Болезнь*), социально-утилитарные (*Труд – Безделье*), интеллектуально-когнитивные (*Ум – Глупость*) и т. п.

Согласно нашей концепции, ценность паремиологического словаря как лингвоаксиологического источника значительно возрастает, если наряду с этими базовыми ценностями культуры в пословичном отображении будут представлены и оппозиции признаков, определяющих вектор оценки (сенсорной, утилитарной, нормативной и др. [Арутюнова, 1988, с. 75–76]) самых разных объектов и явлений окружающего мира. К таким маркерам оценивания действительности Т.В. Григорьева относит пространственные, цветовые, размерные и другие оппозиции признаков ('верх – низ', 'черный – белый', 'большой – маленький' и т. п.), включенные в «мировоззренческую сетку координат, которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире» [Григорьева, 2015, с. 91].

Возможности словарной репрезентации аксиологической наполненности таких оппозиций будут описаны ниже на материале рубрики БЫСТРО – МЕДЛЕННО, разработанной для трехязычного аксиологического словаря. Как показал лингвокультурологический анализ отобранных для этой рубрики паремий, они отражают народные представления вос-

точных славян о скорости как оценочном временном параметре совершения действий и протекания процессов. Обобщенный оценочный смысл таких паремий может быть передан в форме аксиологем – пропозиционально организованных формулировок. Л.К. Байрамова называет такие формулировки «моралью» и впервые использует их в формате аксиологического словаря, регистрируя эту лексикографическую технологию как заявку на изобретение [Байрамова, 2014, с. 10].

Концепция использования аксиологем в сопоставительном паремиологическом словаре апробирована нами на русско-венгерском материале [Никитина, 2016]. В новом проекте эта лексикографическая технология будет реализована на материале трех языков, при этом будет применен экспериментальный прием макроструктурирования словаря – расположение материала по убыванию количества паремиологических параллелей, за счет чего будет показана продуктивность общих для восточных славян пословичных аксиологем и этнокультурная специфика паремиологических уникалий.

Результаты и обсуждение

Аксиология скорости

в пословицах восточных славян: лексикографический блок БЫСТРО

Восточнославянские пословицы со скоростным семантическим компонентом ‘быстро’ в большинстве своем (73 % материала данного блока) отрицательно оценивают качество работы, выполненной наспех, в короткий срок; высокую скорость движения, не приводящую к сокращению времени в пути; поспешное, необдуманное принятие решений и т. п., что будет отражено в первом блоке рубрики БЫСТРО – МЕДЛЕННО, где, согласно нашей лексикографической концепции, знак (–) указывает на негативную оценочность паремий блока, знаки (=) и (~, ~~) внутри макростатей отражают полную и частичную (с разной степенью сходства) межъязыковую эквивалентность паремий, а знаком (#) помечены безэквивалентные аксиологемы и этноспецифические паремиологические образы:

БЫСТРО

(–)

1. ‘Быстро выполняемая работа не приводит к качественному результату’:

• **Быстро только кошки роятся, да и то слепые** (Сок., с. 69). = **Скора каты робяцца***, **ды сляпыя родзяцца**. Бел. (Гр., т. 1, с. 180). ~ **Сабакі хутка* робяцца, да доўга сляпыя**. Бел. (Гр., т. 1, с. 180). ~ Укр. **Що швидко* робиться, те сліпе родиться** (Паз., т. 1, с. 292).

• **Скоро не бывает споро** (МНН, с. 814). = **Што скоро, то і не спора**. Бел. (Гр., т. 1, с. 179). ~ **Що швидко, то бридко***. Укр. (Паз., т. 2, с. 281).

На скорую ручку – комком да в кучку (МНН, с. 776).

Швидка робота погана*. Укр. (Паз., т. 1, с. 291).

Ср.: БЫСТРО (+) 4. (Так в конце лексикографического описания паремий, воплощающих данную аксиологему, дается отсылка к противоположной по аксиологическому вектору макростатье под заголовком ‘Высокая скорость выполняемой работы обеспечивает желаемый результат’, таким образом раскрывается амбивалентность оценки народным сознанием скоростных параметров совершаемого действия. Эти отсылки являются перекрестными, как и отсылки, связывающие оппозитивные блоки.)

(Помеченные звездочкой компоненты белорусских и украинских паремий, которые могут быть непонятны русскоязычному читателю, получают толкования в «Приложении» к словарю: укр. *бридко – безобразно; поганий – плохой; швидко – быстро; бел. *робяцца (рабіцца) – делаться; хутка – быстро.)

2. ‘Быстро выполняя работу, совершая какое-л. действие, можно оконфузиться, стать объектом насмешки’:

• **Скорый поспех людям на смех** (Сок., с. 72). = **Скоры паспех людзям на смех**. Бел. (Гр., т. 1, с. 179). = **Скорий поспіх – людям поспіх**. Укр. (Паз., т. 1, с. 300). ~ **З вялікага паспеху наробиш смеху**. Бел. (Гр., т. 1, с. 179). ~ **Ад спеху не нарабіць бы смеху**. Бел. (Гр., т. 1, с. 179).

• **Поспешись – людей насмешись** (МНН, с. 504). = **Паспяшыць (спяшыць) – людзей насмяшыць**. Бел. (Гр., т. 1, с. 179).

~ **Хто спішить, той людей смішить.** Укр. (Паз., т. 1, с. 300).

• **Делано наспех – сделано на смех** (МНН, с. 835). ~ **Рублена наспех і зроблена насмех.** Бел. (Гр., т. 1, с. 180).

Що спішно, то смішно. Укр. (Паз., т. 1, с. 300).

Именно две эти аксиологемы особенно широко представлены трехязычными и двуязычными восточнославянскими паремиологическими параллелями, которые приводятся здесь без учета их многочисленных лексических вариантов, что не противоречит нашей цели – показать важнейшие черты «аксиологического портрета» скорости в формате сопоставительного словаря пословиц.

Общей для трех восточнославянских народов является и пословичная идея ‘работу, сделанную наспех, придется переделывать’, открывающая макростатью 3. Украинцы и белорусы сопоставляют при этом временные параметры двух трудовых процессов: *Наскоро сделать – переделывать* (МНН, с. 244). ~ *Хутка робіць, але перарабляе доўга.* Бел. (Гр., т. 2, с. 289). = *Швидко робить, та переробляє довго.* Укр. (Паз., т. 1, с. 291).

‘Быстро совершаемое действие, быстро выполняемая работа забирает много сил’ – это основание негативной оценки скорости, вынесенное в заголовок макростатьи 4 рассматриваемого блока, находим в русско-украинской пословичной параллели с небольшими лексическими расхождениями: *Кто быстро идет, тот скоро устает* (Сок., с. 70). ~ *Хто скоро біжить, той скоро і стане.* Укр. (Паз., т. 2, с. 271). Образы русских пословиц, представленных под знаком (#), усиливают эффект предостережения: *Горячий конь скоро надорвется* (Сок., с. 523); *Резвый (ретивый) надсадится, горячий надорвется* (Сок., с. 71).

Еще более убедительны пословицы, объединенные под аксиологемой 5 ‘Действуя быстро, можно попасть в беду, подвергнуться наказанию’, которая представлена исключительно этноспецифическим материалом: *Кто резов, того больше бьют* (МНН, с. 751); *Быстрому коню – глубокая яма* (МНН, с. 429); *Быстрая вошка попадает (попадёт) на гребешок* (МНН, с. 159); *Смелей живи – быстреей (скорей) повесят*

(МНН, с. 350); укр. *Чорт скорих бере* (Паз., т. 3, с. 291).

Аксиологема 6 ‘Быстрое принятие решения приводит к нежелательным последствиям’ конкретизируется в трехязычной паремиологической параллели на актуальном примере неудачной женитьбы. Общий лексический фонд обеспечивает единство ритмической организации паремий за счет рифмопары *руку – муку*: *Женился на скорую руку да на долгую муку* (МНН, с. 774). = *Женився на скору руку та на довгу муку.* Укр. (Паз., т. 2, с. 68). = *Жаніўся на скорую руку – на доўгую муку.* Бел. (Гр., т. 2, с. 55).

Аксиологемы, связанные с высокой скоростью передвижения, также довольно конкретны (компонент *ездить, ехать, гнать* ограничивает употребление паремий дорожно-транспортными ситуациями, хотя возможно и использование их в обобщенном переносном смысле – для оценки других ситуаций проявления поспешности, чреватой последствиями, что при наличии достаточного количества подтверждающих контекстов позволит включить этот материал и в макростатью 5).

Здесь же на примере аксиологемы 7 ‘Движение с высокой скоростью приводит к несчастному случаю’ покажем приоритетность традиционных паремий в порядке их расположения. За приведенным выше аксиологическим заголовком следует белорусско-украинская параллель *Прытка едзеш – голову звернеш.* Бел. (Гр., т. 1, с. 278). = *Прудко їдшиш (поїдеши) – голову звернеш.* Укр. (Паз., т. 1, с. 300) и только затем – современная паремиологическая трансформация, зафиксированная в России и на Украине: *Быстро поедешь – тихо повезут (понесут)* (Сок., с. 69, 379). = *Швидко їдеши – тихо понесуть.* Укр. (Паз., т. 1, с. 244). < Трансф. *Тише едешь – дальше будешь.*

Таким образом (под знаком (<)) в словаре наряду с другими этимологизирующими и культурологическими комментариями будут показаны исходные паремии при трансформах, утративших окказиональность и фиксируемых словарями в одном ряду с каноническими пословицами. В отличие от этих новых кодифицированных паремий в словарь не включаются индивидуально авторские трансформации, типа: *Тише едешь – гашиники без навара;*

Тише едешь – больше мата (в пробке); *Тише едешь – ты чайник* (неопытный водитель) и т. п.

Этноспецифические аксиологемы-заголовки макростатей будут маркироваться в словаре, подобно отдельным безэквивалентным паремиям, знаком (#), как, например, в следующем случае, завершающем аксиологическое представление высокой скорости передвижения или выполнения каких-либо других действий:

8. 'Быстрое движение не гарантирует скорого прибытия к месту назначения' / 'Поспешное выполнение работы не гарантирует скорого ее завершения':

Шибко (спешно, резво) ехать – не скоро доехать (МНН, с. 331).

Которые поспешали, те дома не ночевали (МНН, с. 704).

Говоря об этноспецифических аксиологемах, необходимо подчеркнуть определенную условность их выделения, соглашаясь с точкой зрения В. Хлебды [Хлебда, 2008, с. 96] о том, что все пословичные идеи интернациональны, но их реализация в каких-то языках, возможно, пока не обнаружена исследователями. Таким образом, маркировка аксиологемы знаком (#) указывает лишь на то, что утверждение об отсутствии параллелей при воплощении пословичной идеи основывается на материалах рассмотренных источников и актуально лишь для настоящего момента исследования.

Высокая скорость протекания процессов (природных, социальных, психических, физиологических) не столь широко представлена паремиями в аксиологическом аспекте. Их содержание сосредоточено в смысловом пространстве таких гедонических, материально-утилитарных, морально-этических, эстетических ценностей, как счастье и несчастье, богатство и бедность, добро и зло, красота и ее отсутствие, которые интерпретируются применительно к повседневной жизни простого человека и констатируют (с сожалением или иронией) преобладание в этой жизни антиценностного компонента данных оппозиций: 'Беда приходит быстро', 'Счастье быстро уходит', 'Деньги быстро уходят, расходуются', 'Добро быстро забывается', 'Красота быстро исчезает'. Макростатьи под этими заголовками и будут завершать лексикографический блок

БЫСТРО (–), представляя как полные белорусские и украинские эквиваленты русских пословиц *Беда скоро ходит; Копейка круглая, без расчета быстро укатится; Добро скоро забывается, а худое в памяти сохраняется* и др., так и паремии, воплощающие этноспецифические образы, например, у украинцев: счастье, скачущее от человека на быстром коне; женская красота, исчезающая так же быстро, как радуга (Паз., т. 2, с. 37; т. 3, с. 173).

Порядок подачи частей (+) или (–) в лексикографическом блоке определяется количеством материала, а значит, и важностью данной оценочной характеристики для носителя языка. На этот показатель мы ориентируемся и при расположении в словаре паремий, положительно и отрицательно оценивающих высокую скорость: I. БЫСТРО: Быстро (–); Быстро (+).

Русские паремии трех первых макростатей, расположенных под знаком (+), имеют параллели в украинском языке и утверждают, что быстрота в еде – показатель высокой работоспособности: рус. *Скорый едок – спорый работник* (МНН, с. 326). = укр. *Скорий до їди, скорий і до роботи* (Паз., т. 1, с. 287); родители должны скорее выдавать дочерей замуж: рус. *Девушка – не бережённый товар: скорей сбывай* (МНН, с. 240). ~ укр. *Коня бистрого зараз сідлай, дівку молоденьку заміж видавай* (Паз., т. 2, с. 73); быстро оказывать помощь нуждающимся – особенно ценно: рус. *Вдвойне дает тот, кто дает быстро* (Сок., с. 607). = *Подвійно дає, хто скоро дає* (Паз., т. 3, с. 78).

4. 'Быстрота действий обеспечивает желаемый результат' – эту мысль передают одна белорусская и немногочисленные русские пословицы, не образующие межъязыковых параллелей и противопоставленные в оценочном плане большому количеству паремий первой части блока, что и покажет соответствующая отсылка в конце макростатьи:

Быстрота и внезапность заменяют число (Сок., с. 307, 433).

Шустрый да быстрый выходят в министры (Сок., с. 266).

Чым хутчэй*, тым ляпей*. Бел. (Гр., т. 1, с. 180). (Бел. *хутчэй – быстрее; ляпей – лучше.)

Ср.: БЫСТРО (–) 1.

Взаимными отсылками будут соединены и макростатьи БЫСТРО (+) 5 и БЫСТРО (–) 6, фиксирующие диаметрально противоположную оценку поспешной, скорой женитьбы. Но если в общей отрицательной оценке этого факта восточные славяне единодушны, то по одному конкретному параметру выгоду здесь усматривают русские:

Когда жениться скорее, так в дом будет спорее (МНН, с. 290).

Жениться скорее – в дому прибыльнее (МНН, с. 292).

Тему быстрого сватовства в положительном осмыслении, но без указания мотивации развивают и размещенные в данной макростатье украинские этноспецифические паремии, в образной структуре которых просматриваются реалии культуры казачества:

3 коня злізай та дівку чорнобриву сватай. Укр. (Паз., т. 2, с. 73).

Коня бистрого зараз сідай, дівчину молодую скоро сватай. Укр. (Паз., т. 2, с. 73).

Ср.: БЫСТРО (–) 1.

Известную особенность русского характера отражает паремия *Русский медленно запрягает, да быстро скачет* (Сок., с. 71). Она открывает репрезентацию этноспецифической аксиологемы ‘Быстрое эффективное действие оправдывает его долгую подготовку, откладывание’, завершающей блок БЫСТРО в его положительно маркированной части, где также разместятся паремии: *Долго запрягали, да быстро едем* (Сок., с. 590), *Долго думано, да скоро сделано* (МНН, с. 310) – и передающая аксиологему в назидательном ключе паремия-совет *Долго рассуждай, да скоро делай* (ДП, т. 2, с. 65), противопоставленная большому количеству пословиц, рекомендующих человеку действовать без спешки, планомерно и размеренно, которые будут размещены в представляющем оппозитивный компонент «скоростной диады» лексикографическом блоке МЕДЛЕННО.

Аксиология скорости

в пословицах восточных славян: лексикографический блок МЕДЛЕННО

На материале, представляющем первую аксиологему блока МЕДЛЕННО (+), покажем

возможность лексикографического отображения своеобразной «конверсивно-антонимической» соотнесенности паремий (например, *Скоро не бывает споро. – Хоть не скоро, да споро*), когда взаимодополняющая оценка оппозиционных скоростных параметров одного и того же объекта отражает единую аксиологическую установку говорящего. Ее комплексная репрезентация в словаре осуществляется посредством отсылки «См. также», как в приводимом ниже случае:

МЕДЛЕННО

(+)

1. ‘Медленно выполняемая работа дает качественный результат’:

• **Хоть (Хотя) не скоро (нескоро), да здорово** (ДП, т. 2, с. 60). = **Хоць не скоро, да здорова**. Бел. (Гр., т. 2, с. 212). = Укр. **Хоч не скоро, та здорово** (Паз., т. 1, с. 300).

См. также: БЫСТРО (–) 1.

По данной отсылке пользователь и найдет второй компонент комплексной оценки скоростных параметров действия: *Скоро не бывает споро*.

В макростатье 2 такая отсылка соединит общую для восточных славян положительную паремиологическую оценку спокойного, неторопливого передвижения или осуществления какой-л. деятельности (при употреблении пословицы в переносном смысле): *Тише едешь – дальше будешь* (ДП, т. 2, с. 61), *Тихше їдеш – далі будеш (станеш)* Укр. (Паз., т. 1, с. 244), *Памаленьку едем, а далей станем*. Бел. (Гр., т. 1, с. 278) – и противоположную оценку высокой скорости передвижения, представленную трехязычными паремиологическими параллелями: См. также БЫСТРО (–) 5, 7, 8.

Полными русско-украинско-белорусскими пословичными эквивалентами представлена и следующая по порядку расположения в словаре аксиологема, сопоставляющая и противопоставляющая дело и его речевое воплощение, причем большая вариативность свойственна здесь белорусским и украинским паремиям, проявляющим образный параллелизм, отраженный во второй микростатье:

3. ‘Дело делается медленнее, чем может быть представлен его результат’:

• **Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается** (ДП, т. 2, с. 63; Сок., с. 72,

164). = **Скора казка кажацца, ды не скоро дзела дзелаецца**. Бел. (Гр., т. 1, с. 181). = **Скоро казка мовіцца, та не скоро діло робіцца**. Укр. (Паз., т. 1, с. 295).

• **Скоро гаворыцца, [да] не скоро дэлаецца** (ДП, т. 1, с. 318). = **Скора гаворыцца, да не скоро робіцца**. Бел. (Гр., т. 1, с. 180). = **Не так швидко робіцца, як мовіцца**. Укр. (Паз., т. 1, с. 283). ~ **Скора песня пяецца, ды не скоро складаецца**. Бел. (Гр., т. 2, с. 192) = **Швидко пісня співаецца, та не швидко складаецца**. Укр. (Паз., т. 3, с. 48).

Отсюда – одна из пословичных рекомендаций, представленная русско-белорусской параллелью *Не спеши языком, торопись делом* (ДП, т. 1, с. 318). = *Не спяшайся языком, а спяшайся дзелам*. Бел. (Гр., т. 2, с. 279), которая размещается при аксиологеме 4 ‘Не следует торопиться с какими-л. заявлениями, пока дело не сделано’.

По модели «Не следует спешить в каком случае, почему, зачем и т. п.» будут конструироваться заголовки и других макростатей, объединяющих паремии, регулятивная функция которых, в отличие от других оценочных паремий, эксплицируется за счет форм инфинитива и прежде всего негативных форм глаголов со скоростной семантикой.

Наиболее широко представлена восточнославянскими паремиологическими параллелями аксиологема 5 ‘Не следует спешить (как правило, в опасном, ответственном деле), опережая кого-л. более опытного, старшего’. Пространственный компонент образной структуры паремий получает как общий для трех языков способ выражения (*пекло*), так и ареальные русско-белорусские (*петля, виселица*) или этноспецифические варианты: *вода* (рус.), *женицьба* (бел.):

• **Вперед (наперед) батьки в пекло не суйся (не лезь)** (МНН, с. 37). = **Не сунься (не спіши, не скачи, не хапайся) поперед батька в пекло**. Укр. (Паз., т. 2, с. 106). = **Не спяшайся ўпярод бацькі ў пекла**. Бел. (Гр., т. 2, с. 463).

• **Наперед батьки в петлю не суйся (не лезь)** (МНН, с. 37). = **Не хапайся (не спяшайся, не кідайсь) упярод бацькі на шыбеніцу***. Бел. (Гр., т. 2, с. 464). (Бел. *шыбеніца – виселица.)

Вперед батьки не лезь в воду (МНН, с. 37). < Контаминация: *Вперед батьки в пекло не лезь* и *Не зная броду, не суйся в воду*.

Не спяшайся ўпярод бацька жаніцца. Бел. (Гр., т. 2, с. 25).

Мотив виселицы культивируется белорусами и в паремиях, иронически репрезентирующих аксиологему 6 ‘Не спеши, опережая события’: *Не спяшы (не спяшайся) на шыбеніцу, яшчэ навісішся; Не спяшы на шыбеніцу, паспееш яшчэ* (Гр., т. 2, с. 464). Ср. у русских: *Не спеши умирать, ещё належишься* (МНН, с. 864).

Не следовать примеру тех, кто спешит, – прагматическая установка, имплицитно передаваемая этноспецифическими русскими пословицами: *Быстро только лодыри кашу едят* (Сок., с. 69), *Быстро только кошка мышь ловит* (Сок., с. 69), *Скоро блох ловят* (ДП, т. 2, с. 62). Хотя здесь зафиксирована и русско-белорусская параллель: *Поспешность (спешка) нужна при ловле блох* (Сок., с. 71). ~ *Шпаркаць* хараша блох лавіць* (Гр., т. 1, с. 180). (Бел. *Шпаркаць – поспешность.)

Русско-белорусские паремиологические параллели обосновывают имплицитно выраженный совет не спешить: неторопливому человеку помогает Бог и силы природы: *Резвый сам набезит (натечет), а смиренного Бог нанесет* (ДП, т. 1, с. 197). = *Скоры сам набяжыць, а на ціхага бог нанясе* (Гр., т. 2, с. 306); *Быстрый сам добежит, а тихого вода донесёт* (МНН, с. 129). ~ *На ціхага* вецер навее, а рэзвы і сам набяжыць* (Гр., т. 2, с. 306). (Бел. *ціхага (*ціхі*) – тихий, спокойный.)

Убедительны русские пословицы с уникальным логическим обоснованием рекомендации не спешить: рус. *Зачем спешить – можно и опоздать* (Сок., с. 414); *Не торопись: когда смелешь, тогда и съешь* (ДП, т. 2, с. 62); *Кто не спешит, тот меньше грешит* (МНН, с. 864). Украинские и белорусские паремии с этой целью воздействуют на адресата за счет ярких образов, представляющих последствия спешки: бел. *Не спяшы, каза, у лес: усе ваўкі* твае будуць* (Гр., т. 1, с. 196). (Бел. *ваўкі – волки); укр. *Поволі*, Грицю (Іване), бо на (у) корито впадеш* (Паз., т. 2, с. 207, 208); *Помалу*, Хомо, Миколу звалиш* (Паз., т. 2, с. с. 216); *Помалень-*

ку, бо спинку зломии (Паз., т. 2, с. 256). (Укр. *поволі, помалу – помедленнее.)

В материале, отобранном для аксиологического словаря «Пословицы восточных славян» из основных паремиографических источников русского, белорусского и украинского языков, не оказалось паремий, негативно оценивающих невысокую скорость действий и процессов, что неудивительно: народная аксиология связывает этот признак с тщательностью, аккуратностью, продуманностью действий. Таким образом, в лексикографическом блоке МЕДЛЕННО будет отсутствовать часть под знаком (–), но завершать рубрику БЫСТРО – МЕДЛЕННО будет третий блок, макростатьи которого представляют негативную оценку обоих компонентов семантической оппозиции человеком, осознающим бесполезность прилагаемых усилий и безысходность своего положения:

III. БЫСТРО (–) / МЕДЛЕННО (–)

1. 'Независимо от скорости выполняемых действий, исход дела будет одинаково печальным':

• **Иди скоро – нагонишь горе; иди тихо – тебя нагонит лихо** (ДП, т. 1, с. 119). = **Иди скоро – наженеш горе, иди тихо – тебе нажене лихо**. Укр. (Паз., т. 3. С. 157). ~ **Еду ціха – са мной ліха, еду скоро – са мной гора**. Бел. (Гр., т. 1, с. 453).

2. 'Скорость выполнения работы (высокая или невысокая) не обеспечивает хорошего результата':

Як дій* швидко, то бридко, дій тихо, то (і так) лихо. Укр. (Паз., т. 2, с. 426). (Укр. *дій (діяти) – действовать, делать что-л.)

Выводы

Таким образом, предлагаемая система сопоставительной словарной репрезентации пословиц дает возможность наглядно представить паремиологическую интерпретацию окружающего мира восточными славянами во всех сходствах и различиях их ценностных приоритетов и этнокультурных стереотипов. Общность и специфика этих параметров может быть показана в словаре на уровне отдельных паремий (в микростатьях, отражающих межъязыковые параллели и уникальные пословицы), на уровне аксиологем, репрезен-

тируемых материалом макростатей в рамках каждого из оппозитивных оценочных блоков, и на уровне этих блоков в дихотомически организованной рубрике. Использование данной модели лексикографирования материала повышает ценность паремиологического словаря как лингвоаксиологического источника, что позволяет говорить о целесообразности широкого внедрения модели в практику сопоставительной аксиологической лексикографии.

Представленные в таком лексикографическом формате результаты лингвоаксиологического анализа восточнославянских паремий со скоростным семантическим компонентом свидетельствуют об общности вектора оценочной интерпретации русскими, украинцами и белорусами скоростных параметров выполняемой работы, передвижения в пространстве, протекания природных процессов и наличия в трех паремиологических системах определенного количества этноспецифических образных средств выражения оценки. Таким образом, в очередной раз подтверждается вывод, к которому приходят многие исследователи восточнославянских паремий: национальная специфика языковых единиц этой категории проявляется на уровне формы, а не содержания, отражающего, как правило, универсальные паремиологические идеи и дидактические рекомендации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

The study is funded by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00091 «The world of the Eastern Slavs in a paremiological interpretation: axiological dominants and their linguistic and cultural representation», implemented at St. Petersburg State University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 338 с.

- Байрамова Л. К., 2014. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. С. 10–12.
- Григорьева Т. В., 2015. Аксиологические особенности оппозиции ‘сладкий – горький’ в русском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 8. С. 87–93.
- Жуков В. П., 1991. Предисловие. О словаре пословиц и поговорок // Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз. С. 9–21.
- Ломакина О. В., Мокиенко В. М., 2018. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. Т. 54, вып. 4. С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18.
- Ломакина О. В., Мокиенко В. М., 2019. Концептуальная дихотомия «Бог» – «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. № 447. С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/447/7
- Марфина Ж. В., 2018. Ценностно-аксиологическая реализация микроконцептов *муж, жена* в украинской и русской паремийных картинах мира // Вестник Костромского государственного университета. Т. 24, № 1. С. 90–94.
- Никитина Т. Г., 2016. Сопоставительный словарь пословиц и поговорок как лингвокультурологический и лингвокраеведческий источник // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 4. С. 142–149.
- Пермяков Г. Л., 1988. Основы структурной паремиологии. М.: Наука. 235 с.
- Хлеба В., 2008. О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре // Przegląd Rusycystyczny. № 4 (124). С. 90–104.
- Котова – Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
- МНН – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.
- Паз. – Прислів'я та приказки : у 4 т. / упорядник М. М. Пазяк. Київ : Наукова думка, 1989–2001. Т. 1. 1989. 479 с. ; Т. 2. 1990. 524 с. ; Т. 3. 1991. 440 с. ; Т. 4. 2001. 392 с.
- Сок. – Соколова М. И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск : Offset, 2009. 622 с.
- Чусь – Чусь Г. Н. Пословица недаром молвится. Более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц. М.: Либроком, 2020. 256 с.

REFERENCES

СЛОВАРИ

- Байрамова – Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань : Центр инновац. технологий, 2011. 359 с.
- Гр. – Прывіткі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск : Навука і тэхніка, 1976. 2 кн.
- ДП – Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. 2 т.
- Иванов, Мокиенко – Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. 242 с.
- Arutiunova N.D., 1988. *Typy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 338 p.
- Bayramova L.K., 2014. Poslovitsy v «Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazyka: slovare tsennostey i antitsennostey» [Proverbs in “Axiological Dictionary of the Russian Idioms, the Dictionary of Values and Antivalues”]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], no. 77, pp. 10-12.
- Grigoreva T.V., 2015. Aksiologicheskie osobennosti oppozitsii ‘sladkiy – gorkiy’ v russkom yazyke [Axiological Features of Opposition ‘Sweet – Bitter’ in Russian]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, no. 8, pp. 87-93.
- Zhukov V.P., 1991. Predisloviye. O slovare poslovits i pogovorok [Preface. On the Dictionary of Proverbs and Sayings]. Zhukov V.P. *Slovar’ russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., pp. 9-21.
- Lomakina O.V., Mokienko V.M., 2018. Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii [Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages)]. *Rusin*, vol. 54, iss. 4, pp. 303-317. DOI: 10.17223/18572685/54/18.
- Lomakina O.V., Mokienko V.M., 2019. Kontseptual’naya dikhotomiya «Bog» – «Dyavol» v rusinskoj frazeologii i paremiologii (na slavyanskom fone) [The Conceptual Dichotomy “God” – “Devil” in Russian Phraseology and Paremiology (Against the Slavic Background)]. *Vestnik Tomskogo*

- gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 447, pp. 55-62. DOI: 10.17223/15617793/447/7.
- Marfina Zh.V., 2018. Tsennostno-aksiologicheskaya realizatsiya mikrokontseptov muzh, zhena v ukrainskoy i russkoy paremiynykh kartinakh mira [Value-Axiological Realisation of Micro-Concepts Husband, Wife in the Ukraine and the Russian Paremiological World-Images]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 24, no. 1, pp. 90-94.
- Nikitina T.G., 2016. Sopostavitel'nyi slovar' poslovits i pogovorok kak lingvokulturologicheskii i lingvokraevedcheskii istochnik [The Comparative Dictionary of Proverbs and Phraseological Units As a Linguocultural and Regional Source]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 142-149.
- Permyakov G.L., 1988. *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of Structural Paremiology]. Moscow, Nauka Publ. 235 p.
- Khlebda V., 2008. O chem dumaet russkiy indyuk, ili Ob ekvivalentakh poslovits v dvuyazychnom slovare [What Does the Russian Turkey Think About, or On the Equivalents of Proverbs in a Bilingual Dictionary]. *Przegląd Rusycystyczny*, no. 4 (124), pp. 90-104.
- antitsennostey* [Axiological Phraseological Dictionary of the Russian Language: Dictionary of Values and Antivalues]. Kazan, Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2011. 359 p.
- Grynblat M.Ya., ed. *Prykazki i prymawki: u 2 kn.* [Proverbs and Sayings. In 2 Books]. Minsk, Navuka i tjehnika Publ., 1976.
- Dal V.I. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian People. In 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984.
- Ivanov E.E., Mokienko V.M. *Russko-belorusskiy paremiologicheskii slovar'* [The Russian-Belarusian Paremiological Dictionary]. Mogilev, Izd-vo MGU im. A.A. Kuleshova, 2007. 242 p.
- Kotova M.Yu. *Russko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstviyami* [The Russian-Slavonic Dictionary of Proverbs with English Equivalents]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2000. 360 p.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. *Bolshoy slovar russkikh poslovits* [A Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.
- Paziak M.M., ed. *Prisliv'ia ta prikazki: u 4 t.* [Proverbs and Sayings. In 4 Vols.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1989–2001, vol. 1, 1989. 479 p.; vol. 2, 1990. 524 p.; vol. 3, 1991. 440 p.; vol. 4, 2001. 392 p.
- Sokolova M.I. *Narodnaya mudrost. Poslovitsy i pogovorki* [Folk Wisdom. Proverbs and Sayings]. Novosibirsk, Ofset Publ., 2009. 622 p.
- Chus' G.N. *Poslovitsa nedarom molvitsya. Bolee 5000 russkikh, ukrainskikh, angliyskikh i frantsuzskikh poslovits* [The Proverb is not Without Reason. More than 5000 Russian, Ukrainian, English and French Proverbs]. Moscow, Librokom Publ., 2020. 256 p.

DICTIONARIES

Bayramova L.K. *Aksiologicheskii frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: slovar' tsennostey i*

Information About the Authors

Valery M. Mokienko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Slavic Philology, St. Petersburg University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russia, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Tatiana G. Nikitina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Educational Technologies, Pskov State University, Lenina Sq., 2, 180000 Pskov, Russia, cambala2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

Информация об авторах

Валерий Михайлович Мокленко, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000 г. Псков, Россия, cambala2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.11>

UDC 811.111'36
LBC 81.43.21-20

Submitted: 23.12.2020
Accepted: 30.03.2021

COGNITIVE MECHANISMS OF NOMINATING PLANTS IN ENGLISH

Elena M. Shevchenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article deals with cognitive models underlying the process of plant categorization by the speakers. Having analyzed 200 names of herbs and flowers in English, the authors differentiated three cognitive models, which the phytonyms categorization is based on: metaphoric, metonymic and propositional. It is shown that “the codes of culture”, or in other words, well-known realia, are used as sources for nomination; on their basis typical cognitive models are formed. Since the names of flowers and herbs in the English language are mostly compound words, the identified cognitive models are described taking into account the action of the cognitive word-formation mechanisms of proverse and reverse. The first mechanism structure of a phytonym presupposes the direct order of compound-word components as a result of the initial word-combination integration. This word building mechanism is typical of the compound structures “adjective / verb + noun”. The reversive mechanism represents the inner structure of a phytonym as a result of reverse transformation of the word-combination initial components. This type of mechanism is characteristic of the phytonyms created on the basis of the structures “noun + noun”, “noun + ’ + noun”. The article describes the models of proverse and reverse structuring, which are typical of English phytonyms. The prospects of the research are to study the cognitive models and mechanisms underlying plant nomination in a comparative aspect based on the material of several languages.

Key words: phytonym, nomination, categorization, conceptualization, proversion, reversion, compounding, cognitive model.

Citation. Shevchenko E.M., Prokhorova O.N., Chekulay I.V. Cognitive Mechanisms of Nominating Plants in English. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 137-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.11>

УДК 811.111'36
ББК 81.43.21-20

Дата поступления статьи: 23.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Елена Михайловна Шевченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ольга Николаевна Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Игорь Владимирович Чекулай

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные модели, лежащие в основе категоризации растительного мира человеком. Материалом для анализа послужили 200 названий трав и цветов в английском языке. Авторами выделены три когнитивные модели, лежащие в основе категоризации знаний о растительном мире: метафорическая, метонимическая и пропозициональная. Показано, что в качестве источников для номинации, на базе которых формируются типичные когнитивные модели, выступают хорошо известные типичные реалии – «коды культуры». Поскольку названия цветов и трав в английском языке являются преимущественно сложными словами, то установленные когнитивные модели описаны с учетом действия когнитивно-словообразовательных механизмов проверсии и реверсии. Проверсия обуславливает прямой порядок компонентов составного слова как результата прямой интеграции первоначального словосочетания. Такой механизм структурирования характерен для фитонимов типа «adjective / verb + noun». Реверсивный механизм представляет внутреннюю структуру сложного слова как результат обратной трансформации исходных компонентов словосочетания. Такой механизм структурирования характерен для фитонимов типа «noun + noun», «noun + ' + noun». Перспективу исследования составляет изучение когнитивных моделей и механизмов, формирующих основу номинаций растений в сравнительном аспекте – на материале нескольких языков.

Ключевые слова: фитоним, номинация, категоризация, концептуализация, проверсия, реверсия, словосложение, когнитивная модель.

Цитирование. Шевченко Е. М., Прохорова О. Н., Чекулай И. В. Когнитивные механизмы номинации растений в английском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 137–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.11>

Введение

В современной лингвистике доминирует антропоцентрическая парадигма, в фокусе которой – человек как носитель языка и сознания. Понятия и образы, возникающие на ментальном уровне, транслируются на языковой уровень словами. В основе создания слов лежат определенные механизмы и модели, которые структурируют понятия и играют важную роль в процессе номинации. Содержание таких механизмов и моделей обусловлено прежде всего тем, что, по словам исследователей, концептуальная система, опосредованная и проявляемая языком, имеет метафорический характер [Shamne et al., 2014, p. 147]. Изучением метафоры в формировании когнитивной системы человека занимались Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормик, Э. Кассирер, М. Осборн и др. (см.: [Ортега-и-Гассет, 1990; МакКормик, 1990; Кассирер, 1990; Osborn, 2009]). Работы данных ученых способствовали становлению теории когнитивной метафоры, но поворотным событием стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонса «Metaphors

We Live By» [Лакофф, Джонсон, 2004], которая позволила рассматривать ее как ментальное представление знаний.

Человек всегда существует рядом с природой, отмечая красоту и многообразие растительного мира, что, безусловно, находит отражение в языковой картине мира. Она этноспецифична, поскольку именно в ней фиксируются и сохраняются представления этноса о мироустройстве. Как пишут лингвисты, символы восприятия создали ментальное пространство, впоследствии определяющее когнитивное и языковое представления фрагментов реальности [Shamne et al., 2014, p. 147].

Предмет данного исследования составляют когнитивные механизмы номинации растений в английском языке. Результаты изучения номинаций растений представлены в обширном корпусе публикаций. Большинство из них находятся в русле культурологии (см., например: [Буслаев, 2011; Забылин, 2014]) и семантики: установлены структурно-семантические и мотивационные особенности фитонимов древнеанглийского, английского, французского, русского и других языков (см.: [Го-

лев, 1983; Аникина, 2018; Савенкова, 2015; и др.]). В когнитивном аспекте наименования растений на диалектном материале русского языка описаны в работах И.В. Лукьяновой (см., например: [Лукьянова, 2017]). В работах лингвистов показано, что знания о растительном мире организованы в разных языках с использованием метафорической, метонимической и пропозициональной когнитивных моделей, однако недостаточно изучены механизмы структурирования фитонимов с учетом проверсивных и реверсивных когнитивно-словообразовательных моделей, на основе которых происходит номинирование растений в английском языке.

Материал и методы

Ведущим методом исследования послужил концептуальный анализ, кроме него применялись также семантический, этимологический, компонентный и словообразовательный анализ. Они позволили выявить механизмы, связывающие внешний мир и представления человека о растительном мире, отраженные в фитонимике английского языка.

Категоризацию и концептуализацию знаний об окружающих человека явлениях, в том числе о растениях, когнитивная лингвистика рассматривает как модели структурирования: «процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» [Кубрякова и др., 1997, с. 93]. Другими словами, вся познавательная деятельность человека ориентирована на освоение окружающего мира и осмысление поступающей к нему информации, что приводит к образованию отдельных концептуальных структур и концептуальной системы в целом. Цель нашего исследования – описание когнитивных моделей, лежащих в основе фитонимов английского языка и структурирующих эти единицы.

Мы полагаем, что наряду с категоризацией и концептуализацией возможны такие механизмы структурирования знаний в языке, как проверсия и реверсия (подробнее о них см.: [Чекулай, Прохорова, 2016, с. 47]). Под проверсией композитов понимается когнитив-

но-словообразовательный механизм, при котором порядок следования корневых элементов в сложном слове тот же, что и в исходной модели словосочетания [Чекулай, Прохорова, 2016, с. 48]. Иллюстрацией проверки могут быть следующие фитонимы: *to snap a dragon* (дословно: треснуть дракона) → *snapdragon* «львиный зев»; *love vine* (дословно: любовная лоза) → *love vine* «повилика густая».

Противоположным механизмом представления знаний в процессе словосложения во многих европейских языках является реверсия «как особый вторичный тип синтагматических отношений, при котором из устоявшихся в качестве единиц путем перестановки компонентов образуются новые единицы и структуры языка, обладающие отличными от первых предметно-семантическими и категориально-семантическими характеристиками» [Чекулай, Прохорова, 2016, с. 47]. Например, фитоним *snowdrop* «подснежник» является производным от словосочетания *a drop of snow* (дословно: капля снега), *heartsease* «фиалка трехцветная, анютины глазки» от *to ease hearts* (дословно: облегчать сердца). В некоторых случаях дифференцировать направление действия проверсивно-реверсивных механизмов затруднительно в силу аналитического характера английского языка, в словообразовании которого имеет место конверсия.

Очевидно, что проверка и реверсия как когнитивно-словообразовательные модели участвуют в структурировании знания на лексическом уровне одновременно с глубинными процессами категоризации и концептуализации, поскольку значение производной единицы не равно сумме компонентов мотивирующего словосочетания. В связи с этим представляет интерес рассмотрение механизмов категоризации и концептуализации в сочетании с проверсией и реверсией как когнитивными механизмами структурирования знаний о флоре, отраженных в англоязычной картине мира.

Материал исследования составляют 200 фитонимов, отобранных методом сплошной выборки из ботанических словарей электронного словаря АБВУЯ Lingvo. Дефиниционный анализ некоторых номинаций осуществлялся по справочному изданию «Ботанический словарь». В рамках данной работы мы рас-

смотрим фитонимы, обозначающие травы и цветы, поскольку они характеризуются яркой образной основой, кодирующей фоновые знания о культуре народа.

Результаты и обсуждение

Словообразовательный анализ фитонимов английского языка показал, что они делятся по своей структуре на однословные (простые, сложные) и составные.

Простые однословные фитонимы образованы такими способами словообразования, как аффиксация: *fumitory* «дымовник», *groundsel* «крестовник», *teasel* – «ворсянка», *campion* – «смолевка»; субстантивация: *rose* «роза», *violet* «фиалка», *lilac* «сирень»; сокращения (к данной группе относятся также заимствования): *tulip* «тюльпан», *jasmine* «жасмин».

К сложным однословным фитонимам мы относим лексемы, возникшие в результате словосложения, например: *sage* «шалфей» + *brush* «щетка» → *sagebrush* «полынь». Именно данная группа фитонимов является наиболее продуктивной и структурируется механизмами проверки и реверсии. Мы выделяем следующие виды словосложения, характерные для фитонимов английского языка: сложение непосредственно корневых морфем (*toadflax* «лягушечник», *smartweed* «горчак», *buttercup* «лютик») и сложение с использованием предлога (*lily-of-the-valley* «ландыш»).

Составные фитонимы можно классифицировать по принципу семантической цельности: 1) семантически делимые, или свободные (в свободном виде части сложного слова обозначают растения), например: *garden sage* «шалфей лекарственный», *violet sage* «шалфей лесной», *meadow sage* «шалфей луговой»; 2) семантически неделимые, или связанные (в свободном виде части сложного слова не обозначают растения), например: *Aaron's beard* «зверобой чашечковидный».

В английском языке составные фитонимы многочисленны. Они могут быть двухкомпонентными (*mother's heart* «пастушья сумка», *dog's mouth* «львиный зев»), трехкомпонентными (*Johnny-jump-up* «фиалка пальчатая», *Saint-Joseph's-wand* «пентастемон заостренный»), *Saint-Bernard's-lily* «венечник ли-

лиаго», *Saint-Antony's nut* «клеячка перистая»), четырехкомпонентными (*love-in-a-chain* «очиток отогнутый»), *jack-by-the-hedge* «чесночница черешковая»), пятикомпонентными (*jump-up-and-kiss-me* «анютины глазки») и шестикомпонентными (*jack-go-to-bed-at-noon* «козлобородник луговой»).

Фитонимы можно разделить на единицы с прозрачной или стертой внутренней формой. Например, такие наименования, как *prairie rose* «роза степная», *sunflower* «подсолнух», *water lily* «кувшинка», *bluebell* «колокольчик», *goat's beard* «козлобородник», обладают прозрачной внутренней формой, в то время как внутренняя форма фитонимов *alligator bonnet* «кувшинка», *brandy bottle* «кубышка» (образ, положенный в основу номинации) стерта. Образное видение окружающей действительности кодирует национально-культурные особенности этноса во вторичной номинации, которая наряду с прямой номинацией является частью языковой картины мира, связывающей объективную реальность и языковое сознание. По мере осмысления окружающего мира «человек оперирует различными репрезентациями мира, представленными в виде картин и моделей, отраженных в языке» [Шевченко, Данилова, 2019, с. 176]. Будучи образными единицами, то есть продуктами вторичной номинации, такие фитонимы и требуют дешифровки закодированной в названии информации.

Обратимся к рассмотрению когнитивных моделей лежащих в основе фитонимов английского языка.

Когнитивная метафорическая модель

Когнитивное моделирование репрезентирует знания и представления носителей языка о растительном мире в виде ментальных схем. Рассматриваемая когнитивная метафорическая модель структурирует знания на сходстве известного объекта-источника с новым. В качестве источника выступают хорошо известные типичные реалии – «коды культуры», на основе которых формируются типичные когнитивные модели. Областью-источником могут быть цвет, растение, предмет одежды / быта / аксессуар, животное, библейский персонаж или святой, стихия и природные элементы, эмоция, форма.

Область-источник – цвет. При образовании английского фитонима *blue + beard* (дословно: синяя борода) → *bluebeard* «шалфей хохлатый» исходное словосочетание имеет адъективно-именной характер, порядок компонентов в производном слове остается таким же, как и в исходном словосочетании. К этим единицам относятся сложные слова английского языка с цветовой метафорой: *primrose* «первоцвет», *bluebell* «колокольчик», *red wings* «разновидность дряквенника». По адъективно-именному структурному типу «adjective (color) + noun» строятся многие фитонимы английского языка: *purple+daisy* → *purple daisy* «астра раскидистая», *red + daisy* → *red daisy* «ястребинка оранжево-красная», *yellow + daisy* → *yellow daisy* «рудбекия шершавая», *blue + daisy* → *blue daisy* «цикорий обыкновенный». Единицы этой группы семантически членимы. Адъективный компонент в процессе номинации связан с проверсивным механизмом структурирования знаний.

Область-источник – растение. Источником метафоризации служат сами фитонимы, являясь наиболее продуктивной группой. Номинации данной группы семантически членимы, их компоненты в свободном употреблении обозначают растения. В структурном плане она представлена двумя моделями: «noun + noun», «adjective + noun», что отражает реверсивный и проверсивный механизмы репрезентации знаний. В качестве примера реверсии приведем фитонимы с компонентом *rose*, образованные в соответствии со структурным типом «noun + noun», в результате интеграции первоначальных компонентов получившие новое значение: *cabbage rose* «роза столитная», *brier rose* «малина розолистная», *cotton rose* «жабник германский» и др. Фитонимы с компонентом *mallow* «мальва», созданные по структурному типу «adjective + noun», объективируют проверсивную модель: *hispid + mallow* → *hispid mallow* «алтей жестковолосый». Фитонимы данной группы семантически делимы.

Область-источник – предмет одежды / быта / аксессуар. Реверсивную модель построения по типу «noun + ' + noun предмет одежды / быта / аксессуар» представляют фитонимы, реализующие культурный код «пред-

мет одежды / быта / аксессуар». Например, многочисленна группа фитонимов с компонентом *lady's*. Синтаксические отношения в исходном словосочетании оформляются предложением, что способствует реализации реверсивной модели производного фитонима: *lady's purse* «пастушья сумка» ← *lady's + purse* (дословно: женская сумочка) ← *the purse of a lady*; *lady's nightcap* «вьюнок» ← *lady's + nightcap* (дословно: женская ночная шапочка) ← *the night cap of a lady*; *lady's comb* «скандикс гребенчатый» ← *lady's + comb* (дословно: женский гребешок) ← *the comb of a lady*; *lady's-belt* «таволга вязолистная» ← *lady's + belt* (дословно: женский пояс) ← *the belt of a lady*; *lady's-mantle* «манжетка» ← *lady's + mantle* (дословно: женский плащ) ← *the mantle of a lady*; *lady's-shoes* «водосбор» ← *lady's + shoes* (дословно: женская обувь) ← *the shoes of a lady*; *lady's-smock* «сердечник луговой» ← *lady's + smock* (дословно: женский халат) ← *the smock of a lady*; *lady's-thimble* «колокольчик круглолистный» ← *lady's + thimble* (дословно: женский наперсток) ← *the thimble of a lady* и т. д. Данные фитонимы являются результатом номинации по сходству с предметами женского туалета и быта, отражая картину мира носителей языка. Отметим универсальность такого принципа номинации: например, в русской фитонимике также зафиксированы номинации на основе сходства растения с предметами одежды и быта, используемыми в повседневной жизни: *пастушья сумка*, *венерин башмачок*, *волчье сито*, *гребешок*, *крест-трава*, *метла*, *юбочка*, *царская свеча* и т. д.

По реверсивной модели создаются фитонимы типа «noun + ' + noun (артефакт)» с первым компонентом, называющим фольклорный персонаж. Номинативную основу данных фитонимов представляют номинации *колокольчик*, *сумка*, *трава* и *молоко*: *witches'-bells* «василек синий или колокольчик круглолистный» ← *witches' + bells* (дословно: ведьмины колокольчики) ← *bells of witches*; *witches'-money-bags* «очиток трехлистный» ← *witches' + money-bags* (дословно: ведьмины денежные мешки) ← *money-bags of witches*; *witches'-pouches* «лядвенец красивейший» ← *witches' + pouches* (дословно: ведьмины мешки) ← *pouches of witches*; *witchgrass* «просо

волосовидное» ← *witch + grass* (дословно: ведьмина трава) ← *grass of a witch*.

Концептуальные признаки некоторых фитонимов могут актуализировать различные сферы человеческой деятельности. Так, морская профессия и ее специфика репрезентированы в фитонимах реверсивной модели *sailor's-knot* «герань пятнистая» ← *sailor's + knot* (дословно: узел моряка) ← *knot of a sailor*; *sailor's-tobacco* «полынь обыкновенная, чернобыльник» ← *sailor's + tobacco* (дословно: табак моряка) ← *tobaccos of a sailor*.

Область-источник – животное. Реверсивная модель представлена в древнейшем структурном типе «*noun + noun*», характерном для английского языка. Например, при образовании следующей группы растений элементы словосочетания интегрируются в одно слово, номинирующее растение: *foxtail* «лисохвост» ← *fox + tail* (дословно: лисий хвост) ← *tail of a fox*. Подобным образом строятся фитонимы с культурным кодом «домашние животные»: *coltfoot* «мать-и-мачеха» ← *colt + foot* (дословно: жеребячья нога) ← *foot of a colt*; *foalfoot* «мать-и-мачеха» ← *foal + foot* (дословно: жеребячья нога) ← *foot of a foal*; *cowslip* «примула, первоцвет» ← *cow's + lip* (дословно: коровья губа) ← *lip of a cow*.

Реверсивную модель реализуют фитонимы с культурным кодом «дикие животные», образованные по типу «*noun + noun*»: *harebell* «колокольчик» ← *hare + bell* (дословно: заячий колокольчик) ← *bell for a hare*; *worm grass* «жимолость приморская» ← *worm + grass* (дословно: червивая трава) ← *grass for a worm*; *snakewood* «раувольфия змеевидная» ← *snake + wood* (дословно: змеиный лес) ← *wood for a snake*; *heronsbill* «журавельник» ← *herons + bill* (дословно: журавлиный клюв) ← *bill of a heron*; *mouse-ear* «сушеница топяная или костенец» ← *mouse + ear* (дословно: мышиное ухо) ← *ear of a mouse*.

Область-источник – библейский персонаж или святой. Метафорическую основу данной группы фитонимов составляют имена собственные, которые связаны с библейскими персонажами и именами святых. Например, этимология фитонима *marigold* «календула или бархатцы» восходит к имени святой Девы Марии: *Mary (the Virgin) + gold*.

Рекуррентную группу составляют фитонимы, реализующие культурный код «святой» и содержащие компонент *Saint*: «*Saint + noun + noun* (артефакт)». Они образуются по реверсивной модели: *Saint-John's-wort* «зверобой» ← *Saint + John's + wort* (дословно: суслик святого Джона) ← *the wort of Saint John*; *Saint-Andrew's-cross* «асцирум зверобойновидный» ← *Saint + Andrew's + cross* (дословно: крест святого Андрея) ← *the cross of Saint Andrew*; *Saint-Mary-thistle* «расторопша пятнистая» ← *Saint + Mary + thistle* (дословно: репейник святой Марии) ← *the thistle of Saint Mary*; *Saint-Joseph's-wand* «пентастемон заостренный» ← *Saint + Joseph's + wand* (дословно: палочка святого Джона) ← *the wand of Saint Joseph*.

По реверсивной модели формируются фитонимы с предлогом в качестве соединительного элемента, соответствуя типу «*noun + preposition + noun*»: *Jack-in-the-pulpit* (дословно: Джек за трибуной) → *Jack-in-the-pulpit* «арезема трехлистная».

Область-источник – стихия и природные элементы. Метафорической основой единиц данной группы является элемент стихии, природные компоненты, материалы: *wind, water, ice, snow, wax*. Например: *windflower* (дословно: ветряный цветок) «анемон, ветреница»; *water cabbage* (дословно: водная капуста) «кувшинка»; *water-bean* (дословно: водный боб) «кубышка»; *ice plant* (дословно: ледяное растение) «хрустальная трава»; *snowberry* (дословно: снежная ягода) «снежеягодник обыкновенный»; *waxberry* (дословно: восковая ягода) «восковница». Единицы данной группы образованы по структурному типу «*noun+noun*», что предполагает реверсивный механизм репрезентации знаний.

Область-источник – эмоция. Проверсивные механизмы номинации лежат в основе фитонимов, которые являются производными лексемами, возникшими в результате словосложения с помощью предлогов, например, с компонентом *love*: *love in a mist* (дословно: любовь в тумане) → *love-in-a-mist* «чернушка дамасская»; *love-in-winter* (дословно: любовь зимой) → *love-in-winter* «зимолоубка зонтичная»; *love-in-idleness* (дословно: любовь в безделье) → *love-in-idleness* «анютины глазки».

Номинации растений, возникшие в результате словосложения побудительных лексем в отрицательной форме, реализуют реверсивные механизмы. Так, *love-me-not* «незабудка болотная» ← *don't love me* (дословно: Не люби меня!); *forget-me-not* «незабудка» ← *don't forget me* (дословно: Не забудь меня!); *touch-me-not* «недотрога обыкновенная» ← *don't touch me* (дословно: Не трогай меня!).

Фитонимы, образованные от форм побудительного наклонения в утвердительной форме, строятся по проверсивному механизму: *touch and heal* (дословно: Дотронься и исцелись!) → *touch-and-heal* «зверобой»; *kiss me quick* (дословно: Поцелуй меня быстро!) → *kiss-me-quick* «анютины глазки»; *kiss me Dick* (Поцелуй меня, Дик!) → *kiss-me-Dick* «молочай кипарисовый».

Фитоним *love-lies-bleeding* (дословно: любовь лежит кровоточащей) «щирица хвостатая, амарант», обладая яркой образной основой, связанной с формой и цветом растения, образован словосложением компонентов предложения в соответствии с проверсивным механизмом. Важно отметить, что у глагольно-адвербиальных фитонимов, возникших в результате конверсивных процессов, как в примере *love-roses* «калина обыкновенная», не всегда возможно идентифицировать частеречную принадлежность исходных основ, поскольку смысловозначительная грань между ними довольно тонкая: *to love / love roses* (дословно: любить розы / любовные розы) → *love-roses* «калина обыкновенная», что представляет интерес для исследования.

Фитонимы, возникшие в результате словосложения по типу «noun + adjective», например *love-entangled* (дословно: любовью опутанный) «очиток едкий» ← *to entangle with love*, отражают действие реверсивного механизма, но такие номинации являются немногочисленными.

Область-источник – форма. Внешний вид растений играет важную роль в их номинации. Например, форма зафиксирована в следующих номинациях: *shooting star* «первоцвет, дряквенник», *sword lily* «гладиолус», *star bloom* «жимолость приморская», *arrowroot* «маранта», *pennywort* «щитолистник», *pipewort* «шерстестебельник». В структурном плане данная группа представлена типом

«adjective + noun / noun + noun», что предполагает проверсивный и реверсивный механизмы репрезентации знаний.

Когнитивная метонимическая модель

Когнитивная метонимическая модель отражает внутреннюю форму фитонима, актуализируя представления о практическом применении растений. Данная модель отличается от метафорической модели, основанной на ассоциациях, прагматической направленностью: важно практическое применение фитонима. Анализ фактического материала позволил выделить группы фитонимов с такими областями-источниками, как соматизм и животное (ядовитые растения, корм для домашних и диких животных).

Область-источник – соматизм. Довольно рекуррентна группа фитонимов, в основе которых лежат знания о лечении человека. Продуктивным является тип «noun (соматизм) + noun (*wort / wurt*)». Этимология древнеанглийской лексемы *wurt* «корень» восходит к древневерхнегерманскому *warz* и готскому *waurts* с тем же значением. Данный фитоним в качестве морфемы входил в состав фитонимов, номирующих лечебные травы. Иллюстрацией тому служат современные фитонимы с компонентами *wort* («целебный корень») и *vetch* («горошек»), актуализирующие представления о целебном влиянии на различные органы: *liverwort* «печеночник, печеночный мох; печеночники» ← *liver + wort* (дословно: печень + корень) ← *wort for a liver*; *spleenwort* «костенец или кочедыжник» ← *spleen + wort* (дословно: селезенка + корень) ← *wort for a spleen*; *woundwort* «язвенник, чистец, окопник» ← *wound + wort* (дословно: рана + корень) ← *wort for a wound*; *lungwort* «медуница или мертензия» ← *lung + wort* (дословно: легкие + корень) ← *wort for a lung*; *kidney vetch* «язвенник многолистный» ← *kidney + vetch* (дословно: почки + горошек) ← *vetch of a kidney*. Рассмотренные фитонимы строятся по реверсивному механизму.

Область-источник – животное. Практическая направленность дифференцирует фитонимы с компонентом *bane* «яд, паслен», которые отражают действие реверсивного механизма: *baneberry* (дословно: ядовитая ягода) «воронец колосистый» ← *berry of*

a bane; henbane (дословно: куриный яд) «белена» ← *bane for a hen*; *fleabane* (дословно: блошинный яд) «мелколепестник, полынь, блошница дизентерийная» ← *bane for a flea*.

В основу номинации единиц этой группы может быть положены представления о корме для домашних животных. Так, интеграция компонентов словосочетания в соответствии с реверсивным механизмом способствует формированию фитонимов *cow-wheat* (дословно: коровья пшеница) «иван-да-марья» ← *wheat for a cow*; *cowgrass* (дословно: коровья трава) «клевер» ← *grass for a cow*; *cowherb* (дословно: коровья лекарственная трава) «тысячеголов пирамидальный» ← *herb for a cow*; *cow-lily* (дословно: коровья лилия) «кубышка» ← *lily of a cow*; *dog-lily* (дословно: собачья лилия) «кувшинка» ← *lily of a dog*; *dog daisy* (дословно: собачья маргаритка) «пупавка собачья» ← *daisy of a dog*. Аналогичным образом репрезентируются представления с компонентом «корм для диких животных»: *frogbit* (дословно: лягушачья еда) «водокрас» ← *bit for a frog*; *tick seed* (дословно: зернышки клеща) «череда» ← *seed for a tick*.

Когнитивная пропозициональная модель

Ключевым для понимания такой модели как единицы хранения знаний является определение Дж. Лакоффа, который отмечает, что когнитивная пропозициональная модель «не использует механизмы воображения, то есть метафору, метонимию или ментальные образы» [Лакофф, 2011, с. 370]. Термин «пропозиция» понимается как способ осмысления опыта через призму пропозициональных моделей, которые накладываются на объективистскую структуру [Лакофф, 2011, с. 370]. Пропозициональная модель как способ категоризации знаний о растениях актуализируется в случаях, когда «человек, вычленив существенные признаки, реалии характеризует ее напрямую, кодируя... объективные свойства растений, как они есть» [Лукьянова, 2017, с. 42]. Данная модель категоризации знаний о растительном мире кодирует информацию о форме, вкусе, аромате цветов в морфеме, занимающей атрибутивную позицию, что отражено в следующих примерах: *sour grass* (дословно: кислая трава) «щавель малый, щаве-

лек»; *sour trefoil* (дословно: кислый клевер) «кислица обыкновенная»; *saltweed* (дословно: соленый сорняк) «ситник лягушечный или лебеда серебристая»; *saltwort* (дословно: соленый корень) «солянка»; *saltbush* (дословно: соленый куст) «лебеда»; *sweet peas* (дословно: сладкий горошек) «сладкий горошек».

Морфема в атрибутивной позиции следующей группы фитонимов фиксирует внешние характеристики растений: *strangleweed* «повилика», *creeping sally* «луговой чай, вербейник монетный», *creeping trefoil* «клевер ползучий».

Фитонимы когнитивной препозиционной модели строятся по типу «adjective / verb + noun», который отражает действие проверсивного механизма.

Заключение

В работе рассмотрены когнитивные модели, лежащие в основе фитонимов английского языка, с учетом проверсивных и реверсивных когнитивно-словообразовательных механизмов. Анализ фактического материала показал, что наиболее рекуррентные способы словосложения представлены древнейшими структурами, лежащими в основе образования фитонимов по типу «noun + noun», «noun + ' + noun», отражающих реверсивный механизм. Проверсивный механизм номинации также возможен при образовании фитонимов, но такие единицы немногочисленны. Для образования фитонимов по проверсивной модели характерно словосложение по типам «noun + preposition + noun», «adjective + noun». Категоризация национально-культурных представлений о растительном мире, в частности о цветах и травах, в английском языке основана на метафорической, метонимической и пропозициональной моделях, которые эксплицируют картину мира его носителей. Области-источниками метафорической когнитивной модели могут выступать такие структуры знания, как цвет, растение, предмет одежды / быта / аксессуар, животное, библейский персонаж или святой, стихия и природные элементы, эмоция, форма. Метонимическая когнитивная модель представлена следующими областями-источниками: соматизм и животное. Когнитивная пропозициональная модель кате-

горизации знаний о растительном мире кодирует информацию о форме, вкусе, аромате цветов и трав в морфеме, занимающей атрибутивную позицию.

Представленное в статье описание не является исчерпывающим, дальнейшее исследование проверсивно-реверсивных механизмов структурирования знаний о растительном мире, зафиксированных в английском языке, может быть ориентировано на изучение различных групп фитонимов, в том числе и в сопоставительном аспекте, что позволит установить универсальное и этноспецифическое в реализации когнитивных механизмов номинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникина Т. В., 2018. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 4, № 4. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1.4.
- Буслаев Ф. И., 2011. Исторические очерки русской народной словесности. М. : ЛИБРОКОМ. 426 с.
- Голев Н. Д., 1983. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны // Говоры русского населения Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 76–87.
- Забылин М., 2014. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. : Ин-т рус. цивилизации. 688 с.
- Кассирер Э., 1990. Сила метафоры // Теория метафоры : сб. тр. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс. С. 33–43.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., 1997. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 245 с.
- Лакофф Дж., 2011. Женщины, огонь и опасные вещи. М. : Гнозис. 515 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС. 256 с.
- Лукьянова И. В., 2017. Когнитивные модели наименований растений (на диалектном материале) // Вестник Томского государственного университета. № 418. С. 36–43. DOI: 10.17223/15617793/418/5.
- МакКормак Э., 1990. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры : сб. тр. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс. С. 360–381.
- Ортега-и-Гассет Х., 1990. Две великие метафоры // Теория метафоры : сб. тр. / под ред. Н. Д. Ару-

тюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс. С. 69–81.

- Савенкова А. С., 2015. Комплексное исследование мотивированной лексики в русском, английском и французском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (163). С. 74–80.
- Чекулай И. В., Прохорова О. Н., 2016. Проверсия и реверсия как основные механизмы структурирования языковых знаний о словосложении в разных языках // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики : материалы II Междунар. науч. конф. (Белгород, 20–21 апр. 2016 г.) / редкол.: В. А. Виноградов [и др.]. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». С. 47–51.
- Шевченко Е. М., Данилова Е. С., 2019. Гендерные стереотипы во фразеологической картине мира английского языка // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитив. фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 г.) / редкол.: Н. Ф. Алефиренко [и др.]. Белгород : Эпицентр. С. 176–179.
- Osborn M., 2009. The Trajectory of My Work with Metaphor // Southern Communication Journal. Vol. 74, № 1. P. 79–87.
- Shamne N., Rebrina L., Petrova A., Milovanova M., Eltanskaya E., 2014. Space of Memory: Interactional and Semantic Aspects // Journal of Language and Literature. Vol. 5, № 4. P. 147–154. DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/34.

СЛОВАРИ

- ABBYY Lingvo CD'12: словарь. 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Ботанический словарь : справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1878. 646 с.

REFERENCES

- Anikina T.V., 2018. Slovoobrazovatel'naya struktura fitonimicheskoy leksiki v angliyskom i rusском yazykakh [Derivational Structure of Phytonymic Lexicon in the English and Russian Languages]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 4, no. 4. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1.4.

- Buslaev F.I., 2011. *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti* [Historical Sketches of Russian National Philology]. Moscow, LIBROKOM Publ. 426 p.
- Golev N.D., 1983. Voprosy otozhdestvleniya, klassifikatsii i nominatsii v russkoy narodnoy leksike flory i fauny [Questions of Identification, Classification and Nomination in the Russian Folk Vocabulary of Flora and Fauna]. *Govory russkogo naseleniya Sibiri: sb. st.* [Dialects of the Russian Population of Siberia. Collection of Articles]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, pp. 76-87.
- Zabilin M., 2014. *Russkiy narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya* [Russian Nation. Their Customs, Traditions, Rituals, Superstitions, and Poetry], Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ. 688 p.
- Kassirer Je., 1990. Sila metafory [The Power of Metaphor]. Arutjunova N.D., Zhurinskaya M.A., eds. *Teoriya metafory: sb. tr.* [The Theory of Metaphor. Collection of Papers]. Moscow, Progress Publ., pp. 33-43.
- Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G., 1997. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Filologicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova. 245 p.
- Lakoff J., 2011. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [Women, Fire and Dangerous Things]. Moscow, Gnozis Publ. 515 p.
- Lakoff J., Johnson M., 2004. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
- Lukyanova I.V., 2017. Kognitivnye modeli naimenovaniy rasteniy (na dialektnom materiale) [Cognitive Models of Folk Plant Names]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 418, pp. 36-43. DOI: 10.17223/15617793/418/5.
- MakKormak Je., 1990. Kognitivnaya teoriya metafory [The Cognitive Theory of Metaphor]. Arutjunova N.D., Zhurinskaya M.A., eds. *Teoriya metafory: sb. tr.* [The Theory of Metaphor. Collection of Papers]. Moscow, Progress Publ., pp. 360-381.
- Ortega-i-Gasset H., 1990. Dve velikie metafory [Two Great Metaphors]. Arutjunova N.D., Zhurinskaya M.A., eds. *Teoriya metafory: sb. tr.* [The Theory of Metaphor. Collection of Papers]. Moscow, Progress Publ., pp. 69-81.
- Savenkova A.S., 2015. Kompleksnoe issledovanie motivirovannoy leksiki v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh [Comprehensive Study of Motivated Vocabulary in Russian, English and French]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 10 (163), pp. 74-80.
- Chekulay I.V., Prohorova O.N., 2016. Proversiya i reversiya kak osnovnye mekhanizmy strukturirovaniya yazykovykh znaniy o slovoslozhenii v raznykh yazykakh [Proversion and Reversion As the Main Mechanisms of Structuring the Language Knowledge of Compounding in Different Languages]. Vinogradov V.A. et al., eds. *Sovremennye problem yazykoznaneya, literaturovedeniya, mezhkulturnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod, 20–21 apr. 2016 g.)* [The Modern Problems of Linguistics, Literature Study, Cross-Cultural Communication and Linguistic Didactics. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference (Belgorod, April 20–21, 2016)]. Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», pp. 47-51.
- Shevchenko E.M., Danilova E.S., 2019. Gendernye stereotipy vo frazeologicheskoy kartine mira angliyskogo yazyka [Gender Stereotypes in the Phraseological Picture of the World of the English Language]. Alefirenko N.F. et al., eds. *Frazeologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry: sb. nauch. tr. po itogam 4-y Mezhdunar. nauch. konf. po kognitiv. frazeologii (g. Belgorod, 26–27 marta 2019 g.)* [Phraseology in the Linguistic Picture of the World: Cognitive-Pragmatic Registers. Proceedings of the 4th International Scientific Conference on Cognitive Phraseology (Belgorod, March 26–27, 2019)]. Belgorod, Epitsentr Publ., pp. 176-179.
- Osborn M., 2009. The Trajectory of My Work with Metaphor. *Southern Communication Journal*, vol. 74, no. 1, pp. 79-87.
- Shamne N., Rebrina L., Petrova A., Milovanova M., Eltanskaya E. 2014. Space of Memory: Interactional and Semantic Aspects. *Journal of Language and Literature*, vol. 5, no. 4, pp. 147-154. DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/34.

DICTIONARIES

- ABBYY Lingvo CD'12: slovar'* [ABBYY Lingvo CD'12. Dictionary], 2008. Optical CD (CD-ROM).
- Botanicheskii slovar': sprav. kn. dlya botanikov, sel. khozyaev, sadovodov, lesovodov, farmatsevtov, vrachey, drogistov, puteshestvennikov po Rossii i voobshche sel. zhiteley* [Botanic Dictionary: Reference Book for Botanists, Village Owners, Gardeners, Arboriculturists, Pharmacists, Doctors, Druggists, Travelers in Russia, and Villagers]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1878. 646 p.

Information About the Authors

Elena M. Shevchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, 308015 Belgorod, Russia, shevchenko_em@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9293-1424>

Olga N. Prokhorova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director of the Institute of Cross-Cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, 308015 Belgorod, Russia, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Igor V. Chekulay, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, 308015 Belgorod, Russia, chekulai@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

Информация об авторах

Елена Михайловна Шевченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, shevchenko_em@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9293-1424>

Ольга Николаевна Прохорова, доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Игорь Владимирович Чекулай, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, chekulai@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.12>

UDC 81.161.1'27
LBC 81.411.2-003

Submitted: 22.09.2020
Accepted: 30.03.2021

CONCEPT "IMMORTAL REGIMENT" IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF TEENAGERS

Olga P. Fesenko

Omsk State Transport University, Omsk, Russia

Vitaliy A. Pushkarev

Omsk Cadet Military Corps, Omsk, Russia

Abstract. The article presents the results of an associative experiment that allow us to describe the structure of the concept "Immortal Regiment" in the linguistic consciousness of senior school pupils, college students and cadets. The research has made it possible to define concept core components (*memory, war, pride, victory, veterans*) and peripheral ones (*unity, heroes, glory, posters, holiday, Motherland, etc.*). Most of the components have a positive connotation. There are significant differences in the structure of the concept, identified in the linguistic consciousness of cadets (compared to schoolchildren and students). Associates appear in the concept core; they indicate that a personally significant connection with the events of the Great Patriotic War is preserved. This connection is almost lost among modern teenagers of the other social groups, which is caused by the "symbolic event reconstruction" that changes personal attitude to history in course of time. The periphery of the concept is specific in the view of the cadets; it includes the components that are not marked by the rest of the participants of the experiment. The concept "Immortal Regiment" is stated to have positive associates, which tend to be abstract. It means that to preserve the historical memory, it is necessary to personalize the concept. The fields of application include conceptology, social linguistics, cultural linguistics.

Key words: linguistic consciousness, linguistic consciousness of teenagers, concept, concept structure, concept "Immortal Regiment", associative experiment.

Citation. Fesenko O.P., Pushkarev V.A. Concept "Immortal Regiment" in the Linguistic Consciousness of Teenagers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 148-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.12>

УДК 81.161.1'27
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 22.09.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

КОНЦЕПТ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПОДРОСТКОВ

Ольга Петровна Фесенко

Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия

Виталий Александрович Пушкарёв

Омский кадетский военный корпус, г. Омск, Россия

Аннотация. В статье приведены результаты ассоциативного эксперимента, позволяющие описать структуру концепта «Бессмертный полк», отраженного в языковом сознании учащихся старших классов гимназии, студентов колледжа и кадет. По итогам исследования определены его ядерные (*память, война, гордость, победа, ветераны*) и периферийные (*единство, герои, слава, плакаты, праздник, Отечество, Родина, бесстрашие, величие, солдат, акция, смерть, толпа, скорбь, ждать, великоление, вспомнить, траур, дос-*

тойно и др.) компоненты. Обнаружены различия в структуре изучаемого концепта, детерминированные принадлежностью подростков к разным социальным группам (гимназисты, студенты колледжа, кадеты). В ядре концепта, отраженного в языковом сознании кадет, выявлены компоненты, свидетельствующие о сохранении личностно значимой связи с событиями Великой Отечественной войны. Эта связь практически утрачена у современных подростков других социальных групп. Специфичность периферии концепта в представлении кадет создается существенным разнообразием входящих в нее компонентов. Установлено, что концепт «Бессмертный полк» репрезентирован положительно окрашенными ассоциатами, чаще имеющими обобщенный характер. Делается вывод о том, что для сохранения исторической памяти необходима персонализация концепта. Материалы исследования могут найти применение в концептологии, социолингвистике, лингвокультурологии.

Ключевые слова: языковое сознание, языковое сознание подростков, концепт, структура концепта, концепт «Бессмертный полк», ассоциативный эксперимент.

Цитирование. Фесенко О. П., Пушкарёв В. А. Концепт «Бессмертный полк» в языковом сознании подростков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 148–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.12>

Введение

Великая Отечественная война – одно из важнейших событий в мировой истории. Ее последствия остаются значимыми по сей день и не только для тех людей и стран, которые принимали в ней непосредственное участие. Масштабные военные действия, как известно, проходили на территории Советского Союза. Именно поэтому Великая Отечественная война для России и россиян имеет особое значение, в том числе для формирования исторического и национального самосознания.

Особенности этноязыковой картины мира во многом определяются представлениями носителей языка об этой войне и ее роли в жизни общества. В современной России с празднованием Дня Победы в последнее время ассоциируется новое явление в нашей лингвокультуре – «Бессмертный полк». Сегодня его изучением занимаются специалисты в разных областях науки: культурологи [Гольшев, 2017], философы [Берсенева, 2019; Мансурова, 2015; Матяш, 2017], психологи [Токарев, 2016], журналисты [Губский, 2013; Нисова, 2015] и лингвисты [Вепрева, Купина, 2018].

При всей важности данного феномена в социокультурной жизни страны в лингвистике до сих пор остаются неисследованными представления о нем, отразившиеся в языковом сознании россиян в целом и в языковом сознании подростков в частности.

В связи с этим объектом нашего исследования избран концепт «Бессмертный полк»

как лингвокультурный феномен, а предметом – его отражение в языковом сознании подростков.

Цель исследования – охарактеризовать представления о значимом в современном социокультурном пространстве России феномене «Бессмертный полк», отраженные в языковом сознании подростков.

Задачи исследования: выявить структуру концепта «Бессмертный полк» в языковом сознании подростков, обучающихся в разных учебных заведениях (гимназия, колледж, кадетский корпус); определить особенности восприятия данного концепта подростками разных социальных групп.

Гипотеза исследования: концепт «Бессмертный полк» в языковом сознании подростков имеет некоторые особенности, свидетельствующие о его обезличенном, но эмоционально положительно наполненном содержании.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые проанализирован концепт «Бессмертный полк» и установлена его структура в языковом сознании подростков, проведен сравнительный анализ концепта «Бессмертный полк» в языковом сознании подростков, обучающихся в образовательных организациях разного профиля, что позволяет в дальнейшем выделить те компоненты концепта, опираясь на которые возможно создавать новый положительный образ Великой Победы и России в сознании современных подростков.

Практическая ценность заключается в получении данных, способных стать основой

для разработки программы патриотического воспитания в среде подрастающего поколения россиян.

Материал и методы

В работе использованы описательный метод (приемы наблюдения, сопоставления, интерпретации, обобщения и классификации); ассоциативный лингвистический эксперимент для выявления структуры концепта; прием количественных подсчетов при выделении ядра концепта и его периферийных элементов.

«Языковое сознание» как термин в современной лингвистической науке используется достаточно давно. Однако, как и любой термин, который активно функционирует в научных исследованиях, он характеризуется разнообразием толкований. В нашем исследовании мы будем придерживаться классической трактовки, представленной в лингвокультурологии, согласно которой языковое сознание – это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [Ахманова, 2005, с. 518].

Поскольку языковое сознание рассматривается как «совокупность фоновых знаний или представлений об окружающем мире» [Нечаева, 2009, с. 166], эти знания возможно эксплицировать посредством анализа языковых единиц, выражающих их: слов, словосочетаний, фразеологизмов, пословиц, текстов. При этом отмечается, что «единицы языкового сознания... не совпадают с языковыми единицами. За единицы сознания принимают концепты, воплощаемые в речи различными способами: словом, словосочетанием, высказыванием» [Барина, 2010, с. 17].

Как совокупность близких понятий, связанных между собой ассоциативно, концепт термин тоже неоднозначный, однако он позволяет описать структуру языкового сознания, в котором принято выделять базовые (основные) и факультативные концепты. Каждый концепт, в свою очередь, делится на субконцепты. Эта сложная система выстраивается на основе многоступенчатого анализа различных языковых единиц, особенностей их использования в речи, тех смысловых отношений, в которые они вступают.

Большинство исследователей, анализируя структуру концепта, отмечают, что в его составе выделяется центральное смысловое ядро и периферийная зона. Ядро концепта – это словарное значение языковой единицы, периферия – это субъективный опыт коммуникантов, прагматические составляющие лексем или фразеологизма, коннотации и ассоциации. Структура концепта базируется на выделении ключевых компонентов, «которые отражают повторяющиеся в тексте значения» [Ананьина, 2006, с. 578].

Исследование концептов еще не завершено в науке. Существуют различные методики их анализа. Мы обратились к методике, апробированной в исследовании М.А. Ананьиной [Ананьина, 2006], согласно которой анализ концептов состоит из двух этапов:

1. Определение ключевых слов (ассоциатов), содержащих на смысловом уровне общие элементы значения: а) установление ядра концепта, связанного с частотностью воспроизведения ассоциатов при проведении ассоциативного эксперимента; б) выявление периферийных компонентов концепта.

2. Обобщение всех ассоциаций, возникающих у носителей языка через выделение их общих смысловых компонентов. Установление ведущего концепта.

В статье представлены результаты первого этапа анализа концепта «Бессмертный полк».

Словосочетание *Бессмертный полк* сегодня известно абсолютному большинству россиян. Это прежде всего название шествия в День Победы, во время которого каждый желающий может встать с портретом своего предка, имевшего отношение к Великой Отечественной войне, в колонну идущих. Сегодня, согласно приблизительным подсчетам, эта акция охватила 1200 городов и сел [Нисова, 2015, с. 192]. В 2017 г. в акции приняло участие около 8 миллионов человек, в 73 российских регионах и более чем 20 странах; в 2019 г., согласно новостным заметкам с Интернетом, – уже более 10 миллионов [Нисова, 2015, с. 192].

Первоначально «Бессмертный полк» был социальным проектом, предложенным томскими журналистами Игорем Дмитриевым, Сергеем Лапенковым и Сергеем Колодкиным еще в 2012 г. [Губский, 2012, с. 58].

Журналисты стремились сохранить ощущение восхищения и торжественности празднования Дня Победы в то время, когда в колонне парада шли ветераны. Эта гражданская инициатива оказалась перспективной в общероссийском масштабе. Была создана электронная книга памяти в рамках проекта «Бессмертный полк – Москва», множество сайтов по регионам, мультимедийные проекты-презентации, посвященные «Бессмертному полку» [Нисова, 2015, с. 191], проекты книг, сайтов и колонн (рот) «Бессмертных полков» регионов и школ [Вайцель, 2019; Исакова, 2016]. Омская область тоже имеет страницу на сайте «Бессмертный полк», на которой можно выложить информацию о ветеранах Великой Отечественной войны (<https://www.pourolk.ru/>). Все эти проекты размещены в сети Интернет в открытом доступе.

Однако проведение акции и в среде исследователей, и в российском обществе вызывало и вызывает до сих пор самые разные отзывы. Наряду с положительными (их большинство на сайтах организаторов в различных регионах России) появляются и резко отрицательные. Часть населения нашей страны и жители других государств пишут о том, что акция эта навязана сверху, что она носит «добровольно-принудительный» характер, что выгодно властям, поскольку позволяет экономить средства на проведения парада и т. д. [Губский, 2013, с. 77].

Социокультурная ситуация проведения акции прогнозируется как конфликтная многими исследователями. Так, В.Д. Береснев отмечает, что «мы должны ожидать роста разнообразия интерпретации акции “Бессмертного полка” и, как следствие, – возникновения новых конфликтов на этой почве» [Берснев, 2019, с. 71]. Чтобы минимизировать конфликтность в социуме, связанную с проведением этой акции, следует понять, какое мнение об этом социокультурном феномене сформировалось в сознании молодежи. Выявить его помогает язык, средства которого отражают восприятие концепта «Бессмертный полк» в языковом сознании подростков.

О формировании этого концепта лингвисты уже заявили. Отмечено, что имя концепта – *Бессмертный полк* – расширяет свою

сочетаемость. Как показано И.Т. Вепревой и Н.А. Купиной [Вепрева, Купина, 2018], в современном дискурсе можно встретить его сочетание с глаголами (*«Бессмертный полк» заканчивает построение, идет, пройдет, шагает, вернул нам настоящее, связывает настоящее и прошлое*), наблюдается смена «опорного слова» (*рота* «Бессмертного полка» – не полк, а рота полка [Вепрева, Купина, 2018, с. 32]). В некоторых контекстах словосочетание *Бессмертный полк* используется без кавычек, что, по мнению исследователей, свидетельствует об олицетворении [Вепрева, Купина, 2018, с. 32]. Возможны замены одного из компонентов словосочетания, что показывает полную освоенность концепта носителями языка («бессмертный медсанбат» [Симоненко, 2019]). Все это является свидетельством стремления носителей языка «осмыслить ментально специфическое наполнение концепта новейшего времени» [Вепрева, Купина, 2018, с. 32–33]. Результаты анализа текстов СМИ позволяют ученым сделать вывод, что на первый план восприятия концепта «Бессмертный полк» выходит «идея народного единства» [Вепрева, Купина, 2018, с. 34]. Сегодня словосочетание *Бессмертный полк* функционирует в пяти значениях:

1. Название добровольной общенародной акции, приуроченной ко Дню Победы.
2. Шествие в День Победы.
3. Название межрегионального политического движения, цель которого – сохранение памяти о Великой Отечественной войне.
4. Название сайта – собрания семейных архивов о Великой Отечественной войне.
5. Герои, погибшие в Великую Отечественную войну [Вепрева, Купина, 2018, с. 32–34].

С учетом существующих в лингвистике наблюдений о семантике имени концепта «Бессмертный полк» охарактеризуем его структуру в языковом сознании подростков.

Исследование и результаты

Концепт «Бессмертный полк» в языковом сознании подростков разных социальных групп неоднороден. Это было выявлено в результате ассоциативного лингвистического эксперимента, участниками которого стали обучающиеся БОУ «Гимназия № 85» г. Омска

(100 человек), студенты БПОУ «Омский автотранспортный колледж» (100 человек) и кадеты Омского кадетского военного корпуса (100 человек).

Возраст участников составляет 16–18 лет.

Сроки проведения эксперимента: сентябрь 2019 г. – март 2020 года.

Участникам эксперимента было предложено за 10 минут записать пять ассоциаций на сочетание-стимул *Бессмертный полк*. Всего было дано 300 реакций, нулевых реакций не было. Далее материал систематизировался авторами статьи в соответствии с принадлежностью участников эксперимента к той или иной социальной группе: гимназисты, студенты, кадеты. В зависимости от количественной представленности ассоциатов для каждой группы определялись ядерные и периферийные компоненты.

Учащимся гимназии было дано 55 ассоциатов. В ядро концепта вошли следующие ассоциаты: *память, война, гордость, победа, честь, ветераны, смерть, уважение, 9 Мая* и *шествие* (рис. 1). Из них преобладают три: *память, война* и *гордость*, что вполне закономерно, поскольку именно они представляют собой наиболее воспроизводимые культурные стереотипы в современной Рос-

сии. Весьма показательное появление компонента *гордость* в ядре концепта, что позволяет говорить о сложившемся восприятии в среде гимназистов феномена «Бессмертный полк» как позитивного, значимого в российской современной культуре.

Среди периферийных компонентов концепта отмечены ассоциаты, имеющие положительные коннотации (*единство, герои, слава, бессмертие, патриотизм, патриоты, отвага, героизм, любовь, мужество, величие, сила, Отечество* и т. д.), нейтральные (*солдаты, народ, фото, люди, армия, единица армии, лента, плакаты*) и имеющие отрицательные коннотации (*смерть, скорбь, погибшие, потеря, жертвы, слезы, горечь, показуха, голод* и т. д.). Только один из 55 ассоциатов (*показуха*) отражает оценку шествия как формальной акции и представлен в ответах одного из 100 реципиентов. Отмечены единичные ассоциаты, связанные с отрицательным опытом участия в шествии: *жарко, долго идти*. В целом концепт статичен (существительные преобладают над другими частями речи). Он отражает положительное восприятие явления. Однако в нем практически не находит воплощения личностная значимость данного явления для носителей языка. В языковом сознании школьников практиче-

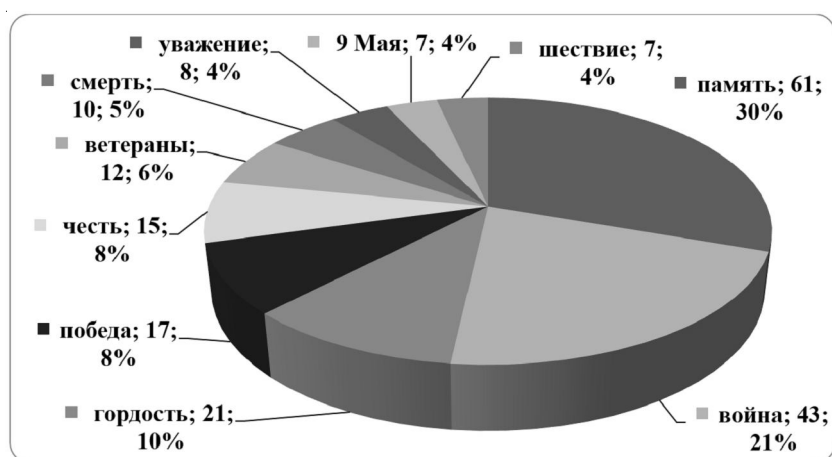

Рис. 1. Структура ядра концепта «Бессмертный полк» в языковом сознании гимназистов

Fig. 1. The structure of the core of the “Immortal Regiment” concept in the language consciousness of schoolchildren

Примечание. Здесь и в диаграммах ниже рядом со словом-ассоциатом указывается количество его воспроизведений в ответах респондентов (в абсолютном выражении и в процентах).

Note. Here and in the diagrams below, the number of reproductions in respondents’ answers (in absolute terms and as a percentage) is shown next to the associated word.

ки нет ассоциаций, связанных с конкретными людьми (родственниками), погибшими на фронте. Периферийные ассоциаты *бабушка* и *дедушка* зафиксированы нами в ответах всего 4 реципиентов-гимназистов из 100 опрошенных.

Студенты автотранспортного колледжа дали 56 ассоциатов на словосочетание-стимул. Ядро концепта составили следующие ассоциаты: *память*, *война*, *гордость*, *победа*, *9 Мая*, *ветераны*, *фотографии*, *шествие*, *люди* (рис. 2). Оно обнаруживает отличия от ядра концепта, сформированного в языковом сознании гимназистов: в нем нет эмоционально окрашенных компонентов *честь*, *смерть* и *уважение*, но наличествуют нейтральные ассоциаты, передающие восприятие формальных признаков «Бессмертного полка»: *фотографии* и *люди*. Хотя концепт в целом отражает положительное восприятие феномена «Бессмертного полка», выявляется некоторая его поверхностная оценка.

Среди периферийных компонентов также можно выделить те, которые имеют положительную коннотацию (*отвага*, *мужество*, *вечность*, *уважение*, *честь*, *Отечество*, *слава*, *доблесть*, *храбрость*, *герои*, *бесстрашие*, *героизм*, *дружба*, *подвиг*, *великий*, *Родина*, *величие* и т. д.), нейтральные (*портреты*, *гвоздики*, *песня*, *строй*, *марш*, *солдат*, *земля*, *акция*, *еда*, *внуки*,

много народа и т. д.) и имеющие отрицательные коннотации (*смерть*, *скорбь*, *слезы*, *печаль*, *горечь*, *боль*, *тревога*, *толпа*, *палки*). Последних два ассоциата единичны и передают формальную характеристику «Бессмертного полка». Что касается личностных показателей, то ассоциат *прадед* встретился 7 раз, *дедушка* воспроизведен дважды, *родные* – 4 раза, *внуки* – 1 раз. В целом 14 человек (из 100) осознают «Бессмертный полк» как часть истории семьи, а не только как часть истории государства. Можно говорить о том, что концепт «Бессмертный полк» статичен: существенные преобладают над другими частями речи. Он отражает положительное восприятие явления.

Кадеты наиболее часто воспроизводят следующие компоненты, вошедшие в ядро концепта: *память*, *гордость*, *война*, *победа*, *ветераны*, *люди*, *фотографии*, *день уважения*, *прадед / дед*, *ВОВ* (см. рис. 3). В целом концепт отражает положительное восприятие феномена. Отметим, что в составе ядра появляется личностно значимый компонент – *прадед / дед*.

Периферию концепта характеризуют ассоциаты, отмеченные только в ответах кадет и не зафиксированные при опросе гимназистов и студентов: *благодарность*, *колонна*, *вечно*, *Жуков*, *праздник*, *не умер*, *неуничтожаемая*, *бесконечное*, *хранимая*,

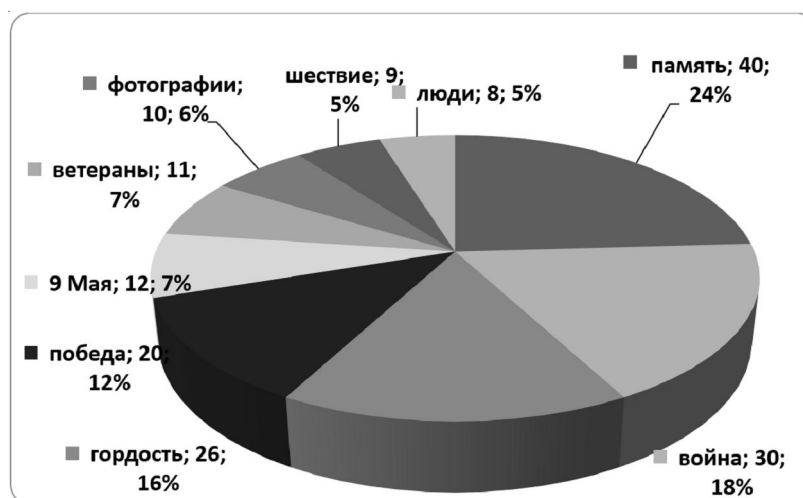

Рис. 2. Структура ядра концепта «Бессмертный полк» в языковом сознании студентов колледжа

Fig. 2. The structure of the core of the “Immortal Regiment” concept in the language consciousness of college students

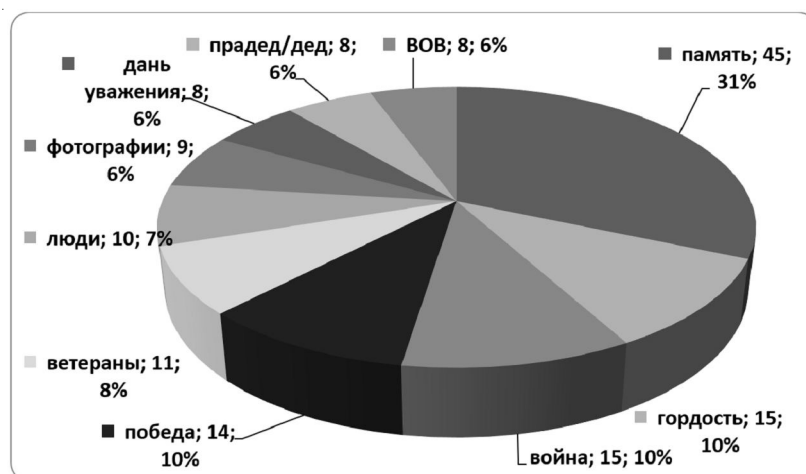

Рис. 3. Структура ядра концепта «Бессмертный полк» в языковом сознании кадет

Fig. 3. The structure of the core of the "Immortal Regiment" concept in the language consciousness of cadets

сильные, храбрые, страшное, огромно-человечный, большой, сильно, ходить, ждать, великолепие, вспомнить, траур, достойно, ВДВ, наша история и др. Заметим, что в ряду приведенных ассоциатов появились прилагательные. Это свидетельствует о яркой оценочности концепта, о восприятии «Бессмертного полка» через призму характеристик, а не предметов. Кроме того, глаголы, воспроизведенные участниками эксперимента, придают концепту динамичности. Для выражения эмоций реципиенты прибегают к окказиональным образованиям (*огромно-человечный*). Отмечен и специфический жаргонный ассоциат (*увал* «увольнение»). Кроме того, представлен ассоциат, выражающий отрицательную оценку: *толпа*, он воспроизводился нечасто (7 раз) и в ядро пока не попал.

Среди периферийных компонентов концепта встретились такие, которые наряду с *прадед / дед* связывают подростков с историей семьи через историю Родины: это фамилии родственников и ассоциаты *предки, родные* и *близкие*. В целом в представлении кадет концепт «Бессмертный полк» более персонализирован, чем в языковом сознании гимназистов и студентов, что отражает осознание ими сопричастности к Великой Победе и необходимости отдать дань уважения не абстрактным солдатам, а конкретным людям, воевавшим за нашу страну.

Выводы

Итак, в структуре концепта «Бессмертный полк» всего выявлено 212 ассоциатов (1398 воспроизведений), большая часть из которых представлены единично. 24 компонента превышают 10 воспроизведений и включены нами в ядро концепта (см. таблицу)

Общими компонентами ядра концепта для респондентов всех групп являются следующие: *память, война, гордость, победа, ветераны*. Только в языковом сознании кадет оказались компоненты *честь, прадед / дед*.

Часть ассоциатов положительны: *память, гордость, победа, ветераны, честь, 9 Мая, герои, шествие, уважение, отвага, парад, Отечество, День Победы, патриотизм, дань уважения, бессмертие, ВОВ, мужество, слава*; часть отрицательны: *война, смерть, толпа, скорбь, слезы*; часть формальны: *фото / фотографии, люди, портрет/ы, солдат/ы*.

На периферии концепта оказалось 100 ассоциатов, среди которых отмечены положительные (их большинство – 68: *вечность, дружба, подвиг, доблесть, храбрость, бесстрашие, достойно, праздник, великолепие* и др.), нейтральные (23: *марш, земля, акция, еда, внуки, наша история* и др.) и отрицательные (9: *печаль, горечь, боль, тревога, палки, траур, жертвы, страх, показуха*). Периферия концепта «Бессмертный полк» наиболее широко представлена в языковом со-

Ядро концепта «Бессмертный полк»

The core of the “Immortal Regiment” concept

Слово-ассоциат	Кол-во воспроизведений	Слово-ассоциат	Кол-во воспроизведений
<i>Память</i>	233	<i>Отвага</i>	18
<i>Война</i>	109	<i>Парад</i>	16
<i>Гордость</i>	95	<i>Отечество</i>	14
<i>Победа</i>	68	<i>Толпа</i>	14
<i>Ветераны</i>	46	<i>День Победы</i>	13
<i>Честь</i>	41	<i>Патриотизм</i>	13
<i>9 Мая</i>	40	<i>Скорбь</i>	13
<i>Герои</i>	36	<i>День уважения</i>	11
<i>Шествие</i>	36	<i>Солдат/ы</i>	11
<i>Фото / фотографии</i>	26	<i>Бессмертие</i>	10
<i>Люди</i>	23	<i>Великая Отечественная война</i>	10
<i>Уважение</i>	22	<i>Мужество</i>	10
<i>Прадед / дед</i>	21	<i>Слава</i>	10
<i>Смерть</i>	21	<i>Слезы</i>	10
<i>Портрет/ы</i>	20		

знании кадет, кроме ассоциатов – общеупотребительных единиц, наблюдается наличие окказиональных слов (*огромно-человечный*), фамилий родственников и героев войны. Отмечается также разнообразие частей речи, реализующих периферию концепта в языковом сознании кадет.

В целом результаты анализа структуры концепта в языковом сознании кадет по некоторым показателям отличаются от результатов анализа структуры концепта в языковом сознании школьников-лицеистов и студентов колледжа. Во-первых, ассоциативный ряд в опроснике кадет богаче: 119 (против 55 у школьников и 56 у студентов колледжа) – в среднем на 37 % разнообразнее. В его составе – ассоциаты, представленные разными частями речи (не только существительными, но и прилагательными и глаголами), что добавляет динамичности и эмоциональности концепту. Студенты и гимназисты в большей степени формализуют концепт, активнее включая в число ассоциатов внешние характеристики «Бессмертного полка», а в представлении кадет концепт «Бессмертный полк» более персонализирован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьина М. А., 2006. Из опыта анализа концептуального пространства (на примере рассказов Дж. Джойса «Дублинцы») // Концепт и культура : материалы II Междунар. науч. конф. (Кемерово, 30–31 марта 2006 г.). Прокопьевск : Полиграф. центр. С. 575–593.
- Ахманова О. С., 2005. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига. 576 с.
- Барина И. А., 2010. Языковое сознание: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 4. С. 10–21.
- Берсенева В. Д., 2019. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Вып. 1. С. 67–74.
- Вайцель Д. Э., 2019. «Бессмертный полк» города Барнаула как волонтерский проект // Молодежь – Барнаулу : материалы XX город. науч.-практ. конф. молодых ученых. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. С. 659–660.
- Вепрева И. Т., Купина Н.А., 2018. Бессмертный полк в контексте социального времени: к проблеме формирования нового концепта // Человек, текст, язык в системе социогуманитарного знания : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Тагил : НижГСПИ. С. 30–35.
- Гольшев А. И., 2017. Культурологический аспект «Бессмертного полка» // Экология культуры : сб. ст. по культурологии. Псков : Изд-во ПГУ. С. 8–13.
- Губский В. В., 2013. «Бессмертный полк»: далее, везде... Журналистская инициатива в аспекте патриотического воспитания // Журналистский ежегодник. № 2-1. С. 77–81.

- Исакова А. П., 2016. Бессмертный полк средней школы № 1 имени героя Советского Союза И.П. Малоземова (в поиске новых форм взаимодействия школы и семьи по патриотическому воспитанию школьников) // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Вологда : Изд-во Волог. гос. ун-та. С. 163–168.
- Мансурова В. Д., 2015. Время собирать камни: феноменология самоопределения россиян // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 45–53.
- Матяш Т. П., 2017. «Бессмертный полк»: верификация идей Н. Федорова // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 6. С. 49–55.
- Нечаева Е. Ф., 2009. Языковое сознание и национальная идентичность // Альманах современной науки и образования. № 11-2. С. 166–168.
- Нисова М. В., 2015. Аудитория гражданской инициативы «Бессмертный полк» // Журналистский ежегодник. № 4. С. 191–192.
- Симоненко В. Б., 2019. «Бессмертный полк» – «Бессмертный медсанбат»: люди и судьбы в истории госпиталя // Военно-медицинский журнал. Т. 340, № 5. С. 77–87.
- Токарев А. С., 2016. «Бессмертный полк» – символический анализ // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. № 5. С. 77–85.
- Bersenev V.D., 2019. «Bessmertny polk»: sotsiokulturny kontekst i filosofskaya refleksiya [“Immortal Regiment”: Sociocultural Context and Philosophic Reflection”]. *Vestnik Permskogo universiteta*, iss. 1, pp. 67-74.
- Vaytsel D.E., 2019. «Bessmertny polk» goroda Barnaula kak volonterskiy proekt [“Immortal Regiment” of Barnaul As a Volunteer Project]. *Molodezh–Barnaulu: materialy XX gorod. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenykh* [The Youth to Barnaul. Proceedings of 20th City Scientific Conference of Young Researchers]. Barnaul, Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 659-660.
- Vepreva I.T., Kupina N.A., 2018. Bessmertny polk v kontekste sotsialnogo vremeni: k probleme formirovaniya novogo kontsepta [“Immortal Regiment” in the Context of Social Time: Problem of Formation of a New Concept]. *Chelovek, tekst, yazyk v sisteme sotsiogumanitarnogo znaniya: sb. materialov II Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Human Being, Text, Language in the System of Socio-Humanistic Knowledge. Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference]. Nizhnyy Tagil, NizhGSPI, pp. 30-35.
- Golyshev A.I., 2017. Kulturologicheskiy aspekt «Bessmertnogo polka» [Culturological Aspect of the “Immortal Regiment”]. *Ekologiya kultury: sb. st. po kulturologii* [Ecology of Culture. Collection of Culturological Articles]. Pskov, Izd-vo PGU, pp. 8-13.
- Gubskiy V.V., 2013. «Bessmertny polk»: dalee, vezde... Zhurnalistskaya initsiativa v aspekte patrioticheskogo vospitaniya [“Immortal Regiment”: Next, Everywhere... Journalist Initiative in the Aspect of Patriotic Education]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*, no. 2-1, pp. 77-81.
- Isakova A.P., 2016. Bessmertnyy polk sredney shkoly № 1 imeni geroya Sovetskogo Soyuza I.P. Malozemova (v poiske novykh form vzaimodeystviya shkoly i semi po patrioticheskomu vospitaniyu shkolnikov) [“Immortal Regiment” of I.P. Malozemov Secondary School No. 1 (In Search of New Forms of Interaction Between the School and the Family in the Field of Patriotic Education of Schoolchildren)]. *Velikaya Otechestvennaya vojna: problemy mezhdistsiplinarnogo osmysleniya: materialy Vseros. nauch. konf., posvyasch. 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War: Problems of Interdisciplinary Understanding. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary

REFERENCES

- Ananina M.A., 2006. Iz opyta analiza kontseptualnogo prostranstva (na primere rasskazov Dzh. Dzhoyosa «Dublintsy») [From the Experience of the Conceptual Space Analysis (On the Example of Stories “Dubliners” by J. Joyce)]. *Kontsept i kultura: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Kemerovo 30–31 marta 2006 g.)* [Concept and Culture. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference (Kemerovo, March 30–31, 2006)]. Prokopyevsk, Poligraficheskiy tsentr, pp. 575-593.
- Ahmanova O.S., 2005. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, KomKniga Publ. 576 p.
- Barinova I.A., 2010. Yazykovoe soznanie: k voprosu ob opredelenii i interpretatsii termina [Linguistic Consciousness: Definition and Interpretation of the Term]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatelskogo politehnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaneya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], no. 4, pp. 10-21.

- of the Victory in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Vologda, Izd-vo Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 163-168.
- Mansurova V.D., 2015. Vremya sobirat kamni: fenomenologiya samoopredeleniya rossiyan [Time to Gather Stones: Phenomenology of Self-Determination of the Russians]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 3, pp. 45-53.
- Matyash T.P., 2017. «Bessmertny polk»: verifikatsiya idey N. Fedorova [“Immortal Regiment”: Verification of N. Fedorov’s Ideas]. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences], no. 6, pp. 49-55.
- Nechaeva E.F., 2009. Yazykovoe soznanie i natsionalnaya identichnost [Language Consciousness and National Identity]. *Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], no. 11-2, pp. 166-168.
- Nisova M.V., 2015. Auditoriya grazhdanskoy initsiativy «Bessmertny polk» [The Audience of Civil Initiative “Immortal Regiment”]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*, no. 4, pp. 191-192.
- Simonenko V.B., 2019. «Bessmertny polk» – «Bessmertnyy medsanbat»: lyudi i sudby v istorii gospitalya [“Immortal Regiment” – “Immortal Medical and Sanitary Battalion”: People and Fortunes in the History of the Hospital]. *Voенно-meditsinskiy zhurnal*, vol. 340, no. 5, pp. 77-87.
- Tokarev A.S., 2016. «Bessmertny polk» – simvolicheskiy analiz [“Immortal Regiment” – Symbolic Analysis]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra UrO RAN* [Perm Federal Research Centre Journal], no. 5, pp. 77-85.

Information About the Authors

Olga P. Fesenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian and Foreign Languages, Omsk State Transport University, Prosp. Karla Marksa, 35, 644046 Omsk, Russia, Olga.Fesenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2373-1880>

Vitaliy A. Pushkarev, Lecturer of Russian Language and Literature, Omsk Cadet Military Corps, Lenina St, 26, 644024 Omsk, Russia, p.v.a.05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6563-1247>

Информация об авторах

Ольга Петровна Фесенко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков, Омский государственный университет путей сообщения, просп. Карла Маркса, 35, 644046 г. Омск, Россия, Olga.Fesenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2373-1880>

Виталий Александрович Пушкарёв, преподаватель русского языка и литературы, Омский кадетский военный корпус, ул. Ленина, 26, 644024 г. Омск, Россия, p.v.a.05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6563-1247>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.13>

UDC 81'22
LBC 81.002

Submitted: 11.01.2021
Accepted: 11.05.2021

CONTINUITY OF LANGUAGE LEVELS HIERARCHY

Vladimir M. Savitsky

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract. The author points out that the structure of language levels system is still a crucial linguistic problem, that research in this field is far from being completed and that there is a need for further improvement of the current models of language levels hierarchy. The author sets out his reflections that sprang up from striving to eliminate some contradictions in the existing models of the language levels system. Applying the method of comparative analysis, elements of the model theory and linguistic systemology, using the Russian language material supplemented by some sporadic examples from other languages, the researcher puts forward a number of amendments to the existing models of the language levels hierarchy – amendments intended for riddance of the above-mentioned contradictions. The author argues in favor of merging the morphological and lexical levels, as well as the level of syntax and that of utterances, and offers insertion of the word combinations level at which language units and speech units co-exist, forming two intersecting sub-levels. The expediency of combining the system of language levels and that of speech levels into a common speech-language space has been proved. Using the empirical material, the author demonstrates the level boundaries blurring and existence of inter-level gaps, which contain hybrid units that have typological features of both the upper level and the lower level. The following conclusion is drawn: the speech-language hierarchy must be schematically presented not so much a column of hard and fast lines as a linguistic continuum with smooth transitions between the levels.

Key words: language system level, linguistic continuum, hierarchy of levels, language unit stability, free phrases.

Citation. Savitsky V.M. Continuity of Language Levels Hierarchy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 158-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.13>

УДК 81'22
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 11.01.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

КОНТИНУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИЕРАРХИИ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ

Владимир Михайлович Савицкий

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

Аннотация. В статье показано, что строение системы языковых уровней остается важной лингвистической проблемой и что исследования в данной области еще далеко не завершены. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования имеющихся моделей иерархии уровней языка. Используя метод сопоставительного анализа, элементы теории моделей и лингвистической системологии, изучая материал русского языка с привлечением отдельных примеров из других языков, автор предложил ряд уточнений к существующим моделям, нацеленных на устранение выявленных в результате анализа противоречий. В ста-

ть выдвинуты аргументы в пользу объединения в модели морфологического и лексического уровней, а также уровней синтаксиса и высказывания. Предложено ввести уровень сочетаний слов, где языковые и речевые единицы сосуществуют, образуя два подуровня. Доказана целесообразность объединения систем языковых и речевых уровней в общее речезыковое пространство. Автором продемонстрирована размытость границ между уровнями и существование межуровневых участков, которые содержат гибридные единицы, имеющие типологические признаки как единиц языка, так и единиц речи. Сделан вывод о том, что речезыковая иерархия представляет собой лингвистический континуум с постепенными переходами между уровнями.

Ключевые слова: уровень системы языка, лингвистический континуум, иерархия уровней, устойчивость языковых единиц, переменные сочетания слов.

Цитирование. Савицкий В. М. Континуальный характер иерархии языковых уровней // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 158–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.13>

Введение

Вопрос о том, как устроена иерархия уровней языковой системы, до сих пор остается одним из фундаментальных в лингвистике. Усилия, направленные на его решение, можно охарактеризовать известным выражением *quest for the essence of language* (поиски сущности языка) [Jakobson, 2012, p. 413]. Не зря среди языковедов бытует мнение, пусть и утрированное, но не лишнее некоторых оснований: кто наконец сконструирует непротиворечивую модель уровней языковой системы, тот разработает полную теорию строения языка.

На тему языковых уровней существует обширная литература (ее обзор см., в частности, в: [Бижоев, 2014]), но изыскания, проводимые в данном направлении, далеки от завершения. Каждый лингвист, который обращается к этому вопросу, вносит в его разработку посильный вклад. Ниже приводятся наши соображения, родившиеся из стремления устранить некоторые противоречия в имеющихся моделях системы языковых уровней.

Чем вызвана необходимость многоуровневости языка?

Чтобы выразить несколько десятков концептов, которыми ограничивался кругозор первобытного человека в далекие доисторические времена, вероятно, хватало одно- или двухуровневой знаковой системы, однако, как будет показано ниже, чтобы язык мог десигнировать сотни тысяч концептов высокоразвитой лингвокультуры, требуется значительно большее число уровней. Это вызвано необходимостью достичь баланса синтагматики и парадигматики, без которого невозможно вы-

ражать огромное количество концептов и при этом оставаться в границах психофизических возможностей человека.

Материал и методы

Для выявления противоречий в существующих моделях организации языковых уровней и поиска путей их совершенствования используются метод сопоставительного анализа, элементы теории моделей и лингвистической системологии; исследуется материал русского языка с привлечением отдельных примеров из других языков.

Результаты и обсуждение

С целью подтверждения этого тезиса о необходимости баланса синтагматики и парадигматики в организации языковых уровней проведем мысленный эксперимент на основе идей математической комбинаторики. Вообразим двухуровневую знаковую систему; на нижнем уровне системы располагаются элементарные единицы (например, фонемы), а на верхнем – производные единицы, которые представляют собой синтагмы элементарных единиц (фонем). Если парадигма фонем малочисленна, то, чтобы выразить огромное число концептов, синтагмы придется делать столь длинными, что с ними не справится человеческая память. При этом речевая цепь окажется непомерно растянутой, время общения станет очень долгим, а пропускная способность канала связи – небольшой. В целом эффективность общения будет далеко не достаточной для нужд современной цивилизации.

Если же резко укоротить синтагмы, то придется создавать громадную парадигму элементарных единиц (фонем), с которыми не справится теперь уже артикуляторный аппарат человека и его психический механизм распознавания фонем на слух. Однако даже если постараться уравновесить парадигматику и синтагматику, создав среднего размера парадигму исходных единиц и получив средней длины синтагмы, то все равно как парадигма, так и синтагмы будут содержать слишком большое число единиц. Фонемный фонд в 300–400 фонем и слова длиной в полсотни фонем можно охарактеризовать метким выражением *лингвистический ад* [Jespersen, 2017, p. 119]. Ясно, что двухуровневая знаковая система в любом из вышеописанных вариантов непригодна для выполнения столь серьезной задачи, как выражение сотен тысяч концептов.

Чтобы знаковая система соответствовала природным возможностям человека и позволяла эффективно (то есть емко и лаконично) выражать мысль, она (и вместе с нею речевая цепь) должна быть многоуровневой. Этот принцип реализован в естественных языках. Путем комбинирования фонем создаются морфемы; путем комбинирования морфем – слова и т. д. В итоге из небольшого числа исходных единиц возникают достаточно короткие единицы лексического уровня: средняя длина знаменательного слова в японском языке составляет 10,8 фонем, в русском – 7,2, в английском – 5,2 и т. д. [Левицкий В.В., 2012, с. 228]. Такое соотношение находится в границах человеческих возможностей и делает вербальную коммуникацию в достаточной степени эффективной. Принцип многоуровневости знаковой системы, в основе которого лежат закономерности математической комбинаторики, – великое достижение коллективного разума, обусловившее прогресс цивилизации и культуры.

Нижний уровень языка – фонологический. На нем располагаются фонемы (звуки языка), объединенные в фонемы; как известно, по отношению к ним фонемы выступают как позиционные варианты – аллофоны. Количество фонем в среднем по языкам составляет от 20 до 50 [Бурлакова и др., 1962, с. 14].

Выше располагается морфемный уровень, который содержит морфемы – минимальные из языковых единиц, обладающих значением. Они объединены в морфемы; по отношению к морфемам морфемы выступают как позиционные варианты – алломорфы. Морфемы представляют собой синтагмы фонем. Число единиц данного уровня в среднем по языкам составляет 3000–5000 (так, СМ включает около 5000 морфем). Это на два порядка (примерно в 100 раз) больше количества единиц нижнего уровня – фонем.

Многие языковеды следующим называют морфологический уровень – уровень словоформ. Принцип постулирования уровней здесь остается прежним: словоформы являются синтагмами морфем.

До сих пор все представляется логичным и последовательным, но если постулировать уровень словоформ, то далее общий принцип построения иерархии уровней окажется нарушенным, поскольку единицы следующего уровня – слова – складываются из словоформ не по синтагматическому, а по парадигматическому принципу. Как же устранить эту непоследовательность в постулировании уровней языка?

Когда слово рассматривается как комплекс вариантов, оно называется лексемой. Варианты лексем бывают разных видов. Лексема складывается:

– из морфологических вариантов (словоформ): *судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе* (Б. Окуджава. Заезжий музыкант);

– лексико-семантических вариантов (носителей разных лексических значений): *стол¹* (предмет мебели), *стол²* (учреждение), *стол³* (питание; диета);

– фонетических вариантов: *ноль / нуль*;

– морфемных вариантов: *волчиха / волчица*;

– орфографических вариантов: *каратэ / карате*.

Думается, целесообразно поместить над морфемным уровнем не уровень словоформ, а уровень лексем; словоформы же, рассматриваемые как позиционные варианты лексем, называть аллолексами – подобно тому, как варианты фонем называются аллофонами, а варианты морфем – алломорфами. (Использование наименования *аллолексы* представля-

ется логичным, хотя из-за неблагозвучия или по иной причине оно не прижилось в научном обиходе.)

В таком случае сохраняется общий принцип построения иерархии: всякая единица вышележащего уровня (лексема) являет собой синтагму единиц нижележащего уровня (морфем). Уровень словоформ (морфологический уровень) при этом не постулируется. Словоформы, будучи морфологическими вариантами лексем, включаются в состав лексем и относятся к лексическому уровню – так же, как фонетические и другие варианты лексем. Такова логика иерархии.

Здесь может возникнуть возражение: исследователь – это наблюдатель, а не творец языка, не дизайнер его устройства. Как он может «поместить один уровень выше другого» или «вместо другого», «ввести один уровень и убрать другой» и т. п.? Это непростой методологический вопрос, который касается характера соотношения объекта и его модели. Разумеется, лингвисты не перекраивают объективно существующую структуру языка. Они проделывают это не с языком, а с его моделями, которые они сами же и конструируют. Поскольку в терминах кибернетики система языка представляет собой «черный ящик» (объект, внутреннее строение которого недоступно прямому наблюдению), критериями адекватности модели объекту (оригиналу) считаются логическая непротиворечивость, сравнительная простота и объяснительная сила модели [Лебедев, 2018]. К этому идеалу и стремятся лингвисты, перестраивая и совершенствуя не язык, а созданные ими модели языковой структуры. Они «творят язык» в том же смысле, в котором физики «творят вселенные»: для краткости физики говорят о «вселенной Эйнштейна», «вселенной Фридмана», «вселенной Хокинга» и т. д., имея в виду модели строения Вселенной.

Словарный фонд развитых языков (полмиллиона и более слов) по числу единиц на два порядка ($\times 10 \times 10$) превышает морфемный фонд. Как видим, в количественном отношении каждый шаг иерархии (как говорят математики, знаменатель геометрической прогрессии) составляет два порядка: морфем в ≈ 100 раз больше, чем фонем, а слов в ≈ 100 раз больше, чем морфем.

Какой уровень находится выше лексического? По этому вопросу мнения расходятся. Часть языковедов следующим считает синтаксический уровень. Но А.В. Кунин верно указал на то, что уровень синтаксиса не рядоположен другим уровням, так как на нем располагаются не единицы, а конструкции. А.В. Кунин полагал, что «фразеологический уровень является высшим языковым уровнем» [Кунин, 1970, с. 30]. Эти утверждения вызывают некоторые возражения. Во-первых, есть целый ряд раздельно оформленных единиц помимо фразеологизмов: фразеоматизмы, составные термины, клише, штампы и т. д. При таком подходе остается неясным, куда следует их отнести. Во-вторых, провозгласив наличие фразеологического уровня, исследователь будет вынужден признать, что это фрагментарный уровень, охватывающий отнюдь не все единицы более низкого уровня: как известно, фразеологизмы включают в свой состав лишь меньшую часть слов, образующих лексический фонд языка.

Самой логичной нам представляется следующая версия: над уровнем слов располагается уровень сочетаний слов. Они являются синтагмами слов. Таким образом, общий принцип построения иерархии соблюдается и здесь.

Эту версию мы выносим на обсуждение. Контраргумент против нее состоит в том, что сочетания слов в своем большинстве относятся не к системе языка, а к речевой стихии. Это неустойчивые (переменные) сочетания; они не воспроизводятся как готовые единицы, а производятся в речи вновь и вновь. Они действительно речевые, однако, на наш взгляд, отсюда следует не то, что уровня сочетаний слов не существует, а то, что данный уровень относится частично к языку, а частично к речи. Это – речезыковой уровень, место смыкания корпуса единиц языка и корпуса единиц речи, на котором совместно (на двух подуровнях) расположены языковые единицы (устойчивые сочетания слов) и речевые единицы (переменные сочетания слов). При этом на границе подуровней имеет место взаимная диффузия этих корпусов единиц (о нише, которую на этом уровне занимает фразеологический фонд языка, см. в: [Савицкий, 1993]).

Нам могут возразить: дихотомия «язык :: речь» постулируется по парам дифференциальных признаков «виртуальное :: реальное» и «ненаблюдаемое :: наблюдаемое». Иными словами, язык размещается в головах коммуникантов, а речь существует объективно-реально, она слышна и видна. Как можно провести границу между онтологически разнородными явлениями?

На это у нас есть ответ: дихотомия «язык :: речь» может быть постулирована не только по указанным парам, но и по паре дифференциальных признаков «устойчивое :: неустойчивое». Устойчивые (языковые) единицы – фонемы, морфемы, слова, фразеологизмы, фразеоматизмы, паремии и др. – столь же объективно-реальны, сколь и неустойчивые (речевые) единицы – переменные сочетания слов и переменные высказывания. Проводя с этих позиций границу между языком и речью, мы имеем в виду онтологически однородные явления: корпус языковых (устойчивых) единиц и корпус речевых (неустойчивых) единиц.

Учитывая, что устойчивость единиц является градуальной величиной (подтверждение этого см. в: [Савицкий, Кулаева, 2004]), можно, по нашему мнению, утверждать, что на уровне сочетаний слов сосуществуют высокоустойчивые, среднеустойчивые, слабоустойчивые, а также неустойчивые единицы. Четко подразделить их на подуровни весьма трудно. Граница между корпусом языковых (устойчивых) и корпусом речевых (переменных) единиц размыта в широком диапазоне.

Точнее говоря, эта граница размыта более чем на одном уровне иерархии. Промежуточная зона охватывает уровни слов, сочетаний слов и высказываний; языковые и речевые единицы на них представлены в разных пропорциях.

На лексическом уровне устойчивых единиц подавляющее большинство, но все же там имеются и слабоустойчивые, и неустойчивые слова. Среди них:

– поэтические и юмористические авторские окказионализмы: мир *тихвейных* слов (К. Бальмонт), стая легких *времйрей* (В. Хлебников), *кобелировать / кобеляж* (И. Ильф и Е. Петров), *недоперевыполнить* (М. Зощенко);

– случаи языковой игры: *сюрпризрак* < *сюрприз* + *призрак* (А. Вознесенский), врачebный *конвульсиум* < *консилиум* + *конвульсии* (М. Жванецкий);

– перлы детского словотворчества: *намакаронился* «наелся макарон», *мазелин* < *мазь* + *вазелин* (К. Чуковский);

– конструируемые в обыденной речи слова со свободно присоединяемыми аффиксами: *супермозг*, *супергерой*, *суперкайф*; *санкционка*, *удалёнка* и др.;

– ассимилированные заимствования: *хайпить*, *майнить*, *лайфхачить* и др.;

– неустойчивые сложные слова: *растяжечно-силовые* упражнения, *кефирно-яблочная* диета, *шорто-футболочная* комбинация и др.;

– иные случаи окказиональной реализации потенциала словообразовательных моделей, удовлетворяющей ситуативно обусловленные потребности номинации (в частности, дериваты онимов: *ассанжевские* разоблачения «разоблачения, сделанные Дж. Ассанжем», *икеевские* товары «товары торговой сети IKEA» и др.).

В процессе вербальной коммуникации регулярно порождаются слова, среди которых многие так и остаются речевыми, не достигнув той степени устойчивости, которая требуется для вхождения слов в систему языка.

Что касается уровня высказываний, на нем тоже располагаются как речевые (переменные), так и языковые (устойчивые) единицы – пословицы, поговорки, клише и др. Таким образом, «буферная» зона между языком и речью охватывает три уровня речезыковой иерархии.

Высказывания имеют форму грамматического предложения и образуют свой собственный уровень. Мы не называем его ни уровнем предложений, ни синтаксическим уровнем по той причине, которая упоминалась нами выше: синтаксис, содержащий конструкции, не рядоположен уровням, содержащим единицы. «Предложение... единица формальная, грамматическая. Реальной коммуникативной единицей выступает высказывание» [Левицкий Ю.А., 1999, с. 99]. На наш взгляд, систему синтаксических конструкций нецелесообразно считать уровнем языка. Эти конструкции встроены в высказывания, состав-

ляя их реляционный каркас. Поэтому мы рассматриваем их как ингерентную часть высказываний и не постулируем отдельный синтаксический уровень.

Уровень высказываний имеет главным образом речевой характер. В подавляющем большинстве высказывания являются переменными. Как правило, высказывание – это синтагма из двух и более сочетаний слов; встречаются, впрочем, и высказывания, содержащие только одно сочетание слов (*Отдать швартовы!*) и даже одно слово (*Уходи*). Количество высказываний (как и число сочетаний слов) настолько велико, что не поддается точному учету.

Если по-прежнему исходить из того, что каждый шаг иерархии составляет два порядка (знаменатель прогрессии ≈ 100), то общее количество сочетаний слов (устойчивых и переменных) исчисляется сотнями миллионов, а количество высказываний – десятками миллиардов. (Мы имеем в виду не только единицы, реально наблюдаемые в речи, но и те, которые могут быть созданы по правилам языка и предписаниям нормы речи.) Как видим, потенциал языка огромен.

На самом вершине речезыковой иерархии расположен уровень текста. На нем тоже соблюден общий принцип построения иерархии: текст представляет собой синтагму высказываний. Этот уровень относится исключительно к речи: не бывает текстов, являющихся единицами языковой системы.

Итак, взаимопереход «язык $\leftrightarrow$ речь» характеризуется постепенностью. Это побуждает нас к тому, чтобы постулировать общее речезыковое пространство (лингвистический континуум) с единой иерархией уровней (о концепции лингвистического континуума см.: [Савицкий, Кулаева, 2004]).

Ниже приводится соответствующий нашим представлениям перечень уровней речезыкового пространства с указанием приблизительной пропорции речевых и языковых единиц на каждом уровне:

- уровень текстов (исключительно речевой);
- уровень высказываний (преимущественно речевой);
- уровень сочетаний слов (как речевой, так и языковой);

- уровень слов (преимущественно языковой);
- уровень морфем (исключительно языковой);
- уровень фонем (исключительно языковой).

Не во всех случаях единица вышележащего уровня является синтагмой единиц предшествующего уровня. Одночленное множество – частный случай множества. В отдельных случаях единица, принадлежащая к более высокому уровню, состоит лишь из одной единицы нижележащего уровня. Встречаются:

- морфемы, которые состоят лишь из одной фонемы (*в-*, *-ы*);
- слова, которые состоят лишь из одной морфемы (*вот*, *так*);
- высказывания, состоящие из одного слова (*Зима. Вечерет*).

Единица более низкого уровня может пройти сквозь несколько высших уровней. Встречаются словоформы и слова, состоящие из одной фонемы, и высказывания из одной словоформы, которая состоит лишь из одной фонемы. Удачная иллюстрация этого факта содержится в известной древнеримской притче. Два сенатора заключили пари, кто сможет выразиться лапидарнее. Первый сказал: *Ео рус* (лат. «Уезжаю в село»), полагая, что короче сказать невозможно. Второй ответил: *І* (лат. «Поезжай») [Meynet, 1998, p. 247]. Он победил в этом состязании: в данном случае единица *І* представляет собой фонему, морфему, слово (глагол *ire* «ехать / идти» в императивной форме единственного числа), высказывание (реплику).

Использование одной единицы вместо синтагмы единиц – это проявление закона языковой экономии: оно способствует сокращению речевой цепочки, речевых усилий и времени коммуникации, повышает пропускную способность канала связи.

Вышеописанная модель речезыковой иерархии является структурной. М.В. Никитин предложил иную, а именно функциональную модель, коррелирующую со структурной моделью. Исходя из функций единиц языка и речи, он выделил:

- уровень дистинкторов, различающих смысл;

– уровень фиксаторов, несущих смысл;
– уровень номинаторов, называющих объекты (предметы и явления);

– уровень коммуникаторов, сообщающих (передающих) смысл [Никитин, 1983].

В функции дистинкторов выступают в основном фонемы, в функции фиксаторов, как правило, морфемы, в функции номинаторов – главным образом слова и сочетания слов, в функции коммуникаторов – по преимуществу высказывания. При этом единицы высших уровней сохраняют функции единиц низших уровней. Например, лексические компоненты сочетаний слов обычно бывают номинаторами, однако при этом они остаются и фиксаторами, и дистинкторами, например: *дать леица* («ударить») – *дать маху* («просчитаться») – *дать дёру* («убежать») и т. п.

Соотношение функциональных и структурных уровней речезыковой иерархии не является изоморфным, то есть взаимно-однозначным соответствием. Если единица перестала выполнять свою основную функцию, то она выполняет функцию предыдущего уровня иерархии. Так, в основной роли дистинкторов в ряде случаев выступают не фонемы, а морфемы, если они утратили функцию фиксаторов. Например, в словах *брусника*, *карика*, *куманика* формант *-ика* означает «ягода», а корневые морфемы потеряли самостоятельные значения и в наше время выполняют «лишь функции, подобные тем, которые выполняют фонемы в составе слова» [Телия, 1969, с. 211]. Эти корневые морфемы – не фиксаторы, а только дистинкторы, которые позволяют различать значения этих названий ягод, и не более того.

Аналогичным образом слова порой теряют функцию номинаторов; у них остается лишь функция фиксаторов. В этом отношении такие слова сближаются с морфемами. Приведем примеры: *штык-нож*, *штаб-квартира*, *генерал-майор*. Компоненты этих языковых единиц не склоняются и имеют только признаки морфем-фиксаторов. Падежные флексии принадлежат не второму компоненту, а всему слову целиком: (*штык-нож*)а, (*штык-нож*)у и т. д.

Более того, слово порой утрачивает статус не только номинатора, но и фиксатора, сохранив лишь статус дистинктора и уподоб-

ляясь в этом отношении фонеме. Таков, например, лексический компонент *баклуши* во фразеологизме *бить баклуши*: он не обладает самостоятельным значением и выполняет только смысловозначительную функцию (*бить баклуши* :: *бить поклоны*).

Существуют высказывания, переставшие быть коммуникаторами и выполняющие только функцию номинаторов, уподобляясь в этом отношении словам. Приведем ряд примеров.

(1) Разве Валька простила бы его шуры-муры с этой, как ее... – Дуся посмотрела на стусевавшегося Леонида с надеждой, что он подскажет ей, как звали эту «**прости Господи**» (Аксенов, с. 22).

Здесь высказывание *прости Господи* функционирует как слово – в номинативной функции, в субстантивном значении «гуляющая девица».

(2) Не буду молчать! У самих хлеба осталось **кот наплакал**, а ты его, чёрта горбатого, содержишь, кормишь каждый день (М.А. Шолохов. Тихий Дон // ФС).

Высказывание *кот наплакал* тоже выступает здесь как слово – в номинативной функции, в адвербиальном значении «очень мало».

(3) Понимаешь, в студии у них работка *не бей лежачего*, вот они и не хотят менять ее на мастерские (И.В. Коваленко. Откровения юного Слоева // ФС).

Здесь высказывание *не бей лежачего* употреблено как слово – в номинативной функции, в адъективном значении «легкая».

На сближении функций разноуровневых единиц основывается регрессия (спуск) некоторых из них на более низкий уровень иерархии, превращение сочетания слов или даже высказывания в сложное слово, а составляющих его слов – в морфемы, например: *благодарю* → *благодарю*; *с ума сведший* → *сумасшедший*; *за благо рассудится* → *заблагорассудится*; англ. *also ran* (букв. «тоже бежал») → *an also-ran* (сложное слово, которое означает «участник состязания, не занявший призового места»); фр. *écoute s'il pleut* (букв. «послушай, не идет ли дождь») → *un écoute-s'il-pleut* (сложное слово, имеющее два значения: 1. «Паникёр, пасующий даже перед небольшими трудностями». 2. «Туманное обещание»).

В русском языке упомянутая регрессия затруднена вследствие большого количества флексий, которые препятствуют слиянию сочетаний слов в слова. Поэтому она чаще происходит с одновершинными сочетаниями слов: *в миг* → *вмиг*; *наверху* → *наверху*; *изпод тишка* (*тишок* устар. «подворотня») → *исподтишка*; *не в домёк* (*домёк* устар. «догадка, соображение») → *невдомёк*; *не в моготу* (*могота* устар. «сила, мощь») → *невмоготу* и т. п.

В английском же языке, с его относительно бедным фондом флексий и обилием неприводных (корневых) слов, такая регрессия представляет собой распространенное явление, не исключая двухвершинных сочетаний слов. Например, сочетания двух имен существительных (субстантивные биномы) нередко объединяются в сложные слова по следующему образцу: *shot* «дробь» + *gun* «ружье» → *shotgun* «дробовое ружье, дробовик».

Этому процессу особенно способствует идиоматизация (возникновение семантической целостности). Слияние значений слов в плане содержания порой ведет к слиянию самих слов в плане выражения, например: *pig* «свинья» + *tail* «хвост» → техн. *pigtail* «гибкий проводник». Аналогичный процесс наблюдается и в сочетаниях слов типа «прилагательное + существительное»: *red* «красный» + *eye* «глаз» → *redeye* «крепкое виски». Именно цельноформленность дает возможность отличать идиоматичные единицы (например, *bigwig* «важная персона, большая шишка») от единиц с буквальным значением (*big wig* «большой парик»).

В промежутке между уровнем слов и уровнем сочетаний слов находятся единицы, имеющие типологические признаки как того, так и другого уровня, например: *культурно значимый* / *культурно-значимый* (оба орфографических варианта встречаются в письменной речи). Этому способствует двойственность финали *-о*: она может осмысливаться как наречное окончание или как соединительная гласная.

Некоторые такие пары лишены амбивалентности; они отчетливо различаются не только в плане выражения, но и в плане содержания. Например: *долго играющий* / *долгоиграющий* аудиодиск. Первый член этой

пары имеет буквальное значение («диск, играющий в течение длительного времени»). Это сочетание слов. У второго члена пары значение не буквально, оно в некоторой степени идиоматизировано; это сложное слово, обозначающее диск заданного формата с определенными техническими характеристиками. В данном случае идиоматизация сочетания слов тоже обусловила его слияние в сложное слово, приведшее к его спуску на нижележащий уровень иерархии.

Единицы с двойственным языковым статусом можно назвать лексемо-фразами, а их компоненты – морфемо-лексемами (помимо наших исследований, такой подход использован в работах наших учеников; см., например: [Молчкова, 2012; Доладова, 2016]).

Единицы, которые обладают признаками двух уровней, встречаются и в промежутке между уровнем морфем и уровнем лексем. Таковы, например, компоненты русской языковой единицы *диван-кровать*. Если расценивать ее как аппозитивное сочетание слов типа *спутник-шпион* (в косвенных падежах склоняются оба компонента: *спутником-шпионом*), то она должна склоняться как сочетание слов (*диваном-кроватью*). В этом случае ее компоненты следует считать словами. Однако если считать *диван-кровать* сложным словом типа *плащ-палатка* (склоняется все слово: *плащ-палаткой*), то оно должно склоняться как слово (*диван-кроватью*), и тогда его компоненты следует считать морфемами. В речи встречаются оба варианта склонения, что говорит о промежуточном (межуровневом) статусе названной единицы и ее компонентов; перед нами лексемо-фраза, состоящая из морфемо-лексем.

Изредка встречаются единицы, которые обладают типологическими признаками и корневой морфемы, и фонемы. Так, в слове *щи* элемент *щ-*, с одной стороны, является корневой морфемой (*щ-ей* / *щ-ам*, уменьшит. *Налей-ка мне щ-ец*, устар. *Чую щ-аной дух*). С другой стороны, элемент *щ-*, рассматриваемый изолированно, не осмысливается как фиксатор (носитель) значения «капустный суп» (то есть как корневая морфема) и выполняет лишь дистинктивную функцию, присущую фонемам (*щи* :: *ли*; *щей* :: *бей*; *щам* :: *нам*).

По данным ЭС, слово *щи* восходит к древнерус. *сьть* «еда». Лексикализованная форма множественного числа *сьти* обозначала сначала сытную еду из многих ингредиентов, а затем – в результате сужения значения – один из видов такой еды (суп из капусты и других овощей с мясом). Впоследствии произошло фонетическое стяжение: *сьти* → *сти* → *шти* → *щи*. В итоге остаток *щ-* от корня *сьть-* перестал ощущаться как морфема, хотя объективно это морфема.

Такие промежуточные единицы можно назвать фонемо-морфемами. Это не морфонемы. По Н.С. Трубецкому, морфонема – это комплекс фонем, которые чередуются в составе морфемы (например, [к / ч] в корне слов *рука / ручной* [Лингвистический..., 1990]. Что касается фонемо-морфемы, это языковая единица, которая имеет типологические признаки как фонемы, так и морфемы и потому располагается между уровнем фонем и уровнем морфем.

В ряде работ [Бижоев, 2014; Завьялов, 2015; Слюсарева, 1969; и др.] рассматривается вопрос о промежуточных подуровнях языковой иерархии и о находящихся там единицах. В частности, Н.А. Слюсарева выделила подуровни морфонем, сервем (служебных слов) и фразем (раздельнооформленных единиц, имеющих целостные значения, как слова). Во всем этом, несомненно, есть рациональное зерно: все перечисленные единицы связаны как с верхним, так и с нижним уровнем иерархии. Однако связаны они по-разному и выделяются по разным критериям, что несколько нарушает общую логику иерархии. В нашей модели фонемо-морфемы, морфемо-лексемы, лексема-фраземы выделяются по одному и тому же критерию: каждая из них имеет типологические признаки как верхнего, так и нижнего уровня.

Это подталкивает к выводу, что единицы языка и речи группируются не в классы (таксоны с непересекающимися объемами), а в типы (таксоны с пересекающимися объемами). По одним признакам единица может относиться к одному типу, а по другим признакам – к другому типу. Поэтому такого рода признаки и называются типологическими.

Итак, мы убеждаемся, что межуровневые границы в языковой иерархии очер-

чены не резко. «В действительности вообще нет никаких строго проведенных межей и граней, к великой горести всех систематиков» [Герцен, 1986, с. 225]. На наш взгляд, схематическому изображению иерархии уровней в виде столбца резких горизонтальных линий следует предпочесть изображение в виде радужного спектра, где цветовые слои диффузно проникают друг в друга, символизируя непрерывность взаимоперехода. Континуум радужного спектра – модель континуума речезыкового пространства.

Выводы

Модель иерархии уровней продолжает совершенствоваться. Резюмируя вышесказанное, перечислим предложения по структурированию языковых уровней, которые происходят из наших представлений о структуре обсуждаемой иерархии:

- расценивать оптимальный баланс синтагматики и парадигматики в языке как основной фактор и основополагающий принцип построения иерархии уровней;

- рассматривать рост численности единиц на каждом последующем уровне иерархии как геометрическую прогрессию со знаменателем примерно 100;

- постулируя уровни, не отступать от правила, по которому единица более высокого уровня должна являться синтагмой единиц более низкого уровня;

- вследствие этого упразднить морфологический уровень, включив словоформы в состав лексем как их позиционные варианты, и синтаксический уровень, включив синтаксические конструкции в состав высказываний как их каркасы;

- постулировать уровень сочетаний слов, делимый на подуровень устойчивых единиц и подуровень переменных единиц с размытой границей между ними;

- соединить системы уровней языка и уровней речи в единую иерархию, в которой уровень сочетаний слов является «буферным»;

- принять во внимание размытость межуровневых границ, приводящую к тому, что речезыковое пространство являет собой не вер-

тикаль резко разделенных уровней, а лингвистический континуум;

– в межуровневых промежутках выявить «гибридные» единицы, обладающие типологическими признаками как выше-, так и нижележащего уровня;

– признать категорию «единица» (языка / речи) типом, а не классом.

Осуществление перечисленных процедур в процессе структурирования иерархии языковых уровней может стать шагом на пути создания непротиворечивой, простой, имеющей объяснительную силу (то есть адекватность) модели языковой и речевой иерархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бижоев Б. Ч., 2014. Об уровнях языковой системы // *Армия и общество* : науч.-информ. журн. Вып. 6 (43). С. 69–74.
- Бурлакова М. И., Николаева Т. Н., Сегал Д. М., Топоров В. Н., 1962. Структурная типология и славянское языкознание // *Структурно-типологические исследования* : сб. ст. М. : АН СССР. С. 3–18.
- Герцен А. И., 1986. Письма об изучении природы // *Герцен А. И. Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М. : Мысль. С. 220–398.
- Долодова О. В., 2016. Проблема уровней языковой иерархии // *Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология*. № 4. С. 105–112.
- Завьялов В. Н., 2015. О содержательных составляющих понятия «структура русских союзов» // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. Т. 14, вып. 9. С. 85–90.
- Кунин А. В., 1970. Английская фразеология (теоретический курс). М. : Высш. шк. 342 с.
- Лебедев С. А., 2018. Проблема истинности научной теории // *Гуманитарный вестник*. № 4. С. 514–520.
- Левицкий В. В., 2012. Семантический объем и длина слова // *Левицкий В. В. Семасиология*. Винница : Нова книга. С. 228–229.
- Левицкий Ю. А., 1999. Язык, речь, текст. Пермь : Перм. гос. ун-т. 124 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл. 688 с.
- Молчкова Л. В., 2012. Иерархия уровней языка в свете концепции идиоматических кодов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Т. 10, вып. 2. С. 11–20.

- Никитин М. В., 1983. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М. : Высш. шк. 124 с.
- Савицкий В. М., 1993. Существует ли фразеологический уровень языка? // *Савицкий В. М. Аспекты теории фразеологических моделей*. Самара : Самар. гос. пед. ин-т. С. 60–65.
- Савицкий В. М., Кулаева О. А., 2004. Концепция лингвистического континуума. Самара : Науч.-техн. центр. 177 с.
- Слюсарева Н. А., 1969. О некоторых проблемах иерархической организации языка // *Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие* : сб. науч. тр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука. С. 269–273.
- Телия В. Н., 1969. О вариантах протяженности идиом // *Система и уровни языка* : сб. науч. тр. / под ред. Э. А. Макаева. М. : Наука. С. 198–211.
- Jakobson R., 2012. Quest for the Essence of Language // *Jakobson R. Language in Literature*. Harvard : University Press. P. 413–427. (Reprint).
- Jespersen O., 2017. Mankind, Nation and Individual – from a Linguistic Point of View. Oxbridge : Braithwaite Press. 221 p.
- Meynet R., 1998. Rhetorical Analysis. Sheffield : Academic Press. 390 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Аксенов* – Аксенов М. Б. Сезон отпусков. М. : Лит-Рес, 2018. 82 с.
- СМ* – Ефремова Т. Ф., Кузнецова А. И. Словарь морфем русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 1135 с.
- ФС* – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
- ЭС* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Астрель : АСТ, 2004. 860 с.

REFERENCES

- Bizhoyev V.Ch., 2014. Ob urovnyakh yazykovoy sistemy [On Language System Levels]. *Armiya i obshchestvo*: *nauch.-inform. zhurn.*, iss. 6 (43), pp. 69-74.
- Burlakova M.I., Nikolayeva T.N., Segal D.M., Toporov V.N., 1962. Strukturnaya tipologiya i slavyanskoe yazykoznanie [Structural Typology and Slavistics]. *Strukturno-tipologicheskiye issledovaniya*: *sb. st.* [Explorations in Structural Typology. Collection of Articles]. Moscow, AN SSSR, pp. 3-18.
- Herzen A.I., 1986. Pisma ob izuchenii prirody [Letters on Nature Exploration]. Herzen A.I. *Sochineniya*.

- V 2 t. T. 2 [Works. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., pp. 220-398.
- Doladova O.V., 2016. Problema urovney yazykovoy ierarkhii [Problem of the Levels of Language Hierarchy]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya. Pedagogika. Filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], no. 4, pp. 105-112.
- Zavyalov V.N., 2015. O sodержatelnykh sostavlyayushchikh ponyatiya «struktura russkikh soyuzov» [On Substantial Parts of the Concept “Structure” of Russian Conjunction]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 14, iss. 9, pp. 85-90.
- Kunin A.V., 1970. *Angliyskaya frazeologiya (teoretichesky kurs)* [English Phraseology (Theoretical Course)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 342 p.
- Lebedev S.A., 2018. Problema istinnosti nauchnoy teorii [The Problem of Scientific Theory Truth]. *Gumanitarny vestnik* [Humanities Bulletin of BMSTU], no. 4, pp. 514-520.
- Levitsky V.V., 2012. Semantichesky obyom i dlina slova [Semantic Volume and Length of a Word]. Levitsky V.V. *Semasiologiya* [Semasiology]. Vinnitsa, Nova kniga Publ., pp. 228-229.
- Levitsky Yu.A., 1999. *Yazyk, rech, tekst* [Language, Speech, Text]. Perm, Permsky gosudarstvennyy universitet. 124 p.
- Yartseva V.N., ed., 1990. *Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar* [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 688 p.
- Molchkova L.V., 2012. Ierarkhiya urovney yazyka v svete kontseptsii idiomaticheskikh kodov [Language Levels Hierarchy in Light of the Idiomatic Codes Theory]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], vol. 10, iss. 2, pp. 11-20.
- Nikitin M.V., 1983. *Leksicheskoye znachenie slova (struktura i kombinatorika)* [Lexical Meaning of a Word (Structure and Combinatorics)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 124 p.
- Savitsky V.M., 1993. Sushchestvuyet li frazeologichesky uroven yazyka? [Does the Phraseological Level of Language Exist?]. Savitsky V.M. *Aspekty teorii frazobrazovatelnykh modeley* [Aspects of the Theory of Idiom-Formation Models]. Samara, Samarsky gosudarstvennyy pedagogichesky institut, pp. 60-65.
- Savitsky V.M., Kulayeva O.A., 2004. *Kontseptsiya lingvisticheskogo kontinuum* [Theory of Linguistic Continuum]. Samara, Nauchno-tehnicheskyy tsentr. 177 p.
- Slyusareva N.A., 1969. O nekotorykh problemakh ierarkhicheskoy organizatsii yazyka [On Certain Problems of Hierarchical Structure of Language]. Shvedova N.Yu., ed. *Yedinitiy raznykh urovney grammaticheskogo stroya i ikh vzaimodeistviye: sb. nauch. tr.* [Units Belonging to Different Levels of Grammatical Structure and Their Interaction. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., pp. 269-273.
- Teliya V.N., 1969. O variantakh protyazhonnosti idiom [On Variants of Idiom Length]. Makayev E.A., ed. *Sistema i urovni yazyka: sb. nauch. tr.* [System and Levels of Language. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ. pp. 198-211.
- Jakobson R., 2012. Quest for the Essence of Language. Jakobson R. *Language in Literature*. Harvard, University Press, pp. 413-427. (Reprint).
- Jespersen O., 2017. *Mankind, Nation and Individual – From a Linguistic Point of View*. Oxbridge, Braithwaite Press. 221 p.
- Meynet R., 1998. *Rhetorical Analysis*. Sheffield, Academic Press. 390 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Aksyonov M.B. *Sezon otpuskov* [Holiday Season]. Moscow, LitRes Publ., 2018. 82 p.
- Yefremova T.F., Kuznetsova A.I. *Slovar morfem russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language Morphemes]. Moscow, Russky yazyk Publ., 1986. 1135 p.
- Fyodorov A.I. *Frazeologichesky slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of Standard Russian]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2008. 878 p.
- Fasmer M. *Etimologichesky slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 4* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2004. 860 p.

Information About the Author

Vladimir M. Savitsky, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, Maxima Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russia, lampasha90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-925X>

Информация об авторе

Владимир Михайлович Савицкий, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Максима Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Россия, lampasha90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-925X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.14>

UDC 811.111'25
LBC 81.43.21-8

Submitted: 04.03.2020
Accepted: 30.03.2021

TRANSLATION OF POLYSEMOUS AND SYNONYMOUS TERMS OF THE ENGLISH LANGUAGE: THE POSSIBILITIES OF A COGNITIVE APPROACH

Irina B. Rubert

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Svetlana V. Kiseleva

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Marina Yu. Mironova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article describes the problem of translating polysemantic and synonymous investment terms and is studied from the perspective of cognitive linguistics, namely in the light of the prototypes theory, which presupposes the identification of the content core as the best representative of the word's semantics. The subject of the research are the semantic processes taking place in the English term system reflecting investment activity. By the example of the research of term *dealer* and its synonyms *broker* and *agent*, the authors have defined that the meanings of polysemantic and synonymous terms are not isolated, but are united by a meaningful core and develop according to the laws of semantic derivation based on the common language nominative-non-derivative meaning. The authors found that the reduction of translation failures in the transfer of terms is possible due to the competent use of the cognitive context and the correct definition of the content core of the terminological unit. The research is carried out by means of such methods as the prototypical semantics method, a definitional and component analysis. When identifying the content core of a polysemantic term it is first of all necessary to define the average primary meaning of this term on the basis of dictionary definitions. As a result, the most frequent meaning is determined. Then etymological analysis of the meaning is carried out. At the next stage, in order to model the cognitive image of a word, contextual analysis is performed, and metaphorical comparisons are investigated. Based on the obtained data, a content core of the term is formulated generalizing all the derived meanings and demonstrating their connections. The results obtained allow the authors to prove that the meanings of polysemantic and synonymous terms are connected by a single content core and are developed on the basis of a common linguistic meaning. The practical value of the scientific research is in the possibility to use the results of the work in lexicographic practice when compiling terminological dictionaries, and when writing university courses in terminology and translation studies. The identification of a content core is necessary while translating polysemantic and synonymous terms, because it reveals the meaning of the term in the context and defines the choice of a right translation variant.

Key words: content core, prototype, semantic components, polysemy, synonymy, term, translation, equivalent.

Citation. Rubert I.B., Kiseleva S.V., Mironova M.Yu. Translation of Polysemous and Synonymous Terms of the English Language: The Possibilities of a Cognitive Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 170-181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.14>

УДК 811.111'25
ББК 81.43.21-8

Дата поступления статьи: 04.03.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ПЕРЕВОД МНОГОЗНАЧНЫХ И СИНОНИМИЧНЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ВОЗМОЖНОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Ирина Борисовна Руберт

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

© Руберт И.Б., Киселева С.В., Миронова М.Ю., 2021

Светлана Владимировна Киселева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Марина Юрьевна Миронова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода многозначных и синонимичных терминов, рассматриваемой в русле когнитивной лингвистики, а именно в свете теории прототипов, согласно которой содержательное ядро аккумулирует необходимые и достаточные для понимания значения слова компоненты. Предметом исследования выступают семантические процессы, которые происходят в англоязычной терминологической системе, отражающей инвестиционную деятельность, и оказывают влияние на выбор переводческих соответствий. Исследование проведено с применением предложенной С.В. Киселевой методики, опирающейся на прототипический, дефиниционный и компонентный анализ. На примере термина *dealer* и его синонимов *broker* и *agent*, анализ которых осуществлен И.Б. Руберт и М.Ю. Мироновой, показано, что значения многозначных и синонимичных терминов не изолированы, а объединены содержательным ядром и развиваются по законам семантической деривации на основе общеязыкового номинативно-непроизводного значения. Авторами установлено, что снижение переводческих неудач при передаче терминов возможно благодаря грамотному использованию когнитивного контекста и правильному определению содержательного ядра терминологической единицы. Материал и результаты проведенного исследования могут быть использованы при составлении терминологических словарей и формировании университетских курсов по терминоведению и переводоведению.

Ключевые слова: содержательное ядро, прототип, семантические компоненты, полисемия, синонимия, термин, перевод, эквивалент.

Цитирование. Руберт И. Б., Киселева С. В., Миронова М. Ю. Перевод многозначных и синонимичных терминов английского языка: возможности когнитивного подхода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 170–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.14>

Введение

Коммуникативная деятельность человека является неотъемлемой частью его профессиональной деятельности. Это во многом определяет особенности процессов номинации. Говоря о терминологии, необходимо отметить, что «собственно научные термины не идентифицируются вплоть до Средневековья и появляются в английском языке в основном благодаря переводам с латинского» [Руберт, 1998, с. 25]. Тем не менее это не означает, что в более ранних текстах отсутствуют функционально терминологические лексические единицы. На примере различных типов текстов можно наблюдать процесс формирования терминосистем: от использования единицы в текстах разных жанров через терминологизацию до специализации, когда единица закрепляется за определенными профессиональными контекстами.

Несмотря на то что сегодня существует немало исследований терминов и терминосистем различных областей (см., например:

[Бурдина, 2021; Галактионова, 2021; Миронова, Киселева, 2020а; 2020б]), освещение когнитивных аспектов функционирования терминосистем по-прежнему остается актуальным. Изучение терминологических систем как сложных иерархических образований с использованием когнитивного семантического подхода позволяет охарактеризовать глубинные процессы их формирования и функционирования.

Такое свойство терминологических единиц, как системность, предопределяет возможность развития терминологической полисемии и синонимии, которые связаны с необходимостью номинации сходных объектов научного знания. При проведении исследования в рамках когнитивного подхода следует опираться на антропоцентричность мышления, изучать лексико-семантические варианты слова и проводить работу по определению его содержательного ядра [Киселева, 2010, с. 307]. Употребляя многозначное слово носитель языка наделяет его дифференциальными оттенками смысла. При этом существую-

щее разнообразие не выходит за пределы определенных границ, что позволяет говорящим формировать значения, связанные с содержательным ядром слова. В связи с этим в качестве важного признака содержательного ядра слова можно назвать способность сужать семантические компоненты до необходимого для коммуникантов минимума, благодаря чему «значение слова становится максимально узнаваемым при допустимой субъективности суждения» [Киселева, 2009, с. 84].

Полисемия термина имеет место в том случае, когда в его семантической структуре главная сема сохраняется, а второстепенные расходятся [Гринев, 1990, с. 97]. Многозначный термин – это термин, обозначающий разные денотаты или понятия, относящиеся к одной сфере знания и имеющие общие семы в значениях.

Способность термина как лексической единицы естественного языка иметь более одного значения влияет на процесс перевода и усложняет его. Сегодня вопросы, связанные с выявлением когнитивного основания стратегий перевода, а также когнитивной сущности переводческих ошибок, привлекают внимание многих исследователей (см., например: [Воюцкая, 2018; Колесников, 2018; Алексеева, 2006]). Когнитивные процессы дифференциации значений оказывают большое влияние на выбор правильных переводческих соответствий, поскольку именно когнитивная система переводчика как интерпретатора знаний определяет задействованные в процессе перевода ментальные операции. Переводчик выполняет функцию селекции и оценки изложенных в исходном тексте событий и выбирает способы их передачи в тексте перевода. Когнитивная семантика требует от переводчика выхода за рамки лексических значений слов в область энциклопедических знаний о мире. Согласно основным положениям теории языковой интерпретации, «язык выполняет, наряду с когнитивной и коммуникативной, интерпретирующую функцию» [Болдырев, 2018, с. 35]. В связи с этим результат переводческой деятельности напрямую зависит от контекста знаний переводчика. При подборе правильного соответствия переводчику необходимо провести концептуальный анализ, классификацию объектов и событий, выбрать

средства для репрезентации концептуального содержания оригинального текста.

Передавая содержание многозначного термина, переводчик основывается на прагматических, стилистических, когнитивных факторах. При подборе правильного переводческого эквивалента не всегда достаточно трансформировать поверхностные структуры исходного языка в структуры переводного языка, а необходимо провести глубокий анализ языковых соответствий многозначного слова, то есть определить содержательное ядро.

Цель статьи – охарактеризовать возможности когнитивного подхода при переводе многозначных терминологических единиц и верифицировать гипотезу о том, что полисемия терминов инвестиционной сферы связана с полисемией их общеупотребительных омонимов.

Материал и методы

Под терминосистемой понимается упорядоченное множество терминов, отношения между которыми отражают отношения между называемыми этими терминами понятиями. В центре нашего внимания находится терминосистема такой сферы экономической деятельности, как инвестирование. Источниками отбора терминов этой сферы послужили специализированные словари, отражающие инвестиционную деятельность, а также корпус текстов современного американского английского языка СОСА.

При выявлении содержательного ядра многозначного термина и терминов-синонимов авторами статьи применяется методика И.К. Архипова и С.В. Киселевой, основанная на положениях теории прототипов (см. о ней: [Архипов, 1998]). Так как лексикографические источники не всегда предлагают одинаковые дефиниции, проводится анализ значений терминов из нескольких словарей и определяется наиболее частотное значение. Далее рассматривается процесс семантического развития слова, поскольку диахронический анализ чрезвычайно важен при исследовании терминов [Temmerman, 2000, p. 229]. На следующем этапе происходит формирование когнитивного образа слова: проводится контекстуальный

анализ, изучаются метафорические сравнения. На основании полученных результатов семантического анализа термина формулируется его содержательное ядро, которое обобщает все производные значения и демонстрирует их взаимосвязь [Киселева, 2009]. Предложенная методика позволяет смоделировать содержательную структуру термина и, как результат, принять правильное переводческое решение при выборе соответствия.

Результаты и обсуждение

Поскольку формулировка содержательного ядра – это результат выявления и сравнения большого количества лексикографических данных, то на первом этапе представляется необходимым извлечь то общее, что объединяет словарные дефиниции анализируемого термина. Представим лексико-семантическое описание инвестиционного термина *dealer*. Данный термин полисемантивен: специализированные словари терминов фиксируют у него два значения. Ядерные компоненты в словарных дефинициях выделены курсивом.

Dealer:

а) «1. an individual or firm willing to buy or sell *securities* for their *own account*; 2. one who purchases goods or services *for resale* to consumers» (IDO) / 1. физическое лицо или фирма, желающие купить или продать *ценные бумаги за свой счет*; 2. тот, кто покупает товары или услуги *для перепродажи* потребителям (здесь и далее перевод наш. – И. Р., С. К., М. М.);

б) «1. individual or firm acting as a principal in a *securities* transaction. Principals trade for their *own account* and risk; 2. one who purchases goods or services *for resale* to consumers» (Downes, p. 135) / 1. физическое или юридическое лицо, выступающее в качестве принципала в сделке с *ценными бумагами*. Принципалы торгуют *за свой счет* и на свой риск; 2. тот, кто покупает товары или услуги *для перепродажи* потребителям;

в) «1. an individual or entity, such as a *securities* firm, when it acts as a principal and stands ready to buy and sell for its *own account*; 2. more generally, an individual or entity which buys and sells products and holds an inventory» (IGIW) / 1. физическое или юридическое лицо, например фирма по *ценным бумагам*, когда оно выступает в качестве принципала и готово покупать и продавать *за свой счет*;

2. в более общем плане, физическое или юридическое лицо, которое покупает и продает товары и проводит инвентаризацию.

Как видно из представленных словарных определений, первое значение термина узкоспециализировано и связано с инвестиционной сферой. Дефиниция инвестиционного термина *dealer*₁ включает характеристику покупаемого для перепродажи товара – ценных бумаг (*securities*), уточняет, кто именно покупает товар и несет финансовые риски: дилер проводит операции за свой собственный счет (*own account*). Данная информация является ключевой при переводе термина *dealer* в инвестиционных текстах. Второе значение этого термина *dealer*₂ более общее, но именно оно приводится первым в словарях деловой и общепотребительной лексики. В качестве примера ниже представлены дефиниции рассматриваемого слова, зафиксированные авторитетными лексикографическими изданиями. Курсивом выделены ядерные компоненты.

– Longman Dictionary of Contemporary English: «1. someone who *buys* and *sells* a particular type of *goods*; 2. as a company that sells a particular type of *goods*; 3. someone whose job is buying and selling bonds, shares, currencies, etc on a financial market» (LDOCE) / 1. Кто-то, кто *покупает* и *продает* определенный вид *товаров*; 2. как компания, которая продает определенный вид *товаров*; 3. кого-то, чья работа заключается в покупке и продаже облигаций, акций, валют и т. д. на финансовом рынке;

– Cambridge Dictionary: «1. a person or company that *buys* and *sells things* for profit; 2. a person who gives out cards to players in a game» (CD) / 1. человек или компания, которые *покупают* и *продают* вещи с целью получения прибыли; 2. человек, который раздает карты игрокам в игре;

– Collins Dictionary: «1. a person whose business involves *buying* and *selling things*; 2. someone who buys and sells illegal drugs» (COD) / 1. человек, чей бизнес связан с *покупкой* и *продажей* вещей; 2. тот, кто покупает и продает незаконные препараты.

Предложенные дефиниции иллюстрируют тот факт, что значение, приводимое словарями общей и деловой лексики под номером 1, – это и есть тот мысленный образ, возникающий у среднего носителя языка при восприятии слова *dealer*: ‘someone buying and

selling a particular product' / тот, кто покупает и продает определенный товар. В дефинициях под номером 3 дается уточнение значения, которое мы наблюдаем в специализированных инвестиционных словарях под номером 1. Так, в специализированных словарях терминов на первое место помещается дефиниция, отражающая более узкое, терминологическое значение слова.

Поскольку большинство определений терминов являются громоздкими и не подходят на роль содержательного ядра, представляется важным сузить набор семантических компонентов терминов до минимально необходимых. Работа по установлению общих сем позволила сформулировать содержательное ядро инвестиционного термина *dealer*: 'a person buying or selling financial products' / человек, покупающий или продающий финансовые продукты.

Как упомянуто выше, второй этап методики выявления содержательного ядра составляет систематизация сведений о происхождении слова и развитии его значений. В соответствии с данными этимологических словарей *dealer* образовано от *deal*, которое происходит из др.-англ. *daelan* «делить». Др.-англ. *daelere* «divider, distributor; agent, negotiator» / тот, кто делит, распределяет; агент, посредник. В процессе семантического развития лексической единицы *dealer* у нее сформировались следующие значения: «игрок, который раздает карты в игре» (1600 г.), «тот, чей бизнес – продавать и покупать товар регулярно, торговать» (1610 г.), «передавать другому как свою долю» (1300 г.), «поставщик наркотиков» (1920 г.) (Etymology). Дилер выполняет функцию агента / перекупщика / посредника, он работает с определенным видом товаров и теми покупателями, которые заинтересованы именно в этом товаре. Словари также выделяют категории дилеров, например: *dealer at retail*, *dealer in goods*, *dealer in real estate*, *dealer in securities*, *art dealer* / дилер в розничной торговле, дилер товаров, дилер недвижимости, дилер ценных бумаг, арт-дилер.

В древнеанглийском языке слово *dealer* обозначает посредника, связующее звено между Богом и людьми: «*Is wæs daelere betwix Gode and eow*» (Bosworth); отражает представления о том, что дилер – уважаемый человек:

«*Ðam wáedlan gedafenaf ðæt he gebidde for ðane daelere*» (Bosworth); он распределяет товары, посланные (данные) Богом: «*God gesette ðone wélegan daelere on his gódum*» (Bosworth).

Словари среднеанглийского языка описывают дилера как человека, разделяющего и распределяющего; дающего милостыню: *one who divides or distributes; a giver; one who gives alms*; «*Oure maker, oure keper, of alle oure godis natural, graciose and gloriose to vs a euer and a deler*» (MEC).

По мере развития и усложнения товарно-денежных отношений лексическая единица *dealer* терминологизируется и становится синонимом слову *trader* «торговец», обозначая человека, который покупает товар оптом и перепродает его мелкими партиями. «*The Oxford English Dictionary*» определяет *dealer* как «*one who sells articles in the same condition in which he has bought them: "He is supplied with horses by some dealer in Town"*» (OED, p. 68) / тот, кто продает товары в том же состоянии, в каком он их купил: «Его снабжает лошадьми какой-то торговец в городе».

Таким образом, на парадигматическом уровне наблюдается сужение значения термина *dealer* с последующим закреплением в словарях инвестиционных терминов английского языка. При этом на уровне лексемы сужение значения приводит к расширению экстенционала слова и, как следствие, к появлению дополнительных семантических вариантов.

Предлагая переводческие соответствия термина *dealer*, англо-русские словари инвестиционных терминов фиксируют следующие определения:

а) «дилер: юридическое лицо, выражающее готовность и желание покупать *ценные бумаги* на свое имя (по своей предлагаемой цене) или продавать их от своего имени (по своей запрашиваемой цене)» (Perfekt.ru);

б) «дилер: 1. лицо, специализирующееся на определенном виде *операций с финансовыми активами* либо на операциях с конкретным видом финансовых активов; 2. лицо, действующее как трейдер в операциях с какими-л. активами; 3. лицо, осуществляющее на профессиональной основе операции с финансовыми активами за свой счет» (Миркин, Миркин, с. 124);

с) «дилер: 1. компания или физическое лицо, которое *оперирует на бирже* (рынке) за собственный счет, т. е. как принципал, принимающий риск

на себя; 2. сотрудник банка, специализирующийся на проведении конверсионных, депозитных и др. операций на финансовых рынках; 3. оптовый покупатель товаров и услуг для розничной перепродажи потребителям» (Федоров, т. 1, с. 390).

Переводческое соответствие *dealer* – *дилер* не отражает тип и тематику текста (экономический, финансовый, инвестиционный), в котором обычно употребляется рассматриваемый инвестиционный термин. В связи с этим, чтобы избежать переводческих ошибок, переводчику, который специализируется на переводе финансово-инвестиционных текстов, необходимо принимать во внимание ту информацию энциклопедического характера, которая предложена в определении термина *дилер* в специализированных словарях. В этих определениях указывается на тип и место продажи продукта, предлагаемого инвестиционным дилером (ценные бумаги, финансовые активы, фондовая биржа).

В англоязычных текстах инвестиционной тематики специализация дилера также уточняется, например:

All bids – even those from Salomon Bros., the world’s largest Treasury bond dealer – must be submitted in writing (COCA, USA Today 1990) / Все заявки – даже от Salomon Bros., крупнейшего в мире дилера казначейских облигаций, – должны быть представлены в письменной форме;

The broker misidentified the West Coast underwriter, Montgomery Securities, as a dealer of penny stocks (COCA, USA Today 1991) / Брокер ошибочно опознал андеррайтера Западного побережья, Montgomery Securities, как дилера ценовых акций;

A company, no matter what its business, calls itself a securities dealer and then marks down its customer receivables on the strength of the argument that they aren’t marketable and some won’t be paid (COCA, Forbes 1998) / Компания, независимо от ее бизнеса, называет себя дилером по ценным бумагам, а затем списывает дебиторскую задолженность своих клиентов на том основании, что они не продаются и некоторые из них не будут выплачены.

При исследовании вариантов перевода инвестиционного термина *dealer* было выявлено несколько переводческих решений. Например, термин *dealer* (с уточнением специфики продаваемого товара) переводится как *торговец*:

This sector includes banks, securities dealers, investment fund managers and certain insurance companies / Речь идет о банках, торговцах ценными бумагами, инвестиционных фондах и некоторых страховых учреждениях (Reverso Free...).

Предложенный вариант перевода является не совсем корректным, так как термин *торговец (trader)* выступает в инвестиционной сфере гиперонимом к термину *дилер (dealer)* и обозначает человека, который «продает и покупает финансовые продукты, товары или услуги за счет клиентов или за свой счет» (Федоров, т. 1, с. 700), в то время как дилер оперирует ценными бумагами только за свой счет.

В следующем примере представлено удачное переводческое решение, когда автор переводит термин *dealer* как *учреждение*, отталкиваясь от контекста и той информации, которая отражена в словарной дефиниции термина *dealer*, и утверждая, что дилером может быть не только физическое, но и юридическое лицо:

The Federal Banking Commission is the oversight authority for banks, stock exchanges, **securities dealers** and investment funds / Федеральная банковская комиссия является органом, контролирующим деятельность банков, бирж, **учреждений, торгующих ценными бумагами**, и инвестиционных фондов (Reverso Free...).

При осуществлении переводческой деятельности необходимо стремиться к точности, выразительности, разграничению понятий и использованию всего разнообразия ресурсов языка для передачи тонких оттенков мысли и чувств. Реализация этих задач неизбежно влечет за собой использование синонимов. Однако в одних контекстах синонимы могут быть взаимозаменяемы, в других их замена невозможна в силу несовместимости семантических признаков, когда, приравниваясь к доминанте синонимического ряда, синонимы все же отличаются от нее прагматическими добавками [Никитин, 2003, с. 141]. Мы разделяем мнение С.В. Гринева о том, что если слова обнаруживают даже незначительные смысловые различия, то они обозначают разные понятия и, как следствие, являются разными терминами [Гринева, 1990, с. 84].

Например, к настоящему времени произошла семантическая дифференциация инвестиционных терминов *broker* и *agent*, при этом данные термины остаются синонимами и могут взаимозаменяться при переводе. Так как некоторые словари определяют термин *broker* через термин *agent*, представляется необходимым исследовать их синонимические отношения. Рассмотрим словарные дефиниции терминов *broker* и *agent* с целью определения ядерных семантических компонентов. Ядерные семантические компоненты выделены курсивом.

Термин *broker* определяется следующим образом:

а) «1. an individual or firm that charges a fee or *commission* for executing *buy and sell* orders submitted by an investor; 2. The role of a firm when it acts as an **agent** for a customer and charges the customer a *commission* for its services» (IDO) / 1. физическое лицо или фирма, которая взимает плату или комиссию за выполнение заказов на *покупку и продажу*, представленных инвестором; 2. роль фирмы, когда она выступает в качестве **агента** клиента и взимает с клиента комиссию за свои услуги;

б) «a person who acts as an *intermediary* between a *buyer and seller*, usually charging a *commission*. A broker who specializes in stocks, bonds, commodities, or options acts as **agent** and must be registered with the exchange where the securities are traded» (Downes, p. 67) / лицо, которое выступает в качестве *посредника* между *покупателем* и *продавцом*, обычно взимает комиссию. Брокер, специализирующийся на акциях, облигациях, товарах или опционах, выступает в качестве **агента** и должен быть зарегистрирован на бирже, где продаются ценные бумаги;

в) «An individual or firm which acts as an *intermediary* between a *buyer and seller*, usually charging a *commission*. For securities and most other products, a license is required» (IGIW) / Физическое лицо или фирма, которая выступает в качестве *посредника* между *покупателем* и *продавцом*, обычно взимая комиссию. Для ценных бумаг и большинства других продуктов требуется лицензия;

г) «1. a dealer who acts as a *middleman* between a *buyer and a seller*; 2. (stock)broker – a person or firm that buys and sells shares or bonds on behalf of clients» (Collin, p. 44) / 1. дилер, который выступает в качестве *посредника* между *покупателем* и *продавцом*; 2. (биржевой) брокер – лицо или фирма, которая покупает и продает акции или облигации от имени клиентов.

Представленные дефиниции показывают, что в инвестиционной терминологии *broker* – это лицо, предоставляющее услуги посредника в инвестиционно-финансовой сфере на основании лицензии и получающее вознаграждение за помощь в осуществлении операций с инвестиционными продуктами. Брокер обладает полномочиями заключать сделку от своего имени, но работает не за свой счет, а за счет клиента. Брокер выступает в роли агента для клиента и оказывает помощь, получая за это комиссию. Ядерные компоненты выделены курсивом.

Термин *agent* определяется следующим образом:

а) «individual authorized by another person, called the principal, to act *in the latter's behalf* in *transactions* involving a third party» (Downes, p. 17) / физическое лицо, уполномоченное другим лицом, называемым принципалом, действовать *от имени* последнего в *сделках* с участием третьей стороны;

б) «an individual or firm authorized to act *on behalf of* another (called the principal), such as by executing a *transaction* or *selling* and servicing an insurance policy» (IGIW) / физическое лицо или фирма, уполномоченные действовать от другого лица (называемого принципалом), например, путем совершения *сделки* или *продажи* и обслуживания страхового полиса;

в) «1. an individual or firm that places securities *transactions* for clients; 2. a person licensed by a state to *sell* insurance; 3. a securities salesperson who *represents* a broker-dealer or issuer when selling or trying to sell securities to the investing public. Essentially, this is the person who *makes a transaction on behalf of* his or her employer or client» (IDO) / 1. физическое лицо или фирма, которая осуществляет *операции* с ценными бумагами для клиентов; 2. лицо, имеющее государственную лицензию на *продажу* страхования; 3. продавец ценных бумаг, который *представляет* брокера-дилера или эмитента при *продаже* или попытке продать ценные бумаги инвестирующей общественности. По сути, это лицо, которое *совершает сделку от имени* своего работодателя или клиента.

Таким образом, агент – это лицо, обладающее правом действовать от имени принципала (клиента, руководителя) в обмен за вознаграждение, не подвергаясь при этом финансовым рискам. Функция агента – помочь клиенту в проведении транзакции. Актуализация в определениях термина *agent*

таких сем, как ‘authorized by’, ‘to act on behalf of’, ‘represent’ / ‘уполномочен’, ‘действовать от имени’, ‘представлять’, позволяет говорить об отличиях агента от брокера: агент действует от имени и в интересах определенной компании, он может быть сотрудником организации и в этом случае получать вознаграждение от работодателя за свою работу. Брокер – независимый эксперт, который осведомлен о финансово-инвестиционных продуктах различных компаний, действует в интересах клиента и получает вознаграждение от него. Кроме того, для ведения посреднической деятельности брокер обязан иметь лицензию. Этот факт подтверждается словарными определениями термина *broker*: «must be registered» (Downes, p. 67) / должен быть зарегистрирован; «a license is required» (IGIW) / необходима лицензия. Помимо роли посредника, брокер выполняет функцию консультанта для клиента, в то время как агент представляет интересы своей компании либо тех компаний, с которыми его работодатель заключил соглашение: «an agent typically represents a company and is trained on the products and services offered by the company, while a broker is considered as a representative of the customer and his service apart from being that of a middle man in a transaction is one of consultation» (FTD) / агент, как правило, представляет компанию и обучается продуктам и услугам, предлагаемым компанией, в то время как брокер рассматривается как представитель клиента, и его услуги в сделке являются консультацией. Тем не менее термины *broker* и *agent* синонимичны, так как и брокер, и агент выступают посредниками между продавцом и покупателем: «an agent or broker acts as intermediary between buyer and seller, taking no financial risk personally or as a firm, and charging a commission for the service» (Downes, p. 16) / агент или брокер выступает в качестве посредника между покупателем и продавцом, не принимая на себя никаких финансовых рисков лично или как фирма и взимая комиссию за услугу.

Факт синонимичности терминов *broker* и *agent* и наличия у них общего содержательного ядра (‘a middleman’/ ‘intermediary’,

‘representative’ – ‘посредник’/ ‘представитель’) подтверждается тем, что:

1) в словарных определениях зафиксированы общие семантические компоненты (‘act on behalf of’, ‘sell to smb’, ‘for clients’ / ‘действовать от имени’, ‘продавать кому-либо’, ‘для клиентов’);

2) в контекстах термин *agent* поясняется термином *broker*:

The return for an investor buying funds **through a sales agent (such as a bank or broker)** was 113 percent (COCA, Washington Post 1996) / Прибыль для инвестора, покупающего средства **через торгового агента (такого как банк или брокер)**, составила 113 процентов;

3) в контекстах термин *broker* поясняется термином *agent*:

A **broker** who specializes in stocks, bonds, commodities, or options **acts as agent** and must be registered with the exchange where the securities are traded (Downes, p. 67) / **Брокер**, специализирующийся на акциях, облигациях, товарах или опционах, **выступает в качестве агента** и должен быть зарегистрирован на бирже, где торгуют ценными бумагами;

4) термин *broker* может переводиться словом *посредник*:

a) UNDP was perceived from the outset primarily as a **broker** of funding and technical cooperation to support developing countries / С самого начала ПРООН задумывалась главным образом как **посредник** в вопросах финансирования и технического сотрудничества в целях поддержки развивающихся стран (Reverso Free...);

b) That notwithstanding, the final determination or assignation of the transacted instruments to a specific beneficiary client will always be made by the **securities broker** in the case of transactions carried out on the orders of various clients or of their portfolio managers / Без ущерба для этого, окончательное определение или присвоение передаваемых документов определенному клиенту-получателю во всех случаях осуществляется **посредником** по работе с **ценными бумагами**, если такие операции осуществляются с целью выполнения распоряжений клиентов или управляющих портфелями ценных бумаг (Reverso Free...);

5) термин *agent* может переводиться словом *посредник*:

a) The issue may also arise when an **agent** acts for a principal / Этот вопрос может возникнуть и в том случае, когда **посредник** выступает от имени принципала (Reverso Free...);

b) NYIP is an **agent** between a private investor who does not have possibilities and knowledge to effectively play on the market fluctuations and high yield economic formations / NYIP – это **посредник** между частным инвестором, не имеющим возможностей и познаний для эффективной игры на рыночных колебаниях, и высокодоходными экономическими образованиями (Reverso Free...).

Выводы

Такая особенность инвестиционного текста, как относительная конкретизированность, способствует ситуационной стандартизации и последующему формированию терминологии. Результаты, полученные в ходе исследования многозначного термина инвестиционной сферы, позволили доказать гипотезу о том, что его полисемия связана с полисемией его общеупотребительных омонимов. Термины английского языка, отражающие инвестиционную сферу, также как и термины других областей деятельности и специальных знаний, образуются семантическим способом от многозначных общеупотребительных слов путем терминологизации одного из значений полисемантического слова. Тот факт, что термины имеют однозначные соответствия в языке перевода, способствует более точной передаче смысла при осуществлении переводческой деятельности. Основная функция переводчика заключается в адекватной передаче когнитивной информации, заложенной в исходном тексте. Выполнение данной задачи в полном объеме возможно главным образом благодаря грамотному использованию когнитивного контекста и правильному определению содержательного ядра терминологической единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Л. М., 2006. Стратегии удачного перевода // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий : материалы Междунар. конф. (Пермь, 5–7 дек. 2006 г.). Пермь : Изд-во Перм. гос. тех. ун-та. С. 8–12.
- Архипов И. К., 1998. Проблема языка и речи в свете прототипической семантики // *Studia linguistica*. Вып. 6 : Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. С. 5–22.
- Болдырев Н. Н., 2018. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // *Когнитивные исследования языка*. № 34 : *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. С. 33–37.
- Бурдина О. Б., 2021. Когнитивные основы моделирования терминологии в профессиональном дискурсе // *Когнитивные исследования языка*. № 3 (46) : Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. С. 841–844.
- Воюцкая А. А., 2018. Объективные и субъективные различия в подходах к принятию переводческого решения // *Когнитивные исследования языка*. № 34 : *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. С. 853–857.
- Галактионова М. А., 2021. Метафорическое терминообразование: когнитивный язык науки // *Когнитивные исследования языка*. № 3 (46) : Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. С. 844–848.
- Гринев С. В., 1990. Основы лексикографического описания терминосистем : дис. ... д-ра филол. наук. М. 436 с.
- Киселева С. В., 2009. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб. : Астерион. 216 с.
- Киселева С. В., 2010. Когнитивные аспекты многозначного слова // *Когнитивные исследования языка*. № 6 : Международный конгресс по когнитивной лингвистике. С. 306–308.
- Колесников В. В., 2018. О моделировании содержательной структуры текста при переводе // *Когнитивные исследования языка*. № 34 : *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. С. 867–870.
- Миронова М. Ю., Киселева С. В., 2020а. Структурно-семантические характеристики инвестиционной английской терминологии. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. 125 с.
- Миронова М. Ю., Киселева С. В., 2020б. Метафтонимия в английском языке (на примере инвестиционных терминов) // *Язык и культура в эпоху глобализации* : сб. науч. ст. по материалам Первой Всерос. (нац.) науч. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 30–31 окт. 2020 г.) / под ред. И. В. Кононовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. Вып. 1. С. 64–72.
- Никитин М. В., 2003. Что рисуют нам «картины мира»? // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Т. 3, № 5. С. 141–148.
- Руберт И. Б., 1998. Текст в синхронии и диахронии. Эволюционные аспекты жанров. СПб. : Академпринт. 62 с.

Temmerman R., 2000. Towards New Ways of Terminology Description. The Sociocognitive Approach. Amsterdam : John Benjamins Publishing Co. 276 p.

Reverso Free... – Reverso Free Online Translation : dictionary. URL: <http://context.reverso.net/> (date of access: 02.03.2020).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Миркин, Миркин – Миркин Я. М., Миркин В. Я. Англо-русский толковый словарь по банковскому делу, инвестициям и финансовым рынкам. Свыше 10 000 терминов. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. 422 с.

Федоров – Федоров Б. Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь : в 2 т. СПб. : Лимбус Пресс : К. Тублина, 2011. Т. 1. 912 с. ; Т. 2. 832 с.

Bosworth – Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. URL: <http://www.bosworthtoller.com> (date of access: 28.02.2020).

CD – Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (date of access: 28.02.2020).

COD – Collins Online Dictionary. URL: <http://collinsdictionary.com> (date of access: 28.02.2020).

Collin – Collin P.H. Dictionary of Banking and Finance. 3rd ed. L. : Bloomsbury, 2003. 383 p.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: 02.03.2020).

Downes – Downes J. Dictionary of Finance and Investment Terms. 5th ed. Hauppauge, N. Y. : Barron's, cop. 1998. 730 p.

Etymology – Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com (date of access: 28.02.2020).

IGIW – Investing Glossary Investor Words. URL: <http://www.investorwords.com> (date of access: 02.03.2020).

IDO – Investment Dictionary Online. URL: <http://investmentterms.net> (date of access: 02.03.2020).

FTD – Financial Terms Dictionary. URL: <http://www.investopedia.com> (date of access: 02.03.2020).

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/dealer> (date of access: 02.03.2020).

MEC – Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED830> (date of access: 28.02.2020).

OED – Murray J. The Oxford English Dictionary. In 20 Vols. Vol. 4. Oxford : Oxford University Press, 1989. 532 p.

Perfect.ru – Perfect.ru. Толковый англо-русский инвестиционный словарь. URL: <http://www.perfekt.ru/dictionaries/invest/i.html> (date of access: 02.03.2020).

REFERENCES

Alekseeva L.M., 2006. Strategii udachnogo perevoda [Strategies of Successful Translation]. *Industriya perevoda i informatsionnoe obespechenie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatii: materialy Mezhdunar. konf. (Perm, 5–7 dek. 2006 g.)* [Translation Industry and Information Support of Foreign Economic Activity of Enterprises. Proceedings of the International Conference (Perm, December 5–7, 2006)]. Perm, Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, pp. 8-12.

Arkhipov I.K., 1998. Problema yazyka i rechi v svete prototipicheskoy semantiki [The Problem of Language and Speech in the Light of Prototypical Semantics]. *Studia linguistica*, iss. 6, pp. 5-22.

Boldyrev N.N., 2018. Perevod kak problema vybora kognitivnykh dominant [Translation As a Cognitive Problem of the Dominants Choice]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 34, pp. 33-37.

Burdina O.B., 2021. Kognitivnye osnovy modelirovaniya terminologii v professionalnom disкурсе [Cognitive Bases of Terminology Modeling in Professional Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 3 (46), pp. 841-844.

Voyutskaya A.A., 2018. Obyektivnye i subyektivnye razlichiya v podkhodakh k prinyatiyu perevodcheskogo resheniya [Objective and Subjective Differences in Approaches to Making a Translation Decision]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 34, pp. 853-857.

Galaktionova M.A., 2021. Metaforicheskoe terminoobrazovanie: kognitivnyy yazyk nauki [Metaphorical Term Formation: The Cognitive Language of Science]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 3 (46), pp. 844-848.

Grinev S.V., 1990. *Osnovy leksikograficheskogo opisaniya terminosistem: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk* [Fundamentals of Lexicographic Description of Term Systems. Dr. philol. abs. sci. diss.]. Moscow. 436 p.

Kiseleva S.V., 2009. *Sushchnost mnogoznachnogo slova v angliyskom yazyke* [The Essence of a Polysemantic Word in English]. Saint Petersburg, Asterion Publ. 216 p.

- Kiseleva S.V., 2010. Kognitivnye aspekty mnogoznachnogo slova [Cognitive Aspects of a Polysemantic Word]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 6, pp. 306-308.
- Kolesnikov V.V., 2018. O modelirovani soderzhatel'noy struktury teksta pri perevode [On Modeling the Content Structure of the Text in Translation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 34, pp. 867-870.
- Mironova M.Yu., Kiseleva S.V., 2020a. *Strukturno-semanticheskie kharakteristiki investitsionnoy angliyskoy terminologii* [Structural and Semantic Characteristics of Investment English Terminology]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGEU. 125 p.
- Mironova M.Yu., Kiseleva S.V., 2020b. Metaftonimiya v angliyskom yazyke (na primere investitsionnykh terminov) [Metaphonymy in English (By the Example of Investment Terms)]. Kononova I.V., ed. *Yazyk i kultura v epokhu globalizatsii: sb. nauch. st. po materialam Pervoy Vseros. (nats.) nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (Sankt-Peterburg, 30–31 okt. 2020 g.)* [Language and Culture in the Era of Globalization. Collection of Scientific Articles on the Materials of the 1st All-Russian (National) Scientific Conference with International Participation (Saint Petersburg, October 30–31, 2020)]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGEU, iss. 1, pp. 64-72.
- Nikitin M.V., 2003. Chto risujut nam «kartiny mira»? [What Do the “Pictures of the World” Draw for Us?]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], vol. 3, no. 5, pp. 141-148.
- Rubert I.B., 1998. *Tekst v sinkhronii i diakhronii. Evoliutsionnye aspekty zhanrov* [Text in Synchrony and Diachrony. Evolutionary Aspects of Genres]. Saint Petersburg, Akademprint Publ. 62 p.
- Temmerman R., 2000. *Towards New Ways of Terminology Description. The Sociocognitive Approach*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Co. 276 p.
- finansovym ryнкam. *Svyshe 10 000 terminov* [English-Russian Dictionary of Banking, Investment and Financial Markets. Over 10,000 Terms]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2006. 422 p.
- Fedorov B.G. *Novyy anglo-russkiy bankovskiy i investitsionnyy enciklopedicheskiy slovar: v 2 t.* [New English-Russian Banking and Investment Encyclopedic Dictionary. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Limbus Press Publ., K. Tublina Publ., 2011, vol. 1. 912 p.; vol. 2. 832 p.
- Bosworth J. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*. URL: <http://www.bosworthtoller.com> (accessed 28 February 2020).
- Cambridge Dictionaries Online*. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 28 February 2020).
- Collins Online Dictionary*. URL: <http://collinsdictionary.com> (accessed 28 February 2020).
- Collin P.H. *Dictionary of Banking and Finance*. London, Bloomsbury, 2003. 383 p.
- Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca> (accessed 2 March 2020).
- Downes J. *Dictionary of Finance and Investment Terms*. Hauppauge, New York, Barron's, cop. 1998. 730 p.
- Online Etymology Dictionary*. URL: www.etymonline.com (accessed 28 February 2020).
- Investing Glossary Investor Words*. URL: <http://www.investorwords.com> (accessed 2 March 2020).
- Investment Dictionary Online*. URL: <http://investmentterms.net> (accessed 2 March 2020).
- Financial Terms Dictionary*. URL: <http://www.investopedia.com> (accessed 2 March 2020).
- Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/dealer> (accessed 2 March 2020).
- Middle English Compendium*. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED830> (accessed 28 February 2020).
- Murray J. *The Oxford English Dictionary. In 20 Vols. Vol. 4*. Oxford, Oxford University Press, 1989. 532 p.
- Perfect.ru. Tolkovyy anglo-russkiy investitsionnyy slovar'* [English-Russian Explanatory Investment Dictionary]. URL: <http://www.perfekt.ru/dictionaries/invest/i.html> (accessed 2 March 2020).
- Reverso Free Online Translation. Dictionary*. URL: <http://context.reverso.net> (accessed 2 March 2020).

SOURCES AND DICTIONARIES

Mirkin, Ya.M., Mirkin V.Ya. *Anglo-russkiy tolkovyy slovar po bankovskomu delu, investitsiyam i*

Information About the Authors

Irina B. Rubert, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, Griboedov Channel Emb., 30-32, 191023 Saint Petersburg, Russia, irleru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-7977>

Svetlana V. Kiseleva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, Griboedov Channel Emb., 30-32, 191023 Saint Petersburg, Russia, svkiseljeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3814-1111>

Marina Yu. Mironova, Candidate of Sciences (Philology), Department of the English Language No. 2, Saint Petersburg State University of Economics, Griboedov Channel Emb., 30-32, 191023 Saint Petersburg, Russia, mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>

Информация об авторах

Ирина Борисовна Руберт, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, irleru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-7977>

Светлана Владимировна Киселева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, svkiseljeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3814-1111>

Марина Юрьевна Миронова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 1939 руб. 38 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 1939.38 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

